Вып. 47

ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЕКТЫ СО РАН

SB RAS INTEGRATED PROJECTS

Issue 47

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
SIBERIAN BRANCH
INSTITUTE OF ECONOMICS
AND INDUSTRIAL ENGINEERING
INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY AND ETHNOGRAPHY
V.B. SOCHAVA INSTITUTE OF GEOGRAPHY
SCIENTIFIC RESEARCH INSTITUTE OF COMPLEX PROBLEMS OF HYGIENE
AND OCCUPATIONAL DISEASES OF THE RAMS

PERSPECTIVES AND RISKS FOR THE DEVELOPMENT OF HUMAN POTENTIAL IN SIBERIA

Editor-in-chief
academician *V.V. Kuleshov*

NOVOSIBIRSK
PUBLISHING HOUSE OF THE SIBERIAN BRANCH
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
2014

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ
И ОРГАНИЗАЦИИ ПРОМЫШЛЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ
ИНСТИТУТ ГЕОГРАФИИ им. В.Б.СОЧАВЫ
НИИ КОМПЛЕКСНЫХ ПРОБЛЕМ ГИГИЕНЫ
И ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ЗАБОЛЕВАНИЙ СО РАМН

ПЕРСПЕКТИВЫ И РИСКИ РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА В СИБИРИ

Ответственный редактор
академик *В.В. Кулешов*

НОВОСИБИРСК
ИЗДАТЕЛЬСТВО СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
2014

УДК 316+314+39
ББК 60.5+60.7+62.5
П26

Редакционная коллегия серии:

академик В.М. Фомин (главный редактор),
академик Ю.И. Шокин, член-корреспондент РАН В.А. Ламин,
член-корреспондент РАН В.Н. Опарин, доктор биологических наук В.В. Глупов,
доктор экономических наук В.Ю. Малов, доктор химических наук В.П. Федин,
кандидат физико-математических наук Н.Г. Никулин (ответственный секретарь)

Серия основана в 2003 г.

П26 **Перспективы и риски развития человеческого потенциала в Сибири** / отв. ред. В.В. Кулешов; Рос. акад. наук, Сиб. отд-ние, Ин-т экономики и организации промышленного производства [и др.]. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2014. – 269 с. – (Интеграционные проекты СО РАН; Вып. 47).

Монография посвящена актуальной проблеме развития человеческого потенциала Сибири и является результатом совместных исследований ИЭОПП СО РАН с Институтом археологии и этнографии СО РАН, Институтом географии им. В.Б. Сочавы СО РАН, НИИ комплексных проблем гигиены и профессиональных заболеваний СО РАМН. Оценка ресурсов человеческого развития Сибири на микро-, мезо- и макроуровнях дана на основе выявления практик мобилизации населением собственных ресурсов и использования социальной инфраструктуры, анализа демографических процессов и состояния этнополитических и этнокультурных институтов. На материалах государственной статистики, социологических и медико-демографических исследований показано, что явные риски, трансформирующиеся в опасность, вызваны сокращением численности населения региона, деструктивным отношением к здоровьесбережению; при сложившихся институциональных условиях большинство населения Сибири не располагает и не будет располагать в перспективе при этих условиях достаточными возможностями для развития человеческого потенциала за счет собственных ресурсов. Требуется разработка научно обоснованных решений, обеспечивающих полноценную реализацию возможностей, заложенных в региональном человеческом потенциале.

Книга предназначена социологам, демографам, этнографам, специалистам в области государственного управления, а также широкому кругу читателей, неравнодушных к проблемам социального и демографического развития Сибири.

Утверждено к печати
Ученым советом Института экономики
и организации промышленного производства СО РАН

Рецензенты:
д-р экон. наук *В.Ю. Малов,* д-р ист. наук *А.Ю. Майничева,*
д-р социол. наук *О.В. Нечипоренко*

Работа выполнена в рамках междисциплинарного интеграционного проекта СО РАН № 8 «Демографические, этнические и социальные риски развития человеческого потенциала Сибири»

ISBN 978–5–7692–1312–0 (Вып. 47)
ISBN 978–5–7692–0669–6

© Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН, 2014
© Институт географии им. В.Б. Сочавы СО РАН, 2014
© Институт археологии и этнографии СО РАН, 2014
© НИИ комплексных проблем гигиены и и профессиональных заболеваний СО РАМН, 2014
© Оформление. Издательство СО РАН, 2014

ВВЕДЕНИЕ

Современная экономика все в меньшей степени определяется наличием природных ресурсов, а все в большей – качественным ростом человеческого потенциала; он признается главной составляющей национального богатства и основной силой экономического роста. Важнейшими характеристиками человеческого потенциала являются здоровье, уровень образования и профессиональная квалификация населения. Целью социально-экономической политики современного государства должно стать развитие человеческого потенциала как приоритетного ресурса экономического и социального прогресса на основе повышения благосостояния и качества жизни населения. Государственные и общественные деятели активно обращаются к этой идее в своих речах и публикациях, но соответствуют ли декларации реалиям жизни? Авторы данной монографии, опираясь на оригинальный статистический и эмпирический материал, исследовали потенциальную готовность россиян, живущих в Сибири, к возлагаемой на них миссии с помощью комплексного и углубленного анализа разных факторов формирования человеческого потенциала Сибири, условий и механизмов его развития, накопления и эффективного использования во благо самих людей и страны.

Тему человеческого потенциала можно смело отнести к числу наиболее активно разрабатываемых в последние десятилетия обществоведами, ведь в настоящее время все более актуальными становятся проблемы защиты человека от рисков и угроз и обеспечения его нормальной жизнедеятельности. На исходе XX в. сформировались концепции, в которых различные составляющие национальной безопасности рассматриваются с точки зрения развития человеческого потенциала. В частности, разработана концепция безопасности Программы развития Организации Объединенных Наций (ПРООН), где национальная безопасность рассматривается как одна из форм обеспечения безопасности человека [Доклад о развитии..., 1999]. Концепция выделяет семь основных аспектов безопасности человека: экономическую, продовольственную, экологическую, личную, социальную (культурную), политическую и безопасность для здоровья.

В течение многих лет указанные параметры развития человеческого потенциала являлись (в той или иной мере) предметом исследований Института экономики и организации промышленного производства и других институтов СО РАН. Были разработаны теоретические основы и

проведены конкретные исследования человеческого потенциала населения Сибири. В качестве основных компонентов человеческого потенциала [Заславская, 2004, с. 168–172] рассматривались социально-демографический потенциал (половозрастная структура населения, состояние здоровья, продолжительность жизни, естественное и механическое движение населения, включая миграцию иностранной рабочей силы); трудовой потенциал (уровень и структура занятости населения, масштабы безработицы, качество рабочей силы, уровень оплаты труда); экономический потенциал (уровень благосостояния и реальных доходов населения, социальные гарантии и социальная защищенность); социокультурный потенциал (уровень общего образования и профессиональной подготовки, особенности нормоценностного сознания и этнические ценности). Результаты предпринятых исследований отражены в многочисленных публикациях [Иностранные мигранты..., 2006; Калугина, Соболева, Тапилина и др., 2007; Калугина, Соболева, Тапилина и др., 2008 и пр.], а также в коллективной монографии «Россия и россияне в новом столетии: вызовы времени и горизонты развития» (третья книга из серии «Исследования Новосибирской экономико-социологической школы»), где три раздела из пяти посвящены анализу человеческого потенциала и человеческого развития [Россия и россияне..., 2008].

Настоящая монография является итоговым результатом научной деятельности коллектива ученых в рамках междисциплинарного интеграционного проекта СО РАН № 8 «Демографические, этнические и социальные риски развития человеческого потенциала Сибири» (руководитель – академик В.В. Кулешов). Этот проект объединил исследователей из четырех научных организаций – Института экономики и организации промышленного производства СО РАН (головная организация), Института археологии и этнографии СО РАН, Института географии им. В.Б. Сочавы СО РАН, НИИ комплексных проблем гигиены и профессиональных заболеваний СО РАМН.

Новаторский характер проекта заключается в оценке ресурсов человеческого развития Сибири на микро-, мезо- и макроуровнях на основе выявления практик мобилизации населением собственных ресурсов, использования социальной инфраструктуры, изучения этнополитических и этнокультурных институтов.

Цель исследования – выявление способов и практик использования, сохранения и развития человеческого потенциала разных групп населения (доходных, социальных, этнических) Сибири с учетом возможных демографических, социальных, этнических рисков. Рассмотрение проблемы защиты человека от рисков и угроз во взаимосвязи с проблемой качества жизни и формирования человеческого потенциала дополняет существующие подходы и является перспективным в плане учета интересов человека и прогресса в развитии общества.

Изучение рисков развития человеческого потенциала Сибири осуществлялось на основе интеграции социально-демографических, медико-демографических, социологических, этносоциальных, социально-

географических исследований, соответствующих одноименным блокам проекта, результаты которых отражены в главах коллективной монографии.

Первый раздел монографии, посвященный методологии и методике оценки социальных, демографических и этнических рисков развития человеческого потенциала, включает три главы. В них основное внимание уделяется анализу основных понятий и индикаторов, необходимых для оценки социальных рисков развития человеческого потенциала («риск», «угроза», «опасность»), определению рисков в формировании демографической среды (факторы, формирующие демографические угрозы) и этнических рисков развития человеческого потенциала, а также типологиям рисков (социальных, демографических и этнических) и методологии их оценки.

Социальные и экономические риски формирования и использования человеческого потенциала рассматриваются в семи главах второго раздела монографии. К одному из важнейших результатов этого раздела можно отнести вывод о том, что фактором риска развития человеческого потенциала выступают необоснованные социальные неравенства, порождающие социальную напряженность в обществе и приводящие к дезинтеграции и противостоянию общественных сил. Модернизация экономики, осуществляемая за счет населения, чревата непредсказуемыми социальными последствиями, а сама идея обновления основных (производственных) фондов за счет сокращения инвестиций в развитие человеческого капитала идет вразрез с общемировыми тенденциями. На обширном статистическом материале по странам мира показано, что неравенство выше критического уровня препятствует экономическому росту и прогрессивным преобразованиям институтов, поэтому снижение уровня социального и имущественного неравенства населения в доктрине национальной безопасности страны рассматривается в качестве важнейшей стратегической цели. Вызовы времени требуют новаторской государственной политики, позволяющей противостоять рискам и неравенству. Однако социальная политика России не способствует снижению необоснованных социальных различий в уровне и качестве жизни социально-экономических слоев населения, что наглядно видно на примере дифференциации энергетической ценности питания и уровня потребления рекреационных и образовательных услуг разных доходных групп населения.

Значимое место в монографии занимает оценка рисков в формировании демографического потенциала Сибири. Этому посвящен третий раздел монографии. В теоретической части раздела дано определение «демографической безопасности», представлена авторская методика измерения демографической безопасности на региональном уровне, выделены социально-демографические индикаторы, которые обеспечивают оценку рисков формирования отдельных составляющих демографического потенциала, определены так называемые пороговые значения, к которым необходимо стремиться для нейтрализации или смягчения негативных демографических тенденций. Авторы этого раздела не только

проводят скрупулезный анализ показателей, формирующих демографический потенциал Сибири на фоне общероссийских трендов, но уделяют внимание таким важным составляющим демографического потенциала, как состояние здоровья и миграция. При этом, рассматривая современные риски в формировании здоровья, исследователи особо выделяют значение репродуктивного здоровья как важнейшей качественной составляющей воспроизводства населения.

В четвертом разделе «Этнические риски человеческого развития», состоящем из четырех глав, рассматривается крайне актуальная для полиэтничного Сибирского региона проблема этносоциальных и этнополитических рисков. Обращение к мировому опыту реализации регионализма и федерализма и соотнесение его с реалиями современной России, исторический анализ динамики этносоциальных процессов в Сибири, попытка оценки напряженности межэтнических взаимодействий в условиях интенсивной этнически окрашенной миграции и пр. могут послужить основой для обсуждения проблем этнических прав граждан, статуса этноса в современных условиях, модернизации национальной концепции государства, выбора эффективных способов управления этнополитическими рисками.

В заключении авторы дают характеристику рисков развития человеческого потенциала и обосновывают предложения по оптимизации региональной социальной и демографической политики.

Пионерный характер данной монографии определяется рядом параметров, которые не встречаются в совокупности ни в какой другой работе, а именно:

1. Выбор концептуальной рамки, представляющей современное общество как общество рисков с присущей ему системой неравенств и распределения ответственности за генерацию всевозможных рисков и угроз среди различных социальных групп.

2. Многоуровневый подход к оценке ресурсов человеческого развития Сибири. Такой подход предполагает макроанализ сложившейся институциональной системы и государственной политики по созданию условий для аккумулирования человеческого потенциала и его капитализации в сфере труда, образования и здравоохранения; мезоанализ возможностей территории в предоставлении жителям Сибири услуг социальных учреждений и доступности инфраструктурных объектов в разных типах поселений, и, наконец, микроанализ активности самих народных масс по развитию своего потенциала через заботу о своем здоровье и здоровье членов своих семей, их вложений в образование детей и повышение профессиональных знаний, мобилизацию разного рода ресурсов для карьерных продвижений и страхование рисков в условиях «неопределенного будущего» – будь то мировой финансово-экономический кризис или же вступление человека в «третий возраст» в стране с перманентной пенсионной реформой.

3. Междисциплинарный подход, в соответствии с которым развитие человеческого потенциала рассматривается как многоаспектное яв-

ление, подверженное, как минимум, трем видам рисков – социально-экономическим, демографическим и этносоциальным.

В монографии актуализируются вопросы разработки социально-экономической политики, направленной на предотвращение того, чтобы риски, связанные с развитием человеческого потенциала населения Сибири, не стали чрезмерными, и на обеспечение того, чтобы перспективы его накопления были практически достижимыми, а Сибирь сделала бы долгожданный рывок в социальном развитии.

Авторский коллектив монографии:

Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН (Новосибирск)

Т.Ю. Богомолова, канд. социол. наук (глава 5, заключение), З.И.Калугина, д-р социол. наук (главы 1, 4, 7, заключение), Н.Е. Смирнова (главы 11, 13, 16), С.В.Соболева, д-р экон. наук (главы 2, 11, 13, заключение), О.П. Фадеева, канд. социол. наук (глава 8), Т.Ю. Черкашина, канд. социол. наук (главы 1, 6, 9), О.В. Чудаева (главы 2, 11, 13, заключение)

Институт археологии и этнографии СО РАН (Новосибирск)

Е.В. Антропов (глава 16, 17), Д.Ю. Гапак (глава 18), И.В.Октябрьская, д-р ист. наук (главы 3, 15, 16, 17), М.В. Пономаренко (глава 3), Н.Г. Попова (глава 18), А.А. Шадт, канд. ист. наук (глава 3, 15)

Институт географии им. В.Б. Сочавы СО РАН (Иркутск)

С.В. Рященко, д-р геогр. наук (глава 10)

НИИ комплексных проблем гигиены и профессиональных заболеваний СО РАМН (Новокузнецк)

Ю.А. Григорьев, д-р мед. наук, В.В. Захаренков, д-р мед. наук (глава 12)

Академик В.В. Кулешов

ЧИСТАЯ (СТР. 10)

Раздел 1

Методология и методика оценки социальных, демографических и этнических рисков развития человеческого потенциала

Глава 1

СОЦИАЛЬНЫЕ РИСКИ РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА: ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ И ИНДИКАТОРЫ ОЦЕНКИ

«В развитых странах современного мира общественное производство *богатства* постоянно сопровождается общественным производством *рисков*» [Бек, 2000, с. 21]. Смысл этого высказывания Ульриха Бека – в возрастающих по мере модернизации производительных сил угрозах для физического выживания человека. Источниками рисков для развития человеческого потенциала могут быть не только техногенные факторы, но и социальные отношения, сложившиеся в разных общественных подсистемах: экономической, демографической, этнической, социальной и т.п. Поэтому цель предпринятого исследования заключалась в выявлении способов и практик сохранения, развития и использования человеческого потенциала разных групп населения Сибири с учетом возможных рисков. По существу, речь идет об определении вариантов ответов на риски, о минимизации возможных угроз для разных социальных групп.

Общество риска. В теориях общества риска нашла отражение дихотомия структурного и конструкционистского подходов. В первом случае риски понимаются как нечто объективное, существующее вне воли и сознания индивидов. Но в социологических теориях, основные положения которых представлены в работах У. Бека, Э. Гидденса, Н. Лумана, а среди российских социологов – В.И. Зубкова, А.В. Мозговой, О.Н. Яницкого, риски определяются в коммуникации, т.е. конструируются во взаимодействиях по поводу возможных последствий какого-либо события, явления.

Общество риска – это новая парадигма, сменяющая концепцию общества производства и распределения богатства: «мы еще не живем в обществе риска, но и больше не живем только в обществе распределения благ» [Бек, 2000, с. 23]. Это происходит не вследствие того, что дефицит благ перестал быть значимой социальной проблемой, а и из-за того, что складываются новые социальные отношения, характеризующиеся сменой критериев социальной стратификации, что приводит к образованию новых социальных общностей, и к тому, что поведение людей все более определяется предвидением будущего, чем тенденциями прошлого.

Если говорить подробнее, *во-первых*, равенство как идеал общественных отношений сменяется безопасностью, а основой социальной стратификации становится не объем богатства, а степень уязвимости перед рисками. В этот переходный период «риски, как и богатства, распреде-

ляются по классовой схеме, только в обратном порядке: богатства сосредоточиваются в верхних слоях, риски – в нижних. По всей видимости, риски не упраздняют, а *усиливают* классовое общество. К дефициту снабжения добавляется чувство неуверенности и избыток опасностей. Напротив, те, кто имеет высокие доходы, власть и образование, могут *купить* себе безопасность и свободу от риска» [Бек, 2000, с. 40–41]. Этот «закон» специфически классового распределения рисков и считается одним из центральных измерений риска.

Но классовая специфика в распределении рисков проявляется не только в их неравномерном распределении, но и в том, что возможность и способность избегать опасные ситуации, обходить и компенсировать их тоже неодинакова у слоев с разными доходами и разным уровнем образования: кто располагает большими финансовыми возможностями, тот может попытаться избежать риски благодаря выбору места жительства, обустройства жилья [Бек, 2000, с. 40–41]. Образование и умение анализировать информацию, то есть обладание определенным человеческим капиталом, дополняют экономические возможности в минимизации рисков.

В концепции Э. Гидденса существующая институциональная среда задает унифицированные варианты поведения индивидов и порождает, таким образом, коллективные риски. Естественно, распределение коллективного риска неоднородно в социальном пространстве, и группы, и индивиды, располагающие разными объемами и видами капиталов, имеют разные возможности в предвидении рисков и минимизации негативных последствий в случае реализации риска. У. Бек, как и Э. Гидденс, подчеркивает, что глобализация и обострение ситуаций риска сужают приватные пути спасения и возможности компенсации негативных последствий рисков. К рискам, для которых социальные границы не значимы, относятся техногенные риски, или риски, порожденные «социализацией природы» – результатом технического вторжения в природу, что, с одной стороны способствует «стабилизации множества ранее случайных или непредсказуемых воздействий на человеческое поведение», но с другой – порождает новые состояния природы, суть и последствия которых известны человеку не в полной мере [Сен-Марк, 1977].

Во-вторых, новый стратификационный критерий порождает новые общности, основой существования которых становится страх: «Движущую силу классового общества можно выразить одной фразой: «Я хочу есть!» Движущая сила общества риска выражается фразой: «Я боюсь!» Место *общности нужды* занимает *общность страха*» [Бек, 2000, с. 36].

В-третьих, мышление в терминах риска предполагает, что не прошлое, а будущее определяет поведение индивидов в настоящем: согласие с предполагаемыми рисками заставляет быть активными сегодня, чтобы предотвратить риски завтра. Как замечает Э. Гидденс, «риски и попытки оценки риска существенны для колонизации будущего» [1994]. У. Бек пишет, что риски не исчерпываются уже наступившими следствиями и нанесенным ущербом. В них находит выражение существенная компонента будущего. Она основывается частично на продлении

обозримых в настоящее время вредных воздействий в будущее, частично на всеобщей утрате доверия или на предполагаемом «возрастании риска». Риски, таким образом, имеют дело с предвидением, с еще не наступившими, но надвигающимися разрушениями, которые сегодня реальны именно в этом значении [Бек, 2000].

Но не все последствия события (явления, состояния) могут быть определены и предсказаны, исходя из сегодняшних знаний. Это подразумевает постоянное переопределение основных категорий, закономерностей, тенденций. Индивиды освобождаются от определенностей и привычного образа жизни, характерных для индустриальной эпохи [Яницкий, 2003а, с. 14].

Социальные риски. Риски становятся социальными в силу масштабности своих последствий или в силу своего происхождения. В первом случае подразумевается, что негативные последствия от наступления рискового события являются массовыми, они изменяют положение значительной по численности группы индивидов, и в целом социальный риск определяется как мера ожидаемого последствия определенного явления, наступление которого содержит вероятность потери или ограничения экономической самостоятельности и социального благополучия человека [Социальная энциклопедия, 2000, с. 345]. Для оценки таких рисков используют два показателя: интенсивность риска – вероятность реализации опасности (наступления потенциально опасного события) для заданного промежутка времени – и величина ущерба от наступления опасности.

Во втором случае речь идет о том, что сама система социальных отношений и социальных институтов становится источником рисков (институционализированной средой риска по определению Э. Гидденса). При этом индивиды зачастую не могут по своей воле покинуть эту «зону риска». Различие между риском, на который идут добровольно, и риском, которому индивид подвергается помимо своей воли, зачастую расплывчато и не всегда четко соответствует различию между институционализированной и неинституционализированной (внешней) средой риска. Неотъемлемые от современной экономики факторы риска влияют практически на каждого, независимо от того, участвует ли индивид в экономической деятельности непосредственно [Гидденс, 1994].

Современное понимание социальных институтов как структурообразующего элемента институционализированной среды строится вокруг тезиса Д. Норта о том, что «институты создаются людьми. Люди развивают и изменяют институты» [Норт, 1997, с. 20]. Социальные институты – это поддерживающие, а не строго определяющие поведение индивидов структуры, которые реализуются через практики – «устойчивые системы взаимосвязанного и взаимно ориентированного ролевого поведения акторов (индивидов, организаций, групп), которые и обеспечивают функционирование соответствующих институтов» [Шабанова, 2006]. В такой логике источником рисков для дальнейшего функционирования институтов может стать ответное поведение людей. Здесь можно привести пример реформирования системы здравоохранения при парал-

лельном сокращении государственного финансирования этой системы, что спровоцировало распространение практик обращения за медицинской помощью на поздних стадиях заболеваний, частичного или полного отказа от посещения врачей, самолечения, обращения к альтернативным способам лечения. Соответственно, риск от массового пренебрежения к здоровью проявляется в увеличении затрат на здравоохранение за счет более высоких затрат на лечение по сравнению с затратами на профилактику заболеваний, высокие показатели смертности от состояний, которые можно было предотвратить на ранних стадиях заболеваний.

Социальность рисков «по происхождению» также означает, что риск представляет собой результат принятия решения. В этом его основное отличие от опасности, источником которой являются внешние, не контролируемые человеком силы. То, что может произойти в будущем, зависит от решения, которое следует принять в настоящем [Луман, 1994.]. То есть ущерб от риска вменяется решению, тогда как ущерб от опасности вменяется окружающему миру. В этом смысле риски постоянно производятся обществом, причем это производство легитимное.

Поскольку источником современных рисков являются индивиды и социальные институты, критерием социальной стратификации становится не только уязвимость к рискам, но и причастность к их созданию. То есть акторы, которые наделены полномочиями «формировать правила игры и средства контроля за их соблюдением», создают риски. Это с*убъекты («производители») социального риска,* на месте которых чаще оказываются представители власти, хозяйствующие субъекты, социальные группы, причастные к принятию решений с социальными (а не индивидуальными, личными) последствиями. Соответственно, *источник социальных рисков* – функционирование социальных институтов, организаций, поведение сообществ, домохозяйств и индивидов.

Объекты («потребители») социального риска – социальные группы, сообщества и индивиды, которые в силу сложившихся обстоятельств, своего социального положения и образа жизни подвергаются негативному воздействию решений, принятых субъектами риска [Зубков, 1994, с. 5; Маслова, 2001, с. 36]. «Удел потребителей рисков – иная “польза”: льготы или компенсации за потерянное здоровье, за вынужденную жизнь в рискогенной среде» [Яницкий, 2003а, с. 27].

Определение рисков через коммуникацию. Номинирование явления (состояния) в качестве риска происходит на основании аргументов, т.е. до тех пор, пока эти последствия не стали явными и наблюдаемыми, они существуют только как обоснованное предвидение. Поэтому в своих представлениях о рисках мы доверяем экспертному знанию тех, кто более компетентен в данной области. Но кроме научной рациональности в понимание рисков вплетена социальная рациональность – основанное на ценностях представление о том, что может быть приемлемо, какова величина возможного ущерба, на который следует пойти ради возможных выгод. «Занимаясь цивилизационными рисками, наука всегда покидала почву экспериментальной логики и вступала в полигамный брак

с экономикой, политикой и этикой или, говоря точнее, она сожительствует с ними “без официального оформления отношений”» [Бек, 2000, с. 19]. В коммуникативном определении одной из стратегий «снижения рисков» может быть контринтерпретация механизмов возникновения негативных последствий и вероятности наступления рискового события. Риски могут «проходить отбор» в зависимости от интересов тех или иных акторов, чтобы быть аргументом в усилении их позиций как «борцов» с данными рисками.

Основанность рисков на знаниях и нормах делает их предметом рефлексии, которая насущно необходима в условиях быстро меняющейся социальной среды, если мы говорим о социальных рисках. «Социокультурная рефлексия – это перманентное критическое осмысление меняющейся ситуации и публичный диалог по поводу современного состояния общества» [Яницкий, 2003а, с. 21]. В таком диалоге устанавливается *социально приемлемый уровень риска* – конвенциальный уровень допустимых потерь, который опосредован социокультурными, морально-этическими и политическими факторами. Этот уровень должен постоянно дебатироваться обществом, вычисляться, прогнозироваться, а не «назначаться» правящей элитой [Яницкий 2003б, с. 352]. В этой связи Н. Луман подчеркивает возрастание роли коммуникаций [Луман, 1994], результатом которой является формирование критериев и непосредственно отбор рисков: какой из них учитывается, а какой – нет.

Конструкционистский подход к определению рисков вводит в структуру социальных отношений по поводу рисков фигуру эксперта, обладающего специальными знаниями и определяющего степень опасности ситуации. Но чем «более узкой становится специализация, тем более ограниченной оказывается область, в которой тот или иной индивид может претендовать на право быть экспертом; в других сферах жизни он будет находиться в той же ситуации, что и любой другой» [Гидденс, 1994]. Это означает, что появляются такие способы социального влияния, которые уже никто не контролирует непосредственно.

Но определение рисков в коммуникации не означает, что возможные угрозы – «воображаемые». Обсуждению, скорее, подлежат вероятность наступления рисков и масштаб их последствий: «общественное обсуждение всегда связывает некую реальную опасность и какое-то неодобряемое поведение, классифицируя опасности по характеру угрозы ценимым институтам» [Дуглас 1994, с. 248].

Институциональные предпосылки новой конфигурации социальных рисков. Вторая половина XX в. войдет в историю как период расцвета в экономически развитых странах социального государства с мощной системой социальной защиты, институциональные и экономические механизмы которой были созданы благодаря устойчивому экономическому росту, относительно спокойной международной обстановке. Страховые механизмы социальной защиты позволяли минимизировать негативные последствия социальных рисков, с которыми сталкивались индивиды и домохозяйства. Госта Эспинг-Андерсен идентифицирует четыре вида таких рисков:

– универсальные, с которыми могут столкнуться все люди, например, возникающие ограничения в связи со старением;

– групповые (или классовые), за которыми стоят события, чаще встречающиеся с представителями определенных групп. Например, риск бедности выше среди матерей-одиночек;

– риски жизненного цикла, например, риски бедности в течение жизненного цикла, описанные Сибом Роунтри;

– межпоколенные риски, передаваемые от родителей к детям, например, воспроизводство образовательного статуса, модели семейных отношений [Esping-Andersen 2000, p. 3].

В этом плане Теодор Лоуви определяет государство всеобщего благосостояния как государство, осуществившее частичную *демократизацию риска*: каждому предоставлено право пользоваться (на добровольных началах) коллективной защитой от риска или, по крайней мере, от того ущерба, который возрастает по мере увеличения риска [Лоуви, 1994, с. 254].

Но на примере европейских стран социологи констатируют, что «хотя системы социальной защиты в настоящее время охватывают огромное количество людей, изменения, которые произошли за последние два десятилетия, создали новые формы незащищенности и неустойчивости, с которыми столкнулась большая часть граждан Европы. Новое столетие унаследовало от предыдущего странный парадокс: неопределенность и неустойчивость постоянно возрастали с тех пор, как способность социальных систем обеспечивать защиту от социальных рисков достигала своего исторического максимума» [Ranci, 2010, p. 3]. Одно из возможных объяснений заключается в том, что неопределенность является неизбежным эффектом переходной фазы от разрушающегося индустриального общества к новой форме социальной организации.

Триада, на которую опиралось государство всеобщего благосостояния, – это труд, семья и благосостояние. Но по мнению Эспинг-Андерсена, эти институты сегодня являются главными источниками социальных рисков [Эспинг-Андерсен, 2006]. Под угрозой находятся в первую очередь граждане из крайних возрастных групп (дети и пожилые люди) и средний класс. Это процесс, который определяется как постепенная эрозия промежуточных положений. В работе «Социальная уязвимость в Европе: Новая конфигурация социальных рисков» выделяется три формы разрушения всеобщей защищенности. Первая – фундаментальный разрыв с моделью индустриальной заработной платы, который заключается в ослаблении рынка труда как основного механизма социальной интеграции, возрастающей нестабильности занятости, распространения нестандартных и теневых способов занятости. Вторая форма эрозии связана с постепенным ослаблением сетей родственной поддержки как следствие новых демографических тенденций и реорганизации домохозяйств, пересмотра ролевых моделей в домохозяйствах. Третий компонент эрозии «обеспечивается» ригидностью (институциональной инерцией) системы социального обеспечения. Системы социальной защиты, существующие во многих европейских странах, предлагают широкую социальную

поддержку гражданам, которые полностью интегрированы в рынок труда. Но сегодня эта поддержка гарантирована для меньшей части граждан и с меньшей щедростью, чем в прошлом.

Там, где пересекаются незащищенность занятости, ведущая к нестабильности доходов, возрастающая хрупкость семейной поддержки и инерция институтов социального обеспечения, появляются новые социальные риски, критические из которых, по мнению европейских социологов, следующие:

– распространение «интегральной бедности», которая включает большую группу европейских граждан, кто постоянно или спорадически оказывается в состоянии относительной бедности;

– распространение жилищной депривации, связанной с проблемами доступности или несоответствия жилища требованиям (ситуации, которые подвергают людей социальной неустойчивости и финансовому напряжению, но не приводят в обязательном порядке к серьезным трудностям или не делают их бездомными);

– распространение мест работы и занятий, в которых труд незащищен или носит времененый характер;

– совмещение трудовой занятости и заботы о детях. Масштаб этой проблемы зависит от постоянного роста занятости женщин и возросшей потребности семей иметь двух получателей дохода, чтобы достигнуть удовлетворительного уровня жизни;

– условия жизни пожилых людей. Безотлагательного решения требует рост числа зависимых людей, которым необходима долговременная помощь по уходу. Зависимости в будущем суждено стать более распространенной вследствие того, что продолжительность жизни становится все длиннее [Ranci, 2010, p. 6–11].

Человеческий потенциал и человеческий капитал: различение понятий. Названные риски задают условия для практик воспроизводства, сохранения и развития человеческого потенциала разных групп населения. Специфика социологического взгляда на человеческий потенциал заключается в следующем: он воплощен в характеристиках и качествах отдельных людей, поэтому важно учитывать, в какой степени социально-экономические условия формирования и использования человеческого потенциала включены в поведение этих индивидов.

Первоначально понятие «человеческий потенциал» использовалось для международных сравнений. С середины 1960-х гг. в работах социологов и экономистов артикулируются идеи, что экономический рост не тождествен социальному развитию, поэтому для адекватной оценки изменений в обществе необходимо расширить диапазон показателей общественного развития. В научный оборот вводится понятие «качество жизни» как расширенная трактовка условий жизнедеятельности индивидов, а в 1980-е гг. эксперты Программы развития Организации Объединенных Наций предложили концепцию развития человеческого потенциала, в которой человек определяется как целевой приоритет общественного развития (в противовес росту доходов). В 1990-е гг. концепция получила инструментальное развитие через предложение индекса

развития человеческого потенциала (ИРЧП), основная идея которого заключается в том, что развитие человеческого потенциала представляет собой процесс расширения возможностей личности для выбора и повышения благосостояния. Учитываются возможности, при отсутствии которых люди лишены многих жизненных перспектив: вести долгую и здоровую жизнь, приобретать знания, иметь доступ к ресурсам, необходимым для поддержания достойного уровня жизни. Соответственно, в качестве эмпирических показателей развития человеческого потенциала определены ожидаемая продолжительность предстоящей жизни при рождении, грамотность взрослого населения, охват обучением лиц в возрасте 7–24 лет, валовой внутренний продукт на душу населения в паритетах покупательной способности. На их основе рассчитываются индекс долголетия, индекс грамотности, индекс дохода и, собственно, ИРЧП.

Для анализа на микроуровне экономистами был предложен термин «человеческий капитал» (Т. Шульц), а базовая теоретическая модель человеческого капитала разработана Г. Беккером. В качестве элементов человеческого капитала он выделял знания и навыки, полученные через формальное образование и подготовку на рабочем месте, информацию и здоровье [Беккер, 2003, с. 51, 592]. Инвестициям и отдаче от образования в работах Беккера уделено более значительное место по сравнению с вложениями в информацию и здоровье, но он объясняет это не большей важностью данных форм инвестиций в человеческий капитал, а возможностью на их примере «ясно показать характер воздействия человеческого капитала на заработки, занятость и другие экономические переменные» [Там же, с. 52]. Однако историческая тенденция сокращения доли физического труда и увеличение доли умственного в общем объеме труда также обнаруживает большее внимание современных экономистов к знаниям и навыкам, а не к здоровью как элементу человеческого капитала. Тем не менее здоровье, или физический капитал, отмечается как второй значимый элемент человеческого капитала [Беккер, 2003, с. 84–85] либо как самостоятельная форма наряду с человеческим, если последний включает только профессиональные знания, умения, навыки [Радаев, 2003].

Из различения понятий «человеческий капитал» и «человеческий потенциал» вытекают важные методологические положения. Заимствование из экономического тезауруса «капитала» является не только терминологическим, но и смысловым, и оно связано с идеями инвестирования и отдачи. Во-первых, как и любой другой исчерпаемый ресурс, человеческий капитал «требует расходов по “ремонту” и содержанию; он может морально устаревать еще до того, как произойдет его физический износ; его ценность может расти и падать в зависимости от изменений в предложении комплементарных (взаимодополняющих) производственных факторов и в спросе на их совместные продукты. Основными видами вложений в человека считаются образование, производственная подготовка, охрана здоровья, миграция, поиск информации на рынке труда, рождение и воспитание детей. Образование и подготовка на производстве увеличивают объем человеческого капитала, охрана здоровья продлевает срок его «службы», миграция и поиск информации на рынке

труда способствуют повышению цен за его услуги, рождение и воспитание детей воспроизводят его в следующем поколении» [Капелюшников, 2008, с. 7]. Заметим, что именно инвестирование и возможность получения отдачи отличают человеческий капитал от трудовых ресурсов.

Во-вторых, в проблематике человеческого потенциала нельзя игнорировать его использование, что, собственно и демонстрируют экономисты: большинство исследований в данном направлении посвящено *отдаче* от образования. Но через использование человеческого потенциала можно провести различие между потенциалом и капиталом. Если человеческий потенциал – это воплощенные в человеке знания, навыки, способности, в том числе физические, то капиталом они становятся, если дают экономический эффект, т.е., если происходит конвертация человеческого капитала в экономический. Справедливо и обратное: экономический капитал является основой других типов капитала, в том числе человеческого. Ведь, по сути, инвестирование в человеческий капитал – это процесс превращения экономического капитала в иную форму. Но, как предостерегает П. Бурдье, реальную логику функционирования капитала, превращения одного его типа в другой и движущий ими закон сохранения нельзя понять без преодоления двух точек зрения. «На одной стороне находится экономизм, игнорирующий специфическое действие других типов капитала на том основании, что любой из них в конечном итоге сводится к экономическому капиталу. На другой стороне – семиологизм (ныне представленный структурализмом, символическим интеракционизмом и этнометодологией), сводящий социальные обмены к коммуникативным явлениям и игнорирующий жесткий факт универсального сведения всех форм к экономическому основанию» [Бурдье, 2002, с. 71]. Различные виды капиталов проистекают из экономического, но необходимы определенные усилия для осуществления такой трансформации. Поэтому в изучении процессов формирования и развития человеческого капитала важно уметь дифференцировать индивидов и семей не только по обладанию экономическими ресурсами, но и способам обращения с этими ресурсами.

Итак, под человеческим потенциалом в работе понимается совокупность знаний, навыков, физических способностей и личностных качеств, которым обладает индивид и которые способствуют его участию в хозяйственной деятельности или обеспечивают его развитие.

Исследование человеческого потенциала в контексте социальных рисков. В данной работе конкретизация составляющих человеческого потенциала подразумевает, что они удовлетворяют следующим условиям:

неотъемлемость от носителя человеческого потенциала;

принципиальная возможность конвертироваться в экономический капитал, т.е. позволять его владельцу в настоящем или будущем участвовать в хозяйственной деятельности;

способность воспроизводиться и накапливаться в процессе инвестирования экономических и временны́х ресурсов.

К таким составляющим относятся профессиональные компетенции, усвоенные в системе формального образования и на рабочем месте (об-

разовательный потенциал), состояние здоровья как способность к физической активности в целом и труду в частности (физический потенциал), включенность в социальные сети (социальный потенциал)*.

Тезисы о том, что капиталы увеличиваются через постоянную конвертацию друг в друга, что отдача от человеческого капитала, которая невозможна без его использования, выступает стимулом для инвестиций в человеческий капитал, и что спрос на человеческий потенциал (капитал) важен для его формирования и воспроизводства [Калугина и др., 2008], позволяют разделить риски на 1) риски воспроизводства человеческого потенциала («риски создания») и 2) риски капитализации человеческого потенциала («риски востребованности и использования»). Таким образом, риск определяется нами как потенциальная возможность материальных, физических, социальных потерь, обусловленная функционированием социальных институтов и поведением индивидов в рамках данных институциональных условий. Соответственно, субъектом таких потерь может быть общество, а также отдельные индивиды и группы, и тогда риск – это непосредственная угроза для их жизненных шансов [Гидденс, 1994].

По аналогии с экономическим понятием воспроизводство человеческого потенциала может быть простым и расширенным: в этих случаях речь идет о сохранении и увеличении человеческого потенциала. Кроме того, можно говорить и о сокращении человеческого потенциала («отрицательное воспроизводство»). Другой принцип дифференциации воспроизводственных процессов – выделение межпоколенного воспроизводства человеческого потенциала и воспроизводство собственно человеческого потенциала. В рамках семейного поведения межпоколенное воспроизводство человеческого потенциала включает рождение и воспитание детей.

Межпоколенное воспроизводство человеческого потенциала, когда речь идет о рождении и воспитании детей, не подразумевает в явном виде спрос на формируемые параметры человеческого потенциала подрастающего поколения**. Здесь можно говорить, во-первых, о его *предполагаемых* востребованных параметрах. Во-вторых, в силу большей неопределенности целевых ориентиров формирование человеческого потенциала детей не столько целерационально, сколько ценностно-рационально.

В контексте анализа воспроизводства индивидуального человеческого потенциала социальные риски предстают в следующей конфигурации:

---

*С целью показать качественные различия в накопленных способностях и навыках группа исследователей предлагает термин «фиктивный человеческий и социальный капитал», проявляющийся в низком уровне профессиональной подготовки, снижении значимости нравственных норм, создании культа ложных ценностей и т.д. [Социально-демографическая безопасность России, 2008. С. 13–14].

**Однако в таком ключе отдельным предметом обсуждения может быть государственная демографическая политика, стимулирующая рождение детей, что может быть интерпретировано как предъявление спроса на детей.

Теоретические индикаторы социальных рисков воспроизводства человеческого потенциала

Параметры социальных рисков	Уровень анализа		
	макро- (общество, государство)	мезо- (регион, отрасли)	микро- (индивиды, семейное окружение)
1	2	3	4
Ресурсный дефицит	Государственные расходы на образование, здравоохранение, на развитие культуры и искусства и другие направления социальной политики	Отношение величины заработной платы в отрасли к величине минимального потребительского бюджета	Отношение величины среднедушевых доходов в семье к величине минимального потребительского бюджета
	Отношение величины доходов населения к величине минимального потребительского бюджета; структура населения по ресурсной обеспеченности		
Неравенство в доступности и качестве социальных услуг	Доля государственных расходов и расходов населения на здравоохранение в общем объеме расходов на здравоохранение; доля государственных расходов и расходов населения на образование в общем объеме расходов на образование	Территориальная (временна́я и транспортная) доступность объектов социальной инфраструктуры	Время ожидания медицинской услуги; доля населения (%), не получившего медицинские услуги при потребности в них; доля социальных групп (%) среди получивших социальные услуги по сравнению с долей этих групп в общей совокупности (при условии равенства потребности в данных услугах)
	Образовательная мобильность (межрегиональная, между уровнями образования)		
Поведенческие образцы, составляющие механизмы воспроизводства человеческого потенциала	Доминирующие в обществе (на территории) стереотипы поведения и ценностные установки в отношении здоровья, получения образования, экономической активности		Индивидуальные и семейные практики здоровьесберегательного поведения; индивидуальные и семейные практики и обучения

Окончание табл.

1	2	3	4
Условия «капитализации» человеческого потенциала	Уровень экономической активности, занятости населения; распределение рабочей силы между сегментами рынка труда (по видам экономической деятельности, работающие по найму и не по найму, в том числе самозанятые; формальная и неформальная занятость и др.); масштабы и характер безработицы; структура населения (экономически активного населения) по величине оплаты труда; социальный статус (престиж) профессиональных занятий		Величина и форма оплаты труда; дополнительные социальные и материальные блага, получаемые индивидом от предприятия (фирмы) или государства в качестве вознаграждения за использование его человеческого потенциала; вид (постоянная, временная, сезонная, случайная, по/не по найму) и сфера занятости; перспективы карьерного и профессионального роста

– дефицит ресурсов для воспроизводства человеческого капитала на макро-, мезо- и микроуровнях;

– неравенство в доступности социальных услуг (медицинских, образовательных, рекреационных и др.) и их качестве;

– формирование поведенческих образцов, разрушающих механизмы индивидуального и межпоколенного воспроизводства человеческого потенциала;

– неблагоприятные условия «капитализации» (реализации) человеческого потенциала.

В качестве гипотез исследования мы предполагаем, что масштаб ресурсной обеспеченности обусловливает диапазон способов и практик сохранения и развития человеческого потенциала; качество социальной инфраструктуры региона проживания задает возможности использования экономических ресурсов для развития человеческого потенциала.

Ниже представлены теоретические индикаторы, на которых может базироваться эмпирическое исследование рисков формирования, использования и воспроизводства человеческого потенциала (табл. 1).

В интерпретации значений показателей воспроизводства человеческого потенциала важно учитывать субъектность и объектность рисков, т.е. одно и то же явление может иметь разные последствия для различных индивидов и социальных групп. К примеру, образовательная мобильность и связанный с ней переезд в другой регион порождают риск сокращения человеческого потенциала региона-донора, если у совершающих мобильность нет установок на возвратную миграцию. Если принимающий регион заинтересован в притоке населения, «входящая» образователь-

ная мобильность будет иметь для него позитивное значение. Но цепь этих рассуждений можно продолжать с точки зрения возможных рисков, порождаемых большим потоком мигрантов и их адаптацией к локальным условиям.

В качестве резюме отметим, что заключения о рисках, сделанные на основе статистических и социологических исследований, – это обозначение веера возможных последствий настоящей ситуации, принимаемых в ее рамках решений, а также условий, при которых тот или иной вариант развития ситуации наиболее вероятен. Необходимо отдавать себе отчет в том, что оценка последствий как рискованных, т.е. несущих потери для человеческого потенциала, не лишена ценностной составляющей или, как минимум, соотнесения с целями социально-экономического развития. Это подразумевает включенность социологов не только в интерпретацию возможных последствий, но и в социальное проектирование.

Глава 2

РИСКИ В ФОРМИРОВАНИИ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ СРЕДЫ

Демографический фактор всегда играл фундаментальную роль в истории любого государства, поэтому демографическая безопасность рассматривается как наиважнейшая составная часть, ядро национальной безопасности, поскольку все остальные составляющие национальной безопасности, начиная от военной и кончая экологической, оказывают значительное влияние, в конечном счете, именно на демографическую сферу.

В последнее время в связи со сложной демографической ситуацией в стране проблема демографической безопасности приобретает особую актуальность.

2.1. ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ. ФАКТОРЫ, ФОРМИРУЮЩИЕ ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ УГРОЗЫ

В современной литературе под демографической безопасностью понимается «защищенность процесса жизни и непрерывного естественного возобновления поколений людей» [Геополитика и национальная безопасность..., 1999]. Демографическая безопасность, по мнению Л.Л. Рыбаковского, «может быть представлена как такое состояние демографических процессов, которое достаточно для воспроизводства населения без существенного воздействия внешнего фактора и обеспечения людскими ресурсами геополитических интересов государства. Демографическая безопасность – это функционирование и развитие популяции как таковой в ее возрастно-половых и этнических параметрах, соотнесение ее с национальными интересами государства, состоящими в обеспечении его целостности, независимости, суверенитета и сохранении существующего геополитического статуса» [Рыбаковский, 2004].

На территории СНГ детальная разработка этой проблемы была предпринята белорусскими демографами и социологами. На основе их исследования в 2002 г. президентом А. Лукашенко был подписан первый в СНГ закон «О демографической безопасности Республики Беларусь». Понятие демографической безопасности они определяют как «состояние защищенности жизненно важных демовоспроизводственных процессов от реальных и потенциальных угроз» [Шахотько, Привалова, 2001, с. 16–21]. Такое определение позволяет авторам выделить предмет исследования как совокупность мер, направленных на нейтрализацию уже

существующих и предупреждение возникновения потенциальных угроз безопасности в демографической среде.

Учитывая наработанный опыт при формировании нашего авторского понятия демографической безопасности, мы исходили из следующих основных моментов. Во-первых, поскольку основным предметом демографической науки является воспроизводство населения, непрерывный процесс возобновления поколений и формирования демографических структур (половозрастной, семейной, этнической), то рассматриваемое понятие должно исходить из целевых установок именно процесса воспроизводства населения. Во-вторых, это понятие должно содержать в себе возможности оценки и измерения безопасности/опасности существования основных компонент процесса воспроизводства и формирования населения – рождаемости, смертности, состояния здоровья, семейной структуры, миграции.

Следуя этому, под *демографической безопасностью мы будем понимать состояние защищенности жизни, непрерывного естественного воспроизводства населения и формирования демографических структур (половозрастной, семейной, этнической) от демографических угроз, поддерживаемое с помощью институциональной среды. Демографические угрозы – явления, тенденции и действия, которые оказывают отрицательное воздействие на функционирование демографической сферы и противоречат национальным и (или) региональным целям демографического развития*, нарушают целостность, независимость и суверенитет государства.*

Перечень демографических угроз на разных этапах формирования и развития общества (страны) может быть различным. Так, если до начала XIX в. в России основной причиной смертности были инфекционные заболевания, сопровождающиеся массовыми вымираниями (эпидемиями), то, естественно, основные риски смертности были связаны именно с этой группой заболеваний. Современные же риски смертности имеют иную природу.

Типы угроз могут различаться в зависимости от признака, принятого за основу классификации [Социально-демографическая безопасность России, 2008]:

по степени универсальности – общие и специфические;

по времени действия – постоянные, длительно действующие, краткосрочные;

по способу действия – открытые (явные) и скрытые (латентные);

по источникам возникновения – естественные (природная стихия) и искусственные (результат человеческой деятельности);

по характеру возникновения – преднамеренные (с целевой установкой на возникновение) и непреднамеренные;

по характеру действия – проявляющиеся постепенно или внезапные, причиняющие ущерб прямо (непосредственно) или косвенно;

---

*Национальные цели демографического развития должны формироваться, исходя из демографических интересов государства, общества и личности с соблюдением конституционных прав граждан.

по степени опасности – с последствиями устранимыми, неустранимыми, устранимыми частично;

по возможности предотвращения – угрозы, которые можно предупредить полностью, частично и невозможно предотвратить совсем.

Указанные признаки могут быть положены в основу многомерной классификации угроз демографической безопасности.

В целом разработка проблемы демографической безопасности на региональном уровне должна включать в себя следующие важнейшие этапы:

– формирование целевых установок, на которые должна быть ориентирована демографическая безопасность;

– определение факторов, формирующих демографические угрозы;

– выявление реальных и потенциальных демографических угроз;

– разработку индикаторов демографических угроз и определение предельных критических значений состояния отдельных составляющих демографической среды: формирования демографических структур (половозрастной, семейной, этнической), естественного и механического движения, отдельных характеристик семьи;

– создание методики построения обобщенной индикативной оценки региональных демографических угроз и проведения сопоставимого регионального анализа;

– разработку механизма обеспечения демографической безопасности.

Целью демографической безопасности является создание условий, необходимых для нейтрализации реальных и предупреждения возникновения потенциальных демографических угроз. Это общая цель для всей страны в целом. *На уровне Сибири и восточных регионов страны важной целью демографической безопасности, имеющей не только социально-экономическое, но и геополитическое значение, является закрепление на этих территориях значительной численности постоянного населения, а также заселенность приграничных территорий Сибири и Дальнего Востока.*

Среди факторов, формирующих демографические риски, выделяются внутренние и внешние по отношению к данной территории (федеральному округу, экономическому району, области, краю).

К внутренним факторам, формирующимся на уровне страны, следует отнести:

• экономико-географическое положение региона и его ресурсную базу, оказывающие влияние на формирование населения;

• исторические особенности формирования и размещения населения, сложившиеся для данной территории миграционные связи;

• уровень социально-экономического развития территории и его основных инфраструктурных элементов (жилье, образование, здравоохранение, социальная защита населения);

• сформированную экономическую и финансовую основу взаимодействия территории и центра, оказывающих значительное влияние на формирование внутрироссийских потоков миграции с востока на запад;

• нарушение этнокультурных традиций, сложившихся на протяжении длительного времени и оказывающих влияние на все составляющие воспроизводства и формирования населения;

• реализацию политики государства (в том числе демографической политики), оказывающей воздействие на все стороны жизни страны.

К внешним факторам по отношению к региону и стране в целом относятся:

• состояние и процессы, происходящие в других государствах и формирующие иммиграционные потоки;

• целенаправленная деструктивная деятельность внешних сил по формированию демографических рисков.

Рассматривая более детально внутренние факторы, формирующие демографические угрозы, отметим, *что экономико-географическое положение региона и его ресурсная база, играющие важнейшую роль в экономическом развитии территории, а также в размещении и формировании населения,* могут в значительной мере усилить или ослабить демографические риски. К таким рискам приводят следующие процессы: связанное с экономическим развитием и освоением ресурсной базы интенсивное «перекачивание» населения из одних регионов в другие, что, с одной стороны, создает относительную избыточность населения и перенаселенность территорий, а с другой – ведет к обезлюдеванию целых пространств; формирование в результате миграции половозрастных диспропорций в структуре населения, связанных с отраслевой спецификой территорий, а это приводит в свою очередь к нарушению процесса воспроизводства и массовому оттоку населения. В качестве примера можно привести специфические поселения с преимущественно мужским населением, сложившиеся в северных лесных и нефтегазоносных районах Томской и Тюменской областей, использующие мужскую рабочую силу, а также поселения преимущественного сосредоточения отраслей легкой промышленности, использующих женский труд, например Ивановская область в прошлом. Нарушение половых пропорций в демографической структуре этих территорий приводит к появлению таких социально-демографических проблем, как рост разводимости, внебрачной рождаемости, числа неполных, бездетных и малодетных семей, интенсивный миграционный обмен, не способствующий формированию постоянного населения территорий и др.

Говоря об уровне социально-экономического развития территории и его влиянии на формирование демографических угроз, необходимо отметить, что показатели социально-экономического развития территории через показатели уровня жизни населения данной территории оказывают влияние на все составляющие процесса воспроизводства и формирования населения. Особенно отчетливо это можно проследить в период радикальных преобразований, происходивших в России с начала 1990-х гг. и приведших в том числе к возникновению социально-демографических проблем, на примере таких показателей, как смертность, рождаемость и миграция.

Регионы Сибири, ориентированные ранее на экстенсивное освоение природных ресурсов, на развитие научно-производственного комплекса и оборонного потенциала страны, столкнулись с острейшими социально-экономическими проблемами. В результате за время реформ

основная масса населения столкнулась со значительными трудностями в обеспечении удовлетворительного существования своих семей. Для них реальной стала угроза неудовлетворения первичных потребностей в питании, одежде, жилище, не говоря уже об удовлетворении вторичных потребностей – доступности детских дошкольных учреждений, учреждений культуры и досуга*. Это оказало существенное влияние на смену жизненных стратегий и ценностных ориентаций населения, направленных не на развитие, а на поиск доступных средств существования, переход на новые рабочие места, часто не соответствующие профессиональным и образовательным возможностям личности, на рост социальной отчужденности и люмпенизацию отдельных слоев населения. В такой ситуации у людей возникает чувство неуверенности и тревоги за свое будущее. И как следствие этого – широкое распространение алкоголизации и наркотизации населения, рост заболеваемости и смертности, в том числе и молодого населения трудоспособного возраста, прежде всего, от несчастных случаев, отравлений, травм, нервных расстройств, убийств и суицидов.

Эти же психологические факторы (неуверенность и тревога за свое будущее) сыграли важную роль и в формировании репродуктивного поведения населения, значительно сократив уровень рождаемости и усилив негативную составляющую естественного прироста. Экономический кризис 1998 г. еще более усугубил ситуацию. Однако стоило властям после 2005 г. уделить внимание нуждам граждан, как это тут же положительно отразилось на демографических показателях. Отрицательный естественный прирост стал быстро сокращаться, и в 2009 г. впервые с 1993 г. СФО удалось выйти на положительный естественный прирост (1221 чел.), даже несмотря на кризис, начавшийся в 2008 г. Таким образом, мы видим, что демографическая сфера весьма чувствительна к внешним воздействиям, как позитивным, так и негативным. И усилия, приложенные для улучшения демографической ситуации, вовсе не бесполезны, как утверждали некоторые скептики, а, наоборот, оказались даже более результативны, чем ожидалось.

Кроме того, в 1990-е гг. произошло снижение миграционной активности населения. Разделенные огромными пространствами, многие россияне оказались не в состоянии реализовать свои миграционные намерения. В результате показатели межрегиональной миграции в 1992–2004 гг. уменьшились вдвое: численность прибывших снизились с 4,4 млн чел. в 1992 г. до 2,2 млн чел. в 2004 г., а численность выбывших – с 3,9 млн до 2,1 млн чел., соответственно. Изменился и вектор перемещения населения: от заселения территорий с осваиваемыми природными ресурсами к переселению в южные и центральные регионы России, в крупные урбанизированные центры; миграционные связи с большинством стран СНГ стали односторонним движением в Россию; усилился «западный дрейф» мигрантов через выраженную полярность центра страны (притягиваю-

*Доля работников с заработной платой ниже прожиточного минимума в Сибири составляла в 2000 г. 44,4 %, а в 2002 г. – 28,4 %.

щего население всех районов) и Дальнего Востока (отдающего население всем регионам) [Иностранные мигранты..., 2006].

Значительное влияние на формирование внутрироссийских потоков миграции с востока на запад оказала и *сложившаяся экономическая и финансовая основа взаимодействия территории и центра,* когда значительные финансовые потоки концентрируются в крупных городах европейской части России. То есть в случае межрегиональных различий в уровне жизни населения перемещение рабочей силы осуществляется вслед за капиталом и, пока не устранены диспропорции в перераспределении капитала, миграционная картина не изменится.

Особо следует отметить такой фактор формирования демографических угроз, как *нарушение этнокультурных традиций населения страны.* Культура является способом адаптации к окружающей действительности. Она вырабатывается на протяжении веков, предоставляет уникальную возможность доступа к будущему, и ее резкое изменение может привести к дезориентации со всеми вытекающими негативными последствиям. Попытка сменить культурную парадигму, агрессивное навязывание совершенно чуждых большинству россиян норм и ценностей, идущих со стороны Запада при массированной поддержке СМИ, приводит в России к деградации общества и, соответственно, к вырождению. В этой связи следует отметить, что в регионах, сохранивших национальные традиции, сложилась более благоприятная демографическая ситуация, чем в России в целом, и депопуляция им пока не грозит. Это происходит либо за счет традиционно высокой рождаемости, что характерно, например, для некоторых коренных народов Сибири, либо за счет повышенной по сравнению со среднероссийским уровнем рождаемости и более низкой смертности, как это происходит на Северном Кавказе. Причину относительно низких показателей смертности населения республик Северного Кавказа исследователи видят среди прочих в практическом отсутствии среди мусульманского населения алкоголизма, который столь пагубно влияет на население в депрессивных регионах Европейской России, Сибири и Дальнего Востока и которому особенно подвержены коренные народы Сибири и Севера. Кроме того, возможность вести подсобное хозяйство в условиях благоприятного климата, развитые родовые связи и взаимопомощь делают человека более устойчивым ко всякого рода кризисам и воздействиям извне. А кроме того, традиционно существующее на Кавказе уважение к пожилым людям, которые не чувствуют себя балластом для общества, а наоборот, выполняют важную функцию передачи знаний и традиций новым поколениям, способствует бóльшей продолжительности жизни.

Что касается последнего из внутренних факторов – *реализации политики государства*, то следует отметить, что после распада СССР на протяжении почти десяти лет в России не были сформулированы даже цели демографического развития страны. Поразительно, но за почти два десятилетия депопуляции не было ни одной сессии Академии наук, Медицинской академии, Минздрава, Государственной Думы, посвященных важнейшему вопросу – поиску причин сверхвысокой смертности, в том

числе сильно возросшей смертности от болезней системы кровообращения. Лишь в сентябре 2001 г. была принята Концепция демографического развития Российской Федерации на период до 2015 г., которая своей целью провозглашала стабилизацию численности населения и создание предпосылок его роста с учетом мобилизации как воспроизводственных, так и миграционных компонент. Комплекс мер демографической политики касался в ней трех основных направлений: повышения рождаемости и укрепления института семьи; улучшения здоровья и роста продолжительности жизни; обеспечения необходимого миграционного прироста и совершенствования привлечения и использования трудовых мигрантов. Однако никаких реальных программ в соответствии с Концепцией на федеральном уровне разработано не было. В некоторых регионах России в эти годы разрабатывались планы мер по реализации региональной демографической политики, учитывающей специфику территорий. Однако ориентация на собственные ограниченные ресурсы при отсутствии поддержки со стороны федеральных властей, а самое главное, слабая проработка целей и механизмов их достижения, привели к тому, что эти усилия имели незначительный и неустойчивый эффект.

Если каждый из приведенных выше внутренних факторов формирует демографические риски как в составляющих естественного, так и всех видов механического движения населения, то такой из внешних факторов, как *состояние и процессы, происходящие в других государствах и формирующие иммиграционные потоки*, касается только межгосударственной миграции.

В начале 1990-х гг. при переходе стран, образовавшихся после распада СССР, к рыночной экономике в результате сокращения производства и роста безработицы произошло массовое вытеснение людей в этих странах из привычной для них среды существования, и значительная часть из них сформировала внешние по отношению к России потоки иностранной рабочей силы.

Благоприятность условий регионов России для развития трудовой миграции 1990-х гг. заключалась в лояльности законов принимающей стороны, а также в отсутствии юридических ограничений, позволяющих свободно пересекать «прозрачные» в то время государственные границы, провозить коммерческий груз, пребывать и работать без законодательных препятствий. И только к началу нового тысячелетия вводятся новые официальные нормы международной миграции для стран СНГ. Важным фактором иностранной трудовой миграции стало и то, что как части бывшего государства эти страны имели схожее правовое поле, однотипную номенклатуру профессий, общую принадлежность сразу к двум языковым ареалам (например, русский и тюркский), а пребывание долгие годы в единой социальной структуре и идеологии выработало у населения этих стран общие коммуникативные нормы и образцы социальной организации.

Однако, несмотря на значимые социальные функции, потоки такой миграции привнесли и целый ряд рисков: нарушение этнодемографического баланса территорий вселения, межнациональные конфликты, рост

наркомании, этническую преступность, ухудшение санитарно-эпидемиологической ситуации, угрозу потери стратегических территорий и т.д. Эти риски часто по своему негативному эффекту перекрывают все преимущества, связанные с массовым привлечением мигрантов с целью усиления трудового и демографического потенциалов территорий.

Другим важнейшим внешним фактором является *целенаправленная деструктивная деятельность внешних сил* по формированию демографических рисков [Соболева, Чудаева, 2008]. В высказываниях некоторых видных западных политиков звучала мысль о том, что Западу не нужна сильная Россия, после проигрыша в холодной войне она должна быть расчленена, а ее роль низведена до сырьевого придатка, обеспечивающего ресурсами благополучные страны. И важнейшую роль в ослаблении страны должно сыграть сокращение численности населения через снижение рождаемости и рост смертности.

В стратегии национальной безопасности США в качестве важнейших составляющих декларируется обеспечение беспрепятственного доступа к ключевым районам мира и глобальным ресурсам. На Западе уже неоднократно озвучивались идеи о том, что огромные ресурсы России должны быть интернационализированы. Два бывших госсекретаря США М. Олбрайт и К. Райс формулировали этот тезис практически одинаково: Сибирь слишком большая, и несправедливо, что она принадлежит только одной стране. А вот что писал З. Бжезинский в своей книге «Выбор. Мировое господство или глобальное лидерство»: «...чтобы удержать Сибирь, России понадобится помощь: ей не под силу одолеть эту задачу самостоятельно в условиях переживаемого ею демографического спада и новых тенденций в соседнем Китае». А вот как выглядит эта помощь на практике: в начале 1990-х гг., когда Россия находилась в шоковом состоянии от инициированных Западом и проводившихся под его контролем реформ*, практически лишенная суверенитета и имевшая огромный внешний долг, для США наступил подходящий момент для обсуждения возможности покупки Сибири, которую Россия, по их мнению, никогда не сможет не только освоить, но и даже заселить, по аналогии с Аляской. Можно также вспомнить и нашумевшую работу ученых из Брукингского института, одним из основных выводов которой было утверждение о том, что в Сибири жить невозможно, отсюда следовал совет – переселить население на территории с более благоприятным климатом. То есть самим расчистить богатую природными ресурсами территорию от населения для новых хозяев, что и осуществлялось, например, для некоторых северных территорий за счет кредитов МБРР**.

---

*По мнению А. Антонова, демографический кризис в России связан с социально-экономическими и политическими реформами, инициированными Западом, которые и были направлены на депопуляцию населения (http://www.demographia.ru/articles_N/index.html?idR=1&idArt=643).

**Речь идет о переселении жителей Воркуты, Норильска и Сусуманского района Магаданской области в рамках пилотного проекта социального реструктурирования районов Крайнего Севера за счет кредитов Международного банка реконструкции и развития.

Б. Грызлов, выступая на встрече в Мурманске в 2007 г., высказался категорически против программы переселения людей с Севера. Он заявил, что освоение северных территорий является стратегической задачей для нашей страны. Между тем «есть мнение, что надо с Севера переселять людей, внедрять вахтовый метод», – заметил он. Более того, по словам спикера, существуют программы переселения людей с Севера. Это «антистратегическая программа», по мнению Б. Грызлова. Он убежден, что «наоборот, Север надо обустраивать, создавать комфортные условия для жизни». «Север для России – не обуза, – подчеркнул Б. Грызлов – 60 % валютных запасов страны поступает с северных территорий. Если говорить о месторождениях, то здесь 93 % запасов нефти, 75 % – газа, 100 % – алмазов, половина леса, 90 % меди и никеля, две трети золота – это все северные территории» [Грызлов, 2007].

Изложенные внутренние и внешние факторы, формирующие демографические угрозы и риски, в разной степени оказывают влияние на отдельные составляющие демографической ситуации.

Наиболее значимые последствия современных демографических угроз проявляются в таких характеристиках воспроизводства и формирования населения, как:

• длительное сокращение численности населения (сохранение продолжительного во времени отрицательного естественного прироста) – депопуляция;

• низкий уровень рождаемости, не обеспечивающий простое воспроизводство населения, и большое число абортов, сравнимое с числом рождений;

• высокий уровень смертности, сверхсмертность мужского населения, усиление социальной обусловленности смертности за счет роста алкоголизма, наркомании, туберкулеза, проблем иммунодефицита;

• низкая ожидаемая продолжительность жизни, особенно у мужчин и некоторых этносов;

• нарушение половозрастной структуры населения за счет естественного и механического движения и в том числе гендерная асимметрия в составе населения;

• сокращение численности населения трудоспособного возраста, его старение и в то же время рост экономической нагрузки за счет старого населения;

• снижение качества человеческих ресурсов (демографический аспект) за счет роста заболеваемости и ухудшения репродуктивного и психического здоровья;

• трансформация брачно-семейных отношений и традиционных ценностей семьи и, как следствие, – высокий уровень разводов и рост количества неполных семей и внебрачной рождаемости, рост бездетных и малодетных семей, брошенные старики и социальное сиротство и т.д., влекущие за собой целый спектр социальных проблем;

• сокращение доли государствообразующего (субъектообразующего) этноса; обезлюдевание в результате депопуляции и длительного мигра-

ционного оттока с обширных богатых природными ресурсами планетарного масштаба и стратегически важных территорий в условиях обостряющейся в мире борьбы за ресурсы и изменяющегося климата;

• необходимость сохранения территориальной целостности в условиях депопуляции.

2.2. МЕТОДИКА ИЗМЕРЕНИЯ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ НА РЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ

Индикаторы демографических угроз – функциональные характеристики отдельных сторон процесса демографического воспроизводства и формирования демографических структур (половозрастной, семейной, этнической), отражающие его негативный характер.

Каждый из индикаторов может быть описан одним или совокупностью показателей и отображает либо состояние объекта исследования, либо ход демографических процессов, их количественные и качественные характеристики в агрегированном виде.

В зависимости от тактики и задач анализа конкретных демографических проблем в методике формирования демографических индикаторов в анализе такого крупного региона, как Сибирь, следует выделять два этапа.

На первом этапе – мегауровне – необходимо определить рейтинг территорий (области, края) по отдельным наиболее важным составляющим демографического развития. На этом этапе используются агрегированные показатели, каждый из которых описывает основные количественные или качественные характеристики воспроизводства населения. С помощью такого анализа можно определить рейтинг территории, выделить области (края), находящиеся в лучшем и худшем положении относительно указанных проблем демографического развития. Данный подход предполагает разработку совокупности индикативных показателей, описывающих все стороны рассматриваемого явления. В качестве таких показателей для анализа демографических проблем на этом уровне мы выделяем следующие:

1. *Индикативный показатель естественного прироста населения*, складывающийся из трех показателей, каждый из которых учитывается с одинаковым весом (рис. 2.1).

• Коэффициент естественного прироста населения в году t – e^t.

• Средняя величина коэффициента естественного прироста населения за последние пять лет

$$e^{5t} = \sum_{i=t-4}^{t} e^i / 5.$$

• Средняя величина коэффициента естественного прироста населения за последние 10 лет

$$e^{10t} = \sum_{i=t-9}^{t} e^i / 10.$$

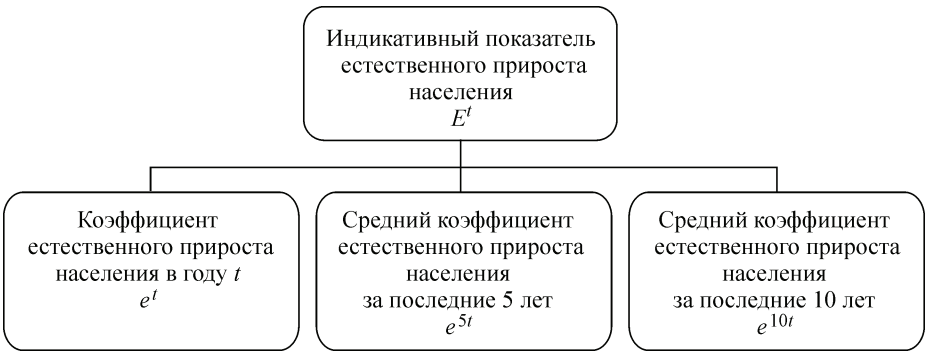


Рис. 2.1.

2. *Нетто-коэффициент воспроизводства,* показывающий степень замещения поколения женщин их дочерьми при длительном сохранении существующих уровней рождаемости и смертности.

3. *Индикативный показатель заболеваемости по нозологиям, вносящим основной вклад в уровень смертности населения* и составляющим более 80 % всех случаев смерти (H^t), складывается из трех показателей, каждый из которых учитывается с определенным весом (рис. 2.2).

- Заболеваемость населения болезнями системы кровообращения ($h^t_{\text{сист. кровооб}}$).
- Заболеваемость населения злокачественными новообразованиями ($h^t_{\text{злокач. новообр}}$).
- Заболеваемость населения, связанная с несчастными случаями, отравлениями и травмами (последствия воздействия внешних причин) ($h^t_{\text{внеш}}$).

4. *Индикативный показатель заболеваемости по социально значимым группам болезней* ($H^t_{\text{соц. знач. заболев}}$) складывается из трех показателей, каждый из которых учитывается с определенным весом (рис. 2.3).

Рис. 2.2.

Рис. 2.3.

• Заболеваемость населения алкоголизмом и алкогольными психозами ($h^t_{\text{алког}}$).

• Заболеваемость населения наркоманией ($h^t_{\text{нарком}}$).

• Заболеваемость населения, связанная с психическими расстройствами и расстройствами поведения ($h^t_{\text{психич}}$).

На втором этапе анализа – мезоуровне – для каждой выделенной территории (области, края) проводится углубленный динамический анализ демографической безопасности по более широкому кругу показателей, описывающих процесс воспроизводства и формирования демографических структур (половозрастной, семейной, этнической). Цель такого стратегического анализа состоит в выявлении угроз демографической безопасности на ранних стадиях их формирования до того момента, когда эти угрозы могут окончательно сформироваться и быть реализованы.

Каждому индикатору соответствует шкала допустимых значений его изменений, при этом важно знать предельные, так называемые пороговые значения, к которым необходимо стремиться на первом этапе хотя бы для нейтрализации или смягчения негативных демографических тенденций.

Множество всех видов показателей демографических угроз мезоуровня сводится к следующим блокам:

1. Естественное движение.
2. Состояние здоровья (качественные характеристики воспроизводства населения).
3. Демографические характеристики семьи.
4. Миграция и расселение.
5. Этнодемографическая структура.

Все показатели каждого из указанных блоков вместе со своими пороговыми значениями и вероятными демографическими последствиями представлены в табл. 2.1.

Большинство из индикаторов демографической безопасности и их пороговые (предельные) значения могут быть рассчитаны как для России в целом, так и для отдельных ее регионов с помощью данных статистической отчетности Федеральной службы государственной статистики.

Таблица 2.1

Индикаторы демографической безопасности Сибири, 2008–2009 г.

Показатель	Величина показателя	Пороговое значение	Вероятные демографические последствия
Естественное движение населения			
Суммарный коэффициент рождаемости (среднее число детей, рожденных женщиной за весь репродуктивный период)	1,6	2,15	Депопуляция (отсутствие простого замещения поколений), старение населения
Ожидаемая продолжительность жизни при рождении, лет	67 – все население; 61 – мужчины, 73 – женщины	70 – все население; 65 – мужчины, 75 – женщины (данные по РФ в 1987 г.)	Снижение жизнеспособности населения страны, половые диспропорции, сокращение демографического потенциала
Коэффициент смертности населения трудоспособного возраста (число умерших на 1000 чел. соответствующего пола и возраста)	7,2 – все население; 11,0 – мужчины, 3,2 – женщины	3,8 – все население; 5,5 – мужчины, 2,3 – женщины (данные по РФ в 1960 г.)	Нарушение половозрастной структуры населения, сокращение демографического потенциала
Младенческая смертность (число умерших до года детей на 1000 родившихся живыми)	9,1	В 1,5–2 раза превышает уровень развитых стран	Сокращение численности детей, старение населения
Здоровье (качественные характеристики воспроизводства населения)			
Удельный вес детей первой и второй групп здоровья в общей численности детей и подростков (0–17 лет), %	12–15	80 % от общей численности детей	Ухудшение здоровья, формирование нездорового поколения
Детская и подростковая инвалидность, %	2,0	1 % от общей численности детей и подростков	Сокращение здорового поколения и демографического потенциала
Распространенность бесплодия и невынашивания, % от численности женщин, состоящих в браке	15–20	5	Нарушение процессов воспроизводства
Число прерванных беременностей на 100 родов	86	В 10 раз превышает уровень развитых стран	Значительное снижение числа родившихся, ухудшение здоровья, в том числе репродуктивного, рост доли бездетных и малодетных семей
Осложнения беременности, родов и послеродового периода на 1000 рождений	1627	Необходимо снижение показателя	Негативное воздействие на здоровье (в том числе репродуктивное) матерей и их детей

Продолжение табл. 1.2

1	2	3	4
Характеристики семьи			
Число разводов на 1000 браков	602	404 (данные по РФ в 1987 г.)	Нарушение семейной структуры, рост числа неполных семей
Доля внебрачных рождений в общей численности новорожденных, %	33,1	4,0	Нарушение семейной структуры, рост числа неполных семей
Доля детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей в общей численности детей, %	4,3 % от численности детей в возрасте 0–14 лет	0,5–1,0 % от численности детей	Рост числа брошенных и оставленных без попечения родителей детей, социальное сиротство
Механическое движение населения			
Коэффициент миграционного прироста (чел. на 1000 чел. постоянного населения) между регионами в пределах России	–1,0	Дифференцированный показатель в зависимости от плотности населения, стратегической важности территории и ее геополитического значения для страны	Обезлюдевание территорий (в том числе стратегически важных и концентрация населения вокруг крупных мегаполисов как диаметрально противоположные проблемы демографической безопасности
Коэффициент миграционного прироста (чел. на 1000 чел. постоянного населения) в результате обмена населением с зарубежными странами	1,7	Дифференцированный показатель в зависимости от стратегической важности территории и ее геополитического значения для страны, а также этнической принадлежности мигрантов	Изменение этнической структуры, замещение своего населения пришлым инокультурным, угроза этнополитической стабильности и утраты контроля за территориями
Коэффициент трудовой иммиграции (число трудовых иммигрантов на 1000 занятых в экономике)	4,3	Дифференцированный показатель в зависимости от стра-	Изменение этнической структуры, замещение своего населения пришлым инокультурным, угроза этнополитической

Окончание табл. 1.2

1	2	3	4
		тегической важности территории и ее геополитического значения для страны, а также этнической принадлежности мигрантов	стабильности и утраты контроля за территориями
Заселенность стратегически важных территорий (в том числе приграничных) постоянным населением (плотность населения)	3,9	Дифференцированный показатель в зависимости от расположения стратегически важной территории	Сокращение численности поселений, обезлюдение территории
Этнодемографическая структура населения			
Доля государствообразующего этноса в общей численности населения*, %	87,4	Дифференцированный по регионам показатель. Необходимо не допускать снижения ниже определенного уровня	Сокращение доли государствообразующего этноса, ослабление страны
Соотношение доли детей и доли пенсионеров в общей численности населения	1,0/1,11	1,2/1,0	Депопуляция, ухудшение возрастной структуры, рост демографической нагрузки на экономически активное население в будущем

Примечание. Данный показатель рассчитывается по данным переписи населения.

Вместе с тем, такие индикаторы, как распространенность бесплодия и невынашивания беременности, удельный вес детей первой и второй групп здоровья в общей численности детей, число детей-сирот и оставшихся без попечения родителей, могут быть рассчитаны только на основании региональных статистических данных. Их пороговые значения для России в целом получены либо на основании экспертной оценки, либо в сравнении с развитыми странами мира. Во всей совокупности индикаторов только такой индикатор, как коэффициент трудовой иммиграции

(число трудовых иммигрантов на 1000 занятых в экономике), не отражается в статистической отчетности ни регионов, ни страны в целом. Между тем данные о потоках трудовой иммиграции из ближнего и дальнего зарубежья существуют в региональной отчетности ФМС регионов, а, следовательно, этот индикатор может быть рассчитан на уровне отдельных регионов.

Разработанные индикаторы позволяют осуществлять диагностику демографической сферы страны на данный период и в будущем, они могут рассматриваться в качестве ориентиров для разработки и реализации федеральной и региональной демографической политики государства.

Государственная политика в области обеспечения демографической безопасности должна реализовываться в региональных программах демографического развития, разработанных в отдельных субъектах Российской Федерации с учетом новой Концепции демографической политики Российской Федерации и региональных особенностей в сфере формирования демографических рисков.

В качестве субъекта демографической безопасности на региональном уровне должны выступать исполнительные органы власти в пределах их компетенции в рамках реализации целевых программ демографического развития субъекта РФ, а также контролирующие государственные органы, ответственные за безопасность страны, в том числе ФСБ. Большую помощь в обеспечении демографической безопасности могут оказать общественные организации и СМИ, чья деятельность состоит в пропаганде семейных ценностей, здорового образа жизни, самосохранительного поведения и в профилактике заболеваний. Важна и роль ученых в *обеспечении информацией общества о демографических угрозах, их последствиях и мерах, принимаемых для обеспечения демографической безопасности.*

Глава 3

ЭТНИЧЕСКИЕ РИСКИ РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА: ТЕОРИЯ И МЕТОДИКИ ОЦЕНКИ

В современной России особую значимость приобретают вопросы прогнозирования развития. «Не реализовав масштабный, долгосрочный проект демографического развития, наращивания человеческого потенциала, освоения своих территорий, мы рискуем превратиться в глобальном смысле в “пустое пространство”, судьба которого будет решаться не нами» [Путин, 2012]. Развитие человеческого потенциала становится стратегической задачей государства.

Впервые понятие «человеческое развитие» было сформулировано в 1990 г. в докладе Программы развития ООН в контексте «расширения спектра выбора» личности. Важнейшими элементами выбора были признаны: «жить долгой и здоровой жизнью, получить образование и иметь достойный уровень жизни»; дополнительными факторами стали политическая свобода, гарантированные права человека и самоуважение [ООН опубликовала Индекс человеческого развития..., 2011]. Время показало недостаточность этого определения, и в 2010 г. было предложено новое: «Развитие человека представляет собой процесс расширения свободы людей жить долгой, здоровой и творческой жизнью, на осуществление других целей, которые, по их мнению, обладают ценностью; активно участвовать в обеспечении справедливости и устойчивости развития на нашей общей планете» [Доклад о развитии человека..., 2010].

В Докладе о человеческом развитии 2011 г. (Human Development Report) – «Устойчивое развитие и равенство возможностей: лучшее будущее для всех», подготовленном Программой развития Организации Объединенных Наций (ПРООН), Россия занимает 66 место из 187 с индексом человеческого развития 0,755 и находится в середине списка высокоразвитых, по оценке ПРООН, государств. Это демонстрирует относительно высокое качество человеческого потенциала и одновременно ограничения в его развитии, связанные с проблемами социально-экономического неравенства, низкой продолжительностью жизни, экологическими проблемами, высокой межнациональной напряженностью и проч. [Устойчивое развитие..., 2012]. Ограничения в развитии человеческого потенциала формируют пространство риска. В современных исследованиях методология оценки рисков сквозь призму интересов общества и личности предполагает использование двух основных методологических подходов.

Традиционно риски в социально-политическом и социокультурном измерениях описываются на основе концепции идентичностей (включа-

ющих этничность). Этот подход опирается на категории «меньшинства» и «базовых групповых человеческих потребностей» и на понятие «групп риска». Согласно этим подходам, социум (этническая группа) обладает некими базовыми потребностями – стремлением к обеспечению выживания, целостности и суверенитета. Если сообщество (меньшинство) не может удовлетворить свои «базовые потребности», испытывая различные формы социальной депривации и политической дискриминации, оно пребывает в состоянии риска и может либо исчезнуть, либо начать борьбу в защиту своей идентичности. При таком подходе, риск – это существование или возможность возникновения ситуации, когда формируются предпосылки противодействия реализации базовых этносоциальных ценностей личности или группы; они являются факторами развития конфликта – конфликтогенными факторами.

Одним из примеров исследований в такой парадигме является проект «Меньшинства в состоянии риска» (Minorities at Risk/MAR). Проект был инициирован Т. Гарром в 1986 г.; с 1988 г. работу по нему вел Центр международного развития и управления конфликтами Университета Мэриленда (The Center for International Development and Conflict Management/CIDCM). Проект обобщил данные об этнических меньшинствах и конфликтах с участием меньшинств в странах мира с населением более 500 тыс. чел. Статистическая база данных и ее аналитика разрабатывались на протяжении 2000-х гг. Информация по этническим меньшинствам была представлена следующими группами показателей: I) характеристики сообщества (индикаторы идентичности; оценки численности населения; показатели различности; концентрация); II) статус (индикаторы исторического опыта автономизации и сепаратизма; организация групп и представительство; притеснения); III) внешняя поддержка (поддержка родственных групп, иностранных государств и межправительственных организаций; поддержка неправительственных организаций); IV) конфликтное поведение (внутриобщинные конфликты; межобщинные конфликты; протестное поведение; восстания и бунты; репрессии государства в отношении групп меньшинств) [Minorities at Risk Project, 2009].

Проект определял «меньшинство в состоянии риска» как группу, которая претерпевает коллективные страдания и систематическую дискриминацию в обществе и мобилизуется для отстаивания интересов или собственной защиты. С 2004 г. появились следующие дополнительные критерии: членство в группе обусловлено преимущественно происхождением; членство в группе осознается как важное в психологическом, нормативном и стратегическом аспектах; члены группы разделяют некие общие культурные нормы, такие как язык, религия и обычаи; группа насчитывает, как минимум, 100 тыс. чел. и составляет не менее 1 % от общего населения страны. В ходе исследований была обоснована 71 ключевая переменная анализа. Этим критериям удовлетворяли 282 этнополитические группы. Проект имел две смежные базы данных: «Организации меньшинств» (Minorities at Risk Organizational Behavior) – 118 этнополитических организаций, представляющих 22 группы меньшинств

из 26 стран Среднего Востока и Северной Африки за 1980–2004 гг.; «Дискриминация» (Discrimination Dataset) – показатели уровня политической и экономической дискриминации групп, входящих в базу «Меньшинства в состоянии риска» за 1950–2003 гг. [Minorities at Risk Project, 2009].

Проект «Меньшинства в состоянии риска» опирался на теорию и практики оценки и регулирования мировых социокультурных и политических процессов, сложившихся в XX в. По мнению ведущих аналитиков современности, в том числе М. Кастеллса, это была эпоха меньшинств и различных социальных и культурных движений, которые представляли собой реакцию на глобальную экономическую и культурную унификацию. «Власть идентичности» правила миром [Castells, 1997]. После Второй мировой войны одновременно с крушением колониальной системы и развитием транснациональной миграции в мировых законодательных и общественных практиках утвердилось признание этнокультурного многообразия как важнейшей характеристики социальной гармонии.

К числу документов, подтвержденных ООН, ЮНЕСКО, МОТ и другими международными организациями и ориентированных на утверждение принципа культурного многообразия, относятся: Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия (1972 г.); Конвенция о коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни в независимых странах (1989 г.); Декларация тысячелетия (2000 г.); Хартия земли (2000 г.); Всеобщая декларация ЮНЕСКО о культурном разнообразии (2001 г.); Конвенция об охране нематериального культурного наследия (2003 г.); Рекомендации о развитии и использовании многоязычия и доступе к киберпространству (2003 г.); Конвенция об охране и поощрении разнообразия форм культурного самовыражения (2005 г.); Всемирный доклад о культурном разнообразии (2008 г.) и т.д. Согласно Всемирной декларации ЮНЕСКО, защита культурного разнообразия является этическим императивом человечества: «Она подразумевает обязательство уважать права человека и основные свободы, особенно права лиц, принадлежащих к меньшинствам, и права коренных народов. Недопустимо ссылаться на культурное разнообразие для нанесения ущерба правам человека, гарантированным международным правом, или для ограничения сферы их применения» [Всеобщая декларация ЮНЕСКО, 2001].

В начале XXI в. парадигма полиэтничности остается одной из доминант политического структурирования не только России, но и мирового сообщества в целом. Утрата этничности, как одной из составляющих структуры идентичностей современного человека, часто расценивается с позиций риска. Но при этом, характеризуя события XX в., эксперты отмечают, что он войдет в историю как период противостояния двух важнейших тенденций: растущего осознания групповой солидарности, основанной на религиозных, этнических и других идентичностях, с одной стороны, и политической консолидации и глобализации – с другой.

В сентябре 2002 г. в Страсбурге проводился симпозиум Совета Европы, на котором в рамках проекта «Межкультурный диалог и предуп-

реждение конфликтов» экспертным сообществом обсуждались источники и детонирующие механизмы межкультурных и межрелигиозных конфликтов, определялись меры предупреждения этих конфликтов, а также меры урегулирования постконфликтных ситуаций. Целью этого симпозиума, как указано в отчете о его работе, являлось «помочь управленцам на всех уровнях (локальном, региональном и национальном), гражданскому обществу и акторам, работающим на местах, определить политику диалога, включающую в себя все способы выражения культурного многообразия». В том же документе межкультурный и межрелигиозный диалог рассматривается как один из главных способов предупреждения или урегулирования уже возникшего конфликта – идея, нашедшая свое окончательное оформление в Белой книге Совета Европы по межкультурному диалогу [Dialogue au service, 2002].

Риск возникновения конфликтов связан со столкновением различных систем ценностей. На макроуровне это выражено возможностью возникновения конфликтов при взаимодействии в одном государстве различных этнокультурных сообществ, а также между государствами (экстремизм, национализм, мигрантофобия, этноцентризм и др.). В Белой книге Совета Европы по межкультурному диалогу, изданной в 2008 г., к таким рискам причисляется следующее:

1) развитие стереотипного представления о других культурах, установление климата взаимного недоверия, напряженности и беспокойства в обществе, провоцирующего развитие нетерпимости и дискриминации;

2) лишение человека возможности новых культурных открытий, которые необходимы личностному и социальному развитию индивида в контексте глобализации;

3) образование замкнутых, изолированных сообществ, ведущее к развитию в них удушающего конформизма;

4) создание благоприятной почвы для появления и развития экстремизма, трансформирующегося в терроризм;

5) создание в изолированных и настроенных враждебно по отношению к другим культурам сообществах неблагоприятного климата для индивидуальной автономии личности и свободного осуществления прав человека и основных свобод;

6) возникновение масштабных общественных конфликтов и потрясений, уносящих миллионы человеческих жизней [Livre Blanc sur le dialogue interculturel, 2008].

Лидер этнополитологии в России В.А. Тишков подчеркивает: «Вторая половина XX века стала свидетелем действительно глобального явления – эскалации насилия и войн внутригосударственного характера. Большинство этих войн и конфликтов – это так называемые войны “за идентичность и веру”, т.е. войны за этническое самоопределение, сепаратистские или ирредентистские политические проекты. Часть конфликтов – это вооруженная борьба за власть над центральным правительством разных соперничающих группировок, опирающихся на представителей той или иной этнической или религиозной общины, проживающих в едином государстве. Только за период с 1990 по 1995 г. 70 государств были

вовлечены в 93 войны, в которых было убито 5,5 млн чел. Три четверти этих жертв – гражданское население, включая один миллион детей». В том числе вооруженные действия в Чечне 1994–1996 и 1999–2001 гг. унесли более 40 тыс. жизней российских граждан [Тишков, 2012].

Конфликты, рожденные конкуренцией идентичностей, ставят под угрозу возможность воспроизводства человеческого потенциала. Признавая значение этнокультурного многообразия и настаивая, вслед за В.А. Тишковым, на выработке в обществе конструктивного (позитивного и толерантного) отношения к этой стороне российской действительности, авторы данного текста ориентируются на приоритетность эффективной политики государства в пользу личности и общества. На протяжении 1990–2000-х гг. кампании Чеченской войны, конфликты в Дагестане, Осетии, Карелии, на Ставрополье сделали важными для России разработку стратегий нейтрализации этнических рисков и предотвращения конфликта через эффективное управление полиэтничными сообществами.

По определению одного из ведущих антропологов-экспертов России М.Н. Губогло, «содержание новой этнической политики состоит в расширении спектра самовыражения этничности путем разработки механизмов, способных примирить политико-правовые интенции и интегративные задачи государства по созданию юридически обоснованной солидарности граждан, т.е. согражданства, с жизненно важными социально-демографическими, культурно-языковыми и психологическими аспектами этнических общностей и групп. Долгосрочность ее вытекает из признания многоэтничности постоянно действующим фактором» [Губогло, 2003, с. 721].

Этническое многообразие современной России признается политическим и культурным императивом на уровне политического, академического и легитимного общественно-публицистического дискурсов. Но определение риска лишь на основе методологии и практики этнического партикуляризма представляется не достаточно эффективным. Всестороннее изучение этносоциальных процессов последних десятилетий, оценка развития политических и культурных взаимодействий различного, в том числе транснационального, уровня, пересмотр ценностей мультикультурализма в пользу интеркультурализма и, наконец, понимание того, что этносоциальные и политические проблемы возникают не только из-за протестов меньшинств, но и из-за позиции большинства, приводят к корректировке методологических принципов этносоциальных исследований. Как считает В.А.Тишков, «наступающий новый век будет временем реакции групп большинства на несостоятельные проекты от имени меньшинств по разрушению общего политического пространства вместо улучшения системы правления и культурной политики в рамках общего государства» [Тишков, 2000].

Оценивая в рамках данного исследования риск как потенциальную возможность материальных, физических, социальных потерь общества, отдельных индивидов и групп и угрозу для их жизненных шансов, следует подчеркнуть, что в сфере долгосрочного планирования и государственной политики эта категория соотносится с представлением о национальной безопасности.

Ориентация на приоритет государства и концепцию гражданской нации определяет методологический подход к оценке рисков, который становится реальностью российской гуманитарной науки в последнее десятилетие. При оценке современной ситуации в России авторы фундаментального исследования «Стратегические риски России: оценка и прогноз» (2005 г.) используют категорию стратегических рисков, подразумевая под ними «угрозы национальной безопасности и устойчивому развитию страны, обусловленные уязвимостью населения, хозяйственных объектов и окружающей их природной среды к разрушительному воздействию различных источников и факторов опасности... В более же узкой трактовке, как управленческой категории, стратегический риск может рассматриваться в качестве меры возможности наступления негативных последствий для национальной безопасности и устойчивого развития страны при принятии неэффективных или непринятии стратегических решений в сфере (обще)государственного управления» [Стратегические риски..., 2005, с. 35]. Речь идет о сочетании вероятности таких неблагоприятных событий (кризисов, катастроф, стихийных бедствий и проч.) и ущербов от них, которые существенно снижают уровень защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз [Стратегические риски..., 2005, с. 35].

К числу стратегических рисков наряду с прочими отнесены: возрастание угроз терроризма, возможность внутригосударственных межнациональных (межэтнических) и межконфессиональных конфликтов; соединение межэтнических и межконфессиональных конфликтов, когда те и другие принимают экстремальные формы; изменение социальной структуры и духовный кризис также соотносятся с этнокультурными и социально-политическими трансформациями общества и формируют современные риски России [Стратегические риски..., 2005].

Говоря об этнических аспектах рисков развития человеческого потенциала в рамках данной работы, следует сослаться на Концепцию национальной безопасности Российской Федерации 1997 г. в ее новой редакции 2000 г. и Стратегию национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г., утвержденную Указом Президента от 12 мая 2009 г. В концепции государственной национальной безопасности России подчеркивается: «Негативные процессы в экономике лежат в основе сепаратистских устремлений ряда субъектов Российской Федерации. Это ведет к усилению политической нестабильности, ослаблению единого экономического пространства России и его важнейших составляющих – производственно-технологических и транспортных связей, финансово-банковской, кредитной и налоговой систем. Экономическая дезинтеграция, социальная дифференциация общества, девальвация духовных ценностей способствуют усилению напряженности во взаимоотношениях регионов и центра, представляя собой угрозу федеративному устройству и социально-экономическому укладу Российской Федерации. Этноэгоизм, этноцентризм и шовинизм, проявляющиеся в деятельности ряда общественных объединений, а также неконтролируемая миграция способствуют усилению национализма, политического и религиозного

экстремизма, этносепаратизма и создают условия для возникновения конфликтов» [Концепция национальной безопасности РФ..., 2000].

Развитие концепта национальной безопасности связано с утверждением по Указу Президента РФ от 19 декабря 2012 г. Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г., ориентированной на обеспечение интересов государства, общества, человека и гражданина, укрепление государственного единства и целостности России, сохранение этнокультурной самобытности ее народов, сочетание общегосударственных интересов и интересов народов России, обеспечение конституционных прав и свобод граждан.

Стратегия, предполагающая активизацию всестороннего сотрудничества народов Российской Федерации, развитие их языков и культур, является частью стратегического планирования в сферах обеспечения национальной безопасности. Она носит комплексный межотраслевой социально ориентированный характер; призвана развивать потенциал многонационального населения Российской Федерации (российской нации) и всех составляющих его народов (этнических общностей) [Стратегия государственной национальной политики..., 2012].

Национальная безопасность, таким образом, соотносится с исторически сформированной полиэтничной структурой России, в настоящее время закрепленной в иерархии этнополитических и этнотерриториальных автономий, в сложной инфраструктуре национально-культурных центров, автономий и проч. Признание необходимости сохранения этнокультурного многообразия, ориентированного на идентичность, при условии интеграции определяет специфику исследовательского подхода в рамках данной работы.

Итоги международных и российских программ мониторинга конца 2000-х гг. позволяют утверждать, что не менее 65–68 % населения страны ощущают себя российскими гражданами. Но при этом этничность сохраняет свою актуальность в их самоопределении. Данные всероссийского опроса Института социологии РАН 2011 г., приведенные Л.М. Дробижевой, показывают, что 82 % опрошенных относят себя к тем, кто «никогда не забывает о своей национальности», и 79 % полагают, что «в наше время человеку нужно ощущать себя частью своей национальности» [Дробижева, 2011].

Полиэтничность во многом определяет перспективы развития государства, контекст становления российской гражданской нации и ее ценностей и перспективы развития человеческого потенциала на общегосударственном и региональном уровнях.

Оценка рисков в этнической сфере сопряжена с категорией конфликта, которая активно разрабатывается в мировой науке, начиная с 1950-х гг. Первоначально этничность оценивалась лишь как вторичный признак, как эпифеномен*. Существовало представление о том, что этнические конфликты будут отходить на второй план по мере модерниза-

*Эпифеномен – придаток к явлению (феномену) побочное явление, сопутствующее другим явлениям, но не оказывающее на них никакого влияния (БСЭ).

ции. Однако этноконфликты не прекращались, и к концу XX в. в мировой науке утвердился полипарадигмальный подход их изучения. В.А. Тишков рассматривает этнический (этнополитический) конфликт «как форму гражданского противостояния на внутригосударственном или трансгосударственном уровнях, при котором хотя бы одна из сторон организуется и действует по этническому признаку или от имени этнической общности». Этнополитические конфликты предполагают борьбу различных социальных групп, организованных по этническому признаку, который становится основанием их идеологического и политического противостояния [Тишков, 2012, с. 634].

Этнические конфликты относятся к числу наиболее реальных рисков современного мира и России. Они возникают в результате социальных и экономических причин, однако основой для их возникновения является феномен этнических интересов и памяти. Рост напряженности в ходе этнического конфликта сопровождается эскалацией насилия, развитием этнонационального фанатизма и установлением иррациональных стандартов во взаимодействиях. Конфликт способен развиваться от кризиса (вызова) к реализованной опасности. Динамическая модель конфликта предполагает, что любой конфликт, прежде чем обрести открытую форму, проходит ряд латентных стадий и предполагает фазу риска.

При всех различиях в подходах и трактовках, в отечественной науке под риском стали понимать существование или возможность возникновения такой ситуации, когда формируются предпосылки (накапливается потенциал) противодействия реализации национальных ценностей, интересов и целей решению задач обеспечения национальной безопасности. Ориентируясь на достижение стратегических целей, российская наука обратилась к созданию системы управления конфликтами и рисками. С 1990-х гг. началась активная деятельность по непрерывному обновлению и анализу информации, а также осуществление контроля над общественными процессами с целью предотвращения и минимизации рисков, оценки эффекта их воздействия на реализацию стратегической цели.

В 1993–1995 гг. были осуществлены масштабные исследования, посвященные конфликтам, в том числе проект «Посткоммунистический национализм, этническая идентичность и разрешение конфликтов». В 1996 г. Центром социологии межнациональных отношений Института социально-политических исследований РАН были опубликованы материалы «Социология межнациональных отношений в цифрах» и «Россия: социальная ситуация и межнациональные отношения в регионах».

В своих разработках российские авторы опирались на работы Т. Парсонса, Т. Гурра, Ч. Тилли, Р. Козора, Дэвиса Д. и др. Востребованным стало определение риска О. Борраза (Центр социологии организаций Национального центра научных исследований Франции/CNRS), данное в его работе «Политика управления рисками». Он подчеркивает, что первоначально общественные науки рассматривали риск как технологию, способную преобразовать неопределенность в измеряемую величину, или, говоря языком социологии организаций, преобразовать «плохо

структурируемые проблемы» в проблемы, поддающиеся изучению. Эта технология позволяла определить причины, вероятность возникновения или последствия случившегося, изначально заключавшего в себе неопределенность (как несчастный случай на производстве). В основе такого подхода к определению риска лежал статистический инструментарий, на смену которому пришли научно-технические методы, которые придали риску окраску нейтральности и даже аполитичности.

Сегодня, по мнению О. Борраза, риск рассматривается как качественная характеристика. Речь идет о качестве, которое присваивается деятельности, субстанции или объекту, представляющим неопределенность для интересов, ценностей или целей индивидов, групп или организаций. Таким образом, риск является результатом процесса наделения качеством (оценки) деятельности, субстанции или объекта, целью которого является снижение неопределенности, их окружающей, с тем, чтобы превратить процессы, с ними связанные, в управляемые. Риск – это качественная характеристика, которой то или иное явление наделяется различными социально-экономическими акторами и государством и которая используется для того, чтобы привлечь к той или иной проблеме внимание и подтвердить необходимость (со стороны государства) обеспечения безопасности [Borraz, 2008, p. 11–31].

Категория риска в связи с проблемой управления общественными и экономическими процессами все чаще возникает на уровне прикладных проектов как в мире, так и в России. В русле этой тенденции еще в 1993 г. специалистами Института этнологии и антропологии РАН (ИЭА РАН) была создана сеть этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов (EAWARN) с целью определения рисков – существующих или потенциальных угроз конфронтации и конфликтов в странах СНГ и в России и эффективного распространения информации для возможного принятия контрмер со стороны общества и государства. В 1999 г. она была зарегистрирована как региональная общественная организация «Содействие осуществлению этнологического мониторинга и раннему предупреждению конфликтов». Оценочная направленность исследований 1990–2000-х гг. была переориентирована на прогностику и проблемы управления конфликтами. В России это во многом было связано с принятием в январе 2000 г. новой редакции Концепции национальной безопасности.

Сообразно с новыми задачами, содержание прикладных исследований EAWARN определяется мониторингом и компаративным анализом на основе экспертных оценок социально-культурной и политической ситуации в странах СНГ, в регионах и местных сообществах России. Разработка методики мониторинга опиралась на мировые практики анализа, начиная с 1970-х гг.

При разработке модели мониторинга директором ИЭА РАН и руководителем EAWARN В.А. Тишковым был создан перечень из 46 индикаторов – от оценки среды и ресурсов до оценки внешних условий, меняющих имидж региона, республики, народа и т.д. Уровень конфликтности рассчитывался как средняя величина баллов, выставляемых экс-

пертом по 46 индикаторам (с коэффициентом текущей значимости каждого индикатора), и представленная для удобства восприятия в процентах от максимально возможной оценки. Категория риска присутствует в этой аналитической схеме, меняя свои качественные характеристики в зависимости от реальной ситуации в регионе. Риск при индексировании конфликта или конфликтогенной ситуации может быть определен по шкале от 10 до 25 %. При этом конфликт рассматривается как динамичное явление, приоритетными в его развитии считаются факторы экономического, социального, политического и идеологического характера. Именно они могут рассматриваться с позиций оценки риска [Тишков, Степанов, 2004].

На основе изучения большого массива данных и анализа закономерностей развития конфликтов была составлена эмпирическая шкала, позволяющая определить статус текущей ситуации в регионе: общество в состоянии конфликта (конфликтность 75–100 %); частые конфликты (40–75 %); заметные конфликты (25–40 %); в обществе возникают конфликтные ситуации (10–25 %); в обществе периодически возникает напряженность (5–10 %); стабильная обстановка (менее 5 %).

Текущий мониторинг конфликтности и заключения экспертов отражены в бюллетене «Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов» и ежегодных докладах «Межэтнические отношения и конфликты в постсоветских государствах», а также в банке данных «Этничность и конфликты в постсоветских государствах» [Тишков, Степанов. 2004].

Оценки, основанные на мнении экспертов, в значительной степени зависят от наличия или отсутствия у них полноты информации. Субъективизм таких оценок необходимо учитывать, но все же у системы экспертной оценки конфликта пока нет альтернативы. Разработчиками этой методики были даны оценки конфликтности в отношении практически всех субъектов федерации в Сибири – Томской, Иркутской и Омской областей, Республики Алтай, Республики Хакасия, Республики Бурятия, Республики Тыва, Красноярского и Алтайского краев [Тишков, Степанов, 2004; Этнополитическая ситуация в России, 2011]; но анализ ситуации в Новосибирской области не предпринимался. Данный пробел был восполнен в рамках междисциплинарного интеграционного проекта СО РАН «Социальные, демографические и этнические риски развития человеческого потенциала Сибири», позволившего получить с учетом предложенной EAWARN методики оценку рейтинга конфликтности этого региона (подробнее см. главу 15).

В изучении рисков принципиальное значение имеет их верификация. Общественное сознание, в силу своей природы, в период реформ обостренно реагирует на радикальные, националистические и подобные настроения, встраивая страхи мифологического характера в систему реальных рисков для социума. Реализация крупных социальных проектов предполагает существование фактора неопределенности, что в общественном сознании трансформируется в состояние непредсказуемости будущего. Это делает общество весьма подверженным субъективным факто-

рам (слухам, настроениям лидеров мнений, локальным акциям и т.п.) и нестабильным в традиционной системе социально-экономических констант. Таким образом, общество само создает, транслирует, идентифицирует и реагирует на гипотетические риски.

Исходя из этого, применительно к оценке современной ситуации в России можно говорить о рисках, имеющих коммуникативную природу. Они субъективны по своей сути, возникают и функционируют в общественном сознании. Данные риски получают свое выражение в нарративных формах – средствах массовой информации, блогах, публицистике. Их оценка связана с выявлением и анализом социальных (этносоциальных) фобий – страхов и предубеждений, которые формируют конфликтогенный потенциал межэтнического взаимодействия. В российской этносоциологии предпринимаются попытки эмпирических измерений этих явлений. Примером может быть исследование «Мигрантофобия как фактор межэтнической напряженности», проведенное в Краснодарском крае в 2006 г. Здесь мигрантофобия оценивалась как свойство, противоположное социальному доверию, предполагающему отношения партнерства и проявляющемуся в ощущении безопасности той или иной группы. Мигрантофобия была оценена как ощущение социальной угрозы, исходящей от иноэтнических групп, а также как осознание претензий этих групп на социальные (социально-экономические) ресурсы. Инструментарий исследования строился на шкальной оценке 17 позитивных и 17 негативных суждений, отражающих наиболее актуальные проблемы социально-экономического (этносоциального) характера, которые с точки зрения местного населения вызывает присутствие мигрантов. Вычисляемый показатель мигрантофобии варьировался в промежутке от –1 до 1, где значение «1» свидетельствовало о наличии в сознании респондента высокого уровня социального доверия, а «–1» – указывал на максимальный уровень мигрантофобии. Высокие показатели мигрантофобии оцениваются с позиций риска, демонстрирующих конфликт интересов по схеме «мы – они», «свое – чужое» [Донцова, 2008, с. 91–96].

Объективированные риски имеют количественное измерение и выступают в качестве индикаторов реальных и потенциальных изменений сообщества. Этнические риски, включенные в общественное сознание и подверженные влиянию внешних факторов, в том числе СМИ, способны кумулятивно усиливать их воздействие. Результаты общероссийского социологического исследования «20 лет реформ глазами россиян», проведенного Институтом социологии РАН в 2011 г., а также данные социологических исследований в Башкортостане, Татарстане и Республике Саха (Якутия) в 2011–2012 гг., и, кроме того, материалы Европейского социологического исследования 2008 и 2010 гг. позволяют специалистам достаточно высоко оценить баланс установок общественного сознания, которые могут обеспечивать межнациональное согласие в российском обществе, и негативных установок, провоцирующих межнациональную враждебность; причем последние годы характеризуются ростом напряженности для многих регионов [Дробижева, 2012, с. 91–110].

* * *

В рамках междисциплинарного интеграционного проекта СО РАН «Социальные, демографические и этнические риски развития человеческого потенциала Сибири» этнические риски определяются как вероятность процессов (событий), препятствующих стабильному функционированию национальной общности, сложившемуся этносоциальному равновесию, эффективному межэтническому взаимодействию. Это определение соответствует пониманию под риском существования или возможности возникновения ситуации, при которой формируются предпосылки противодействия реализации национальных ценностей, интересов и целей, а также решению задач обеспечения национальной безопасности.

Процедура анализа этнических рисков в рамках данного исследования предполагает:

– определение этнических рисков, представляющих опасность для региона;

– количественный анализ этнических (этнодемографических) рисков;

– качественный анализ существующих этнических (этносоциальных) рисков;

– мониторинг динамики изменения этнических рисков;

– оценку последствий реализации этнических рисков для стабильности региона;

– ранжирование рисков в интересах этнической стабильности региона;

– многофакторное изучение этнических рисков.

Оценка этнических рисков на основе методик, апробированных на уровне общероссийских и локальных исследований, определяет практическую составляющую данной работы. Ее авторы придерживаются мнения, что критериями оценки этнических рисков могут служить не только количественные параметры, используемые специалистами в области социальных рисков, как-то частота (вероятность) наступления события, его продолжительность, этнический состав населения, но и качественные характеристики, в том числе связанные с субъективными категориями, такими как уровень тревожности населения, экспертные мнения или оценки мнений лидеров.

Выполнение при корректировке и адаптации существующих в российской и мировой науке моделей оценки этнических рисков анализа региональных рисков закладывает основу для формирования информационных массивов по этносоциальным, этнополитическим, этнокультурным процессам в Сибирском федеральном округе, позволяя тем самым совершенствовать систему управления рисками развития человеческого потенциала на уровне региона и макрорегиона.

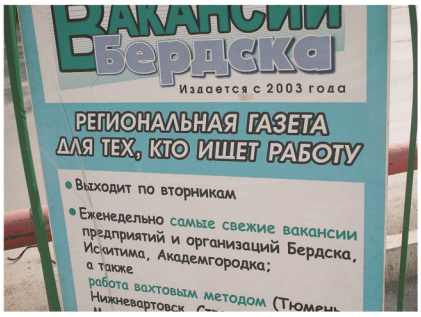
В целом в рамках данной работы этнические риски рассматриваются как разновидность социальных рисков. Они возникают в результате формирования социально-политических и экономических кризисов, однако основой для их развития является феномен этнических интересов.

Этнические риски имеют сложную стратификацию, связанную с политическими, идеологическими и культурными ценностями мирового, национальных и региональных сообществ, где соединяются противоположные тенденции групповой солидарности, основанной на религиозных, этнических и других идентичностях, с одной стороны, и политической консолидации и глобализации – с другой.

Российский федерализм является инструментом обеспечения баланса между этническим разнообразием и государственным единством, одним из механизмов разрешения межэтнических конфликтов и нейтрализации этнических рисков. Опасность этнических рисков заключается в том, что они способны усиливать кризисные явления, могут привести к свертыванию социальных и экономических программ преобразований и тем самым негативно повлиять на развитие человеческого потенциала.

Раздел 2

Социально-экономические риски формирования и использования человеческого потенциала в Сибири



Глава 4

СОЦИАЛЬНЫЕ РИСКИ ВОСПРОИЗВОДСТВА ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА В СИБИРИ

Реальное богатство народов:
пути к развитию человека

(*Доклад о развитии человека. 2010*)

Инновационный сценарий как безальтернативный путь развития в эпоху глобальных вызовов предполагает развитие человеческого потенциала в качестве главной составляющей национального богатства и основной движущей силы экономического роста, гораздо более важной, чем природные ресурсы или накопленное богатство. Это означает, что человек рассматривается не только как объект социальной политики, но и как субъект, предпринимающий активные действия по отношению к своему здоровью, образованию, профессиональной деятельности. Однако низкий уровень жизни большинства населения не обеспечивает достаточное индивидуальное инвестирование в развитие человеческого потенциала. В этих условиях возрастает роль государственных инвестиций в человеческий капитал путем развития системы здравоохранения, образования, культуры и спорта. Миссия бизнеса состоит в адекватной оплате используемого физического и интеллектуального ресурса, а также в создании благоприятных условий труда на предприятиях.

Основная задача данной главы – оценка социальных рисков воспроизводства человеческого потенциала в России с акцентуацией региональных и отраслевых аспектов.

Под социальными рисками развития человеческого потенциала мы понимаем возможные негативные последствия проводимой социальной политики, обусловленные недооценкой человеческого капитала в экономике, несправедливой распределительной политикой, а также низкими социальными расходами государства.

Риски проявляются прежде всего в ресурсной необеспеченности воспроизводства человеческого капитала, а также низкой социальной доступности рекреационных, образовательных и социальных услуг и представляет собой реальную угрозу человеческому развитию.

4.1. РЕСУРСНАЯ ОБЕСПЕЧЕННОСТЬ ВОСПРОИЗВОДСТВА ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА В РОССИИ

Восстановительный и развивающий уровни потребления. Согласно методике Всероссийского центра уровня жизни, минимальный потребительский бюджет в денежном выражении, равный примерно двум прожиточным минимумам (ПМ), позволяет на минимальном уровне удовлетворять потребности человека в питании и приобретении более широ-

кого набора непродовольственных товаров и платных услуг, чем в составе прожиточного минимума, и обеспечивает *восстановительный уровень потребления*. Бюджет высокого (по современным стандартам – среднего) достатка, равный примерно 6 ПМ и выше, позволяет удовлетворять рациональные физические и духовные потребности населения и обеспечивает *развивающий характер потребления* [Бобков, Литвинов, Гулюгина, Зубрилин, 2006].

Понятия минимального потребительского бюджета и прожиточного минимума были введены Указом Президента РФ «О системе минимальных потребительских бюджетов населения Российской Федерации» № 210 от 2 марта 1992 г. В соответствии с указом минимальный потребительский бюджет определялся исходя из набора потребительских товаров и услуг, удовлетворяющих основные материальные и духовные потребности. На период преодоления кризисного состояния экономики было рекомендовано определять бюджет прожиточного (физиологического) минимума, дифференцированного по основным социальным группам и характеризующего *минимально допустимые границы потребления* важнейших материальных благ и услуг (продукты питания, предметы санитарии и гигиены, лекарства, жилищно-коммунальные услуги). Именно минимальный потребительский бюджет предполагалось использовать при формировании перспективной социально-экономической политики. Однако социальная политика государства 1990–2000-х гг. опиралась исключительно на величину прожиточного минимума со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Исходя из вышеизложенного, отношение величины заработной платы (доходов) какой-либо социальной группы (отраслевой, региональной, социально-демографической) к минимальному потребительскому бюджету может рассматриваться в качестве соответствующего индекса воспроизводства человеческого потенциала.

Отраслевой индекс воспроизводства человеческого потенциала. Расчеты отраслевого индекса воспроизводства человеческого потенциала в Российской Федерации показали, что в 2010 г. развивающий бюджет имели только работники финансовой сферы и добывающих производств. Заработная плата работников обрабатывающей промышленности, строительства, транспорта обеспечивала простое воспроизводство человеческого потенциала. Заработная плата работников сельского хозяйства была ниже минимального потребительского бюджета, что не позволяло им даже на самом минимальном уровне восстанавливать свой потенциал (рис. 4.1).

Чуть выше была заработная плата работников непроизводственных отраслей. Иными словами, все, кто лечит, учит, кормит и обслуживает население, не располагали достаточными ресурсами для повышения своего общеобразовательного уровня, профессиональной квалификации и для полноценного отдыха. Представители этих отраслевых групп больше были озабочены тем, чтобы найти дополнительные источники дохода для своей семьи по месту основной работы или на дополнительной. Практика такова, что большинство врачей, учителей, работники других

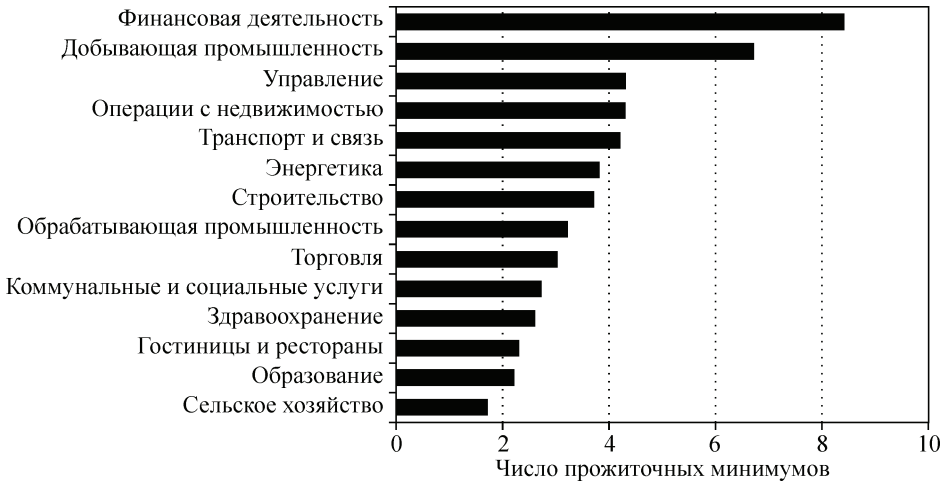


Рис. 4.1. Индекс воспроизводства человеческого потенциала по видам экономической деятельности, Российская Федерация, 2010 г. [Российский статистический ежегодник, 2011, с. 121–123, 126].

обслуживающих отраслей, как правило, работают на полторы-две ставки и более. Многие регионы страны испытывают острый дефицит указанных профессиональных групп, хотя учебные заведения готовят их в достаточном количестве. Врачи и учителя ищут применение в других более высоко оплачиваемых секторах экономики. А ведь от работы этих специалистов зависит качество человеческого потенциала не только работающего населения, но и подрастающего поколения. Иными словами, в их руках – настоящее и будущее интеллектуального ресурса нации.

И если коммерческий сектор – это зона ответственности бизнеса, то бюджетная сфера – это зона государственной ответственности. Государство располагает таким действенным инструментом регулирования доходов, как социальная политика. В целом только 3 % занятых имели заработную плату, обеспечивающую развивающий тип потребления, а абсолютное их большинство на свой заработок могли лишь восстановить свою работоспособность. Работники сельского хозяйства, являющиеся постоянными аутсайдерами на шкале заработной платы, не располагали и такими ресурсами. Несмотря на положительные тенденции последних лет, заработная плата работников сельского хозяйства остается ниже минимального потребительского бюджета, который обеспечивает воспроизводство рабочей силы на восстановительном уровне и составляет примерно 45 % от средней заработной платы по всей экономике. В 2011 г. среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников сельского хозяйства составила 12 320 руб., или 52 % по отношению к средней заработной плате по экономике РФ, и не достигала величины минимального потребительского бюджета, необходимого для простого воспроизводства человеческого потенциала [Россия в цифрах, 2012, с. 131].

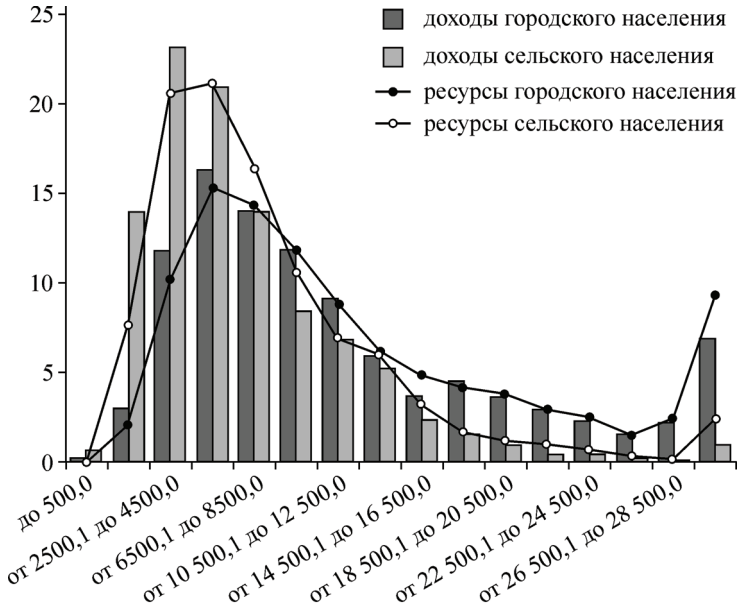


Рис. 4.2. Распределение городского и сельского населения РФ в I квартале 2009 г. по величине среднедушевых денежных доходов и располагаемых ресурсов в месяц, % [Доходы..., 2009, с. 24].

Структура потребительских расходов селян с высокой долей затрат на питание и низкой долей на оплату услуг (39,1 и 21,2 % против 29,1 и 22,4 % – в городской местности соответственно) свидетельствует о бедности сельского населения. Если в городской местности затраты на организацию отдыха и культурные мероприятия в I квартале 2009 г. составляли 6,2 % потребительских расходов семьи, то в сельской местности – 4,2 %, а на образование 1,9 и 1,8 % соответственно [Доходы..., 2009, с. 49].

Распределение населения по размеру среднедушевых денежных доходов и располагаемых ресурсов свидетельствует о высокой доле среди сельского населения крайне бедного и малоимущего населения (рис. 4.2).

Характерным является изменение величины располагаемых ресурсов, куда включаются натуральные поступления из личного подсобного хозяйства, по доходным группам. Снижение ее величины у средне- и высокодоходных групп сельского населения свидетельствует о вынужденном характере ведения личного подсобного хозяйства. Как только у сельской семьи появляются иные источники денежных доходов, она существенно сокращает свое личное подсобное хозяйство.

Подводя итоги вышесказанному, можно отметить, что условия воспроизводства человеческого потенциала сельского населения заметно хуже, чем у городского, что отражается на уровне человеческого развития, измеряемом уровнем образования, доходов и продолжительностью жизни населения. Так, к середине 1990-х гг. различия между продолжительностью жизни городского и сельского населения были минималь-

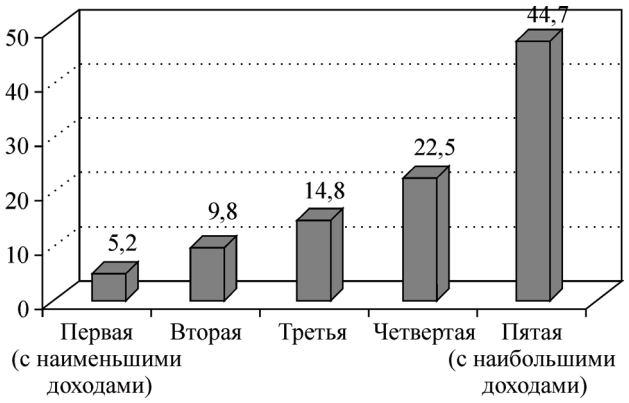


Рис. 4.3. Распределение общей величины доходов населения РФ в 2010 г. по 20 %-м группам [Россия в цифрах, 2011, с. 125].

ными (соответственно 64,7 и 64,2 года). К началу 2000-х гг. средняя продолжительность жизни селян была заметно ниже по сравнению с горожанами и составила у мужчин 57,8 года, у женщин – 71,2 года, а у городского населения соответственно 59,2 и 72,3 года. В середине 2000-х гг. не удалось сократить этот разрыв.

Неблагоприятные тенденции складывались и в уровне образования работников сельского хозяйства [Калугина, 2010, с. 129]. Как известно, образованное молодое поколение вымывается из деревни. Дефицит высококвалифицированных кадров ощущают большинство регионов и сельскохозяйственных предприятий. Если же ориентироваться на технологическое обновление аграрного производства, развитие социальной инфраструктуры, без которых немыслимо будущее деревни, то острота проблемы очевидна.

Чтобы обеспечить расширенное воспроизводство человеческого потенциала (на уровне нынешних стандартов) по всем видам экономической деятельности, средняя номинальная заработная плата должна быть повышена не менее чем вдвое, а в отраслях социальной сферы и сельском хозяйстве – как минимум в три раза.

Достаточно ли доходов населению России для развития человеческого потенциала? Наши расчеты по данным выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств показали, что в I квартале 2009 г. примерно 62 % городского и 87 % сельского населения РФ имели среднедушевые денежные доходы ниже минимального потребительского бюджета (10 166 руб.)*, а значит, не располагали достаточными ресурсами даже для восстановления своего человеческого потенциала. То же соотношение по величине среднедушевых располагаемых ресурсов составило 59 и 81 % соответственно [Доходы..., 2009, с. 11, 24]. Такая ситуация обусловлена тем, что примерно половина общей величины доходов сосредоточена в пятой, наиболее обеспеченной, группе населения, примерно столько же приходится на все остальные группы (рис. 4.3).

Одной из причин столь высокой дифференциации доходов является избыточная дифференциация оплаты труда, которая остается одним из главных источников формирования доходов населения. Исследова-

*Прожиточный минимум в РФ в I квартале 2009 г.: все население – 5083 руб., трудоспособное население – 5497, пенсионеры – 4044, дети – 4857 руб.

ния Института социально-экономических проблем народонаселения РАН показали, что в современной России сложился механизм форсированного роста наиболее высоких зарплат, когда 50–60 % прироста оплаты труда идет на повышение 20 % наиболее высокооплачиваемых работников, несмотря на наличие структурных диспропорций, проявляющихся в более низкой оплате высококвалифицированного труда по сравнению с менее квалифицированным трудом. В результате средняя заработная плата 10 % наиболее высокооплачиваемых работников превышает заработную плату 10 % наименее оплачиваемых работников в 26–28 раз [Социально-демографическая безопасность России, 2008, с. 136].

Сложившаяся система оплаты труда в коммерческом и государственном секторах экономики, а также проводимая государством политика формирования и распределения доходов привели к невиданному социальному расслоению общества. И пропасть между богатыми и бедными в современной России только увеличивается: коэффициент Джини (индекс концентрации доходов) вырос с 0,289 в 1992 г. до 0,422 в 2009 г. [Россия в цифрах, 2010, с. 123]. По мнению академика Д.С. Львова, это стало возможным потому, что «новый “класс” менеджеров-директоров и управляющих акционированными предприятиями был, по существу, выведен из-под общественного контроля и юридической ответственности за эффективность использования принадлежащих этим предприятиям активов. Один из стратегических собственников корпоративных предприятий — государство — устранился от управления принадлежащим ему имуществом» [Львов, 2006].

Вину за то, что менеджеры, управленцы не могут обуздать свои аппетиты, нельзя перекладывать только на бизнес. А где же государство? Ведь в его руках такой действенный инструмент регулирования доходов, как налоговая политика. Депутаты, ученые, практики, представители общественности не перестают доказывать целесообразность перехода от плоской к прогрессивной системе налогообложения доходов физических лиц. Но наше правительство игнорирует эти доводы. Кстати, Россия – одна из немногих стран мира, где применяется плоская шкала налогообложения. Переход на прогрессивную систему налогообложения является мощным механизмом регулирования доходов, способствующим более равномерному распределению налогового бремени между бедными и богатыми, а также стимулирующим формирование структуры населения по уровню доходов, близкому к показателям, признанным в большинстве промышленно развитых стран наиболее предпочтительными с социальной и экономической точек зрения. Это соотношение среднего дохода 10 % самых богатых граждан относительно 10 % самых бедных в пределах 6–8 раз. При этом десятикратное превышение признается критическим, за которым в обществе возникает чрезмерная социальная напряженность. Поэтому доходы налогоплательщика сверх десятикратной величины, принятой за уровень доходов «бедных», должны облагаться не «благоприятным», а «ограничивающим» налогом. Расчеты специалистов показывают, что при действующей системе налогообложения бремя неизбежных платежей для наименее и наиболее обеспеченных слоев

населения существенно разнится. Если сравнить налогоплательщиков с ежемесячными доходами 5, 30, 60 и 100 тыс. руб., то при соотношении их доходов 1 : 6 : 12 : 20 соотношение средств, остающихся у них после совершения неизбежных платежей (в свободном распоряжении), составляет соответственно 1 : 20 : 42 : 72, а бремя неизбежных платежей самого бедного (доход – 5 тыс. руб./мес., бремя – 76,6 %) больше, чем самого богатого (доход – 100 тыс. руб./мес., бремя – 16,2 %), в 4,7 раза [Чичелёв, 2007, с. 17]. Налогообложение является важным, но не единственным механизмом перераспределения доходов. О необходимости радикальной перестройки распределительных отношений неоднократно указывалось известными российским экономистами [Меньшиков, 2004; Львов, 2006; Глазьев, 2008; Гурвич, 2010; Шевяков, 2011].

Нобелевский лауреат в области экономики П. Кругман показал, что политическая воля правительства сыграла ключевую роль в регулировании социального неравенства в США. Всего лишь за несколько лет благодаря политике Ф. Рузвельта был сформирован знаменитый американский средний класс. Это политика помимо известных кейнсианских методов регулирования процентной ставки и финансирования общественных работ основывалась на кардинальном изменении системы налогообложения и введения практики регулирования заработной платы в большинстве отраслей промышленности. На протяжении первого срока президентства Ф. Рузвельта максимальный налог на доходы был повышен с 24 до 63 %, в течение второго – до 79 %, а к середине 1950-х гг. он достиг 91 %. Налог на прибыль корпораций вырос за тот же период с 14 до 465 %, а на крупные наследства – с 20 до 77 %. В результате доля национального богатства, которая контролировалась богатейшими американцами (0,1 %), снизилась за эти годы вдвое – с 21,5 до менее чем 10 %. Следствием стало сокращение разрыва в доходах, которое произошло в США с 1920-х по 1950-е гг., резкое уменьшение разницы между богачами и трудящимися классами, а также сокращение дифференциации зарплаты самих наемных работников [Кругман, 2009, цит по: Шкаратан, 2011, с. 13].

Необоснованные социальные неравенства порождают социальную напряженность в обществе, приводят к дезинтеграции и противостоянию общественных сил и, в конечном счете, превращаются в социальную угрозу национальной безопасности. Неслучайно поэтому снижение уровня социального и имущественного неравенства населения в доктрине национальной безопасности страны рассматривается в качестве важнейшей стратегической цели. Кроме того, на обширном статистическом материале по странам мира показано, что высокое неравенство (выше критического уровня) препятствует экономическому росту и прогрессивным преобразованиям институтов [Шевяков, 2011].

Однако социальная политика России не способствует снижению необоснованных социальных различий в уровне и качестве жизни социально-экономических слоев населения, что наглядно видно на примере дифференциации энергетической ценности питания и уровне потребления рекреационных и образовательных услуг разных доходных групп населения (рис. 4.4, 4.5).

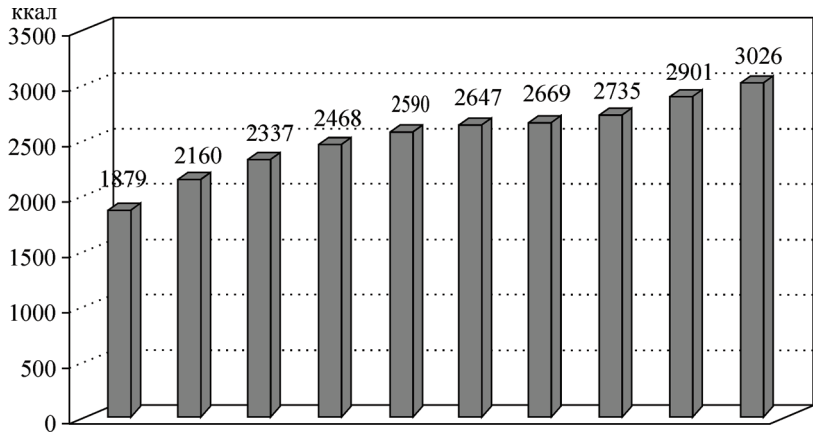


Рис. 4.4. Энергетическая ценность продуктов питания по 10%-м доходным группам населения РФ, 2008 г. [Потребление продуктов..., 2009, с. 26].

Помимо налогообложения, в руках государства имеется и другой рычаг воздействия на формирование человеческого капитала, а именно – государственные вложения в развитие здравоохранения, образования и культуры. Однако статистика свидетельствует о том, что эти вложения недостаточны для того, чтобы компенсировать недостаток индивидуальных вложений, обусловленных низкой оплатой труда. Так, в 2006–2009 гг. Россия тратила на эти цели по 5,4 % от ВВП, в то время как в США расходы на образование и здравоохранение были на уровне 16,2 %,

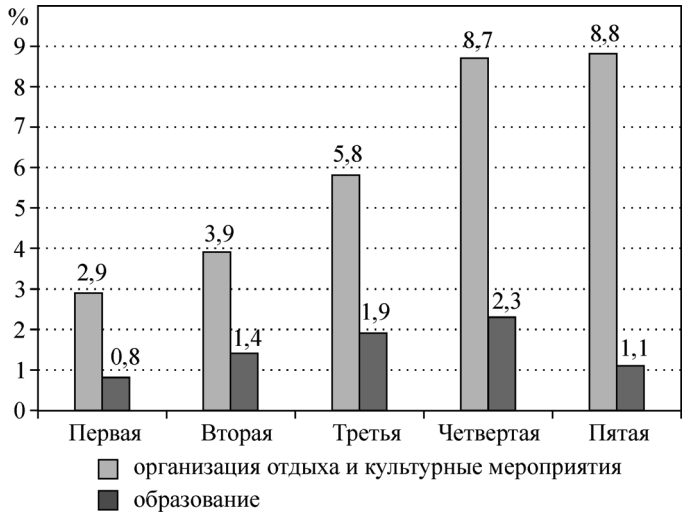


Рис. 4.5. Доля затрат на рекреационные и образовательные услуги по 20%-м доходным группам населения, % к итогу [Российский статистический ежегодник, 2010, с. 203].

во Франции – 11,7, в Германии – 11,3, Канаде – 10,9, Норвегии – 9,7, Японии – 8,3 % от ВВП. В среднем по группе стран с очень высоким уровнем человеческого развития государственные расходы на образование составили 11,9 % от ВВП, а общие расходы на здравоохранение – 11,2 %. В группе стран с высоким индексом человеческого развития (ИЧР), куда входит и Россия, соответственно 6,5 и 6,7 % [Доклад о развитии..., 2011, с. 162–163, 165]. Такая ситуация не могла не сказаться на ожидаемой продолжительности жизни населения в этих странах. Если в развитых странах в 2011 г. этот показатель варьировался в пределах от 72 до 83 лет, то в России, по оценкам международных экспертов, он составил 69 лет [Доклад о человеческом развитии..., 2011, с. 127–128].

По мнению академика С.Ю. Глазьева, сохранение в России двукратного по отношению к мировому уровню недофинансирования науки, образования и здравоохранения, в которых именно сейчас критически важно провести модернизацию и кардинально поднять зарплату, приведет к углублению необратимых тенденций деградации этих сфер и тем самым сделает реализацию инновационного сценария в принципе невозможной [Глазьев, 2008].

4.2. РЕГИОНАЛЬНЫЕ РАЗЛИЧИЯ В УСЛОВИЯХ ВОСПРОИЗВОДСТВА ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА

Россия на карте мира. В советские времена СССР входил в двадцатку (23-е место) стран мира с высоким уровнем человеческого развития. Положение резко ухудшилось в период шоковой терапии и рыночных реформ. Только в 2006 г. России удалось переместиться в последующие годы в группу стран с высоким уровнем развития человеческого потенциала и закрепиться в ней. Достигнуть и превзойти уровень советского периода по данному показателю удалось только в 2008 г., когда индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП) достиг значения 0,838.

По данным за 2011 г.* Россия входит в группу стран с высоким индексом человеческого развития, занимая 66-е место в мире из 187 стран, и находится между Беларусью (65-е место) и Гренадой (67-е место). Из бывших союзных республик, а ныне независимых прибалтийских государств, опережают Россию по ИРЧП Эстония (34-е место), Литва (40-е место) и Латвия (64-е место). Пятерку лидеров по уровню человеческого развития в настоящее время образуют Норвегия, Австралия, Нидерланды, США, Новая Зеландия, Канада. Индекс человеческого развития в

*Методика расчета ИЧР – используемые индикаторы и способ их агрегирования – в 2010 г. была существенно скорректирована. Доступ к знаниям теперь измеряется показателями средней продолжительности обучения (для лиц от 25 лет и старше) и ожидаемой продолжительности обучения в течение жизни (для детей, достигших официально установленного возраста поступления в школу). Уровень доходов оценивается с помощью валового национального дохода (ВНД) на душу населения в долларах США по паритету покупательной способности (ППС) вмéсто используемого ранее ВВП на душу населения. Прежним осталось измерение здоровья через ожидаемую продолжительность жизни при рождении (ОПЖ). Изменение методики расчета ИЧР несущественно повлияло на рейтинг России в мировом сообществе по данному показателю.

указанных странах варьирует от 0,908 до 0,943 [Доклад о человеческом развитии..., 2011, с. 126–127].

В период относительного экономического благополучия индекс человеческого развития в России также заметно вырос. Среднегодовой прирост ИЧР в России в 2000–2011 гг. составил 0,81 и превышал средние показатели прироста ИЧР в группе стран с высоким уровнем человеческого развития. Но для России характерно атипичное сочетание относительно высокого уровня образованности населения и душевого дохода и чрезвычайно низкой ожидаемой продолжительности жизни. По указанным показателям Россия занимала соответственно 52-е и 53-е место в рейтинге среди 187 стран, а по ожидаемой продолжительности жизни – 120-е. Валовой национальный доход в РФ на душу населения составлял 14 561 долл. США (по ППС на 2005 г.), что было в несколько раз ниже уровня развитых стран, но был выше, чем в странах БРИК: в Бразилии ВНД составил в этот период 10 162, в Индии – 3468, Китае – 7476 долл. США [Там же, с. 127–129].

Сибирь – территория риска или благополучия? Сибирь является «кладовой» России по природным ресурсам, занимает 30 % российской территории, где проживает 14 % населения. Но для большинства регионов Сибири характерна недостаточная ресурсная обеспеченность воспроизводства человеческого потенциала, что отражается на уровне его развития. Как показал анализ, динамика развития человеческого потенциала в Сибири за последние 12 лет была положительной, но совокупные и частные индексы развития человеческого потенциала были заметно ниже среднероссийских показателей. По уровню человеческого развития сибирские регионы распределились следующим образом. Семь регионов Сибири вошли в группу с высоким уровнем развития человеческого потенциала: Томская область (0,850), Кемеровская область (0,812), Иркутская область (0,811), Республика Хакасия (0,809). Остальные регионы Сибири образуют группу со средним уровнем развития человеческого потенциала. К ним относятся Алтайский край (0,796), Республика Бурятия (0,791), Читинская область (Забайкальский край) (0,782), Республика Алтай (0,763), Республика Тыва (0,732). В Сибири нет регионов с очень высоким и очень низким (по международной классификации) уровнем человеческого развития. Напомним, что в России только два субъекта Федерации (Москва, ИРЧП составляет 0,964 и Санкт-Петербург, ИРЧП равен 0,904) в 2009 г. входили в число регионов с очень высоким ИРЧП [Доклад о развитии..., 2011, с. 142–143].

К концу первого десятилетия 2000-х гг. безусловным лидером среди сибирских регионов по уровню развития человеческого потенциала являлась Томская область (7-е место в рейтинге регионов РФ). На протяжении всего наблюдаемого периода области удалось уверенно превосходить среднероссийскую планку. Это обусловлено, в первую очередь, самыми высокими в Сибири индексами образования (0,955 против 0,918 в РФ), что можно объяснить наличием в регионе престижных учебных заведений и размещением на ее территории научных учреждений Сибирского отделения Российской академии наук. Индекс дохода в обла-

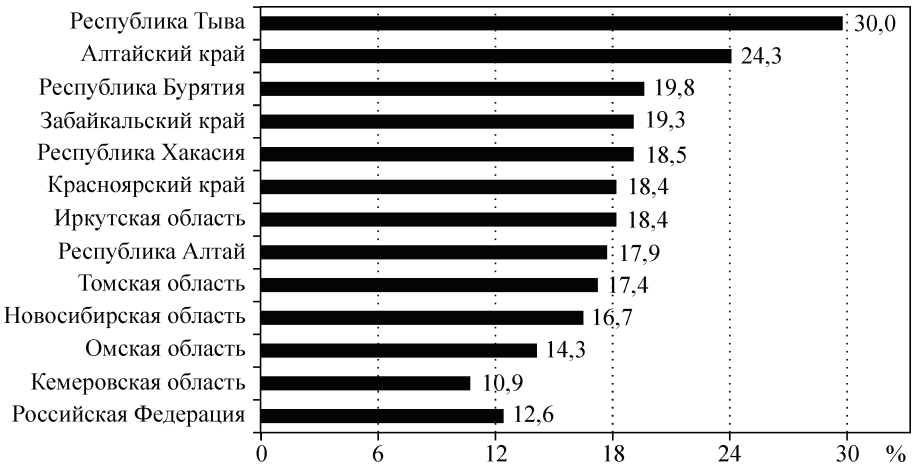


Рис. 4.6. Уровень бедности в регионах Сибири, 2010 г. [Российский статистический ежегодник, 2011, с. 180–181].

сти был также выше республиканских, но темпы его прироста были ниже средних. ВВП на душу населения составлял в Томской области 19 064 долл. США, а индекс дохода – 0,876, в РФ соответственно – 18 869 и 0,875. Но ожидаемая продолжительность жизни в регионе была ниже среднероссийского уровня: 68,06 лет против 68,87 лет.

Основная причина высокой смертности населения – недопустимо низкий уровень жизни, неблагоприятные природно-климатические условия, сложная экологическая ситуация, низкая социальная и территориальная доступность качественных медицинских услуг и зон отдыха. Несмотря на положительные тенденции последних лет, доля населения, имеющего доходы ниже прожиточного минимума, во всех регионах Сибирского федерального округа (СФО), за исключением Кемеровской области, была выше, чем в России в целом (рис. 4.6).

При этом в республиках Тыва, Алтай и в Алтайском крае уровень бедности превышал 20%-ю отметку. В Забайкальском крае он был на уровне 20 %. Ниже среднереспубликанского уровень бедности был только в Кемеровской области. Во всех субъектах СФО среднедушевые месячные доходы населения в 2009 г. были ниже среднероссийского уровня. Причем в Республике Тыва и в Алтайском крае среднедушевые доходы населения были ниже величины минимального потребительского бюджета. Это говорит о том, что население названных регионов не имеет возможности воспроизводить свой человеческий капитал даже на самом минимальном уровне за счет собственных ресурсов, а сами регионы представляют собой по существу зоны социального бедствия и истощения человеческого капитала.

В силу вышеуказанных причин доля сибиряков, проживающих на территориях с низким уровнем развития человеческого потенциала, выше по сравнению со среднероссийскими показателями (рис 4.7).

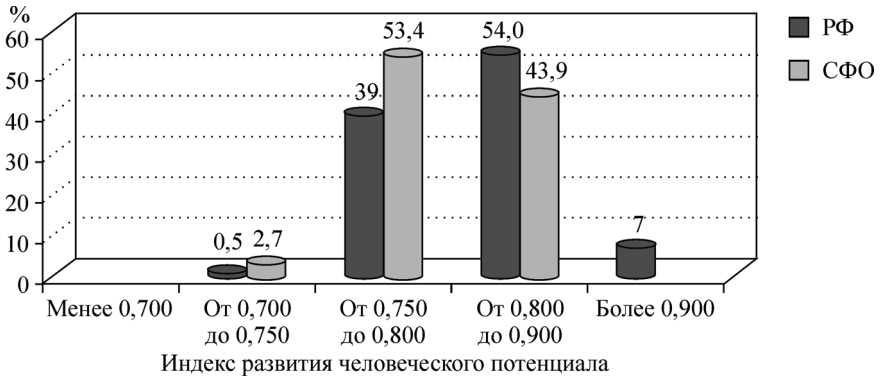


Рис. 4.7. Распределение населения РФ и СФО по регионам с разным уровнем развития человеческого потенциала, 2008 г., % (рассчитано по: [Регионы России..., 2009, с. 61; Доклад о развитии человеческого потенциала..., 2009, с. 147, 150–151].

Значимость Сибири для экономики страны, острота демографической ситуации и первоочередность задач по развитию человеческого капитала с необходимостью ставят вопрос о закреплении населения в регионе и создании благоприятных условий для проживания в суровых природно-климатических условиях. И если природный фактор является неустранимым, то меры социальной политики, направленные на компенсацию дополнительных расходов, связанных с более высокими затратами сибиряков на отопление, одежду, питание, транспортные расходы и др., могут способствовать выравниванию условий проживания в разных регионах страны. Однако ныне применяемый районный коэффициент лишь частично выполняет выравнивающую функцию, а отставание Сибири по темпам роста заработной платы и других денежных доходов населения лишь закрепляет ранее сформировавшуюся необоснованную социально-территориальную дифференциацию в уровне и качестве жизни, что отрицательно сказывается на настроениях и миграционных планах сибиряков.

Согласно данным социологического опроса городского и сельского населения Новосибирской области*, население четко видит «плюсы» и «минусы» проживания в Сибири (табл. 4.1).

Тот факт, что одни и те же аспекты одними респондентами оценивались как плюсы, а другими – как минусы, дает представление о социально-экономических особенностях региона, важных для сохранения и развития человеческого потенциала населения. Если природно-климатические условия изменить нельзя, то экологическая ситуация, развитие

*Данные социологического обследования, проведенного Институтом экономики и организации промышленного производства СО РАН в 2010 г., полевой этап исследования выполнен ООО «Тайга-Инфо Групп». Выборочная совокупность репрезентировала население Новосибирской области от 18 до 65 лет (N = 1419 чел.), проживающих в городской (67 %) и сельской (33 %) местности.

Таблица 4.1

Оценка населением преимуществ и недостатков проживания в Сибири, %

Номинация привлекательности жизни в Сибири	Привлекательные стороны		Непривлекательные стороны	
	% к итогу	% к числу ответивших	% к итогу	% к числу ответивших
Все нравится, все устраивает	2,4	3,0	14,1	16,9
Все не нравиться, нет преимуществ	11,7	14,9	0,2	0,3
Климатические и природные условия, экология	28,0	35,6	31,8	38,1
Наличие работы, возможность заработать	6,3	8,0	7,8	9,3
Уровень жизни, стоимость жизни	0,7	2,9	12,5	15,0
Стабильность политическая	2,9	3,7	1,6	1,9
Стабильность природная, отсутствие катаклизмов	3,1	3,9	–	–
Развитие социальной инфраструктуры	6,2	6,5	15,1	18,2
Статус и перспективы развития места проживания (села, города, региона)	12,4	13,9	1,7	2,0
Привычка, восприятие села, города как малой родины, где живут родственники и друзья	10,1	12,8	–	–
Другое	3,0	6,2	3,3	4,3
Затруднились с ответом	13,2	16,8	11,9	14,3
Итого	100,0		100,0	

транспортной и социальной инфраструктуры, напряженность рынка труда, уровень заработной платы – это те параметры, которые можно и нужно регулировать в рамках социально-экономической региональной политики. Суммарно на неустранимые параметры приходится, по оценкам сибиряков, лишь одна треть непривлекательных сторон жизни в Сибири, а две трети неблагоприятных условий жизни можно изменить в лучшую сторону.

Опрос жителей Новосибирской области выявил наиболее непривлекательные стороны жизни в регионе: сложные природно-климатические условия, суровый климат, неблагоприятная экологическая ситуация (около 40 % ответивших). Низкий уровень жизни и отсутствие работы отметил каждый десятый респондент, неудовлетворительный уровень развития транспортной, жилищно-коммунальной, медицинской инфраструктуры – каждый пятый житель Новосибирской области, и только 14 % жителей все нравится в Сибири и области.

Неблагоприятные условия жизни в сочетании с суровыми природно-климатическими условиями формируют отношение жителей к Сибири, усиливают их миграционные настроения. В качестве непривлекательной стороны жизни нередко упоминалась оторванность от Центра, предпочитаемых мест отдыха, которая усугубляется дороговизной транспортных услуг и низкими доходами населения, следствием чего является низкая территориальная мобильность населения. По нашим данным, за последние 5 лет более 60 % респондентов не выезжали за пределы

Новосибирской области. Масштабы потенциальной безвозвратной миграции также невелики. Из всех опрошенных жителей Новосибирской области только 7 % высказали намерение уехать на постоянное место жительства в другие регионы страны. Причем среди жителей малых городов и сельской местности, желавших покинуть Сибирь, было примерно вдвое выше по сравнению с жителями мегаполиса – 9,3, 8,4 и 4,7 % соответственно. Анализ миграционных намерений по группам населения, различающихся доходами, возрастом и уровнем образования, выявил более высокую долю потенциальных мигрантов среди высокообеспеченных и высокообразованных групп населения, а также среди молодежи (табл. 4.2).

Зигмунд Бауман в своей книге «Текучая современность» [Бауман, 2008] сформулировал основную социальную проблему современного общества: богатое меньшинство с их капиталами, живущее и функционирующее в пространстве, свободно перемещается по миру, а бедное большинство, живущее и работающее в физически или социально и экономически ограниченных пространствах, привязано к месту и, значит, к его скудным или вовсе исчерпанным ресурсам. В такой ситуации находятся, например, жители умирающих российских моногородов.

Среди предпочтительных регионов проживания сибиряки назвали: столичные города (Москва, Санкт-Петербург), южные и другие более теплые регионы, дальнему и ближнему зарубежью отдали предпочтение лишь 2 % населения. Но, несмотря на все трудности жизни, в Сибири предпочли бы жить более 60 % опрошенных. Для многих из них она является малой родиной, где живут друзья и родственники. По сравнению с другими регионами России Сибирь ассоциируется с регионом

Таблица 4.2

Миграционные планы населения, Новосибирская область, 2010 г., %

Группы населения	Доля потенциальных мигрантов, %
Величина среднемесячных душевых доходов в группе, руб.:	
до 3000	6,7
от 3001 до 9000	6,2
от 9001 до 18 000	7,0
от 18 001 до 60 000	12,3
Возрастные группы:	
молодежь до 30 лет	13,4
население в возрасте от 30 лет и старше	3,3
Группы по уровню профессионального образования:	
нет профессионального образования	7,3
ПТУ со средним образованием	5,1
среднее специальное образование	6,4
высшее и незаконченное высшее образование	9,5
Группы по месту проживания:	
Новосибирск	4,7
другие города НСО	9,3
сельская местность	8,4

политической и природно-климатической стабильности. Здесь не возникают крупные межконфессиональные и религиозные конфликты, более сдержанно, как и подобает сибирякам, проявляют свои эмоции спортивные фанаты. В регионе нет страшных природных катастроф: пожаров, наводнений, землетрясений. Крупные техногенные катастрофы на Саяно-Шушенской гидростанции, на шахте «Распадской» и другие воспринимаются населением как следствие турбулентных асоциальных реформ последних десятилетий.

Обобщая вышесказанное, можно сделать вывод о том, что *отсутствие условий для расширенного воспроизводства человеческого капитала в России в целом и в сибирских регионах особенно можно рассматривать как угрозу национальной безопасности, поскольку низкий уровень развития человека является тормозом как для инновационного прорыва, так и для преодоления демографического кризиса в стране.* Наличие таких угроз – это то исключительное событие, о котором говорил Мишель Фуко и которое требует вмешательства государства.

4.3. МОЖНО ЛИ РАЗОРВАТЬ ПОРОЧНЫЙ КРУГ: НИЗКАЯ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТЬ ТРУДА — НИЗКАЯ ЗАРАБОТНАЯ ПЛАТА?

Для утвердительного ответа на поставленный вопрос необходим, во-первых, радикальный разворот государственной социальной политики, а во-вторых, требуется новая парадигма развития экономики и новая экономическая теория, адекватная вызовам времени. Согласно традиционным экономическим учениям, экономика должна базироваться на снижении издержек, в первую очередь за счет заработной платы. На Западе такой путь к экономическому росту называют low road – нижний путь. В эпоху экономики знания и инновационных сценариев развития необходимо переходить на верхний путь достижения экономического роста (high road) путем создания новых продуктов и технологий, обеспечивающих прорывные направления в развитии экономики [Экономика знаний, 2008, с. 58]. Чем масштабнее будет высокотехнологичный сегмент экономики, тем масштабнее будет и сегмент высокооплачиваемых рабочих мест.

Пока же при имеющейся технологической отсталости у России нет шансов достичь уровня передовых стран по производительности труда (рис. 4.8). В данной ситуации государство должно взять ответственность в значительной степени на себя и создать такие институциональные условия, которые вынуждали бы отечественный и иностранный бизнес вести активную инвестиционную политику на своих предприятиях по техническому перевооружению производства и внедрению базовых инноваций.

Между тем, согласно данным официального прогноза, среднегодовой ежегодный прирост инвестиций в основной капитал в 2011–2013 гг. составит 7 %, что существенно ниже минимально необходимого уровня не только для реализации стратегии опережающего развития России, но и для поддержания простого воспроизводства основных фондов. При

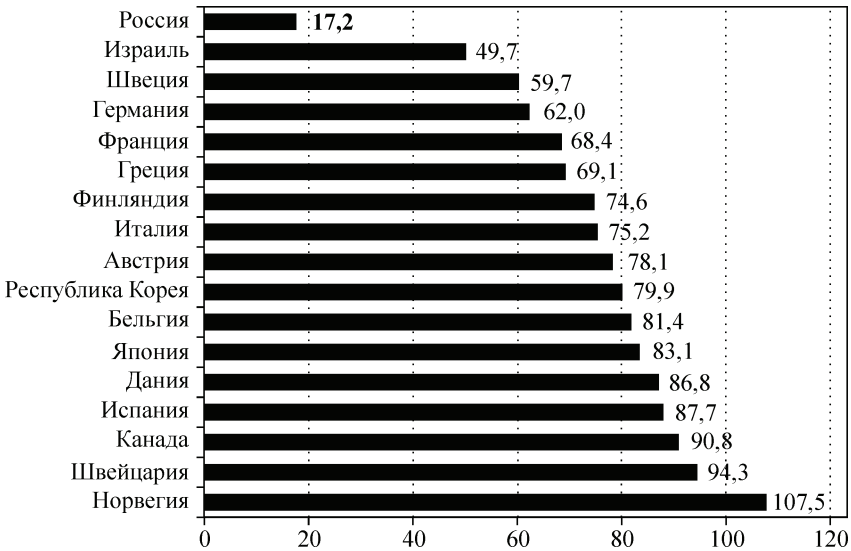


Рис. 4.8. Валовое накопление основного капитала на душу населения за 2005 г. в России и странах ОЭСР, % (относительно США = 100) [Российский статистический ежегодник, 2009, с. 751].

этом запланированное к концу прогнозируемого периода увеличение нормы накопления до 21,9 % неудовлетворительно, так как данная величина в полтора раза ниже сложившейся в экономике нормы сбережений и свидетельствует о существенном недоиспользовании инвестиционного потенциала. Неудивительно, что даже к концу прогнозируемого периода объем инвестиций в основной капитал будет оставаться прежним – почти на 20 % ниже, чем в 1991 г., т.е. перед стартом постсоветских преобразований. Соответственно неизбежно отставание России не только от стран «золотого миллиарда», но и от группы стремительно прогрессирующих стран «развивающегося» мира [Глазьев, 2010, с. 8].

По мнению академика Д.С. Львова, ВВП России при нынешней системе его расчетов является заниженным в 1,8–2,2 раза. Соответственно, нынешние расчеты производительности по ППС дают заведомо заниженную оценку, по отношению к США – как минимум в 1,5 раза. Если по производительности труда мы отстаем от Америки в 5–6 раз, то по заработной плате в 10–12 раз и более. Заработная плата в России является низкой не вообще, а недопустимо низкой по отношению к производительности труда. Поэтому удвоение или даже утроение средней заработной платы и, соответственно, размера пенсий и пособий является первоочередной задачей для России [Львов, 2006].

Согласно расчетам профессора С.С. Сулакшина, производительность труда в России по отношению к США ниже в 3,6 раза, а по оплате труда – в 9,6 раза, ресурс повышения оплаты труда – в 2,6 раза [Актуальная статистика Сибири, 2009, с. 55].

Специально выполненные исследования и расчеты известных экономистов подтверждают выводы вышеупомянутых авторов [Губанов, 2008, с. 3–21; Половинкина, 2010, с. 47–63].

Необходимость реформы заработной платы в России обосновывается академиком А.Г. Аганбегяном также настоятельной потребностью снижения социальной нагрузки на предприятия и государство за счет освобождения бюджета от части социальных расходов, которые могли бы выплачиваться из заработной платы и доходов граждан при условии их поэтапного увеличения.

– *1-й этап* – повышение заработной платы на 15 % при 10%-х отчислениях на накопительные пенсии;

– *2-й этап* – повышение заработной платы примерно на 20–25 % – переход на рыночные расценки квартплаты и коммунальных услуг;

– *3-й этап* – повышение зарплаты еще на 10 % – при 6%-х отчислениях на страховку по здравоохранению, при условии, что предприятия будет уплачивать такую же часть.

В целом номинальная заработная плата, по расчетам А. Аганбегяна, может быть повышена в 1,7 раза, но структура ее расходования изменится: 20 % составят налоги, включая налог на недвижимость; 20 % – оплата услуг ЖКХ; 10 % – накопление пенсий, 6 % – медицинское страхование. Повышение заработной платы будет стимулировать рост производительности труда, замену человеческого труда машинами и механизмами, освобождение предприятий от вспомогательных и побочных производств [Аганбегян, 2009, с. 272–274].

Член-корреспондент РАН К.К. Вальтух предлагает иную, более жесткую мобилизационную стратегию решения проблемы [Вальтух, 2007, с. 33–49]. Суть предложений сводится к экстраординарному наращиванию капитальных вложений, приведение хозяйственного механизма в соответствие с требованиями осуществления государственной инвестиционной стратегии, перевод быстро возрастающей части трудовых ресурсов в инвестиционную сферу, установление для всех предприятий, независимо от формы собственности, лимита занятости. Формирующийся на каждый год всероссийский фонд заработной платы постепенно, во все возрастающей части переводится из действующих предприятий и организаций в инвестиционную сферу. Банкам (частным – под угрозой лишения лицензий) запрещается выдавать предприятиям и организациям средства на оплату труда сверх лимита.

Аргументы автора таковы: «основная часть современных российских предприятий реально убыточны», «ресурсы таких предприятий действительным капиталом не являются, а их собственники не являются капиталистами», «соответственно они не могут вести себя как капиталисты», «частный капитал – ни отечественный, ни иностранный – не может на себя взять необходимое обновление российского производственного аппарата», «задача такого обновления может быть решена только в порядке государственной инвестиционной деятельности» [Там же, 2007, с. 40–41].

Соглашаясь с выводами автора об актуальности разработки и реализации государственной инвестиционной стратегии, укажем на два прин-

ципиальных положения автора, вызывающих у нас серьезные возражения. Во-первых, это рассмотрение фонда заработной платы работников в качестве основного, если не единственного источника финансирования государственных инвестиционных программ в России.

Предшествующее изложение наглядно показало все негативные последствия недостаточности ресурсного обеспечения человеческого развития, которое выражается не только в ухудшении качественных характеристик человеческого капитала, но и в ужасающих масштабах естественной убыли россиян за годы реформ. За 1992–2005 гг. только за счет превышения смертности над рождаемостью Россия потеряла свыше 11 млн чел. В период 1992–1999 гг. естественная убыль в среднем составляла 700 тыс. чел. ежегодно, в 2000–2005 гг. около 900 тыс. чел. Ни одна страна в мире не имела таких потерь населения в мирное время [Россия и россияне..., 2008, с. 300]. Преодолеть демографический коллапс не удалось и до сих пор, хотя темпы естественной убыли россиян несколько сократились. Чрезвычайная демографическая ситуация в стране обусловлена как отсутствием до последнего времени внятной государственной политики, так и социальной безответственностью бизнеса, который не склонен инвестировать собственные средства как в основной, так и в человеческий капитал.

Исходя из этого, предлагаемый вариант модернизации экономики за счет населения чреват непредсказуемыми социальными последствиями, а сама идея обновления производственного аппарата за счет сокращения инвестиций в развитие человеческого капитала идет вразрез с общемировыми тенденциями.

Между тем существуют и иные источники формирования инвестиционного фонда страны: перераспределения природной ренты (в настоящее время государство получает не более 40 % ее общей величины), грамотная финансово-кредитная, тарифная и налоговая политика государства, уменьшение масштабов вывоза капитала за рубеж, сокращение нерациональных государственных расходов [Меньшиков, 2004; Львов, 2006; Глазьев, 2008; Гурвич, 2010]. Известно, что в противовес мировой закономерности увеличения государственных расходов на выполнение современных функций государства (развитие интеллектуально-человеческого потенциала – расходы на образование, здравоохранение, науку и экономическое развитие), в России бóльшая часть государственных расходов идет на выполнение традиционных функций (оборона и правопорядок). В 2008 г. на эти цели из федерального бюджета предполагалось потратить 7,4 % ВВП, что почти на 25 % превышает среднемировой показатель. При этом наше государство тратит на современные функции в три раза меньше (4,7 % ВВП). Иными словами, в России соотношение расходов на традиционные и современные функции государства составляет 2 : 1, что соответствуют государству образца XVIII–XIX вв. [Рогов, 2005; Глазьев, 2008].

Второе положение К.К. Вальтуха касается неспособности частного капитала, отечественного и иностранного, взять на себя необходимое обновление российского производственного аппарата. Можно ли изме-

нить оппортунистическое (по отношению к обществу) поведение частного капитала? Задача это непростая, если учесть «долговременное снижение доли инвестируемой прибыли как противодействие тенденции нормы прибыли к понижению» [Рыженков, 2009, с. 246–276]. Для преодоления этой защитной стратегии капитала потребуется ужесточение институциональных условий, в частности, выработка «механизмов изъятия и превращения потенциальных рентных доходов в реальные доходы государства и инвесторов», стимулирующих общественно-целесообразное поведение бизнеса [Крюков, Токарев, 2007; Крюков, Шафраник, 2009; Гурвич, 2010]. Как известно, на долю природной ренты приходится примерно 75 % от общего прироста совокупного дохода страны. Протекционистская политика государства в отношении нефтепереработки и газовой промышленности в сочетании с их монопольным положением на рынке создает видимость рентабельности этих отраслей, консервирует их глубокое технологическое отставание и устраняет императив модернизации [Гурвич, 2010].

Следовательно, только согласование интересов государства, бизнеса и населения, возможное при развитых институтах гражданского общества, способно изменить существующую практику явного лоббирования интересов ограниченного круга олигархических групп и крупных «государственных» корпораций и обеспечить справедливое распределение социального бремени модернизации между всеми участниками процесса.

Таким образом, выполненный анализ ресурсного обеспечения воспроизводства интеллектуального потенциала страны наглядно показал, что поведение двух ключевых игроков на социальном поле в лице бизнеса и государства вряд ли можно назвать социально ответственным в связи с недооценкой и хищнической эксплуатацией человеческих ресурсов. Вызовы времени «требуют новаторской государственной политики, позволяющей противостоять рискам и неравенству и в то же время использовать динамичные рыночные силы на благо всех» [Доклад о развитии человека, 2010].

Глава 5

ГЛОБАЛЬНЫЙ ФИНАНСОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КРИЗИС 2008—2009 гг. КАК РИСК РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА НАСЕЛЕНИЯ

«Самое красивое в Токио – McDonald's. Самое красивое в Стокгольме – McDonald's. Самое красивое во Флоренции – McDonald's. В Пекине и Москве нет пока ничего красивого» – так в середине XX в. основоположник поп-арта Энди Уорхол иронично отметил неохваченность нашей страны глобализацией [Уорхол, 2000, с. 71]. Для России McDonald's – давно пройденный рубеж на пути к «красоте», а в конце первого десятилетия XXI в. мы попали в ногу со всем миром, вступив в глобальный финансовый и экономический кризис. На уровне индивида или домохозяйства кризисы в экономике выступают в качестве неподвластных людям факторов макроуровня, которые представляют угрозу или негативно воздействуют на все виды их капитала – финансовый, человеческий и социальный, являются рисками для развития человеческого потенциала.

В данной главе сопоставляются материалы социологических исследований в разных странах, чтобы оценить, какие стороны жизни населения подверглись наибольшей эрозии и какие социальные группы наиболее пострадали в ходе глобального экономического кризиса в 2008–2009 гг. Известно, что такого рода потрясения ярко высвечивают имеющиеся проблемы в обществе и слабые места в экономике, а также скрытые или явные резервы, которые могут стать основой для посткризисного развития. Здесь мы обращаемся к результатам социологических опросов населения, проведенных в середине 2010 г. в США, странах Евросоюза и России. Программы этих исследований разрабатывались независимо друг от друга, примерно в то время, когда еще не звучали заявления официальных лиц о начале завершения кризиса, но стали заметны некоторые первые признаки восстановления экономики этих стран. Исследования целиком или частично были нацелены на выявление последствий глобального кризиса для населения. Вопросы, задаваемые людям, звучали по-разному, а смысл во многом был схожим.

Последний мировой кризис в разных странах начался в разное время. В США официально началом кризиса считается декабрь 2007 г.; в Евросоюзе отсчет началу кризиса ведут с банкротства холдинга «Леман Бразерс» (Lehman Brothers Holdings Inc.) осенью 2008 г., в России – это заключительные месяцы 2008 г. Обращают на себя внимание и различия в обозначении одного и того же явления в разных странах. В американских публикациях, как правило, используется термин «рецессия» (спад).

В начале 2009 г. в США рассматриваемый здесь кризис стали называть Великой рецессией по аналогии с Великой депрессией, продлившейся в Америке 43 месяца с августа 1929 по март 1933 г. В России кризис сначала определили как финансовый, затем, достаточно быстро, его признали экономическим. В большинстве российских публикаций слова «финансовый» и/или «экономический» кризис предваряются определениям «глобальный» или «мировой», что в американских работах, надо сказать, встречается значительно реже. Российский акцент на глобальность, возможно, отражает осознанное или неосознанное стремление подчеркнуть привнесенность этого безрадостного явления в жизнь ее граждан извне. В Европе в ходу обозначения и просто «кризис», и «глобальный кризис», но именно в европейских публикациях о нем говорится не только как о финансовом, экономическом, а и самом серьезном социальном кризисе современной эпохи [Europeans and the Crisis..., 2010].

5.1. ИЗМЕНЕНИЯ, ВНЕСЕННЫЕ РЕЦЕССИЕЙ В ЖИЗНЬ АМЕРИКАНЦЕВ

Исследовательский Центр Пью в рамках проекта «Социальные и демографические тренды» с 2009 г. систематически осуществлял мониторинг воздействия экономической рецессии на население США. В период с 11 по 31 мая 2010 г. был проведен очередной опрос, результаты которого опираются на телефонные интервью, проведенные по репрезентативной на национальном уровне выборке 2967 чел. в возрасте 18 лет и старше, живущих в континентальной части США*.

Материалы опроса легли в основу нескольких отчетов проекта «Социальные и демографические тренды». Первым 30 июня 2010 г. был опубликован стостраничный фундаментальный отчет «Как Великая рецессия изменила жизнь в Америке: сводный баланс за 30 месяцев», где также были проанализированы данные государственной статистики и ряда других исследований [How the Great Recession..., 2010].

Авторы отчета, указав круглую цифру 30, дальновидно не взяли на себя смелость определенно утверждать, что рецессия в США закончилась или близится к завершению, хотя отметили, что есть мнение об ее окончании еще в июне 2009 г.

Какой бы ни была официально признанная продолжительность нынешней рецессии в США, она, как показано в отчете на основе правительственной статистики, имеет две поразительные черты, которые представляют ее несомненно наихудшим спадом со времен Великой депрессии:

– типичный безработный в эту рецессию оставался таковым дольше, чем в любой другой период времени после Второй мировой войны. Почти половина безработных оставались без работы более 6 месяцев, что для части этих работников не могло не иметь глубоких последствий в плане последующей занятости и перспектив получения дохода;

---

*Опрос был проведен Принстонским исследовательским опросным центром (Princeton Survey Research Associates International) по заказу Центра Пью.

– эта рецессия подорвала богатство домохозяйств больше, чем какой-либо другой эпизод современной экономической истории. Средняя оценка богатства домохозяйств сократилась с 2007 по 2009 г. почти на 20 %, прежде всего из-за уменьшения стоимости домов и сбережений на пенсионных счетах. Вряд ли могло быть иначе, если учесть, что корни рецессии заключались в «пузырях» цен на активы в финансовом и жилищном секторах.

Основные результаты опроса американцев, проведенного 11–31 мая 2010 г., относительно опыта их жизни за 30 предыдущих месяцев следующие.

Рецессия на работе. Опрос обнаружил, что почти треть (32 %) занятых в экономике американцев были безработными какой-то период времени в течение рецессии. А на вопрос о широком спектре связанного с работой влияния рецессии 55 % представителей рабочей силы отвечали, что в течение рецессии они сталкивались с периодом безработицы, сокращением оплаты труда, уменьшением рабочих часов или принудительным переводом на неполную занятость.

Завершилась ли рецессия? Большинство американцев (54 %) считали, что экономика США все еще находится в рецессии, 41 % – что она начинает выходить из рецессии, и только 3 % были уверены, что рецессия закончилась. Что рецессия продолжается, белые американцы (57 %) были более склонны утверждать, чем черные (45 %) или испаноговорящие (43 %); республиканцы – чаще (63 %), чем демократы (43 %).

Новая бережливость. Как минимум шесть из десяти американцев (62 %) говорили о сокращении части своих расходов после того, как в декабре 2007 г. началась рецессия, и только 6 % – об их увеличении. На просьбу сообщить свои планы в отношении расходов, как только состояние экономики улучшится, около трети (31 %) сказали, что запланировали тратить меньше, чем они тратили до начала рецессии, в то время как 12 % планируют тратить больше. Большинство же предполагали тратить примерно столько же, сколько тратили до рецессии.

Семейные финансы. Почти половина аудитории (48 %) отметили, что их финансовое положение на момент опроса хуже, чем было до начала рецессии; у одного из пяти (21 %) – положение лучше. Менее обеспеченные (годовые доходы домохозяйства ниже 50 000 долл.), а также люди в позднем среднем возрасте (50–64 года) чаще других сообщали, что их положение ухудшилось за время рецессии.

Перспективы восстановления семейных финансов. Из тех, кто говорил, что их семейным финансам нанесен ущерб в течение рецессии, 63 % заявляли, что на его восстановление потребуется, как минимум, три года. При этом афроамериканцы указывали меньший срок восстановления финансового положения, нежели белые.

Тревога в связи с выходом на пенсию. Треть американцев (32 %) сообщили, что не уверены, будут ли они иметь достаточно дохода и активов, чтобы финансировать свой выход на пенсию, в отличие от 25 %, кто так говорил в декабре 2009 г. Треть граждан в возрасте 62 лет и старше, еще работающих, сказали, что они уже отложили выход на пенсию из-за ре-

цессии. Среди 50-летних работников почти 7 из 10 предположили, что они, возможно, будут вынуждены поступить также.

Рецессия ударила по жилью. Почти половина всех домовладельцев (48 %) отметили, что стоимость их домов упала в течение рецессии. Из тех, кто так сказал, почти половина (47 %) надеются, что за три – пять лет стоимость дома вернется к докризисному уровню; а около 40 % ожидают, что для этого потребуется 7 лет и более. И все же подавляющее большинство (80 %) американцев считают, что владение жильем – это самая лучшая долгосрочная инвестиция, какую только сможет сделать человек.

Снижение ожиданий относительно будущего детей. Более четверти американцев (26 %) предположили, что когда их дети будут в том же возрасте, в каком они сами сейчас, дети будут иметь более низкий уровень жизни, чем они, их родители, сейчас. Десятилетие назад только 10 % американцев беспокоились об этом. Афроамериканцы, испаноговорящие и молодые американцы более оптимистичны по поводу идеи межпоколенного прогресса внутри семьи, чем белые и пожилые.

Рецессия выступила переключателем приверженности. Большую часть первого десятилетия 2000-х республиканцы были значительно оптимистичнее демократов в отношении состояния экономики. Этот образец сейчас полностью изменился. По семи разным показателям уверенности как в личных финансах, так и в национальной экономике демократы сейчас гораздо более оптимистичны, чем республиканцы, даже если они имеют более низкие доходы, менее богаты и понесли бóльшие потери по работе в течение рецессии. Безусловно, республиканцы пережили свой собственный, своеобразный набор связанных с рецессией трудностей. Они чаще, чем демократы, говорят, что их дома потеряли в стоимости, и из-за того, что они более часто, чем демократы, имели инвестиции на фондовом рынке, они были больше открыты к его изменчивым колебаниям вверх и вниз.

Были в опросе выявлены и факты, названные позитивными: 62 % американцев верят, что их личное финансовое положение улучшится уже в 2010 г., а небольшая, но увеличившаяся с весны 2009 г. часть населения (15 %) сказала, что национальная экономика и на момент опроса находится в хорошей форме. Как отмечают авторы отчета, «эти зеленые ростки общественного оптимизма распределены весьма неравномерно и произрастают вовсе не из наиболее вероятных источников». Некоторые группы, принявшие на себя наиболее сильные удары рецессии (включая афроамериканцев, молодежь и демократов), значительно более оптимистичны, чем их материально более защищенные коллеги (включая белых, пожилых людей и республиканцев) в отношении восстановления как собственных финансов, так и национальной экономики. На наш взгляд, это хоть и не нарушает основную тенденцию, но явно делает небезусловным тезис «бытие определяет сознание».

Великая рецессия разделила Америку на две почти одинаковые по размеру группы, пережившие очень разный экономический спад. Это показано в четвертом из опирающихся на материалы опроса 11–31 мая

2010 г. отчете «Одна рецессия, две Америки: Те, кто потеряли почву под ногами, ненамного превосходят по численности тех, кто устоял» [One Recession, Two Americas..., 2010].

Для большинства американцев (55 %) Великая рецессия была сопряжена с рядом трудностей, обычно выступающих в следующей комбинации: период безработицы, пропущенные ипотечные выплаты или рентные платежи, сокращение зарплаты и потрясения для бюджета домохозяйства. А другие 45 % взрослого населения страны были по большей части свободны от таких проблем во время рецессии.

На эти две группы массив, состоящий из 2967 респондентов, был разделен при помощи кластерного анализа. Для кластерного анализа использовались восемь вопросов, которые легко реконструируются по табл. 5.1, где обобщаются ключевые различия между двумя кластерными группами по этой совокупности вопросов.

По большинству показателей экономического благополучия те, кто «остались при своем», и американцы, которые «потеряли почву под но-

Таблица 5.1

Характеристики опыта переживания рецессии в разных кластерных группах американцев

«Оставшиеся при своем» (45 % респондентов)	«Потерявшие почву под ногами» (55 % респондентов)
Никто из членов этой группы не сказал, что рецессия стала причиной предпринять «значительные» изменения в образе их жизни. Почти половина (51 %) отметили, что рецессия изменила образ их жизни «незначительно», а 48 % не заметили изменений вообще	Для более чем 4 из 10 (44 %) рецессия внесла «значительные» изменения в образ их жизни, и 39 % сказали, что она выступила причиной для них внести «незначительные» изменения/поправки в их стиль жизни. Оставшиеся 17 % имели не связанные с рецессией изменения
Нет членов группы, которые сообщили о проблемах с оплатой ренты или ипотечных взносов	Больше трети (35 %) имели трудности с оплатой ренты или ипотечных взносов
Нет членов группы, которые занимали деньги у членов семьи или друзей для оплаты счетов	42 % занимали деньги у членов семьи или друзей
Никто в этой группе не имел проблем с получением или оплатой медицинских услуг	48 % имели проблемы с получением или оплатой медицинских услуг
Менее 1 % были безработными некоторое время в течение рецессии	43 % были безработными некоторое время в течение рецессии.
Только 14 % отметили уменьшение своего семейного дохода во время рецессии	Около половины (48 %) говорили, что их семейный доход уменьшился
Около 19 % указали, что снимали деньги со сберегательных или пенсионных счетов для оплаты расходов	60 % снимали деньги со сберегательных или пенсионных счетов
29 % считали, что финансовое положение их домохозяйств в целом на момент опроса хуже, чем было до рецессии	Немногим более двух третьих (64 %) считали, что финансовое положение их домохозяйств в целом на момент опроса хуже, чем было до рецессии

гами», едва ли могли быть более разными. Авторы отчета пишут: «Не вызывает удивления, что одних людей рецессия ударила сильнее, чем других, или что люди, которые, например, пострадав от периода безработицы, имели трудности с оплатой снимаемого жилья или выплатой ипотеки. Поражает, однако, тот факт, что группы практически одинаковы по размеру, хотя различия между ними так велики» [Ibid, p. 3].

Результаты кластеризации показывают, что риск «потерять почву под ногами» из-за рецессии был распределен весьма неравномерно в населении США. Выделенные две группы различаются и по своему социально-демографическому составу. Почти семь из 10 пенсионеров и других лиц старшего возраста в основном сохранили свою собственность во время рецессии, что не скажешь об остальных. Жители восточных штатов значительно лучше справлялись с трудностями в эти тяжелые времена, чем жители Юга, Запада и Среднего Запада. В то же время жители пригородов и сельских поселений переживали меньше проблем, чем горожане.

Республиканцы также несколько диспропорционально представлены среди тех, кто легче прошел трудные времена, тогда как демократы и политически независимые более часто оказываются среди тех, кто пострадал. Как показали и другие исследования, диплом колледжа является хорошим заслоном против экономических бурь: почти 60 % окончивших колледж попадают в группу тех, кто пережил меньше трудностей во время рецессии, по сравнению с 38 % тех, у кого высшим образовательным достижением был диплом средней школы или не было и его.

Между тем те, кто на основе кластерного анализа был отнесен в группу «оставшихся при своем», по заключению авторов отчета, во время кризиса перенесли просто нерадикальные потрясения жизни, поскольку в такую рецессию, как эта, почти все американцы пострадали тем или иным образом [Ibid].

5.2. ЕВРОПЕЙЦЫ И КРИЗИС

На фоне робкого и хрупкого, но, тем не менее, реального восстановления экономики европейских стран по поручению Европейского парламента с 26 августа по 16 сентября 2010 г. была проведена волна 74.1 Евробарометра. Было проинтервьюировано 26 635 европейцев в возрасте 15 лет и старше сотрудниками TNS Opinion&Social (вопросы анкеты были зачитаны респондентам в их собственном доме интервьюером); использовалась методология стандартных опросов Евробарометра. «Европейцы и кризис» – это второй опрос, посвященный специально этой теме. Первый такой опрос был проведен в январе – феврале 2009 г., т.е. несколько месяцев спустя после начала кризиса в Европе. В отчете Евробарометра, опубликованном в ноябре 2010 г., соотносятся результаты обоих опросов [Europeans and the Crisis..., 2010]. В нем отмечается, что спустя два года после начала самого жестокого кризиса, когда-либо переживаемого современным миром, результаты этого опроса дают значительную информацию о том, как европейцы чувствуют себя в экономи-

Таблица 5.2

Распределение ответов на вопрос «Европейский парламент поддерживает разработку определенных политик на уровне ЕС. По Вашему мнению, какие из следующих политик должны были бы получить приоритет?» по позициям, набравшим наибольшее количество ответов, % ответивших

Политика	Евробарометр, август – сентябрь 2010 г.	Евробарометр, январь – февраль 2009 г.
Преодоление бедности и социального исключения	52	44
Улучшение здравоохранения и защита потребителя	33	35
Борьба с терроризмом наряду с уважением индивидуальных свобод	28	34
Сельскохозяйственная политика, которая дружественна к окружающей среде и участвует в глобальном пищевом балансе	27	28
Координация экономической, бюджетной и налоговой политики	27	24

Источник: [Europeans and the Crisis..., 2010, p. 11].

ческом контексте, который сохраняет неопределенность. В данной статье остановимся лишь на некоторых результатах этого опроса.

Европейцы хотят, чтобы Европейский парламент сделал преодоление бедности и социального исключения своим высшим приоритетом. Респондентов Евробарометра просили выбрать из списка, включающего 12 направлений политики, те (не более четырех), которые, по их мнению, должны стать первоочередными. Опрос показал, что европейцы хотят, чтобы Европарламент прежде всего поддержал направления политики, которые влияют на их повседневную жизнь (табл. 5.2).

По сравнению с предыдущим опросом уверенность европейцев, что преодоление бедности и социального исключения должно быть приоритетом на уровне ЕС, только усилилось (52 % против 44 % в начале кризиса). То, с каким отрывом лидирует именно эта задача, подтверждает серьезность потерь европейцев в уровне жизни и/или ощущении социальной защищенности из-за кризиса. Причем эта задача предлагается как первоочередная респондентами, придерживающимися как левых (58 %), так и правых (45 %) политических взглядов; занимающими как низкие (61 %), так и высокие (48 %) позиции на шкале социальной самоидентификации. Европейцы достаточно четко обозначили социальный заказ власти как на национальном, так и на общеевропейском уровне.

Большинство европейцев почувствовали последствия современного кризиса лично. Большинство европейцев считают, что кризис имел значительное влияние на их персональное экономическое положение: на момент опроса в этом были уверены 52 % респондентов, но доля таких людей сократилась на 6 п.п. по сравнению с началом 2009 г. (табл. 5.3). Этот результат можно расценивать как некоторое улучшение финансового положения европейских домохозяйств к середине 2010 г.

Таблица 5.3

Распределение ответов на вопрос «В какой степени, по Вашему мнению, текущий кризис повлиял или не повлиял на каждую из следующих позиций?», % ответивших

Позиция	Очень сильно повлиял	Довольно значительно повлиял	Незначительно повлиял	Вообще не повлиял	Не знаю
Мировая экономика	46/50	44/40	5/4	1/1	4/5
Европейская экономика	46/48	44/42	5/4	1/1	4/5
Национальная экономика	50/51	40/39	6/5	1/1	3/4
Ваше собственнное экономическое положение	19/20	33/38	33/31	12/7	3/4

Примечание. Момент опроса: в числителе – 08–09.2010, в знаменателе – 01–02.2009. Источник: [Europeans and the Crisis, 2010, p. 21].

Восприятие воздействия кризиса в Европе населением значимо дифференцировано практически по всем социально-демографическим параметрам, кроме пола. Среди возрастных групп влияние кризиса на персональное экономическое положение более всего почувствовали люди в возрасте 25–39 и 40–54 лет (по 57 % в каждой группе), менее – люди старших возрастов (47 %) и молодежь (45 %). Наиболее невосприимчивыми к воздействию кризиса оказались студенты (39 %) и вообще те, кто еще получает образование (39 %).

Наличие высокого образования также выступает заслоном от негативного воздействия: среди тех, кто учился 20 лет и более, почувствовали воздействие кризиса 46 %, а среди остальных – уже 55–56 %. В группах по статусу занятости лидер уязвимости – безработные (72 %), на другом полюсе – менеджеры (42 %), между ними самозанятые и работники физического труда (по 56 %), чуть лучше дело у «белых воротничков» (54 %), а ближе всего к менеджерам пенсионеры (46 %).

Респонденты в странах, которые присоединились к ЕС с 2004 г., более часто, чем те, кто живет в самых старых государствах-членах, считают, что кризис имел значительное влияние на их личное положение (64 % в странах, присоединившихся в период с 2004 по 2007 г., против 48 % в странах, входивших в ЕС до 2004 г.).

Если при оценке европейцами влияния кризиса на персональное экономическое положение мы видим ситуацию где-то 50 на 50, и только пятая часть респондентов выбирает крайнюю оценку «повлиял очень сильно», то, начиная с национальной экономики и выше европейцы единодушно (более 90 %) признают значительное влияние кризиса, причем модальность за крайней оценкой влияния. Но так ли страшен был кризис в экономике Европы?

Большинство европейцев говорят, что они не подверглись прямому или косвенному воздействию увольнения. В опросе в августе – сентябре 2010 г. среди европейцев 40 % отметили, что кто-то из их знакомых, не являющийся им ни родственником, ни коллегой по работе, потерял работу непосредственно из-за кризиса, в то же время 20 % сообщили, что кто-то из их коллег потерял работу, и 23 % утверждают, что кто-то из их родственников потерял работу из-за кризиса. Наконец, 11 % опрошенных людей, т.е. 1 из 10 европейцев, сказали, что они лично (или их муж/жена/партнер) потеряли работу непосредственно из-за кризиса. Это показывает, что кризис имел непосредственное и особенно сильное воздействие явно на меньшинство европейцев, по крайней мере, в связи с работой.

С точки зрения профессионального статуса респондентов заметим, что чаще всех оказываются среди потерявших работу лично или знают кого-то, кто потерял свою работу вследствие кризиса, наименее благополучные категории – безработные, предоставляющие услуги работы по дому и работники физического труда.

Первоочередной мерой по выходу из кризиса европейцы считают инвестирование в образование, обучение и научные исследования, а также поддержку малого и среднего предпринимательства. Европейский союз озабочен процессом выхода из кризиса, который может продлиться вплоть до 2020 г., в этой связи необходимо наметить первоочередные задачи, чтобы обеспечить возврат экономики ЕС к росту. В рамках опроса Евробарометра респондентов попросили выбрать максимум 4 меры из 11 предложенных, которые, по их мнению, должны стать приоритетом, чтобы выйти из кризиса. По мнению европейцев, первоочередными задачами в странах Содружества должны стать:

– инвестирование в образование, обучение и научные исследования (43 %);

– поддержка малого и среднего предпринимательства (40 %);

– уменьшение бюрократии (34 %);

– поощрение предпринимательства (30 %).

В том, что более строгое регулирование и надзор за игроками финансового рынка (например, регулирование бонусов трейдеров) было бы эффективным способом предотвращения и избегания возможных в будущем кризисов, уверены семь из 10 европейцев.

Большинство европейцев считают, что восстановление экономики, по всей вероятности, займет несколько лет. Как отмечают авторы отчета Евробарометра, незадолго до опроса были опубликованы макроэкономические показатели, которые позволили одним аналитикам сказать, что самое худшее для Европы уже позади и что идет устойчивое восстановление экономики; другие аналитики заявили, что «свет в конце тоннеля» еще не виден и первые ростки улучшения все же не столь значительны, чтобы говорить о реальном восстановлении. Широкая общественность, столкнувшись с этими противоположными взглядами, показала сдержанный оптимизм. Большинство европейцев (37 %) считают, что восстановление начнется в последующие годы, и четверть (26 %) даже думает, что кризис продолжается, чтобы закончиться через много лет.

Только 30 % европейцев оптимистичны. Так, 17 % респондентов уверены, что возврат к росту начнется в 2010 г., и 13 % даже верят, что экономика уже вернулась к росту. Между тем 7 % респондентов не выразили своего мнения по этому вопросу.

5.3. ВОСПРИЯТИЕ ВОЗДЕЙСТВИЯ ГЛОБАЛЬНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА ЖИТЕЛЯМИ СИБИРИ

В России, судя по результатам ряда репрезентативных на национальном уровне опросов населения, так же как в США и Европе, около половины жителей страны ощутили непосредственное воздействие глобального экономического кризиса на свою жизнь. Исследователи из Института социологии РАН на основе опроса, проведенного в марте – апреле 2010 г. и охватывавшего 1750 респондентов в возрасте от 18 лет и старше, сообщают следующее: «Более половины россиян оценивают ущерб, нанесенный им лично кризисом, как очень значительный, катастрофический или существенный (53 %). Для 47 % ущерб оказался не очень существенным, или ущерба им вовсе нанесено не было» [Готово ли российское общество..., 2010, с. 12–13]. Анкета опроса «ФОМнибус», проведенного в 100 населенных пунктах 44 субъектов РФ 2–5 октября 2010 г., содержала вопрос: «Скажите, пожалуйста, экономический кризис 2008 г. сказался или не сказался на Вашей жизни, жизни Вашей семьи, близких и окружения? И если да, то значительно или незначительно?». По данным фонда «Общественное мнение», 35 % опрошенных сообщили, что кризис сказался значительно, 29 % – незначительно, 30 % не заметили влияния кризиса, а 6 % затруднились ответить на этот вопрос*.

Сопоставимые оценки влияния кризиса на жизнь людей были получены и нами в рамках междисциплинарного интеграционного проекта «Демографические, этнические и социальные риски развития человеческого потенциала Сибири» СО РАН**. На вопрос «Оказал ли глобальный экономический кризис 2008–2009 гг. влияние на Вас и Вашу семью?» утвердительно ответили чуть меньше половины жителей Новосибирской области – 48 % опрошенных, остальные (52 %) не почувствовали влияния кризиса.

Тем, кто ощутил влияние кризиса, был адресован открытый вопрос «В чем именно проявилось влияние кризиса на Вас и Вашу семью?» Формат вопроса предполагал несколько ответов, а также давал возможность проявиться нестереотипному позитивному варианту – по принципу «кому – война, а кому – мать родна». Но теоретическая возможность

---

*Источник: http://bd.fom.ru/pdf/d39ekiep10.pdf.

**В июне – июле 2010 г. по заказу ИЭОПП СО РАН подразделением «Тайга.research» ООО «Тайга-ИнфоГрупп» (Новосибирск) был проведен социологический опрос населения Новосибирской области «Человеческий потенциал Сибири: ресурсы и риски развития». Выборка опроса репрезентировала население области в возрасте от 18 до 65 лет. Было опрошено 1419 чел., проживавших в городской (67 %) и сельской (33 %) местности.

последнего на практике не реализовалась, а полученные ответы разделились на следующие, отчасти взаимосвязанные, блоки негативного влияния кризиса:

1) потеря работы, бизнеса респондентом или членами его семьи (10 %*) и/или трудности с поиском работы (5 %);

2) уменьшение объемов работы (отсутствие заказов, сворачивание проектов, уменьшение спроса и пр. – 8 %) и/или ухудшение дел с оплатой труда у работающих (снижение и/или задержки зарплаты, отмена премий, бонусов и пр. – 37 %);

3) снижение уровня жизни (уменьшение доходов, обострение финансовых трудностей, нехватка денег на необходимое и коммунальные платежи, бедственное материальное положение – 23 %);

4) рост стоимости жизни (повышение цен на продукты и лекарства, увеличение коммунальных платежей на фоне неизменных или уменьшающихся доходов – 29 %);

5) эмоциональное напряжение и экономическая нестабильность (отсутствие уверенности в завтрашнем дне, нестабильность жизни, изменение стиля жизни и потребления, вынужденная экономия – 4 %);

6) разное другое (4 %).

В перечне аспектов влияния кризиса на жителей Новосибирской области масштабы потери бизнеса и работы невелики и больше сопоставимы с европейскими, чем с американскими. Сибиряками отмечены в основном проблемы по получению текущих доходов и осуществлению текущего потребления, что существенным образом отличается от того, что почувствовали на себе во время кризиса американцы: здесь не присутствуют потери фундаментальных активов, типа обесценения стоимости жилья, уменьшение цены инвестиционных портфелей, снижение размеров накоплений на пенсионных счетах. Не присутствуют, потому что фундаментальные активы за двадцать лет формирования рыночной экономики так и не составляют каркас жизни подавляющего большинства россиян: трудно потерять то, чего не имеешь. Новосибирская область по многим показателям социально-экономического развития занимает примерно серединное положение среди других субъектов РФ, а это значит, что население области проживает в неком среднестатистическом контексте страны, обладает мало отличными от других нестоличных или не нефтегазовых областей страны экономическими ресурсами, жизненными возможностями и практиками их реализации. Поэтому мы считаем вполне оправданным обобщение, что даже характер потерь во время последнего по счету кризиса высвечивает скромный экономический потенциал населения нашей страны. Кризис один на всю глобальную рыночную экономику, но для нас по-прежнему, хотя и в другом контексте, актуален один из «гариков»: «Два мира – два Шапиро».

Вернемся к опросу жителей Новосибирской области. Не составило сюрприза, что первые три блока ответов в разных сочетаниях были ха-

*Доля давших такого рода ответ среди тех респондентов, кто сказал, что кризис повлиял на него или его семью. Респондент мог дать несколько ответов.

рактерны людям трудоспособного возраста, а четвертый и пятый – главным образом пенсионерам, т.е. при преимущественно фиксированных относительно скромных доходах и ограниченной возможности приработков повышение цен на товары и услуги, рост тарифов ЖКХ воспринимается как рост стоимости жизни, а при уменьшении привычных доходов или отсутствии их ожидаемого роста – как уменьшение уровня жизни.

В большей мере воздействие кризиса, ощутили жители мегаполиса – Новосибирска (59 % этой группы), среди жителей других городов и сел области тех, кто отметил влияние кризиса, не более 40 %*. В самом Новосибирске кризис более всего задел жителей промышленных и центральных районов города: более 70 % респондентов отметили влияние кризиса.

Значимого влияния уровня профессионального образования респондентов на восприятие кризиса не выявлено, а вот в зависимости от статуса занятости различия хорошо заметны и во многом совпадают с тем, что было обнаружено в ходе опросов американцев и европейцев. Наибольшая доля непосредственно почувствовавших кризис среди тех, кто не работает, но ищет работу (53 %), а также среди тех, кто работает (51 %). Работающие пенсионеры оказались более восприимчивы к воздействию кризиса (46 %), чем неработающие (39 %).

Меньше всего ощутили кризис те, кто находится в колее получения профессионального образования (32–36 %). Вид учебного заведения (профессиональное училище, техникум/колледж, вуз) и формат обучения (платно или на бюджетном финансировании) значимо не дифференцирует восприятие кризиса обучающимися. Но среди тех, кто учится на платной основе, доля почувствовавших холодное дыхание кризиса составила 44 %, а среди занимающих бюджетные места – лишь 29 %. Здесь стоит сказать, что среди родителей, оплачивающих образование своих детей, значительно больше доля заметивших влияние кризиса, чем среди студентов, обучающихся платно. Между тем и те, и другие практически не сомневаются, что материальные возможности семьи позволят окончить учебное заведение: варианты ответов «да» и «скорее да, чем нет» при значительном смещении в сторону «да» выбрали 98 % студентов, обучающихся платно, и 88 % родителей, которые платят за обучение своих детей. Фактически речь идет об основном направлении инвестиций среднестатистического россиянина – в образование детей. В России эти «инвестиции» и так нередко делаются в ущерб текущему потреблению семьи, профилактике здоровья, на средства, взятые в кредит, так что кризис экономики – это не то, что может повлиять на важнейшее из обязательств родителей – дать образование детям.

Занятые в разных отраслях экономики Новосибирской области поразному оказались восприимчивы к негативному воздействию кризиса. В зависимости от отрасли занятости доля тех, кто ответил, что кризис повлиял на их жизнь:

---

*Результаты упоминавшегося опроса Фонда «Общественное мнение» также показали наличие поселенческой дифференциации: воздействие кризиса жители крупных городов отмечают чаще, чем жители сел и небольших городов.

– генерация воды, газа, электричества – 65 %;
– торговля – 63 %;
– обрабатывающая промышленность – 58 %
– строительство – 56 %;
– здравоохранение – 55 %;
– ЖКХ – 47 %;
– сельское хозяйство – 46 %;
– образование – 44 %;
– транспорт, связь – 44 %;
– наука – 38 %;
– органы управления, армия, МВД – 29 %;
– финансовая сфера – 19 %.

Деятельность государства по спасению финансовых институтов во время кризиса и выполнение обещания не отказываться от социальных обязательств нашла яркое отражение в том, что меньше всего пострадавших оказалось среди работников финансового сектора, а также тех, кто служит в армии, работает в органах юстиции, охраны правопорядка (26 %), среди сотрудников органов власти, местного самоуправления (34 %) и среди тех, кто трудится в сфере науки. Наиболее часто ощутившие влияние кризиса встречались среди работников сферы генерации воды, газа и электричества, торговли, обрабатывающей промышленности, строительства и здравоохранения. Объемы работы и заработков представителей этих отраслей зависят от положения дел у их контрагентов (других промышленных предприятий, организаций) и/или от платежеспособности населения. И то и другое существенным образом пошатнулось во время кризиса.

Незащищенными от негативного воздействия кризиса оказались те, кто занимался предпринимательской деятельностью (59 %) и, соответственно, те, кто работал по найму в частном секторе (62 %). Эти люди плыли в одной лодке, но нередко, по словам респондентов, предприниматели свои риски погашали за счет тех, кто у них работал, увольняя или урезая оплату труда. Интересно, что те работники, которые освоили практику нестационарной занятости и работали по временным договорам с организациями, меньше ощутили воздействие кризиса, чем те, кто имел постоянную занятость, – 31 % против 51 % соответственно.

Среди опрошенных в Новосибирской области 8 % составляют безработные; 50 % из них – те, кто ищет работу менее полугода; остальные – более, при этом почти треть (32 %) безработные больше года. На момент опроса только 20 % из них состояли на учете в Службе занятости, а больше половины обращались в поисках работы к друзьям, знакомым и непосредственно на предприятия, в организации. Только 3 % предприняли какие-то шаги для организации собственного бизнеса, еще 13 % планируют, но еще ничего не делали; остальные такой вариант трудоустройства не рассматривают. Лишь около четверти из них связывают потерю работы с кризисом, для остальных отсутствие работы – это последствие долгосрочной ограниченности предложений на локальном рынке труда.

Таблица 5.4

Доля среди респондентов тех, кто ответил, что кризис оказал воздействие на их жизнь, в зависимости от самооценки материального положения семьи, Новосибирская область, 2010 г., %

Состояние материального положения	%
Оценка положения семьи на момент опроса	
Денег постоянно не хватает даже на еду	57
На еду хватает, но приобретение одежды, лекарств – проблема	50
На необходимые расходы денег хватает	49
Денег в целом хватает, но откладывать не удается	52
Средств вполне хватает, можем откладывать и делать крупные покупки	38
Денег хватает на все, ни в чем себе не отказываем	21
Оценка изменения положения семьи за 2009 г.	
Существенно улучшилось	47
Несколько улучшилось	40
Осталось без изменений	38
Несколько ухудшилось	74
Существенно ухудшилось	78

Результаты опроса показывают, что восприятие влияния кризиса значимо дифференцированно в зависимости от оценок материального положения, хотя линейной связи не наблюдается (табл. 5.4).

Респонденты, давшие полюсные оценки материального положения своих семей, существенно отличаются по степени восприимчивости к влиянию кризиса: подавляющее большинство тех, у кого денег хватает на все, негативного влияния кризиса не заметили, а среди тех, у кого денег не хватает даже на еду, ощутили влияние кризиса 57 %. При оценке динамики материального положения совершенно четко видна закономерность: среди тех, у кого материальное положение за 2009 г. не поменялось, меньше всего заметивших влияние кризиса, и, наоборот, их подавляющее большинство среди переживших ухудшение материального положения. Понятно, что воздействию негативных потрясений общего плана более всего подвержены люди с самыми ограниченными экономическими ресурсами, а те, чье положение резко ухудшилось, наверняка попали в воронку кризиса.

Надо заметить, что хотя жители Новосибирской области и разделились на две почти одинаковые по наполненности группы – ощутивших (48 %) и не ощутивших (52 %) влияние кризиса на себе или на своей семье, американский сюжет про кардинальное различие фундаментов для проживания ими периода жизни, пришедшегося на кризис 2008–2009 гг., здесь не просматривается. При этом за год, предшествующий опросу, 50 % респондентов сказали, что материальное положение их семей осталось без изменений, 19 % респондентов сообщили об улучшении, а 26 % – об ухудшении (при 6 % затруднившихся оценить динамику), большинство их самооценок материального положения приходится на такие скромные позиции, как «на необходимые расходы денег хвата-

ет» и «денег в целом хватает, но откладывать не удается» – по 70 %, у 16 % дело обстоит хуже, а у 14 % – лучше; на крайние оценки приходится по 2 %. И этот расклад, как и распределение респондентов по доходным стратам, где превалируют те, чей доход не превышает два прожиточных минимума, мало различается в группах тех, кто отметил влияние кризиса, и тех, кто не отметил.

На вопрос «В настоящее время Вы удовлетворены своим материальным положением?» положительно ответили 31 % наших респондентов, 9 % затруднились с ответом; остальные (60 %) сказали, что не удовлетворены. К последним был обращен открытый вопрос «Что помешало или мешает Вам достигнуть бóльшего?» Так вот, лишь 8 % из них в качестве помехи отметили экономический кризис*, а подавляющее большинство ответов пришлось на «низкую заработную плату», «отсутствие подходящей работы в городе или селе проживания». Те же ответы превалировали и в опросе 2006 г., где спрашивали, что не нравится респондентам в Новосибирской области?

Большое количество жителей Новосибирской области, да и других областей России, особенно проживающих в малых городах и селах, испытывают бедственное положение или с трудом сводят концы с концами далеко не из-за глобального кризиса и не только во время него, хотя и он, безусловно, внес свой негативный вклад. Это следствие системных проблем в экономике страны**, а не волнового мирового кризиса: низкие зарплаты значительного числа работающих, несущественные по размеру выплаты социального характера, в том числе на детей, не позволяют многим людям в трудоспособном возрасте осуществлять воспроизводство человеческого потенциала, не говоря уже о развитии. На локальных рынках труда работодатели нередко обеспечивают рентабельность своих предприятий в основном за счет низкой оплаты труда работников. Будучи немногочисленными, работодатели могут не конкурировать за рабочую силу, так как для работников, по большей части имеющих скромные ликвидные активы и обладающих ограниченным набором трудовых компетенций, переезд в другой город или село сопряжен с риском остаться без жилья, без работы, без поддержки привычного окружения. Среди наших респондентов 63 % составляют те, кто родился и прожил почти всю жизнь там, где их застал опрос. Скудость экономических ресурсов, если не преодолевается, то воспроизводится в новом поколении. У людей мало иллюзий, но и безысходность не в чести: на вопрос об ожидаемых изменениях в уровне жизни, материальном положении в ближайшем году почти 60 % отвечают, что все у них останется без изменений; только 5–6 % предвидят ухудшение; больше 20 % респондентов надеются на улучшение; остальные затруднились заглянуть вперед.

---

*Блок вопросов о материальном положении респондента в анкете был расположен до вопросов о влиянии кризиса и даже не соседствовал с ними.

**Одна из аргументированных позиций в этом ключе изложена в работе [Лившиц, Тищенко, Фролова, 2011].

Опросы, проведенные в Европе в 2009 и 2010 гг., показали, что европейцы хотят, чтобы Европейский парламент сделал преодоление бедности и социального исключения своим высшим приоритетом. Первоочередной мерой по выходу из кризиса европейцы считают инвестирование в образование, обучение и научные исследования, а также поддержку малого и среднего предпринимательства.

Что это – неожиданно компетентная «помощь зала» Европейскому парламенту и правительству в игре «Кто хочет выйти из кризиса быстро и сильным?» или выстраданная в нелегкой борьбе за устойчивое благополучие житейская народная мудрость простых европейцев? Или из предложенных в анкете подсказок только это и могло быть выбрано вменяемыми людьми, которых, как оказалось, в Европе достаточно много? Теперь это уже тест для политиков и чиновников – станут ли эти варианты ответов народа руководством к действию.

В принятии этих приоритетов не так много популизма, как кажется на первый взгляд. В качестве меры стимулирования спроса в кризис и исключения дефляции «особенно важно выделять средства наиболее бедным слоям населения, которые быстрее всего их потратят и тем самым поддержат экономический рост. Такой подход часто используется в США, где в пояснительных документах практически к каждой программе подчеркивается, что один доллар, потраченный на здравоохранение, образование, помощь безработным, детям из бедных семей и т.д., увеличит ВВП приблизительно на два доллара» [Силуанов, Назаров, 2010, с. 117]. Конечно, весьма цинично рассматривать бедных как «секретное» оружие на случай трудностей в экономике страны, но здесь идет речь и об инвестициях имеющих долгосрочный социальный эффект, к которым иные правительства склонить очень непросто. В цитируемой работе эта выкладка приводится в разделе «Выводы и уроки для России», завершающем анализ мирового опыта контрциклической политики. Понятно, что обозначенный прирост ВВП тесно связан с контекстом американской экономики и устоявшихся бюджетных отношений, и вовсе не гарантирован, например, у нас. Но не попробуешь – не узнаешь. Между тем запрос, сформулированный европейцами, весьма актуален и для России. Пока в нашей стране не будет преодолена массовая малообеспеченность населения, экономические показатели, растущие от квартала к кварталу, могут восприниматься лишь как выход из циклического кризиса, а поступательное развитие страны требует поставить в центр социальные вопросы. Трудно прогнозировать, но хочется надеяться, что в обозримом будущем широкие слои населения России смогут приобщиться к преимуществам рыночной экономики, ведь в «школу» мировых кризисов мы уже поступили.

Глава 6

СЕМЕЙНЫЕ ПРАКТИКИ ИНВЕСТИРОВАНИЯ В ОБРАЗОВАНИЕ ДЕТЕЙ

Одни из результатов социализации – формирование человеческого потенциала детей как совокупности воплощенных в них знаний, навыков, физических способностей и личных качеств, способствующих их участию в дальнейших социальных взаимодействиях и обеспечивающих их личностное развитие. Семья как институт первичной социализации обеспечивает изначальные вложения в человеческий потенциал детей. Исходя из этого, данное исследование будет опираться на теорию человеческого капитала. Заимствование из экономического тезауруса понятия «капитал» не только терминологическое, но и смысловое, и связано оно с идеями инвестирования и отдачи. Соответственно, выделяют два основных направления в изучении человеческого капитала – оценки *инвестиций* и оценки *отдачи* от этих вложений, и первый более адекватен для анализа затрат при воспитании детей [Соболева, 2009, с. 59–62]. Такой анализ возможен как на макро-, так и на микроуровне – на уровне общества и его институтов в первом случае и на уровне семьи (домохозяйства) – во втором.

Поведение семьи как «инвестора в человеческий капитал» становится предметом научных исследований тогда, когда появляется возможность рассматривать репродуктивное поведение в качестве результата индивидуального (или совместного партнеров) *выбора*. Государство, заинтересованное в естественном росте населения, может задавать рамки этого выбора идеологическими и экономическими инструментами. Второй после рождения формой семейных инвестиций в человеческий капитал является воспитание детей. «Поскольку родители должны сокращать собственное потребление (включая свободное время), чтобы увеличить время и ресурсы, которые они тратят на уход за детьми, на их образование, подготовку и здоровье, то даже альтруистичным родителям приходится сталкиваться с дилеммой и выбирать между собственным потреблением и человеческим капиталом детей. Однако альтруистичные родители, которые намерены оставить наследство, могут избежать этой дилеммы, если не будут откладывать средства для наследства, а станут направлять их на финансирование вложений в детей» [Беккер, 2003, с. 442].

Доводами в пользу того, чтобы считать затраты на воспитание детей инвестициями, служат как наличие отдачи от образования (а именно образование является основной формой таких инвестиций), так и тот факт, «что в структуре расходов общества они конкурируют не только с

потреблением, но и с некоторыми видами инвестиций. Очевидно, что эти расходы снижают потребление родителей благодаря “эффекту воздержания”. ...Они также приводят к снижению сбережений, а значит, и ресурсов, используемых для прочих видов инвестирования» [Кендрик, 1978, с. 38]. Кроме того, в ситуации, когда невозможно измерить культурный или человеческий капитал человека непосредственно, о нем можно судить по сделанным инвестициям [Бурдье, 2002, с. 61; Беккер, 2003, с. 97].

Как следует из теории человеческого капитала, основными видами инвестиций являются образование, производственная подготовка, охрана здоровья, миграция, поиск информации на рынке труда, рождение и воспитание детей (как условие воспроизводства совокупного человеческого потенциала общества). Реализуя анализ на микроуровне, мы сузим фокус внимания в данной работе до поведения семьи в отношении образования детей. *Теоретический объект* данной части исследования – семейные практики формирования и поддержания человеческого потенциала детей, *предмет* исследования – дифференциация семейных практик инвестирования в образование детей в зависимости от ресурсной обеспеченности семьи и территориальных условий.

Говоря о ресурсной обеспеченности семей и следуя логике ресурсного подхода как одной из социологических вариаций концепции человеческого капитала, мы включим в их состав не только традиционный экономический капитал, но и культурный.

Формы семейных инвестиций в обучение детей. Согласно результатам опроса населения Новосибирской области* доминирующей формой экономических инвестиций в человеческий потенциал детей является покупка учебников, учебных или развивающих пособий, учебной литературы (табл. 6.1). Среди семей, в которых есть учащиеся общеобразовательных учреждений, такие расходы были у девяти семей из десяти. Если в этих семьях следующая по распространенности статья – оплата дополнительных услуг в школе, учебном заведении (попечительские или спонсорские взносы, охрана, уборка, ремонт, оборудование помещения и т.п.), а непосредственно на оплату обучения в школе тратит только 2,65 % семей, то при наличии в семье учащихся учреждений профессионального образования прямые платежи за обучение распространены больше, чем сопутствующие.

За занятия детей в секциях, кружках, клубах, студиях платит каждая шестая семья со школьниками. Оплата частных уроков, обучения иностранным языкам – наименее распространенные формы инвестиций в образование детей.

Анализ дифференциации практик экономического инвестирования в обучение детей показывает, что этот процесс может интерпретироваться

*Опрос «Человеческий потенциал Сибири: ресурсы и риски развития» проведен в июне 2010 г., выборка репрезентирует население Новосибирской области (от 16 лет до 60 лет для женщин и 65 лет для мужчин) по половозрастному составу и поселенческой структуре. Объем выборки 1419 чел. Полевой этап работ осуществлен подразделением «Тайга Research» ООО «Тайга-ИнфоГрупп» (Новосибирск).

Таблица 6.1

Распространенность различных форм экономических инвестиций в образование детей, % от численности семей различных категорий

Форма инвестиций	Категория семей		
	Семьи, в составе которых есть дети-учащиеся общеобразовательных учреждений	Семьи, в составе которых есть дети-учащиеся учреждений профессионального образования	Все семьи с детьми-дошкольниками и учащимися образовательных учреждений
Покупка учебников, учебных или развивающих пособий, учебной литературы для детей	90,1	39,0	51,4
Оплата дополнительных услуг в школе, учебном заведении (попечительские или спонсорские взносы, охрана, уборка, ремонт, оборудование помещения и т.п.)	54,1	20,5	29,7
Оплата обучения в школе (платное обучение в школе)	2,6	0,5	1,5
Оплата занятий детей в секциях, кружках, клубах, творческих студиях (дополнительное образование)	16,5	6,5	10,7
Оплата обучения детей иностранным языкам в языковых школах, на специализированных курсах, в языковых лагерях	4,3	3,0	3,1
Оплата частных уроков, репетиторства для детей	7,9	3,5	4,9
Оплата обучения детей в училище, техникуме, вузе	2,6	36,5	10,9
Оплата обучения детей в аспирантуре		0,5	0,4
Ни на что из списка семья не тратила	7,9	33,0	35,8

как конвертация культурного и экономического капиталов семьи в человеческий потенциал детей. Культурный капитал как богатство в виде знаний и идей институционализирован в форме образовательных квалификаций, поэтому в качестве его эмпирического индикатора адекватен образовательный статус респондента*. Об экономическом капитале семьи будем судить по величине среднедушевого дохода. Все формы экономического инвестирования в образование детей дифференцированы в зависимости от объемов названных капиталов: более обеспеченные семьи и семьи с более образованными респондентами чаще имеют траты по различным статьям расходов (табл. 6.2, 6.3). Но если самые распространенные практики инвестирования – покупка учебников и литературы и оплата дополнительных услуг в школе – дифференцированы слабо,

*В данном случае мы исходим из того, что образование респондента может выступать индикатором культурного капитала всей семьи, так как образовательные статусы партнеров, как правило, совпадают или очень близки.

Таблица 6.2

Распространенность различных форм экономических инвестиций в образование детей в семьях респондентов с разным уровнем профессионального образования, %

Форма инвестиций	Профессиональное образование респондента					
	Нет профессионального образования	Профессиональные курсы	ПТУ, СПТУ, ФЗУ без среднего образования	ПТУ со средним образованием	Среднее специальное	Высшее и выше
Покупка учебников, учебных или развивающих пособий, учебной литературы для детей	44,3	44,7	62,5	50,9	50,6	56,4
Оплата дополнительных услуг в школе, учебном заведении (попечительские или спонсорские взносы, охрана, уборка, ремонт, оборудование помещения и т.п.)	23,8	26,3	35,0	21,4	27,0	40,9
Оплата обучения в школе (платное обучение в школе)				2,7	1,1	2,8
Оплата занятий детей в секциях, кружках, клубах, творческих студиях (дополнительное образование)	4,1		2,5	7,1	12,9	19,3
Оплата обучения детей иностранным языкам в языковых школах, на специализированных курсах, в языковых лагерях	0,8		2,5		1,7	8,8
Оплата частных уроков, репетиторства для детей			5,0	3,6	3,4	11,6
Оплата обучения детей в училище, техникуме, вузе	3,3	7,9	15,0	9,8	14,6	12,7
Оплата обучения детей в аспирантуре						1,7
Ни на что из списка семья не тратила	49,2	42,1	27,5	35,7	35,4	27,6

то оплата услуг дополнительного образования, обучения иностранным языкам, репетиторов, обучения в учреждениях профессионального образования осуществляется в основном обеспеченными и более богатыми культурным капиталом семьями.

Учитывая, что первые из данного перечня формы инвестиций осуществляются преимущественно во время получения детьми школьного образования, можно говорить о дифференциации детей по продолжительности инвестирования в их человеческий потенциал: часть из них

Таблица 6.3

Распространенность различных форм экономических инвестиций в образование детей в семьях разного уровня жизни, %

Форма инвестиций	Среднедушевой доход, руб.						
	До 3000	3001–6000	6001–9000	9001–12 000	Свыше 12 000	Затруднились сказать	Отказ от ответа
Покупка учебников, учебных или развивающих пособий, учебной литературы для детей	58,5	56,2	39,0	45,6	53,7	42,9	70,7
Оплата дополнительных услуг в школе, учебном заведении (попечительские или спонсорские взносы, охрана, уборка, ремонт, оборудование помещения и т.п.)	26,8	25,4	25,3	36,7	46,3	14,3	41,5
Оплата обучения в школе (платное обучение в школе)		1,2	2,1	3,3	3,0		
Оплата занятий детей в секциях, кружках, клубах, творческих студиях (дополнительное образование)	4,9	3,6	10,3	11,1	20,9	17,1	36,6
Оплата обучения детей иностранным языкам в языковых школах, на специализированных курсах, в языковых лагерях		1,8	2,1	5,6	10,4	2,9	4,9
Оплата частных уроков, репетиторства для детей	1,6	3,6	4,8	7,8	13,4		4,9
Оплата обучения детей в училище, техникуме, вузе	4,9	5,9	15,1	15,6	16,4	11,4	14,6
Оплата обучения детей в аспирантуре			0,7		3,0		
Ни на что из списка семья не тратила	36,6	38,5	40,4	33,3	26,9	42,9	19,5

получает явные или латентные экономически обусловленные инвестиции в течение всего процесса социализации, а также при получении профессионального образования, а часть фактически лишена дополнительных финансовых вложений в свой человеческий потенциал, кроме гарантированного государством минимума (через систему общего образования). То есть справедливо замечание П. Бурдье, что «первоначальное накопление культурного капитала (как условие быстрого и легкого накопления всех типов полезного культурного капитала) начинается сразу же, без задержки и напрасной траты времени, только у детей в семьях с уже мощным культурным капиталом. В этом случае период накопления охватывает весь период социализации» [Бурдье, 2002, с. 62–63].

Семейные инвестиции в обучение детей: комбинация факторов. Какой из видов капиталов – экономический или культурный – более значим в контексте нашего анализа? Отвечая на данный вопрос, необходимо учитывать статистически значимую положительную взаимосвязь данных статусных характеристик: более высокие доходы имеют, как правило, более образованные индивиды*. Тем не менее анализ практик экономического инвестирования в обучение детей в консистентных и неконсистентных по данным статусам семьях показывает следующее. При «средних» объемах культурного капитала (семьи, респонденты из которых окончили учреждения среднего профессионального образования) реализация практик дифференцируется в зависимости от объемов экономических ресурсов: так, семьи со среднедушевым доходом выше 1,5 прожиточных минимумов в два раза чаще оплачивают дополнительные услуги в школе, занятия детей в секциях и кружках, в учреждениях профессионального образования. Однако при бóльшем объеме культурного капитала (наличии высшего образования) значимость экономических ресурсов не столь велика. Можно лишь отметить, что более обеспеченные в два раза чаще оплачивают обучение иностранным языкам. То есть с позиций инвестирования в обучение детей экономические ресурсы компенсируют дефицит культурного капитала, но при отсутствии такого дефицита значимость экономических ресурсов падает**.

Однако объяснять дифференциацию практик инвестирования только факторами, связанными со статусом семьи, ошибочно: семьи будут расходовать часть своих доходов на образовательные услуги для детей только в том случае, когда есть институциональные и инфраструктурные условия для этого. Домохозяйства из сельских населенных пунктов фактически исключены из таких условий. Это проявляется не только в том, что данные домохозяйства реализуют преимущественно формы экономического инвестирования, связанные со школьным обучением (табл. 6.4), но и в том, что в сельской местности немногочисленные обеспеченные семьи и семьи с более образованными членами не осуществляют других расходов на образовательные услуги. То есть описанные выше закономерности конвертации ресурсов семьи в человеческий потенциал

*Так, среди тех, кто у кого есть высшее образование, 32,6 % имеют среднедушевой доход в месяц выше 12 000 руб., среди не получивших профессионального образования – 11 %. У 50,6 % респондентов такого низкого образовательного статуса среднедушевой доход не превышает прожиточного минимума. В группе с высшим образованием живут ниже черты бедности 22,7 %. В целом данные ранговые переменные – уровень профессионального образования и уровень среднедушевого дохода (представленного интервалами) – статистически взаимосвязаны (коэффициент Kendall's tau-c равен 0,244 при уровне статистической значимости 0,000).

**Для большей обоснованности данного тезиса необходимо проанализировать структуры потребительских расходов семей разного образовательного и доходного статусов, чтобы ответить на вопрос, за счет экономии на каких статьях расходов малоресурсные семьи обеспечивают средства на оплату различных видов обучения детей, а также каковы различия в абсолютных значениях данных расходов в семьях разного статуса. Но на данной информационной базе эту задачу реализовать невозможно.

Таблица 6.4

Распространенность различных форм экономических инвестиций в образование детей в семьях из разных населенных пунктов, %

Форма инвестиций	Населенный пункт		
	Областной центр	Районные центры	Другие населенные пункты
Покупка учебников, учебных или развивающих пособий, учебной литературы для детей	47,9	50,6	56,0
Оплата дополнительных услуг в школе, учебном заведении (попечительские или спонсорские взносы, охрана, уборка, ремонт, оборудование помещения и т.п.)	37,8	26,5	22,6
Оплата обучения в школе (платное обучение в школе)	3,0	1,2	
Оплата занятий детей в секциях, кружках, клубах, творческих студиях (дополнительное образование)	22,1	4,1	2,6
Оплата обучения детей иностранным языкам в языковых школах, на специализированных курсах, в языковых лагерях	6,0	1,8	0,9
Оплата частных уроков, репетиторства для детей	7,1	8,2	
Оплата обучения детей в училище, техникуме, вузе	15,0	10,6	6,4
Оплата обучения детей в аспирантуре	0,7		0,4
Ни на что из списка семья не тратила	33,3	34,7	39,3

детей «обеспечиваются» преимущественно городскими домохозяйствами, имеющими для этого инфраструктурные возможности. Соответственно один из рисков развития человеческого потенциала детей – это *риск невозможности экономического инвестирования* для сельских жителей.

Члены 72,3 % домохозяйств, в которых есть школьники, помогают им в учебе (делать домашние задания, готовиться к урокам и т.п.); 19,0 % полагают, что дети справляются с учебой сами и в такой помощи не нуждаются; 4,3 % хотели бы помогать, но ссылаются на нехватку времени; 2,3 % семей «делегируют» эту помощь репетиторам, учителям в школе, проводящим дополнительные занятия; и только 1,3 % респондента сослались на нехватку знаний, не позволяющую помогать детям в учебе. Но ситуация такова, что более образованные родители чаще оказываются причастными к учебе детей. Так, среди не имеющих профессионального образования 67,3 %, а среди окончивших ПТУ, СПТУ, ФЗУ без среднего образования – 54,5 % помогают с уроками детям. Из числа родителей со средним специальным образованием оказывают такую помощь 70,5 %, а с высшим – 81,8 %. Соответственно, ответы о самостоятельности детей в учебе даются в обратной зависимости: тем чаще, чем ниже образование респондента.

То есть при низком культурном капитале родителей дети получают *сокращенный объем образовательных инвестиций* во всех формах – как через оплату услуг «внешних», преимущественно институциональных агентов, так и через непосредственные отношения с родителями.

Межпоколенное воспроизводство культурного капитала в контексте образовательной революции. Представленные результаты согласуются с выводами других исследований затрат семей на воспитание и обучение детей. Для всех ступеней образования – от дошкольного до вузовского – характерна тенденция конвертации семейных ресурсов в образование детей. В случае дошкольного воспитания можно говорить о том, что более высокий доход дает возможность для более диверсифицированного потребления услуг по воспитанию детей. С ростом дохода увеличивается доля семей, пользующихся как услугами по уходу за детьми в целом, так и институциональными услугами: «доля семей, принимающих помощь от частных лиц – непрофессионалов, не зависит от материально-имущественного состояния, но в менее обеспеченных семьях выше доля тех, кто использует только эту помощь, тогда как более обеспеченные домохозяйства ориентируются на комбинацию частных и институциональных услуг» [Синявская, Гладникова, 2007, с. 368–369]. В отношении высшего образования отмечают, что «действие механизмов отбора выходцев из высокоресурсных семей при формировании студенчества фиксируется российскими социологами уже без малого полвека. Ни экономические реформы, ни смены политических режимов... существенной коррекции в эти процессы не внесли» [Галицкая, Петренко, 2007, с. 86]. Авторы предполагают, что «эти довольно-таки устойчивые процессы оказали влияние на формирование в определенной степени самовоспроизводящихся социальных слоев. За без малого пять десятилетий (с начала 1960-х гг.) упомянутые процессы вполне могли способствовать цементированию устойчивых социокультурных анклавов, страт, типов, социальных слоев» [Там же, с. 83].

Но эти выводы свидетельствуют о том, что из всех форм инвестирования для советских / российских семей самыми доступными были и остаются затраты на образование и воспитание детей. Это подтверждают и данные опроса «Человеческий потенциал Сибири: ресурсы и риски развития». Лидирующие по частоте упоминания ответы на вопрос «Чем помогли, что “дали” Вам Ваши родители в жизни?» касаются нематериальных активов – воспитания, образования, моральной поддержки (табл. 6.5), т.е. тех, в трансляции которых важен в первую очередь культурный капитал родителей. Собственно материальные ресурсы старшего поколения «достаются» детям преимущественно в форме текущей материальной поддержки, реже – в виде помощи с жильем, и лишь в единичных случаях – как семейный бизнес. Социальный капитал родителей «передается» десятой части респондентов.

«Возможность получить образование» для большинства наших респондентов – это *реализованная* возможность. То, что происходило в образовании в XX в., не только советском, Т. Парсонс назвал образовательной революцией – «колоссальным сдвигом в сторону равенства воз-

Таблица 6.5

Распределение ответов на вопрос «Чем помогли, что “дали” Вам Ваши родители в жизни?», %

Варианты ответов	Частота
Воспитание	83,2
Советы, моральную поддержку в трудных ситуациях	57,1
Возможность получить образование	51,3
Оказывали(-ют) материальную поддержку	46,9
Сформировали мировоззрение, отношение к жизни	41,3
Помогли(-ют) в уходе за детьми, их воспитании	35,9
Хорошую наследственность в плане здоровья	26,9
Помогли с жильем	24,5
Передали свои профессиональные знания, навыки	15,5
Полезные знакомства	7,6
Помогли с трудоустройством	6,2
Ввели в семейный бизнес и/или передали его	0,5
Практически ничего	4,5

можностей». «В каждом последующем поколении постоянно уменьшается число людей, лишенных возможности получить образование, необходимое для достижения различных статусов и в сфере занятости, и в стиле жизни» [Парсонс, 1998, с. 127]. Критический момент в образовательной революции как «последовательном повышении уровня образованности населения за пределы элементарной грамотности» был достигнут, когда «”отсев” не закончивших среднюю школу стал рассматриваться как проблема – как порождение людей, чьи статусные характеристики не обеспечивают им полноправное членство в социетальном сообществе» [Там же, с. 128]. Закономерным следствием такого развития системы образования стало вовлечение все большего числа людей в высшее образование.

При такой логике бурное развитие высшего образования в России в 1990-е – начале 2000-х гг. вполне закономерно. В это время росли число высших учебных заведений и их филиалов, численность обучающихся в них студентов и профессорско-преподавательского состава. К 2000 г. по сравнению с 1990 г. число вузов увеличилось на 86 %, численность студентов в них – на 72 %, а профессорско-преподавательский состав вырос на 25 % [Клячко, Мау, 2007, с. 47]. Одновременно формировался сектор частного высшего образования, вводились платные образовательные услуги в государственных вузах. Возникла ситуация, которую можно охарактеризовать следующими данными: с 1993 по 2003 г. прием в вузы рос быстрее, чем выпуск из школ, в 2001 г. эти показатели практически сравнялись, а в 2002–2003 гг. прием в государственные и негосударственные вузы превышал выпуск из школ [Высшее образование..., 2004, с. 12]. Данная тенденция сохраняется и позднее, что позволяет говорить о том, что «задача обеспечения доступности высшего образования как такового в настоящее время решена» [Клячко, Мау, 2007, с. 50].

Спрос населения на образовательные услуги, в первую очередь в сфере высшего образования, выраженный в готовности платить за обу-

Таблица 6.6

Распределение разных семейных поколений по уровням образования, % к численности респондентов

Уровень образования	Родители респондентов*	Респон денты	Дети респондентов, закончившие обучение в школе*	Уровень образования
Начальное	10,5	1,4		
Неполное среднее	11,1	8,3	3,2	Получили неполное среднее образование
Неполное среднее и профессиональное обучение без получения среднего образования	8,4	5,7	3,5	Получили неполное среднее образование и прошли / проходят профессиональное обучение без получения среднего образования
Среднее	11,8	14,0	8,1	Получили среднее образование
Среднее и профессиональное обучение	7,8	21,0	10,9	Получили среднее образование и прошли / проходят профессиональное обучение
Среднее специальное	25,4	25,5	26,8	Получили / получают среднее специальное образование
Высшее, послевузовское обучение	19,2	24,0	47,6	Получили / получают высшее, послевузовское образование
Нет информации	5,8	0,1		

*Численность определена по максимальному уровню образования одного из родителей и детей.

чение, – является элементом образовательной революции. Ее проявление на микроуровне – восходящая межпоколенная образовательная мобильность, которую можно зафиксировать и по данным опроса «Человеческий потенциал Сибири...». У 47,6 % респондентов хотя бы один из детей, закончивших обучение в школе, получил или получает высшее образование, тогда как только у 19,2 % были родители с высшим образованием (оба или один из них) (табл. 6.6).

На другом полюсе образовательной иерархии – неполное среднее образование – находятся дети только 6,7 % опрошенных, в то время как среди родителей респондентов 30 % получили такое образование или ниже. Эти данные характеризуют не столько разные возрастные группы, сколько поколения внутри расширенной семьи, тем не менее налицо поступательное продвижение вверх по образовательной лестнице каждого следующего семейного поколения. Так, получили образование выше, чем у родителей, 41,5 % респондентов, воспроизвели образовательный статус родителей 31,1 % опрошенных, спустились ниже в образовательной структуре 21,8 % (для остальных невозможно определить направление образовательной мобильности из-за отсутствия информации о родителях). У 34,5 % респондентов образовательный статус воспроизвелся (или воспроизводится) одним из детей; дети 50,3 % опрошенных повысили свой образовательный статус по сравнению с родительским, и только дети 15,3 % респондентов находились на момент опроса ниже в образовательной иерархии.

Образование как личностное преимущество. В отношении массовизации высшего образования в России важно отметить, что рост спроса на высшее образование с середины 1990-х гг. оказался оправданным с «индивидуальной» точки зрения: «в новых рыночных условиях более высокое образование стало обеспечивать своим носителям весомые преимущества, которых оно не давало при плановой системе. Ни ухудшение качества обучения, ни бурный приток на рынок труда работников с высшим и средним профессиональным образованием не смогли подорвать тенденцию к возрастанию его экономической ценности» [Капелюшников, 2008, с. 43–44]. Анализ субъективных оценок населения также позволяют зафиксировать изменившееся отношение к образованию. По данным Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения в 1996–2004 гг. образование постепенно становилось более важным элементом самооценки востребованности в современных экономических условиях, тогда как значимость опыта предпринимательской деятельности уменьшалась [Черкашина, 2008]. Однако на этих данных зафиксированы признаки снижения в 2004–2006 гг. отдачи от высшего образования (выигрыша в заработках, который оно обеспечивало) [Заработная плата..., 2007, с. 343–402; Мальцева, 2009, с. 258]. Анализ отдачи от высшего образования в разрезе возрастных групп также показывает, что для молодых когорт, получивших высшее образование в 1990-е гг., отдача от него оказывается существенно ниже, чем для более старших когорт, получавших высшее образование в дореформенный период [Капелюшников, 2006, с. 56–57].

Косвенной оценкой индивидуальной ценности образования можно считать его признание в качестве личного преимущества. Среди респондентов нашего опроса готовы отнести полученное образование к своим преимуществам 26 %, но среди имеющих высшее образование таковых 59,8 %. Из получивших среднее специальное образование оценивают его таким образом 23,2 %. Наличие неполного или полного среднего образования дает основания лишь каждому десятому респонденту считать образование своим личным преимуществом, причем прохождение профессиональной подготовки представителями данной группы не отражается на частоте указания образования в составе личных преимуществ. Фактически не за образованием как таковым, а только за высшим в современном обществе закрепляется статус ценной компоненты человеческого капитала. Но данные также демонстрируют, что среди респондентов с высшим образованием, чьи родители имели такой же образовательный статус, причисляют образование к личным преимуществам 68,1 %. Если максимальный уровень образования одного из родителей – неполное среднее, но сам респондент получил высшее образование, из них 51,2 % сочтут образование личным преимуществом.

На данном этапе мы можем лишь выдвинуть предположения, объясняющие такие различия в оценках. С одной стороны, массовизация высшего образования приводит к его сегментации по качеству подготовки. Зарубежный исследовательский опыт показывает, что дети из американских семей высокого экономического статуса с большей вероятностью

становятся студентами элитных колледжей и университетов. Так, дети из высших слоев чаще оказываются студентами 50 лучших университетов, чем дети среднего и низшего слоев (15,5 % против 5,8 и 4,7 % соответственно). Л. Тсуи дополняет эту картину результатами обучения в университетах, с разной строгостью подходящих к отбору студентов. Дети из семей с большими объемами экономических ресурсов не только чаще становятся студентами университетов с более строгими критериями отбора, но и получают в них образование более высокого качества. Фактически увеличение возможностей для получения образования в США произошло за счет расширения сегмента менее качественного обучения, что не снижает реального неравенства в количестве и качестве культурного капитала [Tsui, 2003].

С другой стороны, формируются новые стратификационные критерии, связанные с *использованием* полученных в высшей школе знаний и навыков. Приведенные данные позволяют предположить, что умение оперировать ими отчасти передается через механизмы семейной социализации: обладатели бóльших объемов культурного капитала на собственном примере демонстрируют детям преимущества образования.

Итак, анализ практик инвестиций в обучение детей свидетельствует о том, что в современном обществе расширение сегмента институциональных образовательных услуг не снижает роли семьи в формировании человеческого потенциала детей. Реализация данных практик находится в зависимости от ресурсной обеспеченности семей, понимаемой в широком смысле – не только от экономического, но и культурного капитала. Рамки инвестиционного поведения семей задаются инфраструктурными и институциональными условиями (наличие различных образовательных учреждений и сформированная система оплаты их услуг), что проявляется в дифференциации расходов городских и сельских семей. Учитывая, что культурный капитал сельских семей в целом меньше, воспроизводство человеческого потенциала детей подвержено в этой ситуации двойным рискам: риск невозможности осуществлять вложения в обучение детей и риск слабой компенсации этих недовложений со стороны семьи.

Глава 7

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ И КАРЬЕРНЫЙ РОСТ: СУБЪЕКТИВНЫЕ ОЦЕНКИ И РЕАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ

Смена ориентиров. Конец XX в. ознаменовался радикальным изменением системы ценностей, целевых ориентиров и критериев общественного прогресса. На нынешнем этапе глобализации, протекающем в условиях смены парадигмы развития с индустриальной на постиндустриальную, развернулась стратегическая борьба *за совокупный мировой интеллект*. В настоящее время мировой рынок образования оценивается в 100 млрд долл., что эквивалентно годовому обороту мировых рынков золота, необработанных алмазов и ювелирных бриллиантов вместе взятых. Неудивительно, что практически все ведущие страны стремятся закрепить за собой место в этой перспективной экономической нише. По оценкам зарубежных экспертов, каждой стране необходимо вкладывать в образование населения около 6 % ВВП. В России такой уровень финансирования ожидается лишь к 2020 г. В 2008 г. он был равен 4,8 % от ВВП, а в 2000 г. – 2,9 % В начале 2000-х гг. уровень финансирования высшей школы в расчете на одного студента в России уступал не только мировым лидерам (США – почти в 20 раз, Германии, Великобритании, Бельгии, Дании – примерно в 10 раз), но и таким государствам, как Португалия и Турция [Андреев, 2010].

Трансформация социально-экономических отношений 1990–2000-х гг. в России обусловила принципиальное изменение отношений в сфере труда и образования. В короткий срок произошла смена ориентиров: от плановой экономики к «рыночной», от государственной монополии в сфере найма к множественности частных работодателей, от государственных гарантий в сфере труда к социальной ответственности бизнеса, от государственного распределения кадров к частному рекрутингу. Мировой финансовый кризис высветил ограниченность господствующего энерго-сырьевого пути развития страны, что обусловило необходимость перехода к инновационной экономике, основанной на знаниях. На первое место вышли факторы, определяющие условия жизнедеятельности человека, качество его жизни.

Требования современного рынка труда к компетенциям работников. Предшествующие исследования показали, что и в традиционном, и в инновационном сегментах реального сектора экономики наиболее востребованными оказались: владение компьютером и информационными технологиями, готовность к постоянному обучению, способность адаптироваться в новых условиях и работать в команде. Среди личностных

качеств наиболее ценимые – трудолюбие, исполнительность, дисциплинированность, ответственность. В инновационном сегменте чаще востребованы узкоспециальные знания, а также навык работы со специальной литературой, знание отечественного и зарубежного опыта в профессиональной области, умение извлекать и анализировать информацию из разных источников. В инновационном сегменте высоко ценятся также творчество и креативность сотрудников. В частности, изучение ситуации в IT-компаниях г. Новосибирска позволило сделать следующие выводы. Ожидания и требования работодателей к компетенциям сотрудников обусловлены спецификой работы в области информационных технологий. Требования к личностным качествам работников, как правило, отражают корпоративные ценности и представления компании об идеальном сотруднике и являются универсальными для всех штатных позиций. Среди личностных характеристик кандидатов чаще всего упоминались способность обучаться новому, высокая обучаемость, скорость обучаемости, а также умение работать в команде, коммуникабельность, целеустремленность, ориентация на результат, а также работоспособность, трудолюбие, способность быстро включаться в процесс, лидерские качества, самоорганизованность, усидчивость, вдумчивость.

Исследование показало, что компании пытаются найти оптимальный баланс между личностными и профессиональными качествами сотрудников. Такой стратегии придерживаются компании с четко выстроенной системой работы с персоналом. Свои долгосрочные перспективы они связывают в первую очередь с развитием человеческого потенциала. Но такой позиции придерживаются не все компании. Наличие вузовского диплома не является обязательным пропуском в IT-компанию. Если кандидат имеет опыт работы, то наличие профильного образования выступает скорее «приятным бонусом» в дополнение к конкретным навыкам и знаниям. Что касается профиля полученного образования, то помимо информационных технологий предпочтение отдается физике, математике, а также техническим специальностям [Калугина и др., 2011].

Какими компетенциями и профессиональными качествами обладают работники? Среди профессиональных и личностных качеств, наиболее ценимыми самими работниками в себе, как показал опрос городского и сельского населения Новосибирской области*, являются опыт и профессиональные знания (42,6 % ответов); ответственность, добросовестность, честность (23,6 %); коммуникабельность, общительность, бесконфликтность, отзывчивость (21,7 %); трудолюбие, работоспособность, трудовая хватка (20,6 %). При этом востребованность образованности, грамотности и профессиональных знаний значительно возрастает в тех случаях, когда работникам приходится в ходе своей профессиональной деятель-

*Здесь и далее приводятся данные социологического обследования, проведенного Институтом экономики и организации промышленного производства СО РАН в 2010 г., полевой этап исследования выполнен ООО «Тайга-ИнфоГрупп». Выборочная совокупность репрезентировала население Новосибирской области от 18 до 65 лет (N = 1419 чел.), проживающих в городской (67 %) и сельской (33 %) местности.

Таблица 7.1

Распределение ответов на вопрос «Есть ли у Вас перспективы профессионального или карьерного роста по Вашему месту работы?», % ответивших

Вариант ответа	Всего	Возрастные группы	
		До 30 лет	Свыше 30 лет
Есть, но только профессионального	13,1	16,6	11,7
Есть, но только карьерного	5,3	7,6	4,4
Есть перспективы и профессионального и карьерного	16,2	28,9	11,4
Нет таких перспектив	53,5	31,3	62,0
Затрудняюсь сказать	11,9	15,6	10,5
Итого	100,0	100,0	100,0

ности самостоятельно искать новые подходы, методы и способы решения стоящих перед ними задач.

В целом набор профессиональных навыков и умений, ценимых самими работниками, принципиально не отличается от тех требований, которые предъявляются работодателями. Очевидно, проблема состоит не столько в наличии тех или иных качеств, сколько в условиях их реализации. Исключение могут составлять лишь специальные знания, умения и навыки, которые образуют так называемый специальный человеческий капитал. Как известно, он формируется с учетом интересов конкретных фирм. Соответственно инвестирование в специальный человеческий капитал должен осуществляться самими фирмами.

Перспективы профессионального и карьерного роста сами респонденты оценили достаточно низко. В первую очередь это касается лиц среднего и старшего возраста (табл. 7.1).

Шансы продвижения по карьерной и профессиональной лестнице у мужчин и женщин примерно равны: каждый второй из опрошенных мужчин и женщин не видит для себя таких перспектив. Жители сел и малых городов оценивают свои перспективы профессионального и карьерного роста значительно ниже по сравнению жителями мегаполиса: соответственно 71,9 и 54,5 % против 43,2 % проживающих в г. Новосибирске, что отражает, на наш взгляд, как перспективы развития экономики в малых городах и сельской местности, так и возможности приобретения здесь дополнительных профессиональных знаний и умений. Дифференциация оценок профессиональных и карьерных перспектив по доходным группам населения скорее говорит о последствиях использования имеющихся возможностей продвижения по служебной лестнице, нежели об их перспективах (табл. 7.2).

Низкая оценка перспектив профессионального роста отчасти объясняется невостребованностью тех навыков и знаний, которыми располагают работники в настоящий момент. По оценкам респондентов, их профессиональные знания востребованы лишь частично (22,6 % ответов) или вовсе не востребованы (13,5 %), положительный ответ на этот вопрос дали примерно 58 % респондентов. Значительных гендерных и

Таблица 7.2

Распределение ответов на вопрос «Есть ли у Вас перспективы профессионального или карьерного роста по Вашему месту работы?», % ответивших

Вариант ответа	Всего	Интервал среднедушевого дохода, руб.				
		До 3000	3000–9000	9000–18 000	Свыше 18 000	Нет данных
Есть, но только профессионального	13,1	4,8	14,9	15,0	18,4	6,5
Есть, но только карьерного	5,3	1,2	5,0	7,5	6,1	4,3
Есть перспективы и профессионального и карьерного	16,2	8,4	14,3	21,2	24,5	12,9
Нет таких перспектив	53,5	78,4	56,8	48,8	38,8	39,7
Затрудняюсь сказать	11,9	7,2	9,0	7,5	12,2	36,6
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

территориальных различий в ответах на данный вопрос не наблюдалось.

Следует отметить, что отсутствие перспектив профессионального и карьерного роста является одной из распространенных причин трудовой мобильности. Особенно это было ощутимо в период до 2000-х гг.

Дополнительное профессиональное образование: мотивация и ожидания. В непрерывно меняющемся мире знания, навыки и умения быстро устаревают, и через 5–7 лет необходимы их радикальное обновление, переход к непрерывной системе образования и непрерывной генерации нового знания. Государственная программа «Образование и инновационная экономика: внедрение современной модели образования в 2009–2012 годы» нацелена на внедрение механизмов поэтапного формирования и реализации современной модели образования, обеспечивающей повышение доступности качественного образования в соответствии с требованиями инновационного развития экономики, современными потребностями общества и каждого гражданина. Эта программа предусматривает организацию непрерывного образования, подготовки и переподготовки профессиональных кадров на основе инновационных образовательных технологий с привлечением работодателей к созданию федеральных государственных образовательных стандартов и аккредитации образовательных программ.

Дополнительное профессиональное образование выполняет важнейшую функцию сглаживания структурных диспропорций спроса и предложения на рынке труда. Однако существующая система дополнительного профессионального образования как неотъемлемая часть непрерывного образования находится в стадии формирования, она слабо ориентирована на перспективные потребности экономики. В целом сфера образования слабо интегрирована с наукой и бизнесом. Положение усугубляется свертыванием (особенно в малом и среднем бизнесе) внутрипроизводственной, внутрифирменной системы подготовки кадров, фактически полным исчезновением института наставничества на производстве [Калугина и др., 2011].

Реальная ситуация с дополнительным профессиональным образованием работников изучалась на примере Новосибирской области в рамках вышеупомянутого репрезентативного обследования городского и сельского населения области в июне – июле 2010 г. по проблемам развития человеческого потенциала. Всего опрошено 1443 чел., в том числе 472 чел. в сельской местности и 971 – в областном центре и других городах области. Выборочная совокупность репрезентирует население области по полу, возрасту и уровню образования. При отборе сельских районов учитывался уровень их социально-экономического развития.

Исследование выявило, что в реальной жизни более 60 % работников никогда в течение трудовой жизни не проходили переподготовку, стажировку или дополнительное обучение. При этом 8 % работников проходили переобучение более 10 лет назад, каждый пятый вообще не смог вспомнить дату этого события. Наиболее распространенной формой дополнительного обучения были курсы повышения квалификации, чаще в селах и малых городах, а также тренинги и обучение на рабочем месте (рис. 7.1).

Инициаторами дополнительного обучения выступали преимущественно предприятия, фирмы, организации (более 80 %). По собственной инициативе обучались примерно 16 % работников. При этом в областном центре по собственной инициативе обучался каждый пятый работник, в малых городах и сельской местности эта доля была заметно ниже, что свидетельствует о более высоких требованиях, предъявляемых к работнику в крупных городах, и более динамичном развитии экономики, что сказывается на формировании спроса на высококвалифицированный труд. Основное бремя затрат на переобучение работников (в 70 % случаев) брали на себя предприятия и государство (в каждом пятом случае), и только каждый десятый респондент оплачивал дополнительное обучение сам, в редких случаях обращаясь за материальной поддержкой к родственникам и друзьям. Предприниматели же оплачивали повышение квалификации за счет собственных средств в 60 % случаев.

Как показало наше исследование, повышение квалификации, по самооценкам работников, положительно сказывается на их дальнейшей трудовой карьере: примерно каждый десятый получил повышение в долж-

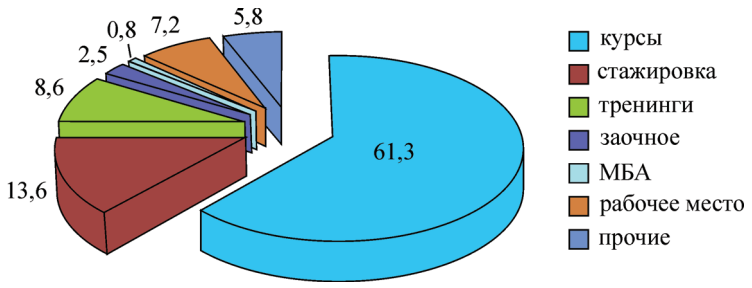


Рис. 7.1. Формы дополнительного профессионального обучения работников, %.

ности, каждому четвертому был присвоен более высокий разряд или обеспечено успешное прохождение очередной аттестации. Характерно, что продвижение женщин по служебной лестнице было менее ощутимо по сравнению с мужчинами, что говорит о сохранении гендерной асимметрии на рынке труда. Каждый десятый переобучившийся почувствовал положительные изменения на собственном бюджете. Для небольшой доли работников (по 5 %) это проявилось в возможности смены места или содержания работы. Но каждый четвертый не ощутил на своей трудовой карьере никаких изменений.

Самообразованием занимались примерно каждый четвертый работающий мужчина и каждая третья женщина. При этом самая высокая доля самостоятельно овладевающих дополнительными профессиональными знаниями наблюдалась в малых и средних городах. Это свидетельствует о том, что имеющаяся в них инфраструктура не позволяет полностью удовлетворять потребности работников в получении организованного дополнительно профессионального образования. Управленцы, военнослужащие и представители правоохранительных органов, как показало обследование, чаще, чем наемные работники, пополняют свои профессиональные знания самостоятельно. Наиболее распространенными способами самообразования являются знакомство со специальной литературой (77 % ответивших), поиск информации в Интернете, на дисках и других электронных носителях (53 %), личные наблюдения, обмен опытом с коллегами (40 %), посещение лекций, консультации у специалистов (20 %).

Таким образом, можно констатировать, во-первых, слабую вовлеченность работников в систему дополнительного профессионального образования, а во-вторых, отсутствие ощутимой системы поощрения и мотивации профессионального обучения. Такая ситуация, с одной стороны, не отвечает требованиям экономики знания, а с другой – свидетельствует и о невостребованности квалифицированного труда. Более трети респондентов (36 %) отметили, что имеющиеся у них квалификация, профессиональные знания и навыки практически не востребованы или востребованы частично (36 % ответов), что может служить одним из факторов низкой мотивации получения дополнительного профессионального образования. Между тем около 5 % работающего населения в целом ощущают недостаток профессиональных знаний для выполнения их теперешней работы. Особенно остро эту проблему ощущают сельские работники – 12 % против 4 и 2 % в малых городах и областном центре соответственно. Исходя из этого, примерно каждый пятый работник ощущает потребность в продолжении своего профессионального образования.

Российский бизнес также не проявляет заинтересованности в повышении профессионального уровня работников ввиду технологической отсталости производства и паразитирования на материально-технической базе, созданной еще в советской России. По расчетам д-ра экон. наук А.Н. Захарова, доля пятого технологического уклада в России только за 1990–2005 гг. уменьшилась с 6 до 1,2 %, четвертого – с 51 до 39 %,

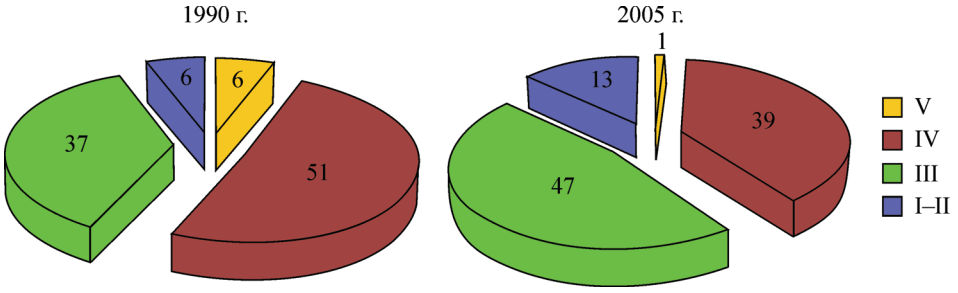


Рис. 7.2. Доля технологических укладов в экономике России, %.

тогда как третьего уклада увеличилась с 37 до 47 %, а реликтовых укладов, базирующихся на энергетике человека и животных, свойственных XIX в. или доиндустриальной эпохе, – с 6 до 12,7 % (рис. 7.2). Особенно негативными были эти изменения в российском АПК [Захаров, 2006].

Очевидно – чем масштабнее будет высокотехнологичный сектор экономики, тем масштабнее будет сегмент высокооплачиваемых рабочих мест, тем выше будет спрос на высококвалифицированную рабочую силу. Пока же при имеющейся технологической отсталости у России нет шансов достичь уровня передовых стран по производительности труда. В такой ситуации государство должно взять в значительной степени ответственность на себя и создать такие институциональные условия, которые вынуждали бы отечественный и иностранный бизнес вести активную инвестиционную политику на своих предприятиях по техническому перевооружению производства и внедрению базовых инноваций. Наряду с этим государство должно предпринимать меры по расширению территориальной и социальной доступности образовательных, рекреационных и медицинских услуг для всех слоев населения (см. гл. 14).

Главным ориентиром современной социальной политики должен стать подъем материального благосостояния населения до уровня, достаточного для индивидуального инвестирования в здоровье, образование, культуру и предполагающего смену индивидуальных мотивационных ориентаций с выживания на развитие.

Трудовая мобильность как способ улучшения профессиональных позиций. Бурные и хаотические преобразования в России 1990–2000-х гг. и их парадоксальные результаты неоднократно находились в центре внимания отечественных и зарубежных авторов. Эти исследования касались сути, характера, противоречий проводимых реформ, оценки экономической ситуации и социальных последствий неоднозначных и поспешных шагов, предпринимаемых политиками для превращения народного хозяйства страны, базирующегося на общинных ценностях населения и тотальном государственном контроле деятельности хозяйствующих субъектов, в оазис рыночных отношений. Однако попытки «хирургической пересадки» институтов рыночной экономики в социалистическую ткань российской действительности вызвали экономический коллапс и социальный шок населения.

Для анализа мотивов трудовой мобильности нами были выделены четыре временны́х периода, отличающихся характером ситуации в экономике и на рынке труда. Это – доперестроечный период до 1991 г., период бурных и хаотических преобразований 1991–1999 гг., относительно спокойный период 2000–2008 гг. В конце последнего из них произошел мировой финансово-экономический кризис, последствия которого ощутили все страны мира, в том числе и Россия.

Первое десятилетие реформ 1991–1999 гг. закончилось глубоким экономическим и финансовым кризисом. Кризис конца 1990-х гг. был одним из самых тяжелых экономических кризисов в истории России, обусловленный, по мнению аналитиков, огромным государственным долгом России, низкими мировыми ценами на экспортируемое сырье, обвалом рынка государственных краткосрочных облигаций. Этот кризис означал крах макроэкономической политики российских властей, проводившейся с 1992 г. В этот период российский рубль девальвировался в несколько раз, произошел значительный спад производства и уровня жизни населения, 17 августа 1998 г. был объявлен дефолт [http://ru.wikipedia.org/wiki].

Нестабильность экономической ситуации, массовая приватизация и откровенный захват промышленных предприятий частными лицами обусловили развал производства, ликвидацию многих предприятий и организаций, что привело к масштабному сокращению рабочей силы, активизации миграционных процессов и увеличению вынужденной трудовой мобильности.

Период 2000–2008 гг. характеризовался постепенным выходом экономики из кризисного состояния, сопровождающийся положительной динамикой экономических и социальных показателей.

В 2009–2010 гг. Россия, как и многие страны мира, ощутила на себе последствия мирового финансового и экономического кризиса.

Анализ полученных данных показал, что число увольнений работников и переход на другое место работы среди обследованных в 2000-е гг. был примерно в пять раз выше по сравнению с 1990-ми гг. При этом каждый четвертый переход в 1990-е и каждый пятый – в 2000-е гг. носили вынужденный характер и обусловлены были либо сокращением штатов, либо закрытием предприятия. Среди превалирующих мотивов трудовой мобильности в указанные периоды были низкий уровень заработной платы и задержки ее выплаты, а также отсутствие перспектив карьерного роста (табл. 7.3).

При этом ожидания и надежды работников, по их самооценкам, полностью оправдались лишь в 40 % случаев, частично оправдались – у 45 % респондентов. Ничего не изменилось на новом месте работы в среднем у 8 % опрошенных. Жители малых городов и сельских поселений Новосибирской области в два раза чаще отмечали тщетность своих попыток улучшить свое положение на новом месте работы.

Новая парадигма кадровой политики как ответ на вызовы времени. Обоснованный Стратегией социально-экономического развития России на период до 2020 г. переход к экономике знания как безальтернатив-

Таблица 7.3

Распределение ответов на вопрос «Чем был вызван уход с предыдущей работы, что послужило причиной?», % ответивших

Причина	Всего	Временные интервалы перехода с предыдущего места работы			
		До 1991 г.	1991–1999 гг.	2000–2008 гг.	2009–2010 гг.
Переезд на новое место жительства	13,0	25,6	22,2	11,6	7,2
Попал под сокращение	10,1	4,7	13,1	10,3	9,2
Предприятие было ликвидировано	8,8	2,3	12,1	9,3	7,2
Не устраивал уровень оплаты труда	29,4	23,3	18,2	33,4	28,3
Задержки заработной платы	12,0	4,7	7,1	15,7	7,9
Отсутствие перспектив карьерного и профессионального роста	8,3	14,0	14,1	6,7	7,2
Отказался от ведения собственного бизнеса	0,4	2,3	0	0,5	0
Неудовлетворительные условия труда	2,3	2,3	3,0	2,3	2,0
Неудобный график работы	7,8	7,0	3,0	7,7	11,2
По семейным обстоятельствам	6,0	9,3	9,1	4,9	5,9
Был уволен за нарушение дисциплины	0,9	0	0	1,3	0,7
Завершился проект, срочный договор	3,4	0	1,0	2,6	7,9
Конфликт с коллегами	0,7	0	0	0,8	1,3
Не поладил с руководством	3,5	0	1,0	4,6	3,3
Захотел открыть свое дело	1,6	2,3	4,0	1,5	0
Состояние здоровья, в том числе дополнительный отпуск	1,8	2,3	3,0	1,5	1,3
Вынужденный уход: армия, пенсия	2,5	2,3	2,0	1,8	4,6
Обстоятельства, связанные с учебой	1,0	0	2,0	0,3	2,6
Другое	0,7	2,3	1,0	0,8	0

ный путь развития выдвинул на передний план задачу развития человеческого потенциала в качестве приоритетного ресурса экономического роста и социального прогресса. Такой переход предполагает отказ от узкого понимания рабочей силы как ресурса труда и выдвижение на первый план создание условий для развития человеческого потенциала и обусловливает осуществление соответствующих новаций в сфере образования. С одной стороны, должны внедряться новые методы обучения и сотрудничества науки и бизнеса, а с другой – формироваться инновационное сознание и инновационные компетенции специалистов. Это с неизбежностью повлечет за собой изменения в механизмах, формах и видах занятости и найма населения, а также потребует новых методов регулирования рынка труда. В частности, должны найти более широкое распространение нетрадиционные для российского рынка виды найма и занятости населения, такие как фриланс, «портфельная» занятость, дистанционная занятость, аут-сорсинг, аут-стаффинг и др. Указанные новации внесут коррективы в сложившиеся формы управления персоналом и потребуют адекватного законодательного обеспечения (рис. 7.3).

Иными словами, речь идет о смене приоритетов кадровой политики и развитии сферы образования на среднесрочную и долгосрочную перспективу, ориентированных прежде всего на снижение объемов не-

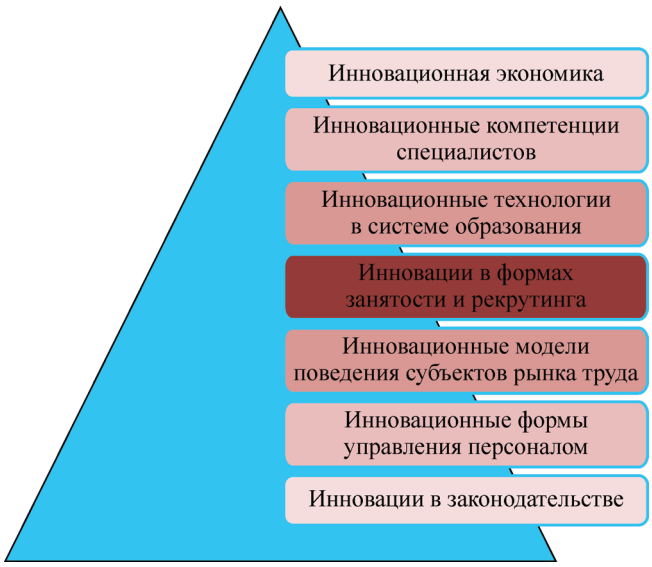


Рис. 7.3. Логика и взаимосвязь инновационных процессов в сфере труда, образования и экономики.

квалифицированного труда, формирование нового мышления и рыночных моделей поведения субъектов рынка труда.

Специалисты в области социальных изменений, исследуя механизм модернизации обществ, обращают внимание на важность соответствия доминирующего типа личности происходящим социальным изменениям. Современная личность характеризуется: 1) независимостью от традиционных авторитетов, антидогматизмом мышления; 2) вниманием к общественным проблемам; 3) способностью приобретать новый опыт; 4) верой в науку и разум; 5) устремленностью к будущему, умением воздерживаться от удовольствий; 6) высоким уровнем образовательных, культурных и профессиональных притязаний.

Модернизация в этой сфере (сфере личности) означает приближение к такому сочетанию свойств, характеристик и предполагает подавление противоположных, традиционных черт. В итоге современная личность проявляет способность ориентироваться в расширяющемся социальном пространстве, внутреннюю гибкость, разнообразие интересов, большое понимание ценности самосовершенствования и осознание настоящего как особо значимого измерения человеческого существования. Становление современной личности – важный фактор модернизационных процессов [Штомпка, 1996, с. 175].

На вызовы глобализирующегося и изменяющегося мира Объединенная Европа ответила модернизацией образования. Мультилингвизм, мультикультура, развитие международных связей, новые требования рынка труда, необходимость сохранения демократического открытого общества и т.д. сподвигли Совет Европы принять решение о переходе на компе-

тентностный подход в образовании. Согласно новой концепции образования, молодые европейцы должны овладеть пятью ключевыми компетенциями, адекватными вызовам времени:

– *политическими и социальными компетенциями*, такими как способность участвовать в принятии групповых решений, разрешать конфликты ненасильственно, участвовать в поддержании и улучшении демократических институтов;

– *компетенциями, связанными с жизнью в многокультурном обществе*: способность жить с людьми других культур, языков и религий;

– *компетенциями, относящимися к владению устной и письменной коммуникацией*, необходимой для работы и социальной жизни. В этом контексте все большую важность приобретает владение более чем одним языком;

– *компетенциями, связанными с возрастанием информатизации общества*, пониманием и применением способов критического суждения в отношении информации, распространяемой массмедийными средствами и рекламой;

– *способностью учиться на протяжении жизни* [Зимняя, 2004, с. 18–19].

Российская система образования также перестраивается в этом направлении, хотя ясности относительно нового подхода пока нет. Образование в современную эпоху – это процесс, посредством которого люди приобретают способность постоянно изменять необходимые навыки для решения возникающих задач и обращаться к источникам для обучения этим навыкам. Человек должен уметь перепрограммировать себя в соответствии с бесконечно изменяющимися задачами. Поэтому в качестве важнейшего вида ресурсов в эту эпоху являются, по мнению Мануэля Кастелса, знания и информация [Кастелс, 2000].

Специфика современного периода заключается не только в переходе на трехуровневую систему высшего профессионального образования, базирующуюся на компетентностном подходе, но также в наблюдающихся процессах автономизации и коммерциализации учебных заведений. Современные студенты примерно в 60 случаях из 100 являются не просто учащимися, а клиентами платного учебного заведения, что накладывает свой отпечаток на их взаимодействия с профессорско-преподавательским составом. Они становятся не просто учащимися и преподавателями, а клиентами и принципалами. Учреждения системы среднего и высшего профессионального образования, ориентируясь на платежеспособный спрос населения, наращивают выпуск дипломированных специалистов сквозных профессий (экономист, финансист, бухгалтер, менеджер, юрист, маркетолог, психолог и др.), несмотря на насыщение рынка труда, и сокращают подготовку по целому ряду профессий технического профиля. В системе начального профессионального образования существенно уменьшились масштабы подготовки массовых рабочих профессий при увеличении подготовки по сквозным профессиям служащих (например, делопроизводитель, секретарь-референт, оператор ЭВМ и персональных компьютеров).

Все эти метаморфозы обусловлены сложившимися противоречиями между запросами рынка труда, интересами системы образования и профессионально-трудовыми ориентациями молодежи, которые проявляются в следующих формах:

– инерционность системы профессионального образования, обусловливающая запаздывание ее реакции на изменения спроса и, как следствие, имеющийся дисбаланс между структурой предоставляемых образовательных услуг и запросами рынка труда, ориентация молодежи на получение высшего профессионального образования и на профессии, избыточные на рынке труда при высокой доле (около 40 %) старшеклассников, не определившихся с выбором профессии;

– высокая мотивация к труду, продолжению образования и получению дополнительных профессиональных знаний среди молодежи и пассивность работодателей в сфере образования и подготовки кадров (большинство работодателей, несмотря на осознаваемую проблему, остаются пассивными потребителями услуг системы профессионального образования) [Красильникова, Бондаренко, 2007; Харченко, 2008];

– наличие кадрового дефицита в отраслях экономики при сохранении значительных масштабов незанятого населения;

– нарастание структурного дефицита кадров, особенно высококвалифицированных, при существовании сегментов экономики, где уровень подготовки работников превышает требования к ним со стороны выполняемой работы (рабочего места);

– несоответствие качества рабочих мест высокому уровню образованности населения;

– снижение качества профессионального образования при увеличении масштабов подготовки кадров;

– высвобождение молодежи из сферы образования, лишенной возможности продолжать обучение на платной основе в условиях финансового кризиса.

Разрешение этих противоречий может быть обеспечено, на наш взгляд, только в рамках новой парадигмы взаимодействия сферы образования, рынка труда и экономики. Новая парадигма кадровой политики и развития образования предполагает перенос акцента, переход: от кадрового потенциала к человеческому потенциалу; от образования на всю жизнь к образованию через всю жизнь; от использования знания к генерации знания; от инструментальной ценности образования к самоценности получения знания; от теоретических профессиональных знаний к компетенциям; от полной стандартной занятости к гибким нестандартным формам занятости; от механизации и автоматизации к интеллектуализации труда; от исполнительности работников к креативности.

Глава 8

СОЦИАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ КАК ФАКТОР СМЯГЧЕНИЯ РИСКОВ НА РЫНКЕ ТРУДА

Одним из направлений анализа рисков и угроз существованию и развитию социальных сообществ может стать выделение способов управления рисками, связанных с мобилизацией собственных солидарностей индивидов. Речь идет об использовании человеком накопленного им и его семьей социального капитала для преодоления кризисных ситуаций, связанных с утратой работы, источников доходов или имущества, а также с ухудшением состояния здоровья и другими внезапно возникшими ситуациями и катаклизмами разных масштабов.

Несмотря на то, что в современном мире представлена достаточно развитая инфраструктура организованного получения платной и бесплатной (общественной) помощи в этих случаях, люди продолжают эксплуатировать сложившиеся годами дружеские и родственные связи, длительные или весьма «шапочные» знакомства для разрешения тех или иных вопросов, требующих незамедлительного вмешательства. Помимо этого социальный капитал в комбинации с другими видами капитала и ресурсов способствует созданию благоприятных условий для человеческого развития, формирования альтернативных стратегий и тактик реагирования на возникающие препятствия или же закреплению достигнутых преимуществ.

Согласно сложившемуся в научном сообществе пониманию, социальный капитал – это некий запас, определенная сумма имеющихся в реальности или потенции ресурсов, базирующихся на том, что они размещены в прочной и существующей длительное время системе (сети) отношений, в которых доминируют личностные знания о партнере, стабильное уважение и признание его статусных характеристик [Бурдье, 2004; Коулман, 2001]. Членство в этой сети открывает прямой или опосредованный доступ отдельному человеку к чужим ресурсам и возможностям, имеющимся в активе у других членов сети. В этом смысле социальный капитал не может рассматриваться в качестве уникального атрибута индивида. Он предстает как совокупный групповой объем ресурсов и возможностей, рассредоточенных внутри всей социальной сети, которые активизируются по особым правилам, выработанным в цепочке множества актов материально-экономического или духовно-символического обмена. По мере расходования социальный капитал имеет тенденцию к возрастанию и расширению, поскольку чем интенсивнее возникают слу-

чаи кооперации и взаимовыручки, тем прочнее и эффективнее становятся сети солидарности, одновременно усиливается и потенциал взаимного доверия [Роуз, 2002; Соболева, 2006].

Объективированную базу социального капитала образуют разветвленные сети межличностного взаимодействия, которые служат для передачи информации, оказания протекции, для экономии и рационального использования ресурсов, а также для формирования репутаций [Виноградский, 2007; Барсукова, 2003; Штейнберг, 2010]. Сегодня в связи с бурным развитием информационных технологий на первый план стала выходить и другая ипостась социального капитала, связанная с быстрым формированием виртуальных сообществ и организацией акций коллективного действия и солидарного поведения людей, включенных в электронные коммуникативные сети, в самых разных сферах – культурных, политических, экономических и пр. [Долгин, 2010; Кастельс, 2000].

Социальный капитал как накопленный в рамках сообщества и социальной сети объем доступных «среди своих» ресурсов, возможностей, информационных источников, признаний и уважений распределяется внутри сети неравномерно. Эта дифференциация доступов к социальным ресурсам базируется на том, что наиболее нуждающиеся в поддержке группы населения (прежде всего, малодоходные) не всегда способны сделать достаточные инвестиции для соответствующего накопления социального капитала в виде взаимообразных услуг, симметричной помощи, способности оказаться «полезными» и «информированными» [Давыдова, 2002]. При этом материальная некомпетентность семей или отдельных индивидов в ряде случаев может компенсироваться силой социальных обязательств – например, если речь идет о взаимоподдержке близких родственников и исполнении четко выраженных ролей «донора» и «реципиента» [Градосельская, 1999; Фадеева, 1999]. Но чаще всего сложившееся материальное неравенство людей усиливается вследствие неравнозначности их позиций в процессе капитализации своих социальных связей и знакомств, препятствующих в том числе раскрытию и эффективному использованию человеческого потенциала тех, кто испытывает дефицит социальных ресурсов.

Нами будут рассмотрены результаты использования социального капитала, прежде всего, в трудовой сфере. Будут проанализированы особенности получения посреднических услуг в трудоустройстве разных групп наемных работников, в том числе тех, кто недавно потерял работу. Социальный капитал интересует нас и в качестве материального ресурса поддержки в случае утраты источников доходов или низких доходов семьи, а также как форма оказываемого гостеприимства и как непреложная потребность в общении между близкими людьми. Наконец, в контексте осуществления нематериальных трансакций между поколениями важной функцией социального капитала могут стать накапливаемые и передаваемые другим поколениям жизненные навыки, воспитываемые качества личности, мотивационные устремления. Изуче-

Таблица 8.1

Распространенность различных каналов трудоустройства в разных типах поселений, % к числу ответивших

Канал трудоустройства	Новосибирск	Малые города/ поселки городского типа	Сельские поселения	В среднем по совокупности
Непосредственное обращение в отдел кадров	31,4	48,7	49,8	40,1
Протекция родственников, друзей, знакомых	29,6	27,2	19,4	26,3
Приглашение со стороны руководителей или сотрудников предприятия	7,0	10,1	19,8	11,3
Получение информации о вакансиях в независимых источниках (СМИ) и участие в конкурсе	12,6	1,9	3,2	7,8
Получение информации о вакансиях через Интернет и участие в конкурсе	7,3	0,6	0,9	4,1
Распределение после окончания учебного заведения	6,3	6,3	3,7	5,6
Трудоустройство через государственную Службу занятости	2,5	1,3	1,4	1,9

ние особенностей этой передачи также является предметом нашего анализа*.

Одним из популярных способов использования социального капитала в России признана неформальная помощь в трудоустройстве со стороны членов ближайшего круга. Наши данные показывают, что ее роль весьма велика – до четверти всех трудоустройств в среднем происходит именно благодаря поддержке родных и друзей.

Посмотрим, есть ли различия в получении протекции при трудоустройстве жителей сибирского мегаполиса, малых городов и поселков городского типа, а также сельских поселений. Соответствующая информация была получена из ответов наемных работников на вопрос о способах получения ими последнего места работы на предприятии или в организации (табл. 8.1)**.

*Информационной основой данного исследования стали результаты опроса «Человеческий потенциал Сибири: ресурсы и риски развития», проведенного в июне 2010 г. Выборка репрезентирует население Новосибирской области (от 16 до 60 лет для женщин и от 16 до 65 лет для мужчин) по половозрастному составу и поселенческой структуре. Объем выборки составил 1419 чел. Среди опрошенных 57,2 % имели работу по найму или занимались бизнесом, 11,5 % были безработными и примерно столько же были заняты в домашнем хозяйстве или находились в отпуске по уходу за ребенком. 12 % опрошенных находились на пенсии и 9 % были учащимися дневной формы обучения.

**В связи с тем, что получение последней работы каждым опрошенным работником происходило не в один временной период, а в течение достаточно длительного срока, в анализируемых нами результатах социологического опроса естественным образом отразились и наложились друг на друга тенденции разных лет, охватывающих и советский период планового регулирования занятости, и постсоветский этап становления рынка труда.

Согласно полученным данным, жители крупного города для своего трудоустройства примерно в равной степени прибегают к трем альтернативным способам. Помощь «ближнего круга» практически на равных конкурирует с прямым обращением к работодателю. Вместе с тем растет группа тех, кто стремится опереться в своем поиске работы на независимые информационные источники и готов принять участие в конкурсном отборе лучшего претендента на вакансию. Заметим, что результативность поиска работы с помощью государственных служб занятости крайне мала, как, впрочем, и через частные кадровые агентства и рекрутинговые фирмы (с помощью этого канала смогли получить работу лишь 0,6 % ответивших).

Несколько иной выглядит картина вдали от больших и малых городов. С одной стороны, в поисках работы люди в половине случаев предпочитают обращаться напрямую в кадровые службы предприятий. С другой стороны, удивительным на первый взгляд кажется то, что в сельской местности, славящейся общинными традициями, помощь друзей и родственников в трудоустройстве заметно ниже, чем в городе. «Слабость» роли социального окружения компенсируется активностью самого руководства и специалистов предприятий и организаций в подборе сотрудников, ведь, согласно опросу, каждый пятый ответивший сельский житель получил приглашение на работу непосредственно от своих будущих работодателей.

Такой факт можно объяснить тем, что в селе социальные связи человека носят тотальный характер, а его комплексная репутация (включающая особенности происхождения, материальный статус семьи, личностные и профессиональные характеристики) становится достоянием всей сельской общины. Это освобождает процесс подбора работника от процедуры специального поручительства или же посредничества. В данном случае один тип социального капитала – родственный или дружеский – замещается его профессиональным аналогом – сложившейся внутри социальной общности профессиональной репутацией.

В силу узости имеющихся вакансий и дефицита достойных рабочих мест на сельском рынке труда [Калугина, Фадеева, 2009] ресурс знакомства скорее работает не на работника, а на работодателя, позволяя последнему за счет особой осведомленности о разных качествах работника делать процедуру найма более точной. Так, руководитель сельхозпредприятия или иной крупной организации заведомо знает о положительных и отрицательных чертах того, кого он берет на работу, и в зависимости от имеющихся у него ресурсов и механизмов стимулирования будет стремиться к эффективному воспитанию или же манипулированию поведением уже нанятого работника*. О проблемах сельского рынка труда

*В зависимости от положения предприятия и проводимой его руководством политики ставка может делаться как на недобросовестных и вместе с тем неприхотливых работников, которым некуда податься и которые готовы работать за низкое вознаграждение, так и на работников – профессионалов своего дела, в которых осталось стремление к ответственному труду и хорошим заработкам. Ситуацию в первом случае можно охарактеризовать следующей цитатой из интервью сельской жительницы: *«В нашем хозяй-*

свидетельствует и тот факт, что 71,9 % опрошенных нами работников, живущих в сельской местности, вообще не видят перспектив профессионального или карьерного роста на своем рабочем месте, тогда как в Новосибирске сомневающихся в реализации своего трудового потенциала оказалось почти в 2 раза меньше – 43,2 % от числа ответивших.

Такая уверенность жителей мегаполиса в своих силах связана с наличием у них не только более широкого спектра выбора мест трудоустройства, но и соответствующих информационных каналов. В большом городе на фоне всего массива выделяется такой стремительно развивающийся способ получения информации о спросе со стороны работодателя, как печатные издания и другие средства массовой коммуникации, включая Интернет. Эти каналы позволяют претенденту рассматривать («примерять на себя») большее число вакансий, параллельно выясняя также через коммуникативные сети особенности и «подводные камни» имеющихся предложений, рассылать свои резюме одновременно в несколько адресов и делать в конце концов осознанный выбор. Хотя доля распространенности таких каналов трудоустройства в общей выборке пока не столь велика (12 % получили информацию о вакансиях через СМИ, 7 % – с помощью Интернета), но именно обращение к независимым источникам, судя по полученным нами данным, весьма эффективно. Работники, получившие работу посредством данных информационных каналов, лидируют в группе тех, чьи трудовые отношения были оформлены официально (97 %), а также среди тех, кто не намерен срочно (в течение года) менять работу (91 %). Они достаточно высоко оценивают перспективы своего и профессионального, и карьерного роста (43,8 % воспользовавшихся Интернетом при среднем показателе выборки – 16,2%), больше уверены в благоприятном исходе поиска следующего места работы, которая была бы не хуже уже имеющегося (43,8 % при среднем показателе 38,6 %).

Наши данные частично опровергают сложившееся в пореформенной России представление о том, что социальный капитал работника непременно должен открывать доступ к «хорошим» рабочим местам. Как видно из табл. 8.2, в сегменте позиций топ-менеджмента, управленцев среднего звена и специалистов, где число вакансий заведомо ограничено, предпочтение отдается скорее человеческому капиталу претендента.

стве любят держать, если честно сказать, алкашей, которых выгодно держать. Директор выгонит этих алкашей, но он их и примет, когда они вновь придут проситься на работу. Ведь эти люди никогда не поедут работать в город, они все равно будут здесь. А если человек стремится, идет к чему-то и требует достойной оплаты за свой труд, то почему-то здесь таких людей не ценят». Второй пример характерен для активно модернизирующихся хозяйств, где неизмеримо возрастает роль человеческого фактора. В этом случае для работодателя на первый план выходят особые умения работника «вгрызаться в работу», отдаваться ей до конца, так что даже наличие вредных привычек не становится веским аргументом против такого кандидата. Из интервью с фермером: *«Первое время дико было. Сейчас я уже забыл, чтобы в поле, в гараже где-то пили. А раньше я и увольнял пьющих, и опять их принимал. Ведь жалко было – хорошие мужики, и семьи у них хорошие. Выгонял проштрафившегося, для него это был стресс. Он пойдет закодируется, придет ко мне опять. Потом увидит, что есть другая жизнь – без пьянки – и втянется».*

Таблица 8.2

Используемые каналы трудоустройства в зависимости от должностных позиций и качественных характеристик рабочего места, % к числу ответивших

Должностная позиция и характеристика рабочего места	Каналы трудоустройства			
	непосредственное обращение в отдел кадров	протекция друзей, знакомых и родственников	приглашение руководства, сотрудников	получение информации о вакансиях через СМИ (Интернет)
Должностной статус работника				
Руководитель и топ-менеджер	1,6	2,5	11,5	1,1
Руководитель подразделения	1,9	2,0	5,7	5,4
Руководитель нижнего звена	1,3	4,9	3,4	6,5
Специалист высшей квалификации	11,9	13,8	25,3	29,3
Специалист среднего или начального уровня квалификации	19,7	18,7	26,4	25,0
Служащий без профессиональной подготовки	10,0	9,4	4,6	14,1
Квалифицированный рабочий	30,3	29,6	12,6	15,2
Неквалифицированный рабочий	15,8	14,3	6,9	2,2
Характер оформления трудовых отношений				
Официальное трудоустройство	95,5	86,2	95,4	94,6
Трудоустройство по устной договоренности с работодателем	3,5	12,3	4,6	5,4
Востребованность квалификации, профессиональных знаний и навыков				
Квалификация в основном востребована	54,5	60,6	64,4	54,4
Квалификация отчасти востребована	22,9	21,7	20,7	32,6
Квалификация почти не востребована	16,5	13,3	6,9	8,7
Перспективы профессионального и карьерного роста на рабочем месте				
Есть возможности профессионального роста	12,6	13,8	12,6	16,3
Есть возможности карьерного роста	4,8	5,4	6,9	8,7
Есть возможности и профессионального, и карьерного роста	13,2	16,7	8,0	25,0
Нет возможностей какого-либо роста на рабочем месте	58,7	49,8	58,6	38,0

При этом неслучайно заполнение должностей руководителей и разноранговых специалистов осуществляется преимущественно по двум каналам. Во-первых, на такие должности приглашение поступает от лица самой компании (в том числе в рамках внутрифирменной ротации), чье руководство владеет информацией о конкретном человеке и полагается на его характеристики и оценки компетенций, сложившиеся в профессиональном сообществе. Этому опосредованным образом может способствовать социальный капитал претендента – та совокупность его «слабых связей», благодаря которым нужная информация распространяется среди работодателей [Грановеттер, 2009; Якубович, 2002]. Во-вторых, борьба за эти вакансии нередко ведется в прямых конкурсных отборах,

информация о которых становится доступной благодаря средствам массовой информации, включая Интернет.

Протекция ближнего круга начинает играть серьезную роль по мере снижения образовательного уровня претендента* и достигает своего пика в случае трудоустройства на рабочие специальности. С точки зрения отраслевой принадлежности массовых рабочих мест, которые удалось занять благодаря помощи друзей и родственников, лидирует строительство (38 % респондентов нашли работу «на стройке» именно благодаря личной протекции), транспорт и связь (36 %). Среди менее представленных в нашей выборке отраслей поручительство друзей и родственников сыграло значительную роль при трудоустройстве на предприятия энергетики, газо- и водоснабжения (46 %), в организации государственного управления, армию и органы обеспечения безопасности и правопорядка (31 %), а также на предприятия общественного питания и гостиничного сервиса (31 %).

Профессиональная репутация, благодаря которой предложение о трудоустройстве поступает со стороны работодателя, чаще востребована в сфере образования (17 %) и сельском хозяйстве (12 %). Но более популярен такой метод получения работы в этих отраслях, как прямое обращение за работой в отдел кадров (50 и 67 % соответственно).

Информация в независимых источниках оказалась более важной среди самостоятельно выбирающих вакансии в таких сферах деятельности, как оптовая и розничная торговля, а также оказание разнообразных услуг населению. Именно здесь трудоустроились 38 % нашедших работу через Интернет и 27 % – с помощью других информационных источников. Массовое развитие сферы торговли и других услуг требуют рекрутирования достаточно большой армии новых работников – и в этом отношении сети масс-медийного (в том числе виртуального) пространства играют сегодня незаменимую роль.

Данные табл. 8.2 также указывают на то, что найденная с помощью ближнего круга работа обладает существенным недостатком: в каждом десятом случае она оказывается в сегменте неформальной экономики, т.е. не имеет юридического оформления в рамках действующего трудового законодательства. Другие каналы трудоустройства в большей мере поставляют рабочую силу на формальный рынок труда. Тем не менее сопоставление оценок работника относительно востребованности его квалификации показывает, что доля негативных высказываний нашедших работу по протекции или же по приглашению работодателя оказывается ниже, чем в целом по совокупности опрошенных работников. Это можно интерпретировать двояким образом. С одной стороны, включен-

*Как свидетельствуют полученные данные, к помощи родственников, друзей, знакомых для трудоустройства чаще всего прибегали респонденты с начальным профессиональным образованием (30 % закончивших ПТУ, ФЗУ или СПТУ без получения среднего образования и 38 % выпускников профессиональных училищ со средним образованием). Среди людей, имеющих среднеспециальное или высшее образование, такая помощь не была столь востребована. К ней для получения последнего места работы обратились менее четверти представителей этих групп.

ность в социальные, в том числе профессиональные, сети позволяет посреднику или же непосредственно работодателю точнее учитывать квалификационный потенциал претендента и предлагать ему работу «по плечу». С другой стороны, как уже было сказано выше, социальный капитал активнее используется людьми не с самым высоким уровнем образования и обладающих, возможно, заниженной самооценкой или амбициями, что примиряет их с достигнутым трудовым статусом.

По всей видимости, сложившаяся сегодня в сибирском регионе модель рынка труда частично преодолела изъяны «нестандартного» подбора кадров, связанные со слабостью формальных институтов регулирования трудовых отношений и дефицитом доверия в обществе. Трудоустройство по знакомству уже не занимает однозначно лидирующие позиции в списке возможных альтернатив. Это свидетельствует о том, что в определенных нишах и сферах рынка труда факторы профессионально-квалификационного уровня и трудового опыта работника оказываются сильнее его личных связей и имеющегося «блата».

Другой результат, который уже был отмечен отечественными исследователями [Лаврусевич, 2008], связан с гендерными различиями в использовании социального капитала при трудоустройстве. На «личные связи» в поиске работы больше полагаются мужчины, а не женщины (табл. 8.3). Среди возможных объяснений этого факта можно повторить тезис о специализации функций мужских и женских социальных сетей [Тартаковская, 2004]. Если представительницы слабого пола с помощью накопленного социального капитала решают бытовые проблемы и вопросы благополучия членов своей семьи, то для мужчин на первое место выходят межличностные отношения делового характера, позволяющие строить карьеру, быстро находить работу, преодолевать финансовые трудности.

Как показывают наши данные, молодые люди, делающие первые шаги на трудовом поприще или же активно строящие карьеру, особо

Таблица 8.3

Способы трудоустройства работников, различающихся половозрастными признаками, % к числу ответивших

Должностная позиция и характеристика рабочего места	Каналы трудоустройства			
	непосредственное обращение в отдел кадров	протекция друзей, знакомых и родственников	приглашение руководства, сотрудников	получение информации о вакансиях через СМИ, Интернет
Гендерная принадлежность				
Мужчины	40,9	29,5	10,4	11,4
Женщины	39,3	22,8	12,2	12,5
Возрастная группа				
От 16 до 29 лет	32,7	31,8	5,7	19,4
От 30 до 39 »	38,0	31,0	10,3	12,5
От 40 до 49 »	42,5	23,1	16,2	8,1
От 50 до 59 »	51,7	15,5	12,1	6,0
От 60 до 64 »	40,0	26,7	13,3	0,7

нуждаются в поддержке своего социального окружения при получении первого и последующих мест работы. Однако уже после достижения работником 40-летнего возрастного рубежа роль социальных связей при трудоустройстве заметно снижается. Если среди 20- и 30-летних знакомствами для получения работы не преминули воспользоваться около трети опрошенных, то уже среди 40-летних таковых оказалось меньше четверти. Здесь, на наш взгляд, серьезное влияние на ситуацию может оказывать опыт разных поколений в используемых стратегиях и тактиках поиска работы.

С одной стороны, для нынешних 40-летних и особенно 50-летних работников и людей более старшего возраста получение первой работы было связано с распределением после окончания учебного учреждения – и до сих пор в нашей выборке остались эти люди, сохранившие полученную таким образом первую работу на всю жизнь (среди 40-летних таких оказалось 6,5 %, среди 50-летних – 11,2 %). С другой стороны, как свидетельствуют данные табл. 8.3, работодатель склонен сам проявлять инициативу и приглашать к себе на работу «повзрослевших» людей, заслуживших авторитет и признание среди профессионалов. Если среди самых молодых прямое приглашение на работу от предприятий или организации получили только чуть больше 5 % работников, среди 30-летних такого рода приглашением воспользовался каждый десятый опрошенный, а вот в группе 40-летних эта доля составила уже 16,2 %. Таким образом, по мере наступления профессиональной зрелости работника снижается и его потребность в неформальной протекции.

Однако можно привести и иные аргументы, связанные с ограниченной трудовой мобильностью работников старших поколений. При подходе к пенсионному возрасту позиция работника на рынке труда становится все более уязвимой, он будет опасаться активно менять работу и подыскивать для себя лучшие позиции в связи с существующей дискриминацией при приеме на работу людей старше 45–50 лет. В этой связи вполне очевидными выглядит тот факт, что для людей пенсионного возраста канал получения «работы по знакомству» оказывается чрезвычайно важен. Ведь с достижением этого «критического» возрастного порога даже при накопленном высоком объеме профессионализма конкурентоспособность этой группы на рынке труда серьезно понижается.

Вместе с тем, ослабление роли личностных связей для срединной возрастной группы в пользу востребованности ее представителей в профессиональном сообществе имеет вполне логичное объяснение и свидетельствует об естественных процессах конвертации «возраста и опыта» работника в его человеческий капитал. При этом важно отметить, что такая капитализация профессиональных компетенций и репутаций на определенном этапе жизненного цикла была бы невозможна без социальной поддержки человека на всем его трудовом пути.

Оценки представителей разных поколений относительно своей трудовой мобильности также сильно разнятся. Согласно нашим данным, молодые люди до 30 лет наиболее амбициозны и высоко оценивают свои шансы на успешную карьеру и профессиональный рост (только треть

представителей молодежи не видят для себя возможностей каких-либо продвижений на своем рабочем месте). Среди других возрастных групп разочаровавшихся в своих перспективах намного больше (среди 30-летних – их более половины, 40-летних – более 60 %, а 50-летних – более 76 %). Этот тренд вполне объясним, ведь с увеличением возраста люди либо достигают своего потолка, либо отчаиваются это сделать вовсе (при том, что они гораздо объективнее оценивают свои жизненные шансы).

Неожиданную релевантность советского лозунга «молодым везде у нас дорога» новым реалиям демонстрируют ответы на вопрос о том, сможет ли человек найти работу не хуже прежней, если в этом возникнет необходимость. Почти половина (47,9 %) работников до 30 лет в этом практически уверены, тогда как среди 30-летних это мнение разделили уже 38 % людей, а среди людей, чей возраст составил от 40 до 60 лет, придерживающихся подобной точки зрения оказалась только треть.

Свою нацеленность на восходящую мобильность молодежь подтверждает и осознанными планами – почти 12 % опрошенных молодых работников в ближайшее время хотят сменить работу. К этому в немалой степени их подталкивает и нынешний неустойчивый трудовой статус: 16 % молодых людей, чей возраст не превышает 30 лет, работают без официального оформления трудовых отношений, в то время как в других более «зрелых» группах доля неформально трудоустроенных заметно ниже – от 6 до 9 %.

Значимость социальной поддержки несоизмеримо возрастает в экстремальных ситуациях, связанных с неожиданной утратой работы и в период длительной безработицы материальной неустроенностью. Об этом можно судить, сопоставляя между собой «рейтинги популярности» использования разных способов поиска работы среди безработных и тех каналов реального трудоустройства, которыми уже воспользовались работающие респонденты нашей выборки (табл. 8.4). Если в протекции «ближнего круга» для получения последнего места работы призналась только четверть опрошенных работников, то первой, можно сказать, инстинктивной реакцией на утрату занятости для почти 60 % безработных стало обращение за помощью к самым близким людям. Такой разрыв, на наш взгляд, еще раз косвенным образом свидетельствует о том, что «потенциал» (или своего рода коэффициент полезного действия) социальных связей не столь велик, отдача от их эксплуатации не так высока, как принято считать.

Если по частоте попыток найти поддержку «у своих» различия среди городских и сельских безработных минимальны, то выбор остальных предпочтительных способов решения этой проблемы в городе и в селе серьезно разнится. Частично здесь проявляются уже отмеченные выше тенденции. Жители мегаполиса в гораздо меньшей степени полагаются на услуги государственных служб занятости, предпочитая более активные стратегии действия: обход непосредственных работодателей и размещение своих резюме в средствах массовых информации. Селяне, находясь в объективно иной ситуации, склонны к более пассивной позиции – и наряду с поддержкой ближнего круга выбирают помощь специ-

Таблица 8.4

Наиболее популярные способы поиска работы разными группами безработных, % к числу ответивших

Характеристика групп безработных	Канал поиска работы			
	обращения за помощью в трудоустройстве			размещение резюме на электронных сайтах вакансий
	к родным, друзьям, знакомым	напрямую на предприятия и в организации	в службу занятости по месту жительства	
В среднем по совокупности	58,8	39,5	38,6	8,8
Место жительства				
Новосибирск	55,9	47,1	20,6	26,5
Малые города/ поселки городского типа	70,8	41,7	54,2	0
Сельские поселения	55,4	33,9	42,9	1,8
Гендерная принадлежность				
Мужчины	64,1	38,5	34,6	5,1
Женщины	47,2	41,7	47,2	16,7
Возрастная группа				
От 16 до 29 лет	53,7	41,5	29,3	14,6
От 30 до 39 »	63,6	31,8	40,9	13,6
От 40 до 49 »	63,6	39,4	42,4	3,0
От 50 до 59 »	55,6	44,4	50,0	0

алистов из районных центров занятости. Весьма симптоматична разница в поведении жителей малых городов (поселков городского типа) и сельских поселений. В отличие от последних, потерявшие работу жители районных центров и городков лидируют по обращаемости и в центры занятости, и к друзьям, т.е. пытаются аккумулировать все возможности не только для быстрого трудоустройства, но и для получения статуса безработного, сопряженного с получением пособия, а также с переобучением или открытием своего дела.

Схожим с уже зафиксированным ранее образом решают проблему поиска работы безработные мужчины и женщины. Если женщины предпочитают обращаться к государственным структурам, то мужчины – к своим друзьям. Вместе с тем, активнее в борьбе за занятость себя ведут представители самой молодой возрастной группы. На фоне более старших «соискателей» юноши и девушки не так однозначно, по крайней мере, на словах уповают на поддержку близких и на государственные специализированные услуги. Ими движет надежда получить свою работу через реальный или виртуальный контакт с будущим работодателем, в том числе через участие в отборочных процедурах трудоустройства на конкурсной основе.

В качестве обобщающего тезиса можно сказать, что использование социального капитала с целью трудоустройства имеет ярко выраженную пространственную специфику. В сельских поселениях социальные свя-

зи в данном аспекте используются реже, чем в городе. Акторы локальных рынков труда – в лице ищущего работу и потенциального работодателя – предпочитают вступать в прямые взаимодействия и часто не нуждаются в посредниках. Трудоустройство «по знакомству» в селе имеет не массовый, а скорее точечный характер, особенно в тех случаях, когда число вакансий очень ограничено. Тогда принцип «кумовства» может оказать решающее действие в получении даже самых непрезентабельных с первого взгляда позиций, таких как уборщица помещения, сторож, разнорабочий. В городе такого рода неформальное посредничество развито сильнее. Однако при этом городской рынок труда оснащен более мощной информационной инфраструктурой, частично избавляющей того, кто ищет работу, от необходимости привлекать для этих целей свой социальный капитал.

Полученные нами данные напрямую согласуются с выводами отечественных и зарубежных исследований о том, что определенные стратегии использования социального капитала при поиске работы, а также их эффективность или результативность существенным образом дифференцируются в зависимости от статуса соискателя вакансии. Более «сильные» социальные связи, базирующиеся на помощи наиболее близкого социального окружения, чаще эксплуатируют не самые сильные соискатели, чей низкий уровень человеческого потенциала (не самое высокие образование и квалификация, малый опыт работы, в том числе вследствие молодости) и низкая конкурентоспособность на рынке труда компенсируются, восполняются протекцией ближнего круга. Однако рассчитывать на то, что такая стратегия способна обеспечить более оплачиваемую и стабильную работу, не всегда оправданно. Потенциал возможностей «сильных связей», как правило, ограничен и во многом определяется суммарным комплексным статусом и ресурсной оснащенностью всей социальной группы. В этой ситуации «свои» могут предложить хоть какую-то работу (не всегда самую оплачиваемую и зачастую не имеющую трудового оформления), позволяющую иметь хоть какой-то источник дохода.

При этом стоить иметь в виду, что посредник, устанавливающий связи между работодателем и кандидатом на рабочее место, в немалой степени подвергает риску свою репутацию – и должен весьма основательно подумать, прежде чем предлагать своего протеже на серьезную или ответственную должность. Отдача от социальных ресурсов сильного претендента, отличающегося высоким профессиональным статусом и позитивным опытом трудовой мобильности, гораздо выше. Такой работник может рассчитывать на благоприятное удовлетворение своих карьерных и профессиональных запросов, полагаясь уже не только на помощь ближнего круга, но и на свою публичную известность среди отдаленных посреднических кругов, выходящих за пределы его привычных повседневных взаимодействий. Эти контакты (связи) эксплуатируют другую сторону отношений претендента и посредника. Они уже не обусловлены их близким знакомством или нормой родства. Действиями и той, и другой стороны может управлять вполне прагматичный расчет.

«Покровитель» (посредник) заинтересован в том, чтобы оказать содействие в поиске работы «полезному» или же «перспективному» кандидату. Ведь в этом случае ответная благодарственная реакция может последовать не только со стороны самого успешно трудоустроенного работника, но и его нанимателя.

От обсуждения потенциала социальных связей в трудовой сфере обратимся к сфере приватной. Речь пойдет о том, к кому чаще обращаются новосибирцы в случае возникновения материальных затруднений. По сути, наши респонденты поделились на два примерно равных лагеря. 52,6 % с указанными кризисными ситуациями предпочитают справляться самостоятельно (в Новосибирске уверенных в своих силах еще больше – почти 60 %, в селах – ровно половина), а оставшиеся призывают на помощь близких родственников (38 %), друзей, знакомых, соседей (6,4 %), коллег и товарищей по работе (1,3 %). Искать поддержку в государственных органах опеки и социальной помощи отваживаются единицы (0,6 % опрошенных), и еще меньше тех, кто готов перетерпеть сложные времена с помощью банковских кредитов (0,3 %) или пожертвований благотворительных организаций (0,2 %). Таким образом, несмотря на относительное улучшение своего материального благополучия, россияне не спешат отказываться от практик межсемейной поддержки, выручки и альтруизма своих близких, признавая тем самым, что существующие финансовые и государственные институты вряд ли способны их заменить. Особенно высоко такой ресурс поддержки ценится там, где объективно люди живут хуже – в сельской местности.

От 5 до 6 % семей (в зависимости от места проживания) регулярно получают денежную помощь, преимущественно от близких родственников. Лишь на один процентный пункт выше этого показателя доля тех домохозяйств, у которых источником поступлений в семейный бюджет служат различные социальные пособия (в виде выплат на детей и пр.). Таким образом, если не принимать в расчет пенсионные выплаты, то роль и масштабы государственных трансфертов в жизни «усредненной» семьи из нашей выборки сопоставимы с вкладом в ее благополучие незатухающей материальной заботы самых близких.

О серьезности материальных и социально-воспитательных родительских вложений в судьбу уже взрослых детей свидетельствуют ответы наших респондентов на такой несколько философский вопрос: «Чем помогли, что “дали” Вам Ваши родители в жизни?» Абсолютное лидерство в этом списке элементов наследства получили ценности нематериального порядка – воспитание (83 % ответивших) и моральная поддержка, советы в трудных жизненных ситуациях (57 %). Но при этом респонденты отдали должное тому материально-вещественному вкладу, который сделали родители в их будущее и настоящее: для половины респондентов родители обеспечили возможность получить образование и не переставали оказывать материальную поддержку долгое время, участвовали в воспитании внуков и уходе за ними (36 %), помогли решить жилищную проблему (25 %). Отметим, что родительские инвестиции в образование и долговременные финансовые вливания в обустройство быта

и текущие расходы молодежь воспринимает с бóльшей признательностью, чем, например, представители старшего поколения. Как важное событие в своей жизни это отметили 55 % молодых людей в возрасте до 30 лет и только около 35 % респондентов, чей возраст составил от 60 до 65 лет, а также от 40 до 50 % представителей средневозрастной когорты. С одной стороны, это говорит о том, что молодые люди пока еще очень зависимы от родителей и нередко находятся на их иждивении. Однако, с другой стороны, это знак того, что сегодняшняя молодежь вынуждена все больше и больше полагаться на родительскую поддержку достаточно продолжительное время в силу усиления платности образовательных услуг и отсутствия доступных механизмов кредитного обеспечения, а также из-за проблем с получением работы и достойной зарплаты, в том числе после получения образования. Общая экономическая нестабильность, существующие диспропорции на рынке труда и в сфере образования, слабость банковской системы загоняют эту ситуацию в угол и невольно способствуют усилению иждивенческих настроений в российском обществе, вместо «разжигания» азарта конкуренции и желания становиться самостоятельными рождают у молодых инфантилизм и упование на «твердое плечо» и незаменимую помощь родных и друзей.

Но вот межпоколенческая трансляция трудовых навыков и профессиональных знаний, а также родительская прямая помощь в трудоустройстве оказались не столь массовыми практиками (15,5 и 6,2 % соответственно), как и передача в наследство социального и экономического капитала. О том, что с помощью родителей смогли обзавестись полезными знакомствами, поведали всего 7,6 %, а семейным бизнесом – только 0,5 % ответивших. Можно сказать, что многогранная и пролонгированная родительская опека, захватывающая одновременно несколько поколений, – это и есть тот самый мощный социальный капитал, позволивший сибирякам и россиянам в целом пережить «смутные времена» 1990-х, а также иметь пока достаточно надежную подушку безопасности на случай непредвиденных событий экономического и финансового характера. Но и он имеет предел своего исчерпания.

Еще один важный аспект проявления заботы и внимания близких содержится в сохраняющихся в нашей стране традициях семейного гостеприимства. Поездки в гости к родне в другой город или сельское поселение по-прежнему востребованы среди россиян как способ проведения отпуска. Именно так провели свой последний (относительно момента анкетирования) отпуск четверть опрошенных жителей Новосибирска и треть жителей малых городов и сел. По сути, именно эти поездки-встречи с родственниками и друзьями представляют для взрослых и детей основную возможность выехать за пределы своего родного ареала, на время сменить привычный ландшафт и окружение, посетить другие регионы нашей обширной страны. Иные шансы покинуть «насиженное место» крайне малы. Так, совершить экскурсионные поездки по стране позволили себе чуть больше 2 %, отдохнуть за границей – около 4 %, поправить свое здоровье в домах отдыха и в санатории – 3 % опрошен-

ных. Среди жителей села подобных счастливчиков вообще оказалось крайне мало (чуть более 1 %).

В большинстве случаев люди даже на время отпуска и каникул остаются запертыми в родных стенах или не выезжают дальше своей дачи, подменяя отдых трудотерапией на природе. Отсутствие возможности хотя бы на время освободиться от рутины повседневности, удовлетворить свое любопытство в стихии новых впечатлений от знакомства с новыми территориями и людьми, подлечиться и полноценно отдохнуть серьезно снижают качество жизни сибиряков и в определенной степени понижают их социальную активность. Проблема чрезвычайной территориальной иммобильности и оседлости жителей Сибири пока мало осознается, но она напрямую касается качества человеческого потенциала сибирских регионов и возможностей их человеческого развития. Как показал наш опрос, в течение последних пяти лет за пределы Новосибирской области удалось выехать лишь 37 % респондентов, причем для города и села эти цифры оказались практически одинаковыми. Половина покидавших родной регион делали это ради посещения родственников, друзей, знакомых – это в 2,5 раза больше тех, кто выезжал в качестве туристов, и в 4,5 раза больше числа поездок служебной надобности (в командировку). Данный факт можно интерпретировать как высокое желание людей поддерживать отношения внутри семейных кланов, не разрывать связи со своими друзьями, полностью не подменять живое общение виртуальным обменом посланиями и видеосвязью через электронные коммуникационные средства.

Подводя черту нашим рассуждениям, отметим, что социальный капитал по-прежнему играет серьезную роль в обеспечении условий жизнедеятельности россиян и служит своего рода неформальным «фондом развития будущих поколений». Тем не менее социальные связи сегодня не обладают неоспоримым конкурентным преимуществом на рынке труда. В конкурсном отборе претендентов на получение ряда профессионально-должностных позиций работодатели отдают предпочтение их уровню человеческого капитала и профессиональным репутациям. Спрос на посредничество при трудоустройстве усиливается в экстремальных случаях, связанных с утратой работы и материальной нестабильностью. Готовность членов социальной, прежде всего, родственной сети прийти на помощь в сложных жизненных ситуациях, компенсировать нехватку ресурсов можно рассматривать как важный, но недостаточный фактор для человеческого развития россиян.

Глава 9

РАБОТА НА ПЕНСИИ: ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА ЗА ГРАНИЦАМИ ПЕНСИОННОГО ВОЗРАСТА

По данным Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения (РМЭЗ), в 2009 г. 68,4 % россиян (трудоспособного возраста, не получающие пенсии) намеревались работать после достижения пенсионного возраста. Жизнь отчасти корректирует эти желания – в предпенсионном возрасте таких респондентов меньше, чем в группе до 30 лет: 63,6 и 71,2 % соответственно. Мы не беремся прогнозировать, каким будет спрос на труд через несколько десятков лет, и оценивать реализуемость этих ожиданий. Но уже сейчас ясно, что не все пенсионеры имеют не только одинаковое желание, но и одинаковые шансы продолжать трудиться после достижения пенсионного возраста. Падение уровня занятости, измеряемого как доля имеющих работу в каждой возрастной группе, начинается примерно за пять лет до возраста выхода на пенсию* и сокращается далее через каждые пять лет на 10–15 п.п. (рис. 9.1).

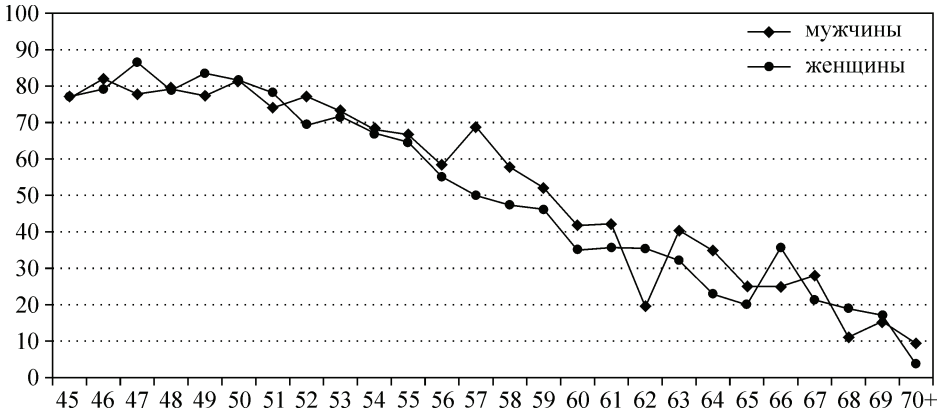


Рис. 9.1. Уровень занятости в разных возрастных группах, %

Источник: расчеты автора по данным РМЭЗ, 2009 г.

*Имеется в виду возраст, по достижении которого россияне имеют право на трудовую пенсию по старости: 60 лет – для мужчин, 55 – для женщин. Хотя по российскому законодательству существуют другие виды пенсионного обеспечения, трудовые пенсии по старости являются самыми распространенными. По данным РМЭЗ в 2009 г. они были у 75 % всех пенсионеров; следующая в этом списке – трудовая пенсия по инвалидности (14 %).

9.1. ВАРИАНТЫ ПЕНСИОННЫХ ПЕРЕХОДОВ

В целом феномен продолжения занятости или ее прекращения с достижением пенсионного возраста настолько привлекает внимание исследователей, что для него предложен термин «пенсионный переход»*, адаптирующий в русскоязычном сообществе методологию и результаты зарубежных исследований аналогичной тематики (Labour Force Transitions of Older Workers). Фактически под ним понимается осуществление трудовой мобильности или иммобильности, спровоцированное достижением пенсионного возраста. Формально российское законодательство не препятствует трудовой занятости пенсионеров, поэтому разнообразие траекторий пенсионных переходов определяется не только фактом продолжения/прекращения трудовой деятельности, но и изменением/сохранением места работы, интенсивности труда, формы занятости. Конкретные траектории пенсионных переходов определяются, в первую очередь, изменением статуса занятости. Следующая «точка разлома» – смена места работы при достижении пенсионного возраста. Более детальные траектории складываются из событий, связанных с сохранением/сменой должностной позиции, профессиональной принадлежности, интенсивности труда, как совпадающих, так и не совпадающие со сменой места работы.

Трудовая занятость пенсионеров становится предметом исследований в силу двойственности ее последствий. Для индивидов – это возможность диверсифицировать и увеличить личные доходы, быть включенным в социальные отношения, т.е. не испытывать социальной эксклюзии. Продолжительная занятость – это пролонгированный период отдачи от человеческого капитала. И отечественные, и зарубежные исследования фиксируют, что вероятность продолжения занятости с достижением пенсионного возраста максимальна именно у лиц с высшим образованием**. Вместе с тем, выход на пенсию связан с освобождением рабочих мест, это необходимый элемент в цепи кадрового воспроизводства, а в какой мере продолжение занятости сдерживает этот процесс, определяется траекториями пенсионных переходов. Не стоит также забывать о роли поколения пенсионеров в уходе за детьми: недельные бюджеты времени, согласно РМЭЗ, фиксируют, что для ухода за каж-

---

*Пенсионный переход на российском рынке труда: материалы семинара Лаборатории исследований рынка труда НИУ – ВШЭ. 30.03.2010 – Сайт Лаборатории исследований рынка труда. URL: http://lirt.hse.ru/news/17512933.html. (дата обращения: 04.02.2011).

** *Малева Т.М., Синявская О.В.* Российские пенсионеры: трудовые биографии, экономическая активность, пенсионные истории // Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе / под ред. Т.М. Малевой, О.В. Синявской; Независимый институт социальной политики. М.: НИСП, 2007. С. 545–597; *Абазиева К.Г.* Работать или не работать после пенсии: гендерные аспекты выбора // TERRA ECONOMICUS (Экономический вестник Ростовского государственного университета). 2009. Т. 7, № 1. С. 67–74; *Blau D., Goodstein R.* What Explains Trends in Labor Force Participation of Older Men in the United States? / IZA Discussion Paper N 2991. 2007 August; *Peracchi F., Welch F.* Trends in Labor Force Transitions of Older Men and Women // J. of Labor Economics. 1994. Vol. 12, N 2. P. 210–242.

дым четвертым дошкольником привлекаются родственники, живущие отдельно, как правило, бабушки. Соответственно, их интенсивная трудовая занятость вносит коррективы в распределение нагрузки по воспитанию детей между родителями, прародителями и институциональными агентами.

Из многообразия вопросов, которые могут быть поставлены в отношении занятости пенсионеров, мы сфокусировали внимание на трех:

– какова распространенность различных траекторий пенсионных переходов, как менялась их численность с середины 1990-х гг.?

– кто с наибольшей вероятностью продолжит работать по достижении пенсионного возраста?

– как обосновывается решение продолжить или прекратить занятость с достижением пенсионного возраста?

Информационная база исследования – данные из двух источников. Первый – Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения (РМЭЗ) за 1996–2009 гг. Для анализа были выбраны женщины 55–60 лет и мужчины от 61 года до 65 лет, получающие пенсию по старости и не имеющие других видов пенсионного обеспечения*. Второй источник – данные опроса жителей Новосибирской области «Человеческий потенциал Сибири: ресурсы и риски развития», проведенного летом 2010 г. Из совокупности опрошенных были отобраны пенсионеры той же возрастной категории. В целом выборка осуществлялась в г. Новосибирске и 7 административных районах области, различающихся удаленностью от областного центра и социально-экономическим положением. Исполнитель полевых работ – подразделение «Тайга.research» ООО «Тайга-Инфо Групп» (Новосибирск).

9.2. РАБОТАЮЩИХ ПЕНСИОНЕРОВ СТАНОВИТСЯ БОЛЬШЕ

Как видно из табл. 9.1, в 2009 г. в когорте не старше пяти лет после достижения пенсионного возраста прекратили работать к моменту опроса половина пенсионеров. Это сегодняшний итог наблюдаемого в течение последних пятнадцати лет роста уровня занятости среди пенсионеров – в середине 1990-х гг. в этом возрасте не работали двое из трех пенсионеров.

Как минимум, однажды меняет место работы, став пенсионером, лишь каждый десятый. Для сравнения: среди всех работающих более 5 лет, за пять лет, предшествующих опросу в 2009 г., хотя бы раз сменили место работы 45 % респондентов.

---

*Из-за разницы в опросном инструментарии в 2009 г. в подвыборку вошли респонденты, получающие пенсию по старости, в возрасте от 55 лет до 61 года для женщин и 60–66 лет для мужчин, после выхода на пенсию отработавшие 0–6 лет или вообще не имевшие стажа после выхода на пенсию. В 1996 и 2002 гг. были отобраны респонденты того же возраста, получающие пенсию по возрасту, продолжающие работать или не работающие на момент опроса, но ушедшие с последнего места работы не позже, чем за шесть лет до опроса. То есть во все годы отбирались респонденты, чей «пенсионный» стаж не больше срока, прошедшего с момента достижения пенсионного возраста.

Таблица 9.1

Распространенность различных траекторий пенсионных переходов в 1996–2009 гг., % от общего числа пенсионеров, находящихся на пенсии не более 5 лет

Траектории пенсионных переходов	1996 г.	2002 г.	2009 г.
Прекратили работать к моменту опроса	68,1	60,7	52,5
В том числе не работали после достижения пенсионного возраста	42,5	39,9	34,1
Заняты на прежнем месте работы	21,7	30,5	34,3
Заняты на другом месте работы, не на той, что в момент достижения пенсионного возраста	10,2	8,8	13,2
Всего	100,0	100,0	100,0

Но 3,1 % из всей подвыборки (или 6,5 % среди работающих пенсионеров) имеют дополнительное место работы, еще 4,4 % «молодых» пенсионеров ответили, что в течение последнего месяца выполняли оплачиваемую работу.

В анализе пенсионных переходов важное значение имеет не только состояние в конце рассматриваемого временного отрезка, но и его начало. Так 19,1 % индивидов из анализируемой когорты прекратили занятость раньше достижения пенсионного возраста. Основная причина ухода с последнего места работы для таких респондентов – сокращение кадров или ликвидация предприятия (отмечено 25,3 % из тех, кто раньше пенсионного возраста прекратил трудовую занятость и больше не работал); состояние здоровья (19,5 %) и оформление иного пенсионного обеспечения (18,4 %).

9.3. РАБОТАЮЩИЕ И НЕРАБОТАЮЩИЕ ПЕНСИОНЕРЫ – В ЧЕМ ОТЛИЧИЯ?

На первый взгляд, различия между работающими и неработающими пенсионерами лежат как в плоскости личных характеристик, так и локальных экономических обстоятельств. Действительно, среди продолжающих работать по достижении пенсионного возраста в 2 раза больше тех, кто получил высшее образование, и почти во столько же раз меньше тех, кто стоит на нижних ступенях в образовательной иерархии (табл. 9.2).

По 9-балльной шкале медиана субъективной оценки профессионализма* у пенсионеров, работающих на прежнем предприятии, равна 8, у сменивших место работы – 7-и, а у прекративших работать – 6-и.

Но различия в субъективных оценках соответствия требованиям современной экономической ситуации уже не столь явные: среди иммобильных в плане занятости пенсионеров половина отрицает мнение, что у них мало качеств, ценимых сегодня, среди остальных пенсионеров таковых треть.

*Респондентам задавался вопрос: «Представьте себе “лестницу профессионального мастерства” из 9 ступеней, где 1-я ступенька – уровень начинающего, а 9-я – уровень “профессионала высокого класса”. Где находитесь Вы?»

Таблица 9.2

Распределение обладателей различных характеристик среди категорий пенсионеров, % от общего числа пенсионеров в категории

Значения переменных	Прекратили работать к моменту опроса	Заняты на прежнем месте работы	Заняты в другом месте работы, чем в момент достижения пенсионного возраста
Место жительства			
Областной центр	33,9	45,2	61,7
Город	25,9	29,0	18,3
Поселок городского типа	10,5	3,2	8,3
Село	29,7	22,6	11,7
Всего	100,0	100,0	100,0
Образование			
Незаконченное среднее	17,2	8,4	10,0
Законченное среднее	20,1	10,3	15,0
Законченное среднее и профессиональное обучение	15,1	11,6	15,0
Среднее специальное, незаконченное высшее	32,2	36,8	28,3
Высшее, аспирантура	15,5	32,9	31,7
Всего	100,0	100,0	100,0
*Оценка личностного потенциала**			
Это точно про Вас	26,4	20,0	21,7
Пожалуй, про Вас	35,1	23,2	36,7
Скорее это не про Вас	23,0	38,7	21,7
Это точно не про Вас	6,7	12,9	10,0
Затрудняюсь ответить	8,8	5,2	10,0
Всего	100,0	100,0	100,0
Субъективная оценка здоровья			
Хорошее	7,9	11,6	6,8
Среднее	71,1	78,7	71,2
Плохое	20,9	9,7	22,0
Всего	100,0	100,0	100,0
Пол			
Мужской	27,2	24,5	15,0
Женский	72,8	75,5	85,0
Всего	100,0	100,0	100,0
Размер пенсии			
До 1 ПМ	26,0	9,8	12,3
1–1,25 ПМ	21,7	30,1	22,8
1,25–1,5 ПМ	26,0	30,1	35,1
1,5–1,75 ПМ	16,2	23,5	22,8
Свыше 1,75 ПМ	10,2	6,5	7,0
Всего	100,0	100,0	100,0

* «Такое высказывание – оно про Вас или не про Вас: “Мне кажется, что у меня мало таких качеств, которые ценятся в сегодняшней экономической ситуации”?»

Продолжающие занятость на прежнем месте работы не склонны оценивать свое здоровье как плохое, но в целом статистическая связь трудового статуса и оценок здоровья слабая.

Самые значительные различия связаны с местом жительства пенсионеров. Среди неработающих почти 40 % живут в поселках городского типа или селах, тогда как среди работающих – только четверть. Отметим, что трое из пяти пенсионеров, сменивших место работы, живут в областных центрах. Именно здесь рынок труда позволяет диверсифицировать пенсионные переходы, тогда как на селе для большинства пожилых данный переход заключается в прекращении занятости (в 2009 г. из сельских пенсионеров с пенсионным стажем не более шести лет не работали 63 %). На селе не «спасает» даже высшее образование: в этой территориальной группе вероятность продолжения занятости вообще не зависит от образования.

На примере занятости пенсионеров можно наблюдать принцип Матфея: пенсия у четверти неработающих пенсионеров ниже величины прожиточного минимума*, тогда как среди работающих беден только каждый десятый пенсионер. То есть получающие более высокую пенсию дополняют ее доходами от «продажи» своего труда, а неимущие пенсионеры такой возможности лишены, отчасти из-за отсутствия соответствующего спроса со стороны локального (преимущественного сельского) рынка труда.

9.4. ГДЕ ЗАНЯТЫ РАБОТАЮЩИЕ ПЕНСИОНЕРЫ?

Продолжают быть занятыми на прежнем месте работы или меняют его с наступлением пенсионного возраста разные категории пенсионеров. Групповой портрет первых можно дать с помощью следующих цифр. В 2009 г. среди них 27,1 % – профессионалы с высшим образованием, 18,7 – профессионалы со средним образованием, 7,1 % – законодатели, крупные чиновники, менеджеры высшего звена. У 27 % из них есть подчиненные. Практически все из них (98,6 %) официально трудоустроены на предприятии, организации (94,8 %). В 61,2 % случаев государство является владельцем или совладельцем этих предприятий, в 45 % среди собственников предприятий есть российские частные лица, коллектив предприятия или российские частные фирмы.

Где и кем стали трудиться те, кто сменил место работы с получением пенсии? Эта группа состоит преимущественно из разнорабочих (41,7 %) и занятых «предоставлением индивидуальных услуг и защиты» (кондукторы, повара, помощники по уходу, охранники и т.п.) (16,7 %); профессионал с высшим образованием – только каждый шестой (16,7 %). Подчиненные есть лишь у 15 %. Оформлены официально на своем рабочем месте 83,3 %. При такой же, что и в первом случае, доле занятых на предприятиях с участием в собственности российских

*Величина получаемой пенсии сравнивалась с региональными прожиточными минимумами для пенсионеров в каждом крае (области), в которых размещена выборка РМЭЗ.

частных лиц (44,4 %), на предприятиях с государственным участием заняты 55,6 %.

Для сравнения отметим, что среди всех занятых, не получающих пенсии, в 2009 г. профессионалов с высшим образованием было 16,2 %, а разнорабочих – 11,6 %. Подчиненные были только у каждого пятого (19 %), официально трудоустроено 92,5 % работающих-«непенсионеров». Работали на предприятиях, которыми (со)владеет государство, 46,2 %, российские частные лица – 55,0 %.

Получается, что сегодня стабильно работающие пенсионеры – самая квалифицированная категория рабочей силы, причем эта квалификация проявляется не только в наличии формального образования, но и занятости на соответствующих позициях. Но среди работающих в разных отраслях доли лиц пенсионного возраста неравные. Образование, здравоохранение, наука и культура, военно-промышленный комплекс, гражданское машиностроение и жилищно-коммунальное хозяйство – вот те отрасли, в которых представительство женщин старше 55 лет и мужчин старше 60 лет выше, чем среди всех занятых (рис. 9.2). Минимальное количество работающих пенсионеров – среди занятых в легкой или пищевой промышленности (в 2009 г. 3,5 %), в нефтегазовой промышленности (5,6 %), строительстве (7,6 %), армии, МВД, органах безопасности (5,1 %). Но и в этих сферах относительная численность достигших «стандартного» пенсионного возраста за последние пять лет увели-

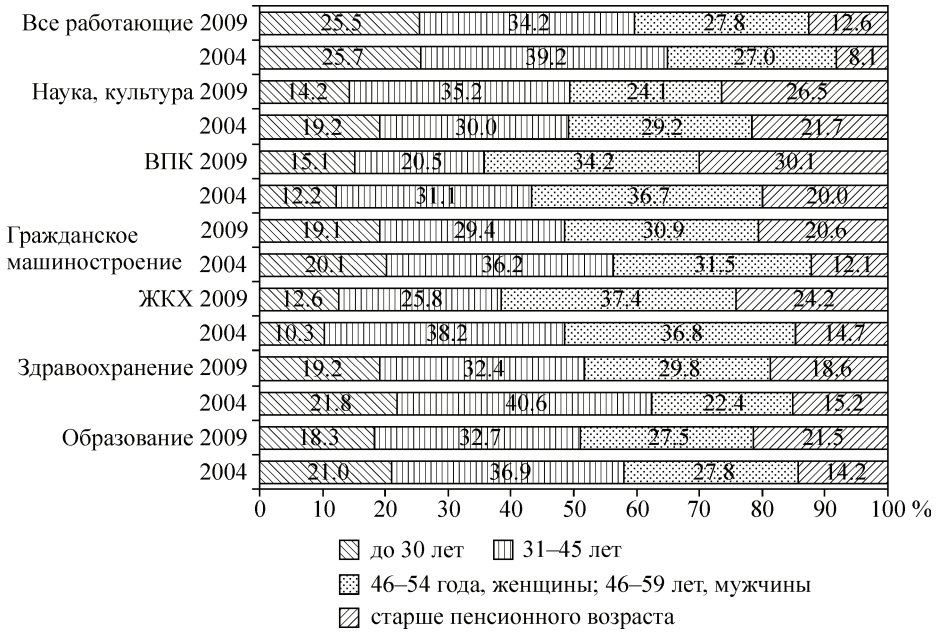


Рис. 9.2. Доля возрастных групп среди занятых в различных отраслях в 2004 и 2009 гг.

Источник: рассчеты автора по данным, РМЭЗ, 2009 г., %

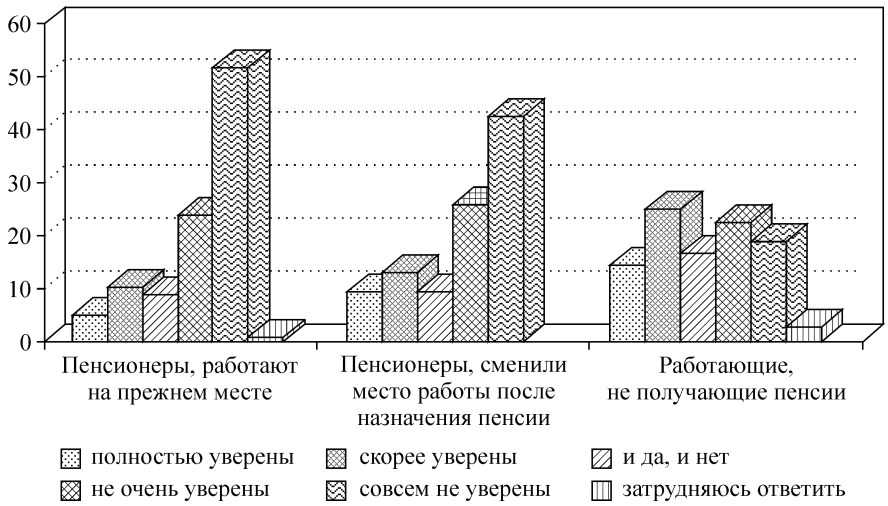


Рис. 9.3. Доля уверенных в разной степени в том, что смогут найти работу не хуже той, на которой работают сейчас, в случае, если «предприятие, организация по каким-то причинам завтра закроется, и все работники будут уволены», в различных категориях занятых, РМЭЗ, 2009 г., %

чилась. То есть в той или иной степени эффект роста занятости лиц старших возрастных групп проявляется во всех отраслевых сегментах рынка труда. Конечно, высокие требования к физическому состоянию и специфика пенсионных переходов в силовых структурах определяют низкую долю лиц пенсионного возраста в этих отраслях, но только ли в этом дело?

Численность работников-пенсионеров выше там, где не только преимущественно нефизический труд: к примеру, среди занятых в финансовой сфере в 2009 г. было 10,5 % сотрудников, «перешагнувших» рубеж пенсионного возраста. Пенсионеров больше там, где ниже оплата труда. Так, несмотря на реализацию приоритетных национальных проектов и реформирование системы оплаты труда в бюджетной сфере, заработная плата в образовании и здравоохранении продолжает оставаться ниже общероссийского уровня.

Это демонстрируют как данные выборочных обследований по проблемам занятости Федерального агентства по статистике*, так и РМЭЗ. Поэтому продолжение занятости с достижением пенсионного возраста стало одним из условий сохранения в 1990-е – первом десятилетии 2000-х гг. кадрового потенциала отраслей с невысокой оплатой труда. Получается, что государство как субъект реформирования и финансирования назван-

*Средняя начисленная заработная плата работников по категориям персонала и профессиональным группам (по результатам выборочного обследования организаций за октябрь 2009 г.). – Сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/free_doc/2009/wages/oct2009/trud2009.htm. (дата обращения: 04.02.2011).

ных сфер экономики непреднамеренно создало условия для роста занятости пенсионеров.

Отметим, что в субъективных оценках рисков на рынке труда пенсионеры не отличаются от остальных работающих, если речь идет о рисках потери работы. 56,1 % из стабильно занятых и 55,0 % из мобильных пенсионеров в той или иной мере обеспокоены тем, что могут потерять работу. Но и среди «непенсионеров» 56,3 % выражают такое же беспокойство. То есть сотрудники пенсионного возраста не чувствуют себя на своих рабочих местах более уязвимыми по сравнению с другими, для них опасна конкуренция на рынке труда за порогом предприятия. Трое из четырех пенсионеров, занятых на прежнем месте работы, не уверены, что смогут найти работу не хуже той, на которой трудятся сейчас, если предприятие «по каким-то причинам завтра закроется, и все работники будут уволены» (рис. 9.3). Пенсионеры, имеющие недавний опыт трудовой мобильности, немного оптимистичнее в своих оценках, но все равно доля неуверенных в успешном трудоустройстве высока (68,5 %). Среди остальных работающих таковых 2/5.

9.5. РАБОТА НА ПЕНСИИ: ДОВОДЫ «ЗА» И «ПРОТИВ»

Дополнение к данным РМЭЗ – опрос жителей Новосибирской области «Человеческий потенциал Сибири: ресурсы и риски развития» (2010 г.). Респонденты, имеющие опыт постпенсионной занятости (продолжающие работать на момент опроса или какое-то время работавшие после выхода на пенсию), дают обоснование такой трудовой стратегии преимущественно с позиции персональных потребностей и возможностей. Ожидаемо, что приоритетный мотив, артикулированный респондентами, – низкий уровень пенсионного обеспечения, его указала половина респондентов (табл. 9.3). В следующей группе объединены ответы, отражающие желание и физическую возможность работать, а также производственный спрос на знания и навыки пенсионеров («чувствовать себя нужным»). Отрицание статуса пенсионера как мотив продолжать работать демонстрирует только каждый шестой опрошенный. На

Таблица 9.3

Обоснование решения о продолжении занятости с достижением пенсионного возраста, % от общего числа имеющих опыт постпенсионной занятости

Вариант ответа	Частота выбора варианта
Пенсии недостаточно для поддержания нормального уровня жизни	51,9
Привык работать, не представляю себя вне работы	27,8
Чувствую в себе еще достаточно сил, энергии, здоровья	26,6
Мои знания и навыки необходимы на производстве	24,1
Не чувствую себя пенсионером, не хочу быть пенсионером	16,5
Трудно было найти работников/специалистов на мое место	5,1
Руководство попросило остаться	2,5

Таблица 9.4

Обоснование решения о прекращении занятости по достижении пенсионного возраста, % от общего числа прекративших работать по данной причине

Вариант ответа	Частота выбора варианта
Работать не позволяет здоровье, мало сил	58,0
Много претендентов на мое место	17,0
Хотел (а) больше времени уделять себе, своим интересам	10,2
Пенсия позволяет жить, не работая	6,8
Необходимо помогать в воспитании внуков, в уходе за другими членами семьи	6,8
Сокращения, ликвидация предприятия	6,8
Мои знания, навыки сейчас уже мало востребованы	3,4
Необходимо работать в личном подсобном хозяйстве	2,3

периферии обоснований находятся те, кто связан с производственной необходимостью.

Факторный анализ позволяет сгруппировать варианты ответов таким образом, чтобы выделить «дискурсы» обоснования постпенсионной занятости. С первым фактором наиболее тесно связаны переменные: «Привык работать, не представляю себя вне работы», «Чувствую в себе еще достаточно сил, энергии, здоровья» и «Не чувствую себя пенсионером». Этот дискурс можно назвать – «желание и способность работать». Второй фактор объединил переменные: «мои знания и навыки необходимы на производстве» и «трудно было найти работников/специалистов на мое место»; это позволяет однозначно интерпретировать данный фактор как «производственная необходимость». В третий фактор – «отрицание статуса пенсионера» – вошли варианты: «Не чувствую себя пенсионером...», «Пенсии недостаточно для поддержания нормального уровня жизни», подкрепленные просьбой руководства остаться. Получается, что неприятие статуса пенсионера связано в первую очередь с низким пенсионным обеспечением.

Если наличие сил и здоровья – не самый веский аргумент, чтобы продолжать трудиться после пенсии, то их отсутствие – самый распространенный повод для того, чтобы прекратить работать (табл. 9.4).

Значительно реже пенсионеры считают, что были вынуждены уйти из-за конкуренции за рабочее место. При этом большинство назвавших такую причину – низкоквалифицированные рабочие, т.е. занятые на местах с высокой сменяемостью кадров. Производственная невостребованность вынесена респондентами на периферию обоснований, точно так же как и вариант «помогают дети, родственники, поэтому нет необходимости работать», – его вообще не выбрал ни один респондент. В целом частота выбора различных вариантов указывает на то, что респонденты, как правило, «обходятся» одной причиной, объясняя прекращение занятости достижением пенсионного возраста.

9.6. ЗАНЯТОСТЬ ПЕНСИОНЕРОВ: ПАРАДОКСЫ И РИСКИ

Итак, за последние пятнадцать лет мы наблюдаем, на первый взгляд, парадоксальную ситуацию: величина пенсии в реальном выражении растет (только с 2002 до 2009 г. она увеличилась в 1,74 раза*, но все бóльшее число пенсионеров отказываются покидать свои рабочие места и рынок труда. Конечно, во многом сосуществование этих тенденций определяется тем, что, несмотря на рост, в абсолютном выражении размер пенсии уступает оплате труда. В 2009 г. соотношение среднего размера назначенных пенсий к среднему размеру начисленной заработной платы составляло 27,9 %, в январе – ноябре 2010 г. – 36,3 %**. Но социологические данные дают дополнительное объяснение данному парадоксу. В опросе «Человеческий потенциал Сибири: ресурсы и риски развития» респондентам было предложено оценить, в какой мере в настоящее время они держат под контролем то, что происходит с ними в жизни. В целом полагают, что все происходящее находится под их полным контролем – 16,9 % опрошенных, контролируется ими в основном – 35,9 %. Что-то контролируют, а что-то нет – считают 37,6 %, а 7,8 % респондентов не контролируют происходящее с ними. Но среди работающих пенсионеров 28,0 % полагают, что полностью контролируют происходящее в их жизни, еще 40,0 % выбрали второй вариант ответа. Такое распределение ответов не встречается больше ни в одной из категорий занятости. В ответах неработающих пенсионеров ситуация несколько иная: если частота первых двух вариантов такая же, как и во всей совокупности, то ответы об отсутствии контроля над происходящим дали 17,2 % неработающих пенсионеров. Занятость в сочетании с пенсионным обеспечением в большей мере дает ощущение контроля над жизненными обстоятельствами и выступает способом страхования индивидуальных рисков от снижения (исчезновения) одного из источников доходов. Кто же добровольно откажется от этого? Поэтому в ответ на вопрос, как долго планируют работать, только 13,7 % работающих пенсионеров в Новосибирской области назвали конкретный срок от одного года до пяти лет. 17,6 % планируют работать, пока будут нужны на рабочем месте, а 58,8 % – пока будут силы и здоровье.

Но у роста пенсионной занятости есть и риски, которые стоит учитывать в политике занятости. Во-первых, заполнение кадровой структуры при слабом оттоке кадров в связи с выходом на пенсию повышает барьеры на вход в тот или иной сегмент занятости для молодых. Из этого следует, что, во-вторых, нет необходимости существенно повышать оплату труда в отраслях с высокой долей пенсионеров среди работаю-

---

*Рассчитано по: [Социальное положение..., 2009, с. 191]; Динамика среднего размера назначенных пенсий. – Сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/urov/doc3-1-1.htm (дата обращения: 05.02.2011.)

**Динамика среднего размера назначенных пенсий. – Сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/urov/doc3-1-1.htm (дата обращения: 05.02.2011.

щих, так как повысить уровень жизни части из них можно через пенсионные (сегодня – фактически перераспределительные) инструменты социальной политики. В-третьих, диверсифицированность источников дохода и в целом низкая инновационная пластичность лиц старшего возраста ослабляют эффект стимулирования, материального в том числе, роста производительности и изменение стандартов работы в отраслях, где высока доля работающих пенсионеров. Решение сегодня проблем как на микро-, так и на макроуровне может привести к рискам в ближайшем будущем.

В социологическом плане представленный анализ демонстрирует воспроизводство различий даже при смене трудового статуса. Это проявляется в исключении из занятости получателей самых низких пенсий, так что доступ к рынку труда только увеличивает дифференциацию пенсионеров по уровню материальной обеспеченности. Максимальные шансы продолжить занятость с достижением пенсионного возраста у жителей крупных городов либо имеющих высшее образование, либо согласных работать на рабочих позициях в сфере обслуживания. Учитывая отраслевую специфику занятости пенсионеров (преимущественно в социальных сферах, ВПК, ЖКХ, науке), в первом случае реализация возможности работать – это результат слабой конкуренции за рабочие места в данных отраслях; во втором – наличие в крупных городах сегмента рынка, предъявляющего спрос на рутинный, обслуживающий труд.

В целом достижение пенсионного возраста становится все более личным возрастным, а не трудовым рубежом: достижение 55 или 60 лет не предполагает однозначных моделей пенсионных переходов. Варьирование трудового поведения на данном возрастном отрезке в меньшей мере становится детерминированным возрастом, а в большей степени предыдущей трудовой биографией и состоянием рынка труда.

Глава 10

ПРИРОДНО-РЕКРЕАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ СИБИРИ И ЕГО ДОСТУПНОСТЬ ДЛЯ НАСЕЛЕНИЯ РЕГИОНА

В условиях сохраняющихся в стране тенденций к снижению численности населения все большее значение приобретают исследования факторов и условий, влияющих на качественные характеристики населения, отражающие его способность к современной жизни в зависимости от физического здоровья, репродуктивного поведения, экономической активности, территориальной мобильности, профессиональной подготовки и т.д.

Реализация концепции качества жизни, внедряемой в идеологию управления территориями, невозможна без учета территориального разнообразия природных и социально-экономических условий жизни, историко-культурных особенностей формирования региональных общностей Сибири. Эти обстоятельства определили новую парадигму социально-географических исследований – сопряженное изучение пространственно-временной дифференциации статистически измеряемых качественных характеристик населения и факторов среды обитания, влияющих на их формирование, включая и рекреационную составляющую этих условий. К одним из наиболее актуальных направлений современных социально-географических исследований относится анализ региональных процессов «воспроизводства» качества населения с учетом развития рекреационных услуг как необходимого современного элемента качества жизни.

Формирование региональных центров туризма, отдыха, санаторно-курортного лечения способствует развитию межрегиональных потоков туристов и отдыхающих, рекреационной подвижности населения. Степень подвижности населения в стране – один из важных показателей его социально-экономической активности. По оценкам специалистов, общая мобильность населения внутри страны остается очень низкой и постепенно превращается в острую проблему регионального развития России. Рекреационная мобильность может рассматриваться как вид эпизодической миграции населения, одно из наиболее значимых проявлений социальной активности населения. Рекреационные миграции способствуют изменению социально-психологических характеристик людей, расширению их кругозора, накоплению знаний о различных областях жизни, обмену трудовыми навыками и производственным опытом, развитию личности, ее материальных, социальных и духовных потребностей, интеграции национальных культур. Подвижное население, как правило, является и социально более активным, создает большие возможности для развития человеческого потенциала.

Региональные особенности развития сферы рекреационных услуг зависят как от большого числа факторов и условий, включающих рекреационный ресурсный потенциал территории, социально-экономические возможности его использования, так и потребностей населения в рекреационной услугах, что связано с платежеспособностью населения, его возрастной структурой, состоянием здоровья, распространением хронических заболеваний, инвалидности и других факторов. Мало исследованными остаются вопросы формирования рекреационных потребностей населения в зависимости от природных, экологических, демографических, социальных, социально-экономических и этнокультурных факторов. Вместе с тем рекреационная мобильность населения, состояние индустрии рекреационных услуг, востребованность рекреационных услуг населением являются признанными индикаторами достигнутого обществом качества жизни.

Стратегия социально-экономического развития Сибири до 2020 г. (далее – Стратегия) определяет основные направления, механизмы и инструменты достижения стратегических целей развития Сибири на период до 2020 г. [Стратегия социально-экономического развития Сибири..., 2010]. Стратегической целью развития Сибири представляется обеспечение устойчивого повышения уровня и качества жизни населения на основе сбалансированной социально-экономической системы инновационного типа. В числе приоритетных задач перечисляются высококачественные услуги транспорта, финансового сектора, образования, туристско-рекреационной сферы, здравоохранения и культуры. В связи с этим предполагается развитие сервисной (в том числе туристической) инфраструктуры до уровня, соответствующего мировым стандартам. В Стратегии понятие «Сибирь» объединяет территории 12 субъектов Российской Федерации, входящих в состав Сибирского федерального округа, – Республики Алтай, Республики Бурятия, Республики Тыва и Республики Хакасия, Алтайского, Забайкальского и Красноярского краев, Иркутской, Кемеровской, Новосибирской, Омской и Томской областей.

В социально-географическом анализе вся система понятий рекреационной сферы услуг базируется на антропоцентрическом принципе организации туризма, отдыха, санаторно-курортного лечения, что означает направленность всех создаваемых материальных и нематериальных услуг на удовлетворение туристско-рекреационных и санаторно-курортных потребностей. На субъект-объектной методологической основе разработаны принципы оценки рекреационных ресурсов, инфраструктуры, обеспечивающей функционирование и развитие туристско-рекреационных и санаторно-курортных комплексов, способов конструирования комфортной рекреационной среды, механизмов управления.

Существенным отрицательным фактором в жизни населения регионов Сибири является сегодня резкое снижение государственных социальных гарантий в предоставлении возможностей для отдыха, оздоровления и лечения. За последнее десятилетие материальная база туристско-рекреационных и санаторно-курортных учреждений пришла в упадок. Резко сократилось государственное финансирование. На развитие

индустрии отдыха и санаторно-курортного лечения отрицательно влияет отсутствие единого методического подхода к оценке потребностей в рекреационных и санаторно-курортных услугах как разных групп населения, так и населения разных регионов.

10.1. РЕКРЕАЦИОННЫЕ РЕСУРСЫ СИБИРИ

Важнейшим системообразующим фактором рекреационной сферы обслуживания являются рекреационные ресурсы как природные, так и созданные человеком (историко-культурные), обладающие свойствами уникальности, исторической и культурной ценности, эстетической привлекательности, лечебно-оздоровительными свойствами (минеральные воды, грязи). Рекреационные ресурсы – это совокупность природных, историко-культурных мест и объектов, которые могут быть использованы для организации туризма при существующих социально-экономических и технических возможностях.

Исследования рекреационных ресурсов проводятся на основе теоретических и методологических концепций рекреационной географии. В границах регионов (субъектов федерации) Сибири представлена информация о природных, социально-культурных, этнокультурных объектах и местностях, составляющих в совокупности рекреационный потенциал территории. Территориальная дифференциация ресурсного рекреационного потенциала исследуется с помощью методов рекреационного районирования (рис. 10.1). Районирование отражает региональный уровень различий между территориями. Являясь, по сути, социально-географическим, рекреационное районирование не может не учитывать административные границы, в рамках которых осуществляется управление социально-экономическим развитием территории.

Рекреационные ресурсы являются важнейшим районообразующим фактором, характеризующим природно-климатические, бальнеологические (табл. 10.1), историко-культурные предпосылки развития сферы рекреационных услуг.

Основанием для выделения рекреационных районов явилось:

– рекреационно-географическое положение территории относительно внутренних и внешних туристических потоков;

– территориальная целостность по совокупности и видам природных и созданных человеком рекреационных ресурсов, определяющих потенциальную рекреационную специализацию региона;

– однородность территории по природно-климатическим и социально-экономическим условиям для рекреационного развития;

– специализация и уровень развития инфраструктуры туризма, отдыха, санаторно-курортного лечения.

Выделенные районы неоднозначны по рекреационному потенциалу. В Сибири сложились два опорных рекреационных района – Алтайский и Байкальский. Алтай и Байкал являются основными центрами перспективного развития рекреационной инфраструктуры в азиатской части России. В ближайшие годы эти регионы станут испытательными

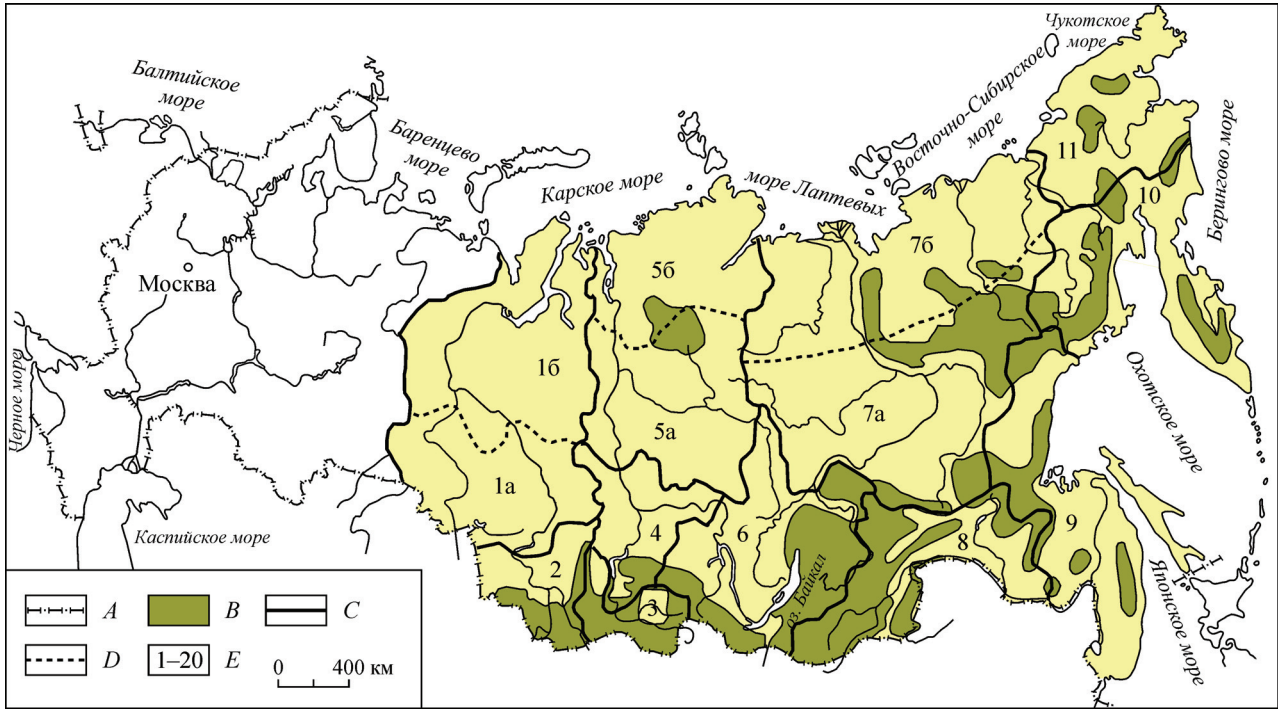


Рис. 10.1. Рекреационное районирование азиатской части России.

Районы: Западно-Сибирский: 1а – Южный, 1б – Северный; 2 – Горно-Алтайский; 3 – Верхне-Енисейский; 4 – Средне-Енисейский; 5 – Северо-Енисейский: 5а – Эвенкийский, 5б – Таймырский; 6 – Прибайкальский; Якутский: 7а – Южно-Якутский, 7б – Северо-Якутский; 8 – Приамурский; 9 – Приморский; 10 – Камчатский; 11 – Северо-Восточный (Чукотский). *A* – государственная граница; *B* – горные районы; *C* – границы рекреационных районов; *D* – границы подрайонов; *E* – номера рекреационных районов. Источник: [Рященко, 2005].

Таблица 10.1

Бальнеологические ресурсы регионов Сибири

Регион Сибири	Бальнеологические провинции				
	1	2	3	4	5
Республика Алтай			+	+	+
Республика Бурятия		+	+	+	+
Республика Тыва		+			
Республика Хакасия				+	+
Алтайский край				+	+
Красноярский »	+	+			+
Иркутская область	+		+		+
Забайкальский край		+	+	+	+
Кемеровская область		+			+
Новосибирская »	+				+
Омская »	+				+
Томская »	+			+	

Примечания. 1 – провинция бромных, йодобромных вод; 2 – провинция углекислых вод; 3 – провинция сероводородных вод; 4 – провинция радоновых вод; 5 – месторождения лечебных грязей. Источник: [Здравницы России].

полигонами для создания особых экономических зон туристско-рекреационного типа, в отношении которых должны быть сформулированы цели развития и разработаны механизмы их достижения. Это районы с максимальным в рамках Сибири рекреационным потенциалом. К районам со средним рекреационным потенциалом отнесены южный Западно-Сибирский рекреационный район, Верхне-Енисейский и Средне-Енисейский рекреационные районы. Большая часть территории Сибири характеризуется низким рекреационным потенциалом (табл. 10.2). Во всех случаях реализация рекреационного потенциала зависит от рекреационного обустройства территории, уровня развития рекреационной инфраструктуры.

Климатические условия – важная составляющая рекреационного потенциала территории. По сумме биологически активных температур (от +10 °С весной до +10 °С осенью) на территории азиатской части России выделены гипокомфортные районы с суммой температур 1700–2000 °С, умеренно дискомфортные (1400–1700 °С), дискомфортные (1200–1400 °С), субэкстремальные (1000–1200 °С) и экстремальные (с суммой температур менее 1000 °С) [Прохоров, 1979; Рященко, 2000]. С суммой биологически активных температур в широтном плане коррелирует порядок изменения среднесуточных зимних и летних температур. В контексте этого подхода наиболее благоприятные условия для организация разных видов отдыха на открытом воздухе имеются в южной части Сибири (подтаежные и лесостепные территории, крупные межгорные котловины юга Сибири), где рекреационное использование территории возможно в течение 6–8 мес. в году. Летом период с благоприятными погодами в горных районах (таежные высокогорья и среднегорья) очень короткий (1–1,5 мес.), в лесостепных районах и крупных межгорных кот-

Таблица 10.2

Рекреационные районы Сибири

Рекреационные районы	Рекреационная специализация	Рекреационный потенциал
Западно-Сибирский Южный	Организация отдыха местного населения. Санаторно-курортное лечение на базе ведомственных санаториев и профилакториев (Омск, Томск, Новосибирск). Пригородный отдых в равнинной части на берегах рек и водохранилищ. Деловой, культурный и научный туризм	Средний
Западно-Сибирский Северный	Транзитные теплоходные круизные маршруты по р. Оби, сплавы по рекам Пур и Надым. Зимние виды туризма – лыжного, событийного (праздники народов Севера). Деловой, культурный, этнографический туризм	Низкий
Горно-Алтайский	Организация отдыха местного населения. Санаторно-курортное лечение (Белокуриха, Кузбасс, Новосибирск). Пригородный отдых в равнинной части (реки, водохранилища). Горный спортивно-оздоровительный туризм, альпинизм, спелеотуризм (Салаирский кряж, Горная Шория, Кузнецкий Алатау). Археологический туризм, археологические памятники (Алтай). Курорт Белокуриха на базе местных термальных лечебных минеральных вод	Максимальный для регионов Сибири
Верхне-Енисейский	Культурно-познавательный, спортивный водный, пеший, лыжный туризм, спелеотуризм, лечебно-оздоровительный, этнографический туризм	Средний
Средне-Енисейский	Деловой, культурно-познавательный, оздоровительный и спортивный туризм	Средний
Северо-Енисейский	Деловой, культурно-познавательный, этнографический, спортивный, водный круизный туризм	Низкий
Байкальский	Водный круизный, культурно-познавательный, экологический, лечебно-оздоровительный, приключенческий, охотничье-рыболовный, деловой, образовательный туризм, спелеотуризм и другие виды специализированного туризма. Туристские центры – Иркутск и Улан-Удэ	Максимальный для регионов Сибири

ловинах (например, в Байкальской, Баргузинской, Тункинской) составляет около 3 мес. Продолжительный дискомфортный период влияет на экономические затраты при обустройстве рекреационных местностей. Сибирские регионы входят в число территорий с низкой комфортностью природных условий. Практически в каждом регионе природно-климатические условия характеризуются большой мозаичностью. На фоне преобладающего значения экстремальных и дискомфортных территорий в Сибири лишь около 20 % территории могут быть отнесены к условно комфортным. Прежде всего, это подгорные подтаежные ландшафты и днища крупных межгорных котловин. Социальным индикатором мало

комфортных условий для отдыха и туризма служит статистика соотношения въездного и выездного туризма. Выездной туризм абсолютно преобладает практически во всех регионах Сибири, и это направление потока типично для северных территорий.

10.2. СОЦИАЛЬНО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ФОРМИРОВАНИЯ РЕКРЕАЦИОННЫХ ПОТРЕБНОСТЕЙ И СПРОСА НА РЕКРЕАЦИОННЫЕ УСЛУГИ НАСЕЛЕНИЯ СИБИРИ

Рекреационные потребности человека (потребности в туризме, отдыхе, санаторно-курортном лечении) формируются под влиянием социально-экономических, медико-биологических, демографических, социально-психологических, природно-экологических факторов и условий.

В настоящее время статистическая информация о рекреационных потребностях и спросе, характерных для разных групп населения или населения регионов, практически отсутствует или мало доступна. Исследование уровня потребностей требует проведения преимущественно социологических опросов. Рекреационный спрос – это реально осуществляемые туры, но и в этом случае имеющаяся информация об этих реально осуществляемых турах страдает существенными недостатками. В такой ситуации основными становятся косвенные материалы о факторах и условиях, позитивно или негативно влияющих на процессы формирования рекреационных потребностей и спроса.

Общепринятые методы оценки потребности населения в туристско-рекреационных и санаторно-курортных услугах разработаны фрагментарно. В ходе проверки Минздрава России Счетной палатой РФ в 2003 г. установлено, что в Минздраве как уполномоченном органе отсутствуют методические подходы к определению потребности в необходимых объемах санаторно-курортной помощи и критериев оценки положении дел в санаторно-курортных учреждениях, расположенных на территории Российской Федерации [О состоянии и перспективе развития..., 2003]. По мнению специалистов в сфере курортологии, это положение за последние годы не изменилось. По-прежнему методические основы оценки потребностей и спроса на санаторно-курортные услуги остаются противоречивыми. Очевидно, что проблема является междисциплинарной. Имеющиеся примеры оценивания потребностей в отдыхе, оздоровлении и лечении относятся к отраслевым исследованиям в медицине, курортологии, медицинской географии. Географическая составляющая в этих исследованиях, несомненно, присутствует, поскольку во всех случаях организация отдыха, лечения, оздоровления планируется на основе использования природных ресурсов – ландшафтных, гидроминеральных, речных, озерных.

Вместе с тем, сами потребности, их разнообразие, уровень, требования к качеству предоставляемых услуг являются результатом влияния на жизнедеятельность населения целого комплекса окружающих его условий жизнедеятельности – природных, экологических, экономических, социальных (качество социальной среды), профессиональных, культур-

ных (включая полиэтнический характер территориальных общностей, образа жизни в целом) и т.д. При этом, если потребности в туризме и рекреации в бóльшей мере являются отражением уровня социально-экономического развития общества, уровня жизни населения, то потребности в санаторно-курортной помощи связаны прежде всего с конкретными формами заболеваний, с учетом распространенности которых и планируется специализация санаторно-курортных услуг [Полторанов, Мазур, 2004].

Социально-географические исследования основаны на представлении о географической детерминированности потребностей населения в отдыхе, оздоровлении, лечении с учетом дискретности природно-климатических, экологических, экономических, социальных, этнокультурных условий жизни людей, преломляемых через образ жизни, культуру, образование, информированность, профессиональную и социальную принадлежность.

С этих позиций социально-географический подход подчеркивает необходимость исследований региональных проблем формирования рекреационных потребностей и спроса, инициирующих развитие индустрии туристско-рекреационного обслуживания как специфической социально-географической системы, являющейся важным фактором в достижении социальных целей развития региона.

Концептуально межрегиональные различия по уровню рекреационных потребностей и спроса будут формироваться под влиянием природно-климатических и экологических условий, состояния здоровья населения (общая заболеваемость, инвалидность, распространение болезней, наиболее часто являющихся причинами смерти, состояние материнского здоровья (косвенно оцениваемого по младенческой смертности), экономического положения разных групп населения, оцениваемого по среднедушевым доходам, доле населения с доходами ниже прожиточного минимума, дифференциацией доходов разных групп населения.

Структура рекреационных потребностей достаточно разнообразна (табл. 10.3).

Различия между регионами по структуре этих потребностей определяются как объективными (природными, экономическим, экологическими) факторами, так и субъективными факторами – социально-психологическими, менталитетом, национальными обычаями, социальными, профессиональными ценностными ориентациями и другими мотивациями рекреационного поведения. На избирательность и объемы рекреационной миграции в регионах Сибири влияют транспортно-географическое положение территорий, различия в образе жизни между коренным и пришлым населением, между группами пришлого населения, различающимися и по длительности проживания.

К факторам, ограничивающим рекреационную активность населения наряду с низкими доходами экономически активного населения, следует отнести постарение населения, отсутствие накоплений у основ-

Таблица 10.3

Структура рекреационных потребностей населения Сибири, %

Вид предпочитаемого отдыха	Доля отметивших позицию среди опрошенных, %
Пляжный отдых	30
Лечение в санаториях	28
В домах отдыха, пансионатах	16
Походы (пешие, велосипедные, байдарочные и т.д.), рыбалка, охота	19
Познавательный отдых – экскурсии, путешествия по историческим, памятным местам	21
Отдых на даче, огороде	12
Отдых дома	14
Другое	3
Затрудняюсь ответить	1

Источник: [(ВЦИОМ, 2004].

ной массы пенсионеров, высокие транспортные расходы, высокие цены на рекреационные услуги, часто не соответствующие их качеству.

В Сибири и на Дальнем Востоке центрами формирования платежеспособного рекреационного спроса являются средние и крупные промышленные города. Рекреационная подвижность сельского населения ограничивается ближайшим к месту проживания природным окружением. Сельское население практически не участвует в рекреационной миграции, связанной с ежегодными отпусками. Имеющаяся система статистического учета рекреационной миграции не отвечает на большинство актуальных вопросов, решение которых необходимо для планирования, управления и контроля за рекреационной деятельностью населения.

В связи с возрастанием стоимости услуг по лечебно-профилактическому применению природных лечебных факторов уменьшился объем их использования в практике курортов.

Природно-климатические условия как фактор формирования рекреационных потребностей и мотивации рекреационной подвижности населения. В исследовании и зонировании территорий по благоприятности (комфортности) природных условий для жизни населения географами накоплен большой опыт. Первые наиболее известные попытки в этом направлении были предприняты еще в конце 1960-х гг. и обобщены С.А. Ковалевым, В.В. Покшишевским, Е.Б. Лопатиной, О.Р. Назаревским и др. О том, что Сибирь — регион с самым холодным климатом, свидетельствуют существующие схемы оценки комфортности климата России (рис. 10.2) и деление региона на районы Крайнего Севера и местности, приравненные к районам Крайнего Севера (рис. 10.3)

Почти 3/4 территории Сибири крайне неблагоприятны или малоблагоприятны для жизни человека. Вместе с тем, влияние природно-

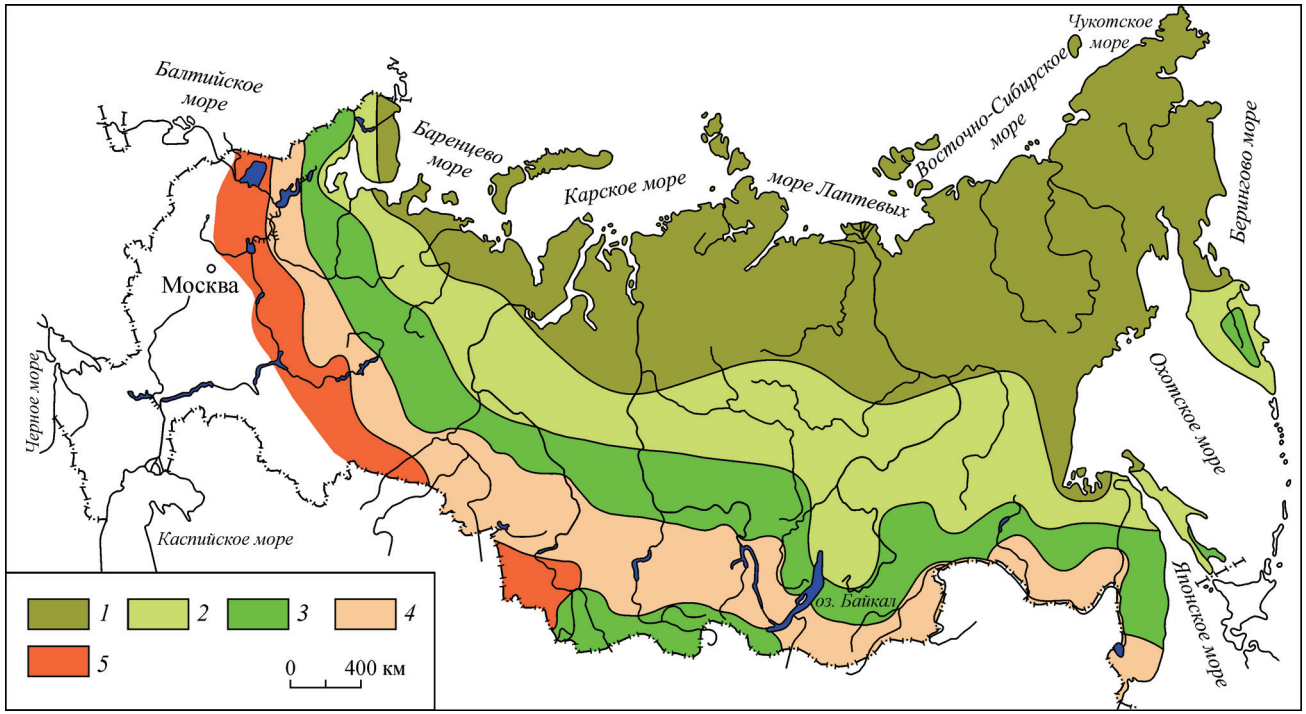


Рис. 10.2. Дифференциация азиатской части России по комфортности природно-климатических условий.

1 – абсолютно дискомфортная зона – арктическая, тундровая, лесотундровая зоны, частично, северо-таежная подзона; *2* – экстремально дискомфортная северо-таежная подзона; *3* – дискомфортная среднетаежная подзона; *4* – относительно дискомфортная (мало комфортная) южнотаежная подзона; 5 – комфортная зона лесостепных ландшафтов юга Сибири, подзона смешанных хвойно-широколиственных лесов Дальнего Востока.

Источник: [Золотокрылин, Канцебовская, Кренке, 1992].

Рис. 10.3. Районы Крайнего Севера и местности, приравненные к районам Крайнего Севера.

1 – районы Крайнего Севера; *2* – местности, приравненные к районам Крайнего Севера; *3* – границы субъектов РФ; *4* – границы административных районов в зоне Крайнего Севера и приравненных к ним местностях.

Источник: [Перечень районов Крайнего Севера..., 1967].

климатических факторов на формирование рекреационных потребностей слабо изучено. Дифференциация регионов по рекреационным потребностям населения в связи с особенностями природно-климатических условий основывается на косвенных оценках, соответствующих контрастности территорий по природно-климатическим условиям.

В литературе уже обсуждалось, что почти 80 % населения регионов Сибири сосредоточено в основной полосе расселения, занимающей в среднем около 20 % всей ее площади. Очевиден дефицит территорий с комфортными природными условиями. Более 70 % населения сконцентрировано в промышленно-городских поселениях с высоким уровнем загрязнения среды [О состоянии и об охране..., 2009; Охрана окружающей среды в России, 2008; Рященко, 2000]. Высокая концентрация промышленности в основной полосе расселения трансформировала бывшие комфортные природные территории в дискомфортные, сравнимые с дискомфортными природными территориями. На рис. 10.4 показана дифференциация регионов Сибири по суровости климатических условий, оцениваемых по сумме градусодней отопления [Гербурт-Гейбович, 1971].

Как показывает региональный анализ, именно суровость климатических условий, продолжительность комфортного и дискомфортного периодов [Рященко, Богданов, Романова, 2008] во многом определяют экономический эффект развития индустрии туризма и рекреационной инфраструктуры. Длительный дискомфортный период требует от организаторов отдыха дополнительных вложений в обеспечение круглогодичного функционирования рекреационных объектов и создание оптимальных условий для защиты отдыхающих от неблагоприятного воздействия внешних погодных факторов.

Вопрос о структуре рекреационных потребностей сложный, он зависит от многих факторов, в частности, от возраста и уровня образования потребителей.

Медико-географические предпосылки формирования потребностей и спроса на санаторно-курортную помощь. На региональном уровне обоснованные методические подходы к оцениванию потребностей в сана-

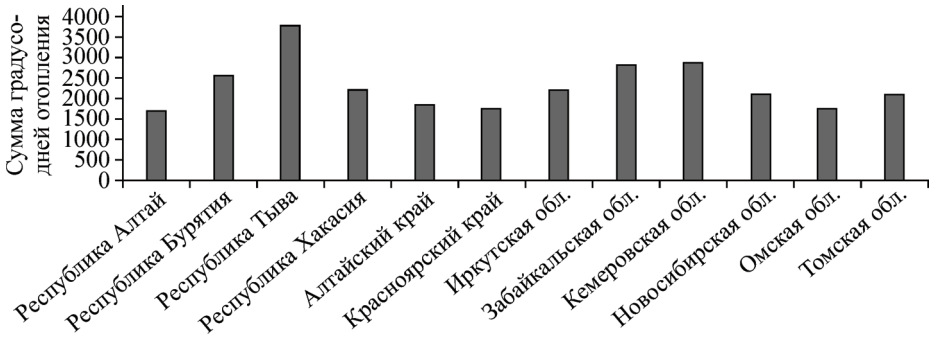


Рис. 10.4. Дифференциация регионов Сибири по суровости климатических условий.

торно-курортном лечении практически отсутствуют. О различиях в санаторно-курортных потребностях населения регионов Сибири можно косвенно судить лишь по межрегиональным диспропорциям показателей общественного здоровья.

Согласно результатам исследования, проведенного специалистами-курортологами, для удовлетворения потребности населения во всех видах санаторно-курортной помощи в теплый период времени на 1000 человек требуется 60 мест в здравницах, в том числе в домах отдыха и пансионатах – 14,5 места, турбазах – 8 мест, в холодный период – всего 15, в том числе в домах отдыха и пансионатах – 8, турбазах – 3,5 места на 1000 чел. [Борте, 2001].

Потребность в санаторно-курортном лечении взрослого населения России в зависимости от заболевания выглядит следующим образом, % к итогу:

органы кровообращения	30
органы дыхания	6
органы пищеварения и нарушения обмена	27
заболевания нервной системы	15
органы движения	12
травмы, отравления	5
заболевания почек и мочевыводящих путей	3
психические расстройства	2

Источник: [Здравоохранение в России, 2009].

Наибольшее значение для представления о потребностях в санаторно-курортной помощи имеют такие характеристики населения, как заболеваемость по первичной обращаемости и инвалидность, структура причин инвалидности, младенческая смертность (косвенно указывающая на здоровье матери), смертность в трудоспособном возрасте, структура причин смертности в трудоспособном возрасте, постарение населения.

Население трудоспособного возраста несет большие потери вследствие повышенной заболеваемости, смертности от болезней сердца, сосудов мозга, онкозаболеваний, а также несчастных случаев, травм, насилий, убийств, самоубийств, алкоголизма, наркомании, вредности производства и других социально-патологических факторов.

Развитие рекреационной инфраструктуры. Инфраструктура туризма, как неотъемлемый компонент рекреационных систем любого ранга, включает объекты, обеспечивающие полный цикл услуг, связанных с приемом и обслуживанием туристов и отдыхающих. В их число входят коллективные средства размещения (КСР) общего (гостиницы, мотели, меблированные апартаменты) и специального (санаторно-курортного типа, турбазы, дома отдыха) назначения. Количество учреждений отдыха, их емкость, а также уровень предлагаемого ими обслуживания отражают степень развития территориальной системы туризма и рекреационной освоенности территории.

Наибольшее число санаторно-курортных организаций в 2003 г. находилось в Южном федеральном округе (28,8 % от общего количества российских санаториев). Второе место по численности занимал Приволжский округ (22 %). Третье место принадлежало Центральному федеральному округу, где сосредоточено 16 % российских санаториев. Меньше всего санаторно-курортных учреждений в Уральском (9 %), Северо-Западном (7,8), Сибирском (6,5) и Дальневосточном (3,6 %) округах. Такое распределение вполне соотносимо с природно-климатическими условиями в России [Санаторно-курортный комплекс России, 2003]. По числу мест в санаторно-курортных учреждениях в Сибири ведущие позиции занимают Алтайский край и Иркутская область, что обусловлено достаточно высоким рекреационным потенциалом этих регионов.

По заключению многих экспертов, в регионах потребность в санаторно-курортном лечении в настоящий момент удовлетворена не более чем на 30 %, но при этом даже имеющаяся коечная мощность используется лишь на 70 %, а в отдельных регионах на 25–40 %. [Ветитнев, Журавлева, 2006]. Это связано с постоянно возрастающей ценой предлагаемых услуг и низкой платежеспособностью населения. Сложилась и сохраняется на протяжении многих лет диспропорция между потребностью в санаторно-курортном лечении и отсутствием возможности приобретения путевок из-за низкой платежеспособности населения.

Социально-экономические предпосылки формирования спроса на рекреационные услуги. Главный фактор низкого спроса на рекреационные услуги населения регионов Сибири – низкие денежные доходы. Значительная доля населения живет на доходы ниже прожиточного минимума.

В структуре потребительского бюджета домашних хозяйств расходы на туристско-экскурсионные услуги за последние пять лет были минимальными и колебались от 1,2 до 1, 9 % (табл. 10.4).

Таблица 10.4

Оценка населением необходимости и возможности приобретения услуг по организации отдыха (% от общего числа выборочно обследованных, II кв.)

Показатель	2006 г.	2007 г.	2008 г.
Хотят приобрести услуги, но не могут из-за недостатка финансовых средств	59,9	59,3	60,6
Не испытывают потребности в приобретении	31,7	30,3	31,7
Собираются приобрести в ближайшее время	5,1	6,7	4,8
Прочие	3,3	3,7	2,9
Расходы домашних хозяйств на приобретение туристско-экскурсионных услуг (% от потребительских расходов)	1,2	1,3	1,9

Источник: [Социальное положение..., 2009, с. 410].

Столь малая доля общего бюджета домохозяйства, теоретически выделяемая на проведение отдыха, при существующих низких среднедушевых доходах большей части населения регионов Сибири делает маловероятным удовлетворение даже крайне скромных туристско-рекреационных потребностей.

Таким образом, в Сибири сложились два главных региональных центра рекреационного развития – Алтай и Байкал. Это районы с максимальным в пределах Сибири рекреационным потенциалом. К районам со средним рекреационным потенциалом отнесены Южный Западносибирский, Верхне-Енисейский и Средне-Енисейский рекреационные районы. Большая часть территории Сибири характеризуется низким рекреационным потенциалом. Во всех случаях реализация рекреационного потенциала зависит от рекреационного обустройства территории, уровня развития рекреационной инфраструктуры.

Наиболее благоприятные условия для развития сферы рекреационных услуг существуют в южной части Сибири (подтаежные и лесостепные территории, крупные межгорные котловины юга Сибири), где рекреационное использование территории возможно в течение 6–8 мес. в году.

Существующая система статистического учета туристско-рекреационной и санаторно-курортной деятельности не отвечает на большинство актуальных вопросов, решение которых необходимо для планирования, управления и контроля за развитием сферы рекреационных услуг.

Статистическая информация о рекреационных потребностях и спросе, характерных для разных групп населения или населения регионов, практически отсутствует или мало доступна. В этой ситуации основными становятся косвенные материалы о факторах и условиях, позитивно или негативно влияющих на процессы формирования рекреационных потребностей и спроса.

Методы оценки потребностей и спроса на туристско-рекреационные и санаторно-курортные услуги в медицине, курортологии, медицинской географии имеют узкий отраслевой характер и не отвечают требованиям комплексных социально-географических исследований. Вместе с тем географическая составляющая в этих исследованиях несомненна, поскольку во всех случаях организация отдыха, лечения, оздоровления планируется на основе использования природных ресурсов.

Спрос на туризм является индикатором уровня социально-экономического развития общества, уровня жизни населения. Спрос на санаторно-курортные услуги в большей мере связан с конкретными видами заболеваний, с учетом распространенности которых и планируется специализация санаторно-курортных учреждений.

Межрегиональные различия по уровню рекреационных потребностей и спроса формируются под влиянием природно-климатических и экологических условий, состояния здоровья и социально-экономического положения разных групп населения.

Сложилась и сохраняется на протяжении многих лет диспропорция между потребностью в санаторно-курортном лечении и отсутствием возможности приобретения путевок из-за низкой платежеспособности населения. Главным фактором низкого спроса на рекреационные услуги населения регионов Сибири являются низкие денежные доходы.

К факторам, ограничивающим рекреационную активность населения Сибири, наряду с низкими доходами экономически активного населения следует отнести постарение населения, отсутствие накоплений у основной массы пенсионеров, высокие транспортные расходы, высокие цены на рекреационные услуги, часто не соответствующие их качеству.

Раздел 3

Риски формирования здоровья и демографического потенциала региона

Глава 11

ФОРМИРОВАНИЕ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА СИБИРИ

В соответствии с Концепцией долгосрочного развития Российской Федерации важной целью социально-экономического развития Сибири в перспективе должно стать *повышение демографического потенциала* на основе объединения усилий всех подсистем жизнеобеспечения региона: стабилизация численности населения, создание условий для ее роста и увеличения продолжительности активной жизни, укрепления здоровья населения.

Высокая значимость Сибири для обеспечения экономического развития и сохранения территориальной целостности страны ставит задачу ускоренного социально-демографического развития сибирских регионов в ряд стратегических приоритетов обеспечения национальной безопасности, сохранения независимости и суверенитета государства, а заселенность приграничных территорий Сибири и Дальнего Востока и закрепление на них значительной численности постоянного населения имеет не только важнейшее социально-экономическое значение для России, но и важнейшее геополитическое значение. Однако в условиях одновременного сокращения уровня рождаемости и роста смертности население этих территорий России, начиная с 1993 г., вошло в зону отрицательного естественного прироста. По состянию на 2012 г., несмотря на рост с 2000 г. показателей рождаемости, а с 2006 г. – сокращение уровня смертности, рождаемость в Сибири только на 88 % обеспечивает уровень простого воспроизводства. Усугубил положение в демографической ситуации Сибири и продолжительный миграционный отток населения, значительно превышавший его приток, и в результате – отрицательное сальдо миграции. В такой ситуации изучение рисков в формировании демографического потенциала Сибири приобретает особое значение.

11.1. СОКРАЩЕНИЕ ЧИСЛЕННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ КАК ОДНА ИЗ УГРОЗ ФОРМИРОВАНИЯ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА

Динамика отрицательного показателя естественного прироста населения СФО формировалась на фоне аналогичного процесса для России в целом. По сравнению с 1989 г. численность населения СФО к началу 2010 г. сократилась на 7,2 % (табл. 11.1).

Сокращение численности населения в России и Сибири происходило на фоне роста численности населения в других странах мира. Так, население США только за 1990-е гг. увеличилось на 32,7 млн чел. (т.е.

Таблица 11.1

Динамика численности населения СФО в 1989–2012 гг., тыс. чел.

Численность населения	В том числе по основным возрастным группам			Доля возрастных групп в общей численности населения, %		
	муж. и жен. 0–15	муж. 16–59, жен. 16–54	муж. 60 и более, жен. 55 и более	муж. и жен. 0–15	муж. 16–59, жен. 16–54	муж. 60 и более, жен. 55 и более
1989 г.						
21 068,0	5764,2	12 047,1	3256,7	27,4	57,2	15,4
2002 г.						
20 062,9	3911,1	12 515,8	3636,0	19,5	62,4	18,1
Изменения за 1989–2002 гг.						
−1005,1	−1853,1	468,7	379,3	−7,9	5,2	2,7
2012 г.						
19 260,9	3479,7	11 760,6	4020,6	18,1	61,0	20,9
Изменения за 2002–2012 гг.						
−802,0	−431,4	−755,2	384,6	−1,4	−1,4	2,8
Изменения за 1989–2012 гг.						
−1807,1	−2284,5	−286,5	763,9	−9,3	3,8	5,5

почти на 7 млн чел. больше, чем общая численность населения Сибирского и Дальневосточного федеральных округов), и продолжает увеличиваться с темпом в 1 % в год. По прогнозу Бюро переписей США, к 2030 г. население этой страны увеличится еще на 30 % по сравнению с 2000 г. и составит более 360 млн чел.

Следует отметить, что за общими средними показателями скрываются весьма существенные территориальные различия. При среднем в 2011 г. по СФО естественном приросте населения, равном 0,4 ‰, значительный положительный естественный прирост населения за счет высокого уровня рождаемости происходит в таких субъектах РФ, как Республика Тыва и Республика Алтай, где проживает в основном коренное население СФО. Наибольшими темпами за счет естественного фактора сокращалось население в регионах преимущественного проживания русского населения: в Кемеровской области, Алтайском крае, Новосибирской и Омской областях, особенно в сельской местности (табл. 11.2). Численность русского населения в СФО за межпереписной период 1989–2002 гг. уменьшилась на 3,4 %, и это снижение произошло на фоне высокого уровня вынужденной иммиграции в СФО русских из республик Средней Азии. Межпереписной период 2002–2010 гг. характеризуется более высокими темпами сокращения русского населения,так как всего за восемь лет оно уменьшилось еще на 5,4 %.

Начиная с 2006 г. в СФО, как и в стране в целом, наблюдалась положительная динамика демографических показателей, что связано как с общим улучшением благодаря оживлению экономики, так и с повы-

Таблица 11.2

Естественный прирост населения в субъектах СФО (на 1000 чел. населения)

Территория	2008 г.			2009 г.			2011 г.		
	Всего	Город	Село	Всего	Город	Село	Всего	Город	Село
СФО	–0,7	–0,8	–0,4	0,1	–0,0	0,3	0,4	0,2	0,9
Республика Алтай	9,1	7,0	9,8	8,4	9,7	8,0	10,5	9,1	11,1
Республика Бурятия	3,5	2,8	4,5	4,4	3,9	5,0	4,3	3,8	5,0
Республика Тыва	13,9	11,4	16,6	14,5	12,1	17,1	16,5	12,9	20,4
Республика Хакасия	1,0	0,5	2,0	1,5	0,8	3,0	1,7	1,5	1,9
Алтайский край	–2,7	–1,8	–3,7	–1,9	–1,1	–2,8	–1,9	–1,0	–2,8
Красноярский »	–0,7	–0,0	–2,9	0,2	0,8	–1,8	0,5	0,8	–0,8
Иркутская область	0,9	0,3	3,2	1,3	0,4	4,4	1,3	0,7	3,8
Кемеровская »	–3,3	–3,4	–3,5	–2,6	–2,6	–2,1	–2,8	–3,0	–1,9
Новосибирская »	–2,0	–1,7	–2,8	–1,2	–0,8	–2,2	–0,5	–0,3	–1,4
Омская »	–1,9	–2,3	–0,9	–0,9	–1,1	–0,1	0,1	–0,2	0,7
Томская »	–0,1	1,4	–3,2	0,3	1,7	–2,6	0,8	1,5	–1,0
Забайкальский край	1,6	1,4	1,7	2,2	2,4	2,2	2,2	1,9	3,0

Источник: Демографический ежегодник России. М.: Росстат, 2009, 2010, 2012.

шенным вниманием к демографической и социальной сферам, а также под влиянием структурных факторов. По данным за 2007 г., более половины регионов СФО вышло на положительный естественный прирост, это в основном регионы проживания коренных народов Сибири, половина – имели положительное сальдо миграции и, как результат, – половина регионов имели общую неотрицательную динамику численности населения. Естественная убыль в СФО в этот период, как и в России в целом, стала быстро уменьшаться: с более чем 100 тыс. чел. в 2005 г. до 13 тыс. чел. в 2008 г. А в 2009 г. СФО впервые после 1992 г. вышел хотя и на незначительный, но положительный естественный прирост населения – 1221 чел. (рис. 11.1). Однако уже в 2010 г. из-за снижения рождаемости и роста смертности естественный прирост снова стал отрицательным (–851). В 2011 г. естественный прирост вновь положителен и равен уже 6851 чел. Таким образом, имеющиеся успехи еще весьма неустойчивы, и такая положительная динамика не дает основания для успокоения, поскольку она произошла в значительной степени из-за структурных сдвигов: роста численности женщин

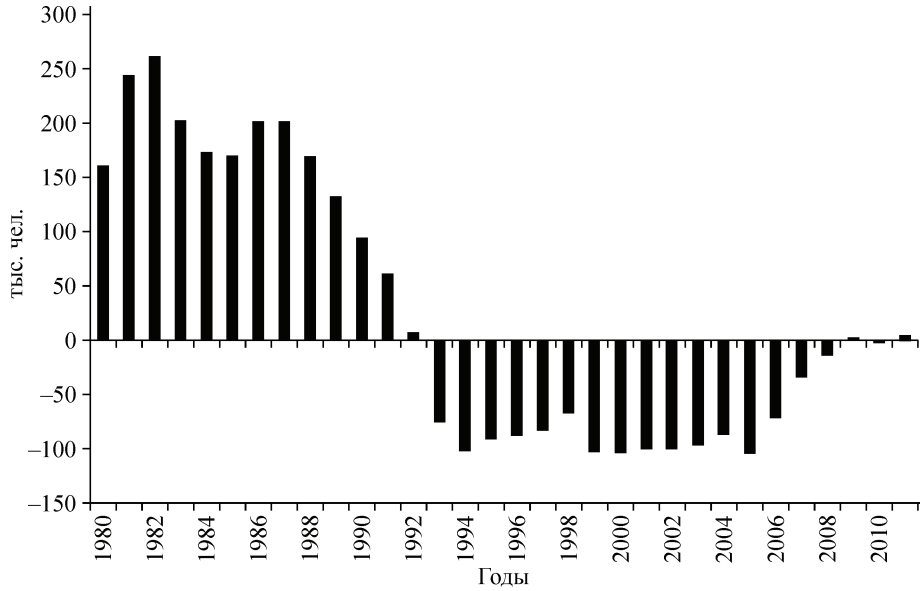


Рис. 11.1. Динамика естественного прироста населения СФО (тыс. чел.), 1980–2011 гг.

Источник: Демографический ежегодник России. М.: Росстат, 1993–2012.

репродуктивного возраста и сокращения прироста числа пожилых людей.

Увеличение репродуктивного контингента в России, в том числе в Сибири, в эти годы связано с многочисленной когортой родившихся в последнюю волну увеличения рождаемости в 1980-е гг.. Так, число женщин в возрасте 18–30 лет, на долю которых приходится 75–80 % всех рождений, в 1992–2009 гг. увеличилось в России на 20 %, что не могло не оказать влияния на увеличение числа родившихся в стране. Суммарный же коэффициент рождаемости в 2011 г. по СФО составлял 1,72 родившихся детей в среднем на одну женщину за репродуктивный период, вместо необходимых для простого воспроизводства 2,14–2,15 (рис. 11.2). Что касается сокращения числа пожилых людей после 60 лет, то изменение их численности связано со вступлением в этот возраст малочисленной когорты рожденных в годы войны 1941–1945 гг. Это в свою очередь оказало влияние и на сокращение смертности, так как на возрастные группы после 60 лет приходится основная масса смертей (рис. 11.3).

Отмеченные благоприятные изменения в демографической ситуации Сибири в последние годы могут носить кратковременный характер, поскольку основные негативные тенденции в изменении демографического потенциала уже заложены сложившейся половозрастной структурой населения (рис. 11.3, 11.4) и теми особенностями демографической ситуации, которые сложились в последнее десятилетие XX в. Именно они в будущем окажут существенное влияние на сокращение демографического потенциала восточных регионов России и вызовут долговре-

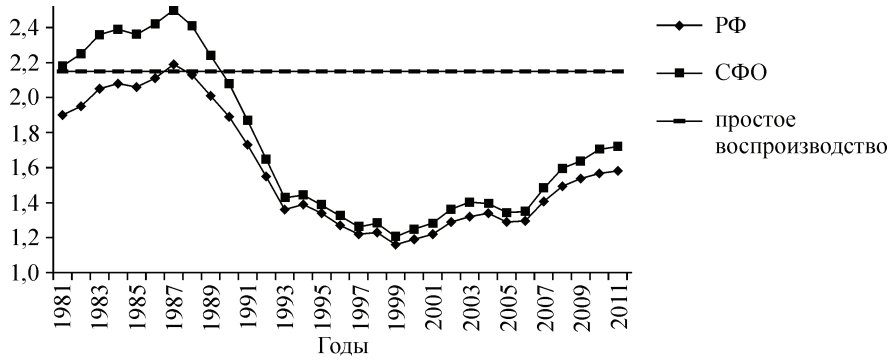


Рис. 11.2. Динамика суммарного коэффициента рождаемости в РФ и СФО, 1981–2011 гг.

Источник: Демографический ежегодник России, М.: Росстат, 1993–2012.

менные как демографические, так и социально-экономические последствия.

Численность детей за 1989–2012 гг. сократилась в СФО на 2,3 млн чел., или на 9,3 п.п., а высокие темпы падения рождаемости уже сказываются в снижении численности лиц трудоспособного возраста (табл. 11.1). Параллельно с сокращением демографического потенциала снижается и мобилизационный потенциал Сибири и России. Уменьшение численности юношей призывного возраста является угрозой обороноспособно-

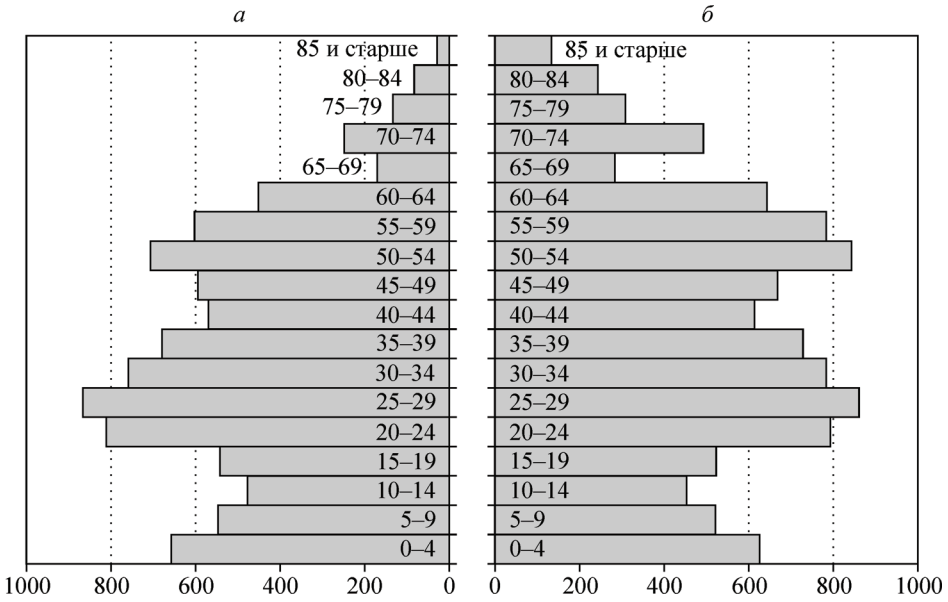


Рис. 11.3. Половозрастная структура населения СФО, на 1 января 2012 г., тыс. чел.

а – мужчины; *б* – женщины.

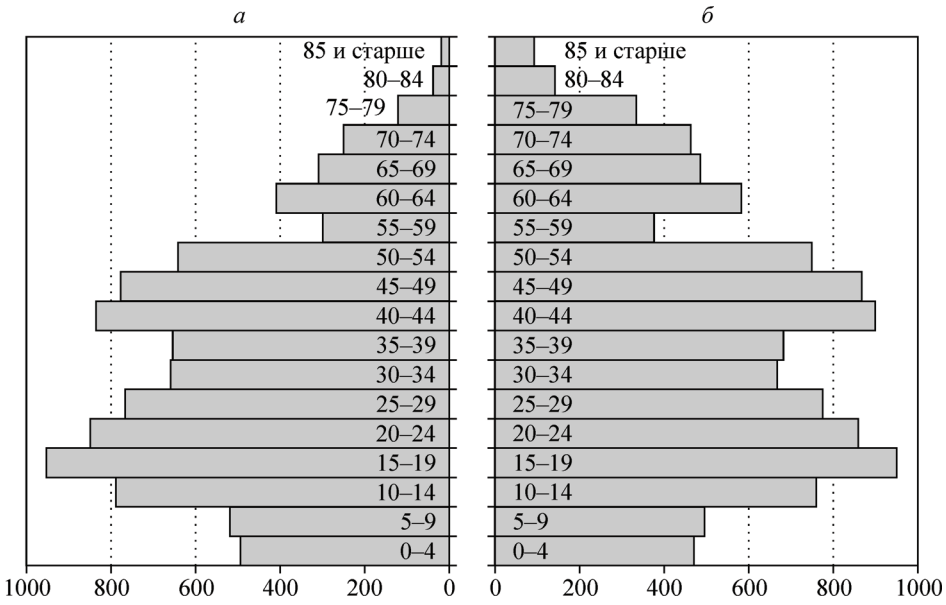


Рис. 11.4. Половозрастная структура населения СФО, по данным переписи 2002 г., тыс. чел.

а – мужчины; *б* – женщины.

сти страны, осложняет охрану протяженных границ и внутренней стабильности. Нехватка людских ресурсов и вынужденное сокращение численности вооруженных сил может способствовать активизации террористических группировок, увеличению потока нелегальных мигрантов и наркотрафика, что в перспективе может поставить под угрозу даже само существование Российской Федерации.

Кроме того, в 1990-е гг. сформировались негативные тенденции ухудшения здоровья населения, а также качественных характеристик воспроизводства, которые будут иметь долговременные последствия. В России каждое последующее поколение обладает худшим потенциалом здоровья, чем предыдущее, причем болезни и нездоровье интенсивно перемещаются в сторону детства. Предстоящее вступление в репродуктивный период относительно малочисленных поколений 1990-х гг. рождения с худшим здоровьем может негативно повлиять на рождаемость. Вместе с тем, ближайшие годы – это последний наиболее благоприятный период для активизации мер государственной поддержки семей с детьми. В настоящее время в России имеется наибольшее количество молодежи самых активных репродуктивных возрастов. Кроме того, это последнее поколение, в котором более половины были детьми второй и последующей очередности рождения. Они в большей степени, чем единственные в семье дети, являются носителями ценности двух-трехдетной семьи. После 2010 г. вступают в репродуктивный период поколения, где преобладают единственные дети. Необходимо кардинально поддержать

двух-трехдетную семью и этим остановить падение социальной нормы детности.

В структуре населения трудоспособного возраста СФО в ближайшее десятилетие произойдут значительные изменения, неблагоприятные для его экономического развития. Если до 2007 г. численность населения трудоспособного возраста, продолжая тенденции прошлых лет, росла, а увеличение ее как в городе, так и в селе происходило в основном за счет молодого населения, вступающего в трудоспособный возраст, то после 2007 г. эта когорта населения начала активно сокращаться не только в регионах Сибири, но и в основной части субъектов РФ. Только за 2002–2010 гг. численность молодого населения трудоспособного возраста до 30 лет сократилась в СФО на 333 тыс. чел. (6,5 %), а численность населения 30–44 лет – на 311 тыс. (7,8 %). Одновременно с этим численность населения в возрасте 45–54(59) лет увеличилась почти на 285 тыс. чел. (на 2,0 %). Это означает, что все последующие годы на протяжении длительного периода будет происходить значительное снижение трудового потенциала Сибири не только за счет сокращения его численности, но и за счет старения возрастной структуры трудоспособного населения, а дефицит трудовых ресурсов в СФО может стать главным лимитирующим фактором развития восточных регионов страны.

Сокращение численности населения трудоспособного возраста и его доли в общей численности населения приведет к росту демографической нагрузки и увеличит число иждивенцев в расчете на одного трудоспособного. Особенно высок будет вклад пожилых в общую демографическую нагрузку, а это приведет в свою очередь к росту в обществе социальных расходов на поддержку всей инфраструктуры, обслуживающей пожилое население. Может потребоваться резкое увеличение налоговой нагрузки на экономику или радикальная реформа пенсионной системы.

Следует также заметить, что при прочих равных условиях старение населения приведет к снижению рождаемости, росту смертности и заболеваемости населения, что увеличит давление на систему здравоохранения, которая и сейчас явно не справляется со своими функциями.

Очень важно отметить, что эти процессы в Сибири аналогичны процессам во всей стране. По оценкам среднего варианта прогноза Росстата, демографическая нагрузка в России увеличится с 643 на 1000 трудоспособных в 2012 г. до 710 в 2015 г. (на 10 %) и далее будет расти. При этом вклад пожилых в общую нагрузку будет составлять 55–60 % и возрастет по сравнению с 1989 г. на 20–25 %.

При такой демографической ситуации и при планируемом росте темпов экономического развития Сибири увеличение спроса на рабочую силу не может быть в полной мере удовлетворено за счет привлечения россиян из других регионов даже при создании самых благоприятных социально-экономических условий в регионах Сибири в ситуации растущей экономики. Так, рост численности занятых в сибирской экономике только на 3 п. п. приведет, по нашим оценкам, к дополнительной потребности в рабочей силе в размере около 500 тыс. чел. А эта

потребность может быть удовлетворена в основном за счет дополнительного привлечения иностранной рабочей силы. Однако принятие мер по сокращению уровня смертности и росту продолжительности жизни могло бы существенно скорректировать ожидаемые данные. Только сокращение сверхсмертности равнозначно увеличению численности населения СФО, а сохранение собственных трудовых ресурсов послужит основанием для сокращения квот по приему иностранной рабочей силы на сибирском рынке труда.

11.2. РОЛЬ СМЕРТНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ В СОКРАЩЕНИИ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО И ТРУДОВОГО ПОТЕНЦИАЛА

Большой вклад в депопуляцию в России вносит аномально высокий уровень смертности. На протяжении 15 лет, начиная с 1990 г., здоровье населения округов РФ постоянно ухудшалось, а смертность росла. К 2005 г. общий коэффициент смертности в СФО в 1,6 раза (в РФ в 1,4 раза) был выше, чем в 1990 г. (рис. 11.5) и почти в 1,5 раза (в РФ в 1,6 раза) превышал уровень рождаемости.

Максимальный разрыв в уровне общего коэффициента смертности в субъектах федерации СФО составлял в 2011 г. 1,4 раза между Республикой Тыва (11,0) и Кемеровской областью (15,5). Территории, имеющие уровень смертности ниже среднего по округу, характеризуются более прогрессивной возрастной структурой населения (рис. 11.6).

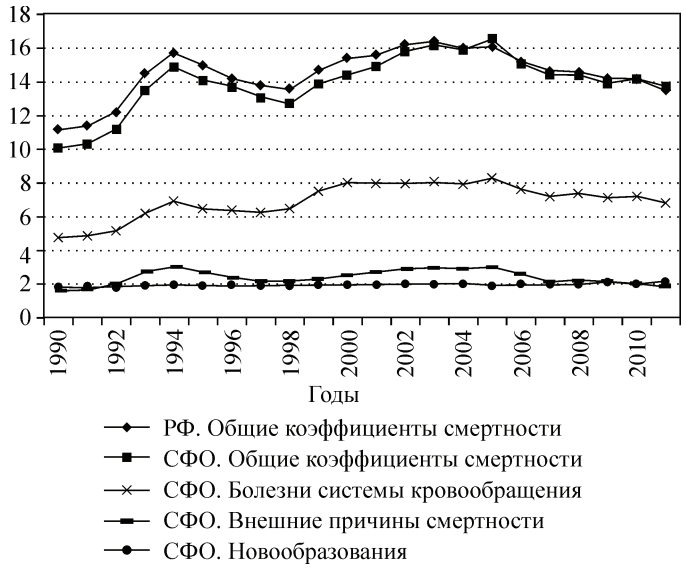


Рис. 11.5. Динамика коэффициентов смертности в СФО по основным причинам в 1990–2011 гг. (число умерших на 1000 чел. населения)

Источник: Демографический ежегодник России. М.: Росстат, 1993–2012.

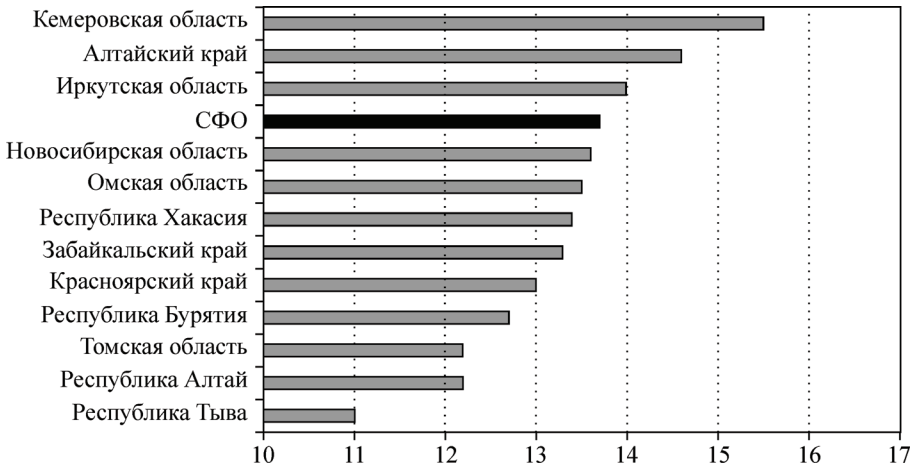


Рис. 11.6. Общие коэффициенты смертности по субъектам СФО в 2011 г. (число умерших на 1000 чел. населения)

Источник: Демографический ежегодник России. М.: Росстат, 2012.

Среди основных классов причин смерти населения округа в 2011 г. выделяется смертность от болезней системы кровообращения – 49,9 % всех смертей (в РФ 55,8 %), второе место занимают новообразования – 15,3 % (в РФ – 15,2 %), третье – внешние причины смерти – 13,4 % (в РФ – 10,3 %) – рис. 11.5. Эти три причины в 2011 г. составляли в СФО 78,6 % от общего числа смертей (в 1990 г. – 80,6 %). До 2006 г. происходило изменение структуры смертности в сторону увеличения доли основных причин, особенно внешних. В последние годы доля внешних причин снизилась.

На фоне общего роста уровня смертности в 1990–2005 гг. наблюдались пики смертности по основным классам причин. Очень высокая на протяжении всего рассматриваемого периода смертность от болезней системы кровообращения достаточно четко «реагировала» на социально-экономические события в стране. В целом за 1990–2011 гг., с учетом сокращения смертности после 2005 г., смертность от болезней системы кровообращения увеличилась в СФО на 48,7 % и составила 683,0 чел. в расчете на 100 тыс. чел. населения (в 2006 г. по отношению к 1990 г. показатели были равны, соответственно, 60 % и 760 чел. в расчете на 100 тыс. чел. населения). Рост заболеваний системы кровообращения сопровождался увеличением таких тяжелых осложнений, как гипертоническая болезнь и ишемическая болезнь сердца. Количество острых инфарктов миокарда увеличилось в 2 раза, а заболеваемость стенокардией – более чем в 3 раза.

Тем не менее, в связи с более молодой, чем в РФ, структурой населения, в целом по округу смертность от заболеваний системы кровообращения в 2011 г. была на 9,3 % ниже среднероссийского показателя. Крайне высокая в 2005 г. смертность от болезней системы кровообра-

щения в Кемеровской области снизилась к 2011 г. с 971 до 740,9 чел. на 100 тыс. чел. населения. Выше средних по СФО были и остаются показатели в Алтайском крае, Омской и Новосибирской областях. Важно при этом отметить следующее: после периода очень высокого роста смертности от заболеваний системы кровообращения по всем субъектам СФО, составляющего от 1,5 до 2 раз за 1990–2005 гг., следующий период – 2006–2011 гг. – характеризуется снижением данного вида смертности практически во всех субъектах СФО, в некоторых из них оно весьма существенно.

Смертность от внешних причин в округе выросла к 2005 г. по сравнению с 1990 г. на 140 чел. в расчете на 100 тыс. чел. населения (в 1,9 раза), что привело к ежегодным потерям около 60 тыс. чел. (в РФ – более 300 тыс. чел.). За последующие 6 лет смертность от внешних причин в СФО снизилась на 36,9 %, но и в 2011 г. ежегодные потери составляли около 36 тыс. чел. В 2011 г. уровень смертности от внешних причин в СФО был на 31,6 % выше, чем в РФ, при этом среди внешних причин смерти в настоящее время около 15 % занимает смертность от самоубийств (в 1990 г. – 20 %) и от убийств – 10 % (рис. 11.7). Наибольшее число убийств, связанных с алкоголем, отмечено в Республике Тыва, Иркутской и Кемеровской областях. Самоубийств в целом в Сибири больше, чем в европейской части России, однако в 2002 г. началось снижение числа самоубийств, а в 2003 г. стало уменьшаться и число убийств.

В критические годы рассматриваемого периода до 12 % всех первичных обращений за медицинской помощью в СФО были в связи с травмами и отравлениями, а смертность от случайных отравлений суррогатным алкоголем в 1,5 раза превосходила среднероссийские показатели. В результате ежегодные потери по этой причине составляли в округе 7–8 тыс. чел.*

Огромную роль в увеличении смертности в России и СФО играет алкоголизация населения. Вклад алкоголя в смертность заключается не только в алкогольных отравлениях, психозах, убийствах и самоубийствах, травмах, но и во влиянии на смертность от заболеваний системы кровообращения, болезней печени и поджелудочной железы и других заболеваний, связанных с употреблением алкоголя**.

Алкоголь является важнейшим деструктивным фактором, ограничивающим не только демографическое, но и социальное, и экономическое развитие России. Весьма велика его роль в снижении демографического потенциала России и СФО: почти 1,5 % населения только по официальной (далеко не полной) статистике стоят на учете по алкоголизму и алкогольным психозам, причем эти тяжелейшие заболевания

*Смертность от отравлений алкоголем в СФО в 2006 г. составляла 42,6 чел. (в РФ – 23,1) на 100 тыс. чел. населения, в Кемеровской области – 46, в Читинской области – 60,2, в Республике Бурятия – 63,0, в Республике Алтай – 89,9 чел. на 100 тыс. чел. населения.

**По оценке специалистов, около трети всех смертей связано с употреблением алкоголя.

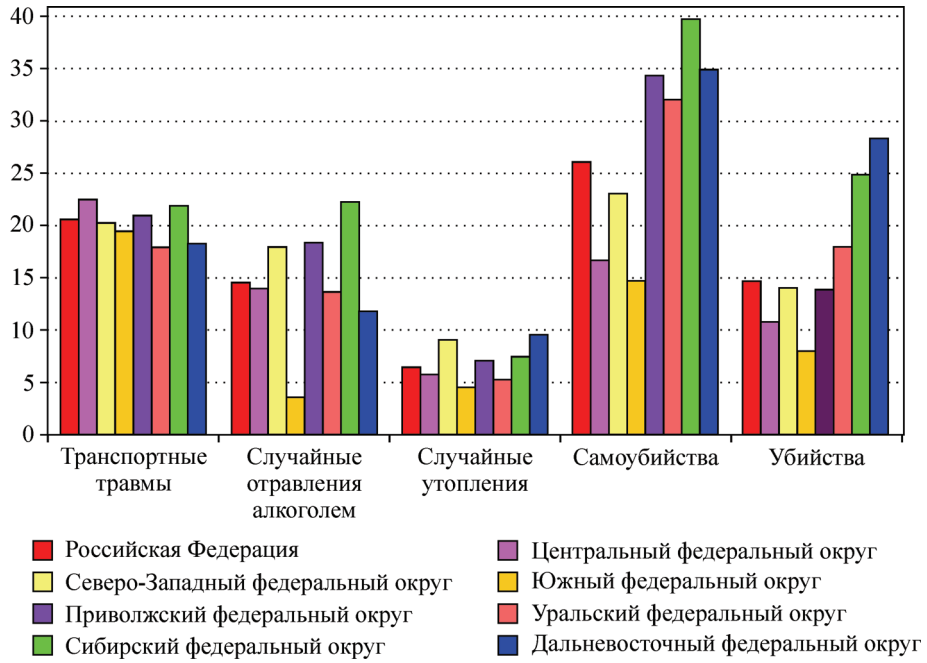


Рис. 11.7. Смертность населения от внешних причин по видам в субъектах Российской Федерации в 2009 г. (число умерших на 100 тыс. чел. населения).

развиваются после, как минимум, пятилетнего интенсивного употребления алкоголя (рис. 11.8).

Особую тревогу вызывает стабильно самый высокий в РФ уровень наркотизации населения СФО. По данным за 2010 г. 352 больных наркоманией состояли на учете в расчете на 100 тыс. чел. населения, что в 1,5 раза выше среднего уровня по России (рис. 11.9). В ряде субъектов СФО – Иркутской (472 чел.) и Новосибирской (557 чел.) областях – отмечается значительное превышение среднего по округу уровня наркомании, а Новосибирская область занимает первое место в СФО и второе место в стране после Самарской области (668 чел.). В Кемеровской и Томской областях в 2010 г. произошло значительное сокращение числа стоявших на учете по данному заболеванию. От отравления наркотиками в СФО в пиковом 2006 г. умерло 3,5 тыс. чел., что в 1,7 раза выше смертности от наркотиков в 2005 г.

Несмотря на то, что уровень наркотизации пока значительно ниже уровня алкоголизации, опасность наркотиков заключается в том, что они распространяются, прежде всего, в молодежной среде, гораздо быстрее вызывают зависимость и разрушающе действуют на организм. Наркотики влияют сразу на три поколения: убивают молодежь, их нерожденных детей, а также их родителей, умирающих от горя раньше срока.

Смертность от злокачественных новообразований увеличилась за 1990–2011 гг. на 32,2 чел. на каждые 100 тыс. чел. населения (18 %). По

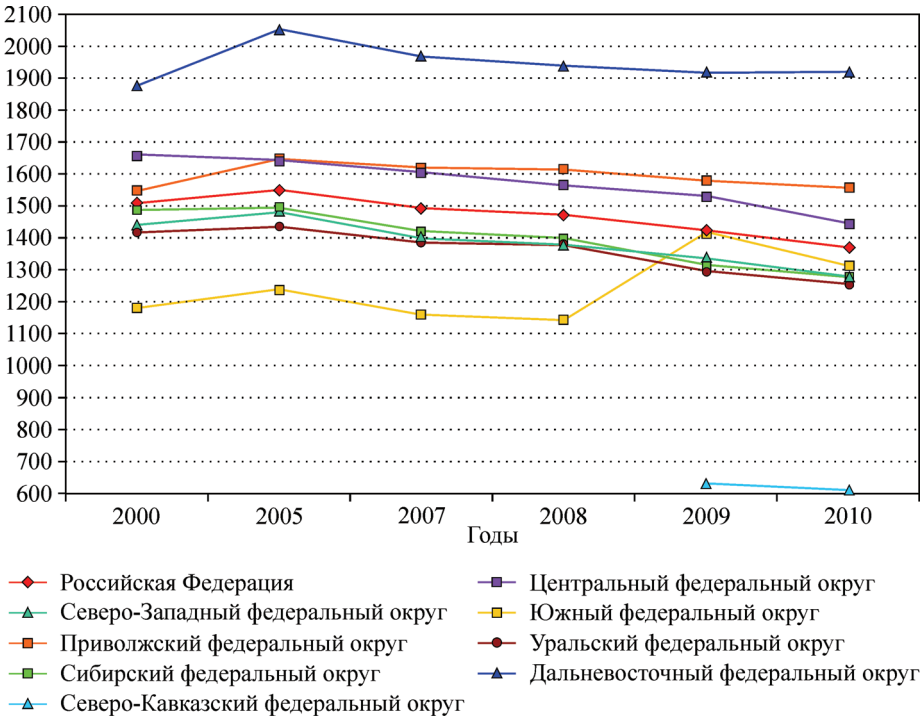


Рис. 11.8. Контингенты больных алкоголизмом и алкогольными психозами по федеральным округам РФ (численность больных, состоящих на учете в ЛПУ, на 100 тыс. чел. населения; на конец года).

Источник: Здравоохранение в России. М.: Росстат, 2001–2011.

данным за 2011 г. в среднем по СФО на 100 тыс. чел. населения умирало по этой причине около 210,2 чел. (в РФ – 204,6 чел.).

Завершая анализ уровня смертности по трем основным группам причин смерти, необходимо отметить, что в то время как смертность от новообразований в России и СФО незначительно отличалась от показателей развитых стран, *смертность от заболеваний системы кровообращения в 4–5 раз превосходит уровень смертности этих стран, имеющих высокую долю старого населения, а по внешним причинам смерти мы находимся на одном из первых мест в мире.*

Среди других видов причин смертности в СФО, не вошедших в основную тройку, в 1990–2005 гг. особенно высок был рост смертности от болезней органов пищеварения – в 2,7 раза, на 46,6 % возросла смертность от болезней органов дыхания*. Смертность от инфекционных и паразитарных заболеваний в округе за тот же период увеличилась в 2,7 раза и превысила средние по России показатели в 1,6 раза, а смертность от туберкулеза в СФО была одной из самых высоких в России, в

*В Омской области смертность от болезней органов дыхания возросла почти в 2 раза.

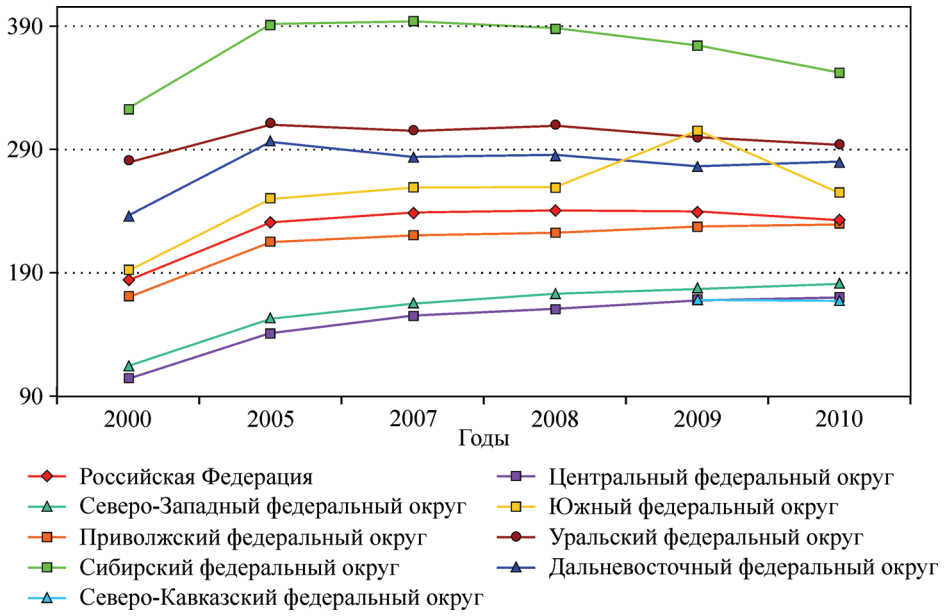


Рис. 11.9. Контингенты больных наркоманией по федеральным округам РФ (численность больных, состоящих на учете в ЛПУ, на 100 тыс. чел. населения; на конец года).

Источник: Здравоохранение в России. М.: Росстат, 2001–2011.

2005 г. она составила 36,3 на 100 тыс. чел. населения, при этом в число неблагополучных территорий входили Новосибирская область, Республика Тыва, Алтайский край, Иркутская и Кемеровская области.

Смертность от психических расстройств в СФО в 2005 г. превышала уровень смертности 1990 г. почти в 2 раза (в 1995 г. – в 4 раза), а основной составляющей ее стала смертность от психических расстройств, связанных с потреблением алкоголя, – 70 % (в 1990 г. – 45 %). Доля же смертности от психических расстройств, связанных с употреблением наркотических веществ, увеличилась к 2005–2006 гг. с 0,5 до 2,3 %. На 12–13 % за этот же период выросла смертность от заболеваний эндокринной системы, в том числе на 14–15 % от сахарного диабета.

При общей крайне неблагоприятной картине смертности в России и СФО, начиная с 2006 г., наблюдается тенденция снижения уровня смертности в 2011 г. относительно 2005 г.: в СФО от болезней системы кровообращения – на 18,1 %, от внешних причин – на 38,3 %. Аналогичная тенденция характерна и для других причин смертности практически по всем субъектам СФО, за редким исключением.

Увеличение уровня смертности коснулось прежде всего населения трудоспособного возраста, от которого в значительной степени зависит состояние экономики страны (табл. 11.3).

Прирост уровня смертности этой группы в 1990–2005 гг. составил в СФО почти 85 %. Несмотря на снижение к 2011 г. данного показателя

Таблица 11.3

Динамика коэффициентов смертности по основным классам причин в субъектах СФО за 1990–2011 гг., умершие на 100 тыс. чел. населения (над чертой – все население, под чертой – население трудоспособного возраста)

Субъект СФО	Инфекционные и паразитарные болезни		Новообразования		Болезни системы кровообращения		Болезни органов дыхания		Болезни органов пищеварения		Внешние причины смерти	
Республика Алтай	(194,6)*	65,9**	(113,5)	96,0	(176,4)	83,9	(100,1)	70,1	(177,5)	89,2	(172,6)	61,0
	(276,4)	69,5	(99,8)	88,8	(162,5)	97,8	(148,8)	68,5	(188,0)	90,4	(156,5)	62,5
Республика Тыва	(251,4)	90,4	(92,4)	94,0	(190,7)	78,0	(84,0)	90,7	(293,3)	82,6	(172,7)	70,0
	(469,8)	87,4	(73,7)	88,6	(179,4)	64,5	(199,1)	68,5	(332,5)	66,5	(156,7)	70,4
Республика Хакасия	(324,6)	39,4	(111,9)	104,4	(181,0)	78,6	(118,0)	90,9	(250,0)	70,3	(197,9)	74,2
	(305,1)	41,8	(91,8)	92,0	(258,4)	62,6	(338,3)	48,3	(450,3)	56,5	(184,0)	59,9
Республика Бурятия	(217,6)	112,5	(106,7)	108,8	(185,9)	77,0	(145,1)	88,8	(255,5)	109,3	(214,0)	66,7
	(361,1)	118,0	(92,2)	108,6	(243,9)	61,3	(279,2)	78,8	(403,4)	107,4	(196,4)	68,2
Алтайский край	(244,7)	92,4	(109,5)	106,4	(173,3)	77,5	(138,1)	69,4	(196,5)	101,0	(169,0)	63,4
	(279,4)	97,6	(90,2)	103,9	(183,9)	80,8	(178,3)	62,4	(253,1)	90,5	(157,4)	63,9
Кемеровская область	(340,8)	91,2	(117,0)	104,5	(171,4)	76,3	(175,9)	71,5	(296,2)	97,7	(178,1)	66,7
	(455,1)	107,8	(93,6)	108,7	(226,1)	68,7	(368,3)	58,7	(423,4)	86,7	(171,3)	68,0
Новосибирская »	(286,7)	82,8	(113,8)	102,8	(155,0)	87,5	(113,9)	72,7	(239,4)	86,6	(185,3)	59,9
	(375,6)	85,1	(93,8)	94,5	(170,5)	65,8	(178,0)	67,2	(398,3)	73,0	(178,3)	56,2
Омская »	(255,4)	65,1	(112,5)	98,0	(177,1)	93,0	(196,3)	68,2	(242,3)	94,6	(182,7)	59,6
	(374,3)	79,8	(88,9)	95,5	(206,9)	82,8	(367,9)	57,1	(311,2)	86,1	(174,6)	57,7
Томская »	(157,8)	56,5	(121,1)	108,2	(157,8)	85,4	(137,4)	82,6	(264,4)	79,9	(154,6)	63,6
	(164,5)	49,8	(99,0)	101,7	(167,6)	93,0	(259,6)	61,9	(399,4)	65,6	(141,3)	68,4
Красноярский край	(221,4)	84,3	(120,1)	114,2	(164,2)	84,5	(158,8)	82,4	(287,1)	84,4	(185,2)	61,7
	(271,5)	91,1	(93,7)	104,8	(186,7)	75,2	(306,1)	58,8	(380,2)	66,4	(175,5)	59,1

Иркутская область	(251,6)/(339,7)	116,1/123,0	(106,8)/(91,5)	109,5/100,1	(189,6)/(247,7)	86,6/68,9	(128,8)/(303,8)	86,4/83,2	(310,2)/(524,0)	89,3/77,8	(176,5)/(169,1)	58,4/57,2
Забайкальский край	(271,2)/(400,9)	72,9/73,9	(104,0)/(102,9)	103,1/94,9	(227,4)/(276,0)	74,8/57,6	(147,5)/(310,8)	62,4/51,7	278,8)/(412,9)	80,0/71,6	(231,3)/(211,2)	60,0/60,0

Источник: Демографический ежегодник России. М.: Росстат, 1993–2012.
* Здесь и далее в скобках: данные за 2005 г. в % к данным за 1990 г.
** Здесь и далее: данные за 2011 г. в % к данным за 2005 г.

на 27,8 %, смертность населения в трудоспособном возрасте остается в СФО на очень высоком уровне: на каждые 100 тыс. чел. населения данной возрастной группы умирало 706 чел., что на 17,4 % больше, чем в среднем по России. Существенно снизилась за 2006–2011 гг. и смертность населения трудоспособного возраста по отдельным причинам смертности за исключением новообразований. По ряду причин смертности в 2011 г. удельный показатель смертности трудоспособного населения СФО был выше уровня РФ: от инфекционных и паразитарных болезней – в 1,6 раза, от внешних причин и от болезней органов дыхания – в 1,2 раза и новообразований – в 1,1 раза.

Структура смертности населения трудоспособного возраста и РФ, и СФО существенно отличается от структуры смертности всего населения (рис. 11.10). Первую группу давно составляют внешние причины смертности, на их долю в округе в 2011 г. приходилось 31,9 % всех смертей (в РФ – 27,8 % – второе место). На втором месте болезни системы кровообращения – 26,9 % (в РФ – 31,4 % – первое место), на третьем новообразования – 13,2 % (в РФ – 14,0 %). По сравнению с 2009 г. в 2011 г. позиции СФО по смертности населения трудоспособного возраста от заболеваний системы кровообращения по отношению к другим округам значительно улучшились: он перешел с первого места на четвертое.

По сравнению с 1990 г. произошло изменение структуры смертности населения трудоспособного возраста в сторону увеличения доли инфекционных и паразитарных болезней и болезней органов пищеварения (в процентном измерении увеличение – более чем в 2 раза), а также органов дыхания (в 1,3 раза). На 3 п. п. выросла доля смертности от болезней системы кровообращения. Соответственно уменьшилась на 5 п. п. доля смертности от новообразований.

Практически по всем основным группам причин смертности в СФО с 1990 по 2005 г. происходил рост коэффициентов смертности населения трудоспособного возраста, превышающий темп роста смертности по населению в целом.

Важной проблемой в России и СФО является сверхсмертность мужского населения. В общую смертность мужчины вносят свой вклад в размере 67,3 %. Динамика стандартизованных коэффициен-

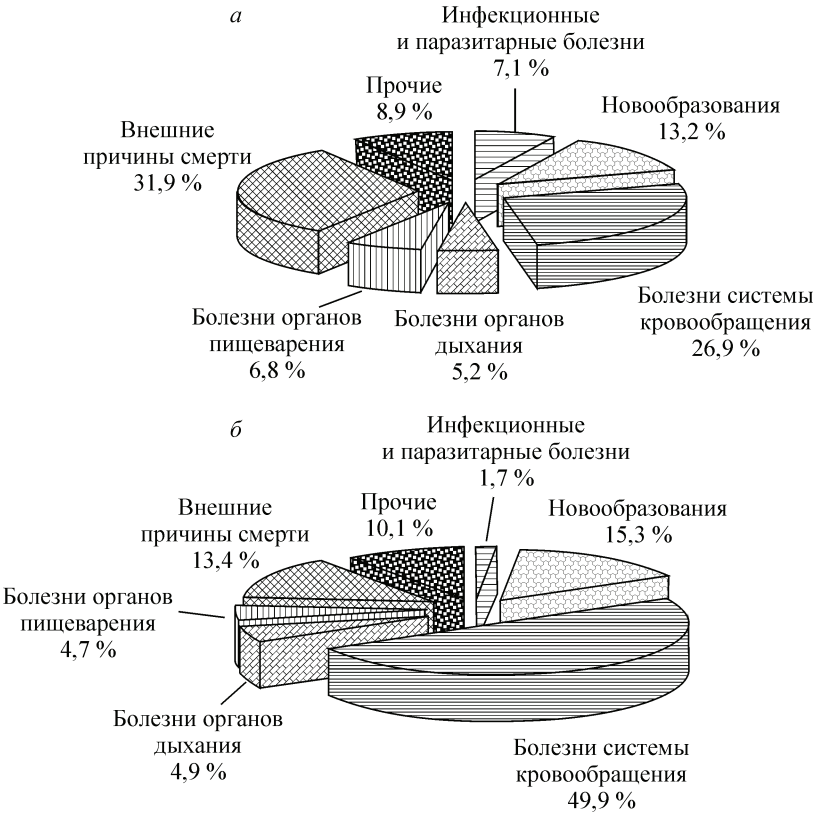


Рис. 11.10. Структура смертности по основным группам причин в СФО в 2011 г., %.

а – население трудоспособного возраста; *б* – все население.

Источник: Демографический ежегодник России. М.: Росстат, 2012.

тов смертности прошла те же пики и падения, что и многие другие показатели, но у мужского населения они имели более ярко выраженный характер, чем у женского (рис. 11.11).

По всем основным причинам мужская смертность в СФО превосходит женскую: от злокачественных новообразований в 2,1 раза, от болезней системы кровообращения и органов пищеварения в 1,7–1,8 раза, от внешних причин, болезней органов дыхания, а также инфекционных и паразитарных заболеваний – почти в 3,6–3,8 раза (табл. 11.4). Особое внимание обращает на себя высокий уровень самоубийств и убийств среди мужского населения, а также смертность от отравлений алкоголем и всех видов несчастных случаев, связанных с транспортом. Мужчин-самоубийц в 5 раз, а погибших насильственной смертью мужчин в 3 раза больше, чем женщин. Высокие показатели смертности от внешних причин обусловлены в первую очередь употреблением алкогольных напитков. Так, доля связанных с алкоголем убийств составляет около 60 % всех убийств. Начиная с 2006 г. стандартизованные коэффициенты смертности сокращаются, особенно интенсивно у мужчин.

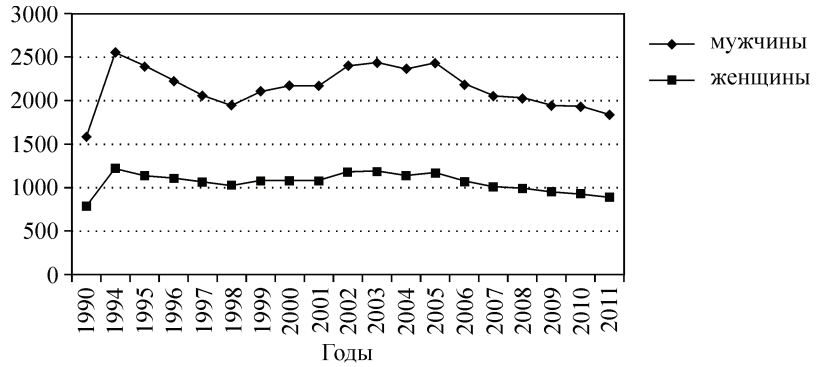


Рис. 11.11. Динамика стандартизованных коэффициентов смертности мужского и женского населения СФО, 1990–2011 гг. (число умерших на 100 тыс. чел. населения)

Источник: Демографический ежегодник России. М.: Росстат, 1993–2012.

Среди всех умерших мужчин в России и в СФО в последние годы мужчины трудоспособного возраста (15–59 лет) составляют более 80 %. Коэффициенты смертности мужчин этой группы населения в отдельные годы в 3–4 раза превосходят аналогичные показатели у женщин. Возрастные коэффициенты смертности у мужчин трудоспособного возраста также увеличивались, особенно резко с 35 лет. Но особую проблему представляет сверхвысокая смертность мужчин в наиболее активном трудоспособном возрасте 19–39 лет – прежде всего от алкоголизма, наркомании, токсикомании, несчастных случаев, травм, убийств и суицидов.

Высокий уровень смертности привел к интенсивному сокращению показателя ожидаемой продолжительности жизни. Особенно резкое его падение произошло при переходе от 1992 г. к 1993 г. (рис. 11.12). Совершенно очевидна четкая и незамедлительная реакция этого показателя на ухудшение условий существования. Системный кризис 1990-х гг. повлек за собой расширение масштабов и углубление бедности, обнищание государственного здравоохранения, ухудшение санитарно-гигиенической обстановки, рост насильственной смертности, преступности и числа самоубийств. Начиная с 2006 г. ожидаемая продолжительность жизни растет и в 2011 г. по РФ уже превосходит дореформенный уровень 1990 г., а по СФО приближается к нему, разница с данными 1989–1990 гг. составляет 0,7 года.

Ясно, что кризисные явления в обществе оказываются одной из важнейших причин роста смертности, однако не единственной. На их фоне продолжают действовать отрицательные долговременные тенденции: загрязнение окружающей среды, нездоровое питание, ограниченная физическая активность, пренебрежение к своему здоровью, вредные стереотипы поведения и т.д.

Необходимо отметить, что сокращение ожидаемой продолжительности жизни в России происходило на фоне роста аналогичных показа-

Таблица 11.4

Динамика стандартизованных коэффициентов смертности по основным классам причин смерти в СФО (число умерших на 100 тыс. чел. населения, мужчины/женщины)

Причины смерти	1990 г.	2000 г.	2005 г.	2006 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.
Всего умерших от всех причин	1590,0/786,0	2175,2/1081,9	2439,4/1167,1	2187,1/1070,9	2054,7/1013,9	2030,0/989,8	1943,8/949,2	1933,9/931,5	1841,9/893,9
От болезней системы кровообращения	780,7/476,8	977,3/614,2	1159,0/680,7	1042,7/627,8	926,6/597,1	975,4/580,8	925,0/545,3	915,6/524,8	854,8/487,8
От злокачественных новообразований	267,4/127,3	306,6/146,5	303,7/143,5	298,4/142,0	291,8/142,3	298,2/142,5	301,9/145,1	296,0/141,3	292,6/141,6
От внешних причин смерти	254,4/66,0	406,6/108,3	471,8/120,0	411,5/106,0	369,5/94,7	353,5/90,6	326,3/84,3	318,1/83,5	286,6/76,1
От болезней органов дыхания	113,0/29,7	157,6/44,3	166,8/43,5	138,3/36,4	128,0/35,1	128,8/33,7	123,8/34,6	120,8/32,0	117,1/30,8
От болезней органов пищеварения	35,4/20,3	68,0/34,4	96,3/55,5	87,6/50,2	83,5/47,4	83,1/46,9	79,9/44,4	83,4/46,7	79,8/46,6
От паразитарных и инфекционных болезней	26,9/6,9	66,6/14,1	71,2/17,8	62,1/16,0	56,0/15,3	57,0/15,5	55,9/15,6	57,2/16,8	56,3/17,3

Источник: Демографический ежегодник России. М.: Росстат, 1993–2012.

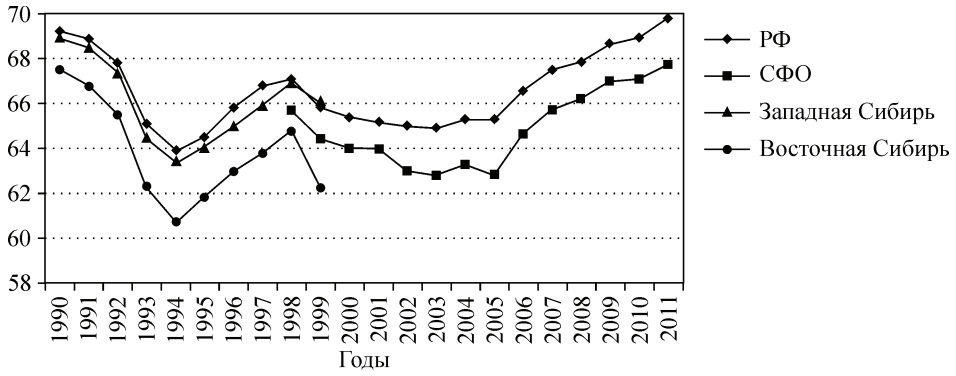


Рис. 11.12. Динамика показателя ожидаемой продолжительности жизни населения России и Сибири, 1990–2011 гг.

Из-за отсутствия данных по ожидаемой продолжительности жизни отдельно для Западной и Восточной Сибири с 2000 г. приводятся данные по Сибирскому федеральному округу.

Источник: Демографический ежегодник России. М.: Росстат, 1993–2012.

телей в экономически развитых странах. В 1992–1993 гг. в США величина этого показателя для мужчин была равна 72,2 года, для женщин – 79,2 года, в большинстве других развитых стран – в границах 72–75 лет и 79–81 год, а в Японии – 76,5 года и 83,1 года для мужчин и женщин соответственно. В последующие годы эти показатели продолжали расти, и к 2005 г. в США составляли 74,9 года для мужчин и 79,9 года для женщин, в Японии к 2008 г. – 79,2 года для мужчин и 86,0 лет для женщин. В России ожидаемая продолжительность жизни в 2009 г. была равна 62,8 года для мужчин и 74,7 года для женщин, а в СФО – 61,0 и 73,2 года соответственно.

Таким образом, несмотря на наметившиеся положительные тенденции увеличения ожидаемой продолжительности жизни в России, она на протяжении длительного периода оставалась ниже дореформенного уровня и даже уровня начала 1960-х гг. То есть почти за полвека не только не было улучшения в этой сфере, но и произошел значительный спад в 1990-е гг., а также сформировались долговременные негативные тенденции, в том числе ухудшение здоровья населения. Все это свидетельствует о снижении качественных характеристик человеческого потенциала нашей страны. Причем более заметно отмеченные тенденции проявляются в СФО.

11.3. СОВРЕМЕННЫЕ РИСКИ В ФОРМИРОВАНИИ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В СИБИРИ

Риски в формировании межрегиональной и внутрирегиональной миграции. Через территорию Сибири проходит вектор главного западного направления современных внутрироссийских миграционных потоков из восточной части страны. При этом кумулятивный результат внутрироссийской миграции здесь незначителен, но миграция на запад из восточ-

ных регионов через Сибирь довольно велика, что позволяет говорить о «промывном» ее режиме. К «лидерам», теряющим население в обмене с западом, относятся Красноярский край и Иркутская область. Однако за счет восточных регионов, отдающих указанным территориям свое население, Иркутская область компенсировала в 1991–2003 гг. почти 50 %, а Красноярский край – 20 % оттока на запад. Западная Сибирь в целом за счет Дальнего Востока возместила 30 % своих потерь миграции в западном направлении.

Значительные изменения за последние 20 лет произошли в структуре, интенсивности и направлении миграционных потоков:

– потоки экономической и так называемой семейной миграции в регионе в связи со сложившейся социально-экономической ситуацией носили затухающий характер;

– более чем в 1,7 раза снизилась в целом величина миграционного оборота;

– при небольшом положительном сальдо миграции в СФО значительно сократилась интенсивность внутрирегиональных перемещений; число выбывших в другие регионы России уменьшилось в 1993–2009 гг. более чем в 2 раза, но к 2011 г. процессы несколько активизировались (рис. 11.13);

– значительно сократилась интенсивность оттока сибиряков в другие страны; если численность выбывших в другие страны из СФО в 1993 г. составляла 29,2 % от общего числа выбывших, то в 2009 г. – только 5,3 %, а в 2011 г. – 29 %;

– Восточная Сибирь теряла население за счет миграции более интенсивно, чем Западная и, таким образом, она в значительно большей степени, чем Западная Сибирь оказывала влияние на складывающиеся отрицательные тенденции в миграционной ситуации в СФО;

– внешняя (внутрироссийская) миграция, много лет служившая важным фактором формирования структуры и источником прироста населения Сибири, становится фактором его убыли.

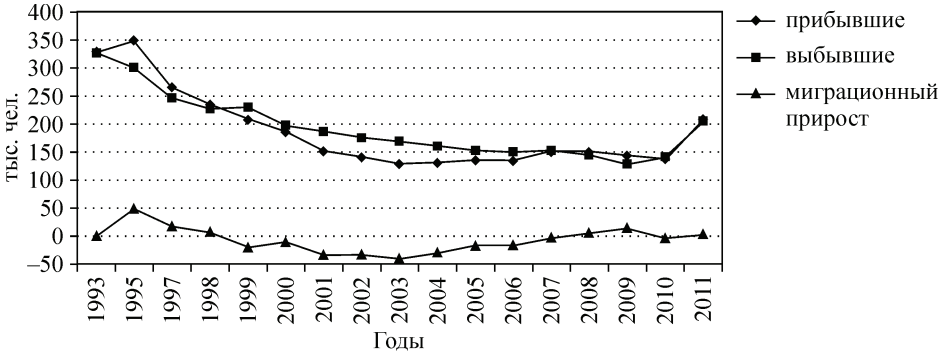


Рис. 11.13. Динамика миграционных составляющих в СФО в 1993–2011 гг.: прибывшие и выбывшие, тыс. чел. (без учета внутрирегиональной миграции)

Источник: Демографический ежегодник России. М.: Росстат, 1994–2012.

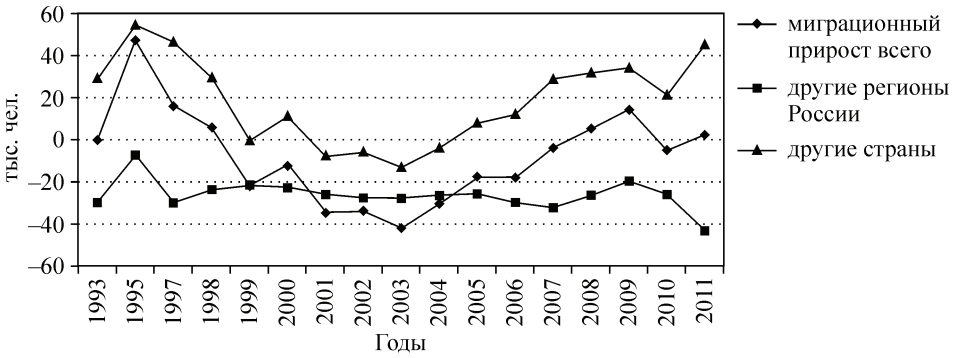


Рис. 11.14. Динамика основных составляющих миграционного прироста в СФО в 1993–2011 гг.: другие регионы России и другие страны, тыс. чел.

Источник: Демографический ежегодник России. М.: Росстат, 1994–2012.

Значительное сокращение роли дальних переселений в СФО, выразившееся в уменьшении миграционного прироста населения из других стран (рис. 11.14), а с 2001 г. – в уменьшении населения за счет данного фактора, с 2005 г. сменилось на противоположную тенденцию. Начиная с этого года, сокращение отрицательного сальдо миграции в СФО, а с 2008 г. выход на небольшое, но положительное сальдо миграции, происходило только за счет миграции из зарубежных стран. Доля межрегиональной миграции в СФО составляла всего 36,6 % (в РФ – 43,4 %), а доминировали внутрирегиональные перемещения – 63,5 % (в РФ – 56,6 %). Одновременно вследствие сокращения демографических ресурсов села, роста цен на городское жилье и неразвитости рынка жилья замедляется экстенсивная урбанизация в виде масштабного сельско-городского перераспределения населения.

Меняются и направления расселения: от заселения восточных территорий страны с осваиваемыми природными ресурсами к переселению в крупные урбанизированные центры. Особенности формирования населения восточных территорий России усугубляют диспропорцию в населенности этих регионов, усиливая процесс депопуляции и снижая демографический и трудовой потенциал этих территорий. За 1990–2012 гг. население Дальневосточного и Сибирского федеральных округов сократилось более чем на 3,6 млн чел. При этом вектор сокращения численности населения в субъектах федерации восточных регионов страны имел четкую направленность с запада на восток: чем ближе территория к восточным рубежам страны, тем интенсивнее в ней происходило сокращение населения.

Уменьшение численности населения порождает геополитическую опасность, угрожает национальной безопасности страны. Обезлюдение обширной и богатой природными ресурсами территории может привести к тому, что другие государства найдут для аннексии десятки аргументов (например: восстановление исторической справедливости, достижение устойчивого планетарного развития, обеспечение глобальной эко-

логической безопасности и другие так называемые «правовые» и «гуманитарные» территориальные притязания). Демографический вакуум может заполняться людскими и экономическими ресурсами из других стран.

Особенно это важно иметь в виду в связи со сложившимися нарастающими потоками в восточные регионы страны трудовой иммиграции титульного населения из сопредельных стран ближнего и дальнего зарубежья. Снижение численности россиян, замещение их мигрантами может привести к существенной деформации этнодемографической и, возможно, этнополитической ситуации в приграничных регионах страны. Кроме того, происходит (особенно после 2004 г.) неэквивалентный миграционный обмен, снижающий качественные характеристики трудоспособного населения: восточные регионы России теряют высококвалифицированных специалистов, а получают население с низким уровнем образования из других стран. Особенно это касается молодежи. Активный отток из России молодых квалифицированных кадров ведет к снижению научного, творческого и культурного потенциалов российского общества и обостряет проблему внешней технологической зависимости России от развитых стран мира.

*Риски в формировании иностранной трудовой миграции**. Наибольшую долю среди иностранных трудовых мигрантов составляли по состоянию на 1 апреля 2009 г. мигранты из Китая – 34 %, Узбекистана – 27,4, Таджикистана – 14,8 и Киргизии – 9,5 %, в сумме – свыше 85 % общей численности всех трудовых мигрантов в СФО (рис. 11.15).

В 2005–2008 гг. трудовую деятельность на законных основаниях осуществляли в СФО около 500 тыс. иностранцев, причем количество трудовых мигрантов к концу периода возросло по сравнению с началом примерно в 4 раза. В качестве мест, предпочтительных для трудоустройства и проживания, иностранные мигранты выбирали такие территории, как Красноярский край, Иркутская, Новосибирская, Кемеровская области, а также Забайкальский край, т.е. крупные промышленные регионы

---

*В анализе этого раздела используются материалы социологических обследований, проведенных авторами в 2002–2007 гг. в городах Западной Сибири (Новосибирске, Карасуке, Бердске, Искитиме, Кемерово, Томске, Омске, Тюмени, Барнауле, Алейске) и в сельских районах Новосибирской области и Алтайского края. Обследование затронуло различные виды иммигрантов (всего свыше 500 чел.): «челноков», мелких торговцев и предпринимателей, строителей и ремонтных рабочих, сельскохозяйственных работников и работников сферы обслуживания. По национальному составу в число респондентов входили как представители ближнего зарубежья (узбеки, таджики, киргизы, казахи, корейцы, уйгуры), так и иммигранты из Восточной и Юго-Восточной Азии (китайцы, корейцы из КНДР, вьетнамцы).

В качестве методов исследования использовались интервью с мигрантом (анкета «Интервью с трудовым мигрантом»), а также полуформализованные интервью с работодателем и экспертом. В состав экспертов входили работники административных служб принимающих мигрантов территорий, в частности: руководители и ответственные работники местной администрации, курирующие вопросы миграции, специалисты территориальных органов Федеральной миграционной службы России, Министерства внутренних дел России, работники служб занятости, а также работники Федеральной пограничной службы России, находящихся на территории областей (города, района).

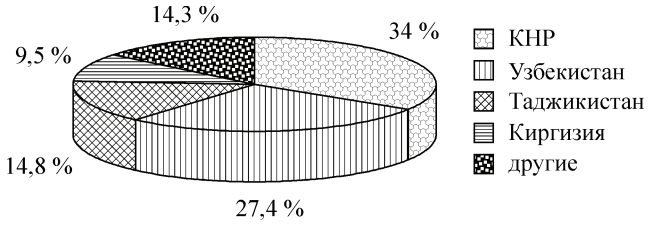


Рис. 11.15. Структура трудовых мигрантов СФО по странам, % от числа работавших в округе (по состоянию на 1 апреля 2009 г.).

Источник: данные УФМС России по Новосибирской области.

с хорошо развитой производственной и социально-бытовой инфраструктурой (рис. 11.16).

Преобладающим видом миграции для стран ближнего зарубежья является трудовая сезонная миграция в теплое время года (весна, лето и ранняя осень) титульного населения из независимых государств Центральной Азии (Узбекистана, Киргизии, Таджикистана, Казахстана), а для дальнего зарубежья (районы Юго-Восточной Азии) – трудовая миграция на продолжительный срок.

Российские регионы для многих мигрантов является привлекательными с точки зрения уровня жизни и возможности получения относительно высоких доходов. Кроме того, ситуация на рынке труда России, в том числе в Сибири, характеризуется устойчивым спросом на иностранную рабочую силу и сохраняющимися возможностями занятости для иммигрантов как в формальном, так и в неформальном секторах экономики. Экономические характеристики, такие как отраслевая структура, возможности для ведения предпринимательской деятельности, развитость и мультимодальность сибирских городов и другие, являются важными факторами при принятии иммигрантами решения о миграции.

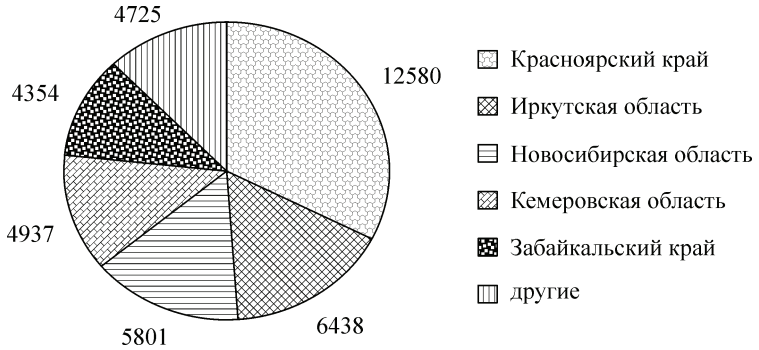


Рис. 11.16. Основные потоки трудовых мигрантов в СФО в 2009 г. (чел.).

Источник: данные УФМС России по Новосибирской области.

Сибирь, занимая пограничное положение по отношению к внешним рубежам России, по степени активности международной трудовой миграции сохраняет одно из ведущих мест в стране. К настоящему времени уже сформировалась определенная практика проникновения и расселения иммигрантов, а также практика экономической интеграции субъектов различных видов миграции. Это, с одной стороны, приводит к формированию новых элементов этнокультурной структуры, созданию определенных ниш занятости на российском рынке труда, а с другой – становится причиной возникновения совершенно новых для Сибири и для России в целом проблем, в том числе проблем этнокультурной безопасности.

В абсолютном большинстве случаев побудительным мотивом иммиграции служит стремление к более высокому уровню доходов. В сознании мигрантов существует устойчивое представление о России как о стране, где можно легко устроиться и «хорошо заработать». Об этом же свидетельствует и тот факт, что 94 % опрошенных мигрантов не предпринимали попыток осуществить трудовую миграцию в другие страны. Территория Сибири является на сегодняшний день неистощимым источником разнообразных возможностей для иммигрантов.

Важным каналом закрепления и адаптации иммигрантов на территории Сибири является студенчество, обучение иностранных студентов в сибирских вузах. За время учебы молодежь осваивает русский язык, постепенно привыкает к новым условиям жизни, определяется с местом жизни и работы на будущее. Часто такие молодые люди после окончания высшего учебного заведения остаются в Сибири, организуют собственный бизнес либо приезжают на заработки в Россию через несколько лет. Другим важным каналом закрепления иностранцев в России, по оценкам экспертов, являются землячества. Так, в г. Барнауле сформированы очень активные узбекское и вьетнамское землячества, в г. Новосибирске самым крупным из всех землячеств является китайское. Почти во всех областных центрах Западной Сибири созданы армянские и азербайджанские землячества. Вокруг землячеств формируются национальные диаспоры, оказывающие значительную помощь своим землякам в обустройстве и поиске работы на новом месте. Землячества являются также важным информационным каналом, накапливающим опыт по обустройству и адаптации мигрантов. Помощью землячества активно пользуется и молодежь, прибывшая на обучение в Россию.

Как отмечают эксперты из региональных административных структур, занимающихся вопросами иммиграции, иностранные мигранты из Средней Азии в обследуемых городах занимают определенные, невостребованные россиянами ниши на рынке труда и не составляют им конкуренции. Они выполняют тяжелую физическую, в основном сезонную, работу по выращиванию овощей (сельскохозяйственные работники) и проведению ремонтных работ (строители), на которую «не пойдет ни один россиянин», и формируют специфическую нишу низкооплачиваемых рабочих мест. Привлечение их на действующей правовой основе

для такого вида работ большинство экспертов считают положительным явлением. Среди достоинств использования таких работников в сельском хозяйстве называют возможность передачи их опыта по выращиванию отдельных овощных и бахчевых культур, обеспечение населения доступной по цене продукцией, пополнение бюджета. Между тем эксперты отмечают, что иностранные мигранты из ближнего зарубежья не являются носителями высокой культуры, достаточно замкнуты, боятся отстаивать свои интересы и формируют диаспоры, «закрытые для контактов с россиянами».

В отличие от мигрантов из ближнего зарубежья, китайские мигранты, имея часто высокие профессиональные характеристики, в будущем могут составлять значительную конкуренцию отечественной рабочей силе. В связи с этим проблема приема мигрантов из Китая стоит особенно остро.

Отсутствие ярко выраженной антипатии и дискриминации в отношении трудовых мигрантов из Центральной и Юго-Восточной Азии эксперты объясняют тем, что они не создают конкуренцию на российском рынке труда. Это следствие занятости в мало престижных, но очень трудоемких отраслях, где местное население не стремится работать. То есть мигранты не влияют на рост числа безработных среди местного населения.

Миграция способствует увеличению рабочей силы и производства продукции. Трудовые мигранты из числа квалифицированных иностранных работников дают возможность использовать их образовательный потенциал без затрат на подготовку, а привлечение малообразованной, неквалифицированной рабочей силы создает для местного населения возможность заниматься более квалифицированным трудом.

Негативные стороны иммиграции собственно в трудовой сфере, по мнению экспертов, состоят в том, что при высоком потенциале активности иностранных рабочих часто отсутствует социальная возможность ее реализации; происходит переквалификация, обучение новой профессии, что часто не соответствует интересам и уровню образования мигрантов, удовлетворяя лишь запросы рынка труда; поэтому имеет место частая смена рабочих мест и видов выполняемых работ.

За время работы иммигрантов в городах Сибири в последние годы вырисовываются определенные «трудовые ниши», которые занимают мигранты разных национальностей на сибирском рынке труда. И если строительно-ремонтные работы и торговля – это виды трудовой деятельности, которые пользуются спросом среди мигрантов всех национальностей, то сфера общественного питания интересует китайцев, корейцев и узбеков, а сельскохозяйственная деятельность (овощеводство) – китайцев и узбеков.

Очень часто трудовая деятельность мигрантов осуществляется с нарушением законов. Особенно это характерно для иммиграции 2002–2004 гг. Более трети опрошенных в этот период работали на основании лишь устной договоренности с работодателем. Несмотря на то, что немногие мигранты (17,4 %) указывают, что работают по официальному

договору или трудовому соглашению, в законности и юридической силе таких документов можно усомниться. Половине из них (49 %) работодатель не предоставляет никаких гарантий, для остальных наиболее распространенным социальным благом, предоставляемым работодателем, является бесплатное жилье – преимущественно на месте работы, где они работают и в ночное время, являясь бесплатными сторожами.

Говоря в целом о последствиях миграции иностранной рабочей силы, можно выделить по результатам исследования две группы последствий, оказывающих положительное и отрицательное влияние на развитие экономики и состояние региональных рынков труда. Среди положительных явлений следует отметить: появление дополнительной рабочей силы на региональном рынке труда; заполнение невостребованных россиянами низкодоходных ниш занятости; омоложение демографической структуры трудоспособного населения; создание дополнительных рабочих мест для россиян; обмен культурными ценностями, национальными традициями, расширение возможностей передачи профессионального опыта; обеспечение определенных групп населения соответствующей их семейным бюджетам продукцией; пополнение регионального бюджета. К отрицательным последствиям иммиграции следует отнести утечку капиталов; демпинг на рынках труда, услуг и потребительских товаров; развитие теневых сегментов экономики и угнетающее воздействие на развитие легкой промышленности региона; усиление стихийности рынков труда, жилья и потребительских товаров; слабую социокультурную интегрированность мигрантов в принимающее общество, их отчужденность и замкнутость; массовые экономические правонарушения (уход от уплаты налогов, контрабанда, распространение системы подставных лиц и фирм-однодневок для жульнических бартерных схем во внешнеторговых операциях, проведение незаконных финансовых операций и т.д.); усиление коррупции чиновников.

К настоящему времени трудно дать объективную оценку, какая из представленных двух групп влияния иммиграции является доминирующей. Слишком сложно соотнести и соразмерить столь разнонаправленные компоненты этих последствий. Тем не менее основной вектор оценки этого явления большинством экспертов ориентирован в положительную сторону.

Однако, выполняя значимые социальные функции, с потоками такой миграции связан и целый ряд рисков, таких как: нарушение этнодемографического баланса территорий вселения, рост межнациональных конфликтов, рост наркомании, этнической преступности, ухудшение санитарно-эпидемиологической ситуации, угроза потери стратегических территорий и т.д. Эти риски часто по своему негативному эффекту перекрывают все преимущества, которые связаны с массовым привлечением мигрантов с целью усиления трудового и демографического потенциалов территорий.

Особенно эти риски усилились во время экономического кризиса в России с конца 2008 г. В условиях сокращения рабочих мест и роста

безработицы* иностранные работники становились конкурентами на рынке труда отечественным работникам. Такая ситуация позволяла работодателям, использующим иностранную рабочую силу, снижать оплату труда до такого уровня, который не являлся приемлемым для россиян. В результате традиционно используемые иностранными работниками ниши труда продолжали заполняться ими же, но уже при конкуренции между самими иностранными мигрантами и при сниженном уровне оплаты труда. Высвободившиеся при этом иностранные работники не имели ни средств, ни возможностей вернуться на Родину и формировали теневой сектор занятости со всеми негативными последствиями, вытекающими из этой ситуации.

Как свидетельствует опыт западных стран, интегрировать мигрантов в социальном, культурном, политическом и правовом пространстве принимающих территорий весьма не просто. С каждым годом в этих странах, с одной стороны, увеличивается число «новых бедных» – представителей незападных культурных моделей, а с другой – усиливается отторжение принимающим обществом иммиграционных общин. В этой ситуации для самих мигрантов их культурная идентичность становится главной опорой их солидарности, и, таким образом, формируются дополнительные стимулы к консервации традиционных культурных моделей, соответствующих им способов социализации, норм поведения и ценностных ориентаций. Это, в свою очередь, воспринимается принимающим обществом как реальная угроза его системе ценностей и его безопасности. Иными словами, люди, проживающие на территории одного государства, могут оказаться настолько разнородными, что потеряют свое единство как общество, перестанут друг друга понимать, не смогут решать какие-либо общие задачи, и тогда возникнет угроза конфликтов, что приведет к ослаблению страны.

Ощущение опасности усиливается вместе с увеличением масштабов иммиграции, в определенный момент иммиграция может достичь такого критического порогового значения, при котором принимающее общество будет не в состоянии обеспечить всестороннюю интеграцию иммигрантов. Неконтролируемая иммиграция может поставить под вопрос то необходимое качество нации, которое называется идентичностью.

Особого внимания в формировании рисков трудовой миграции иностранной рабочей силы заслуживает китайская иммиграция. Факторы, способствующие выталкиванию населения с территории Китая, многочисленны. К ним относятся огромное демографическое давление в КНР, избыточность рынка труда, невозможность обеспечения занятости по месту жительства в условиях, когда ежегодный прирост новой рабочей силы составляет 11–12 млн чел., а армия безработных превышает 100 млн чел.

---

*Если в ноябре 2008 г. уровень безработицы в Сибирском федеральном округе, по данным Росстата, составлял 9,3 % от численности экономически активного населения, то в феврале 2009 г. – 11,8 %.

Значительную роль в формировании китайской иммиграции играли демографический и социально-экономический дисбаланс между Китаем и Россией, а также близость границы России и относительная свобода ее пересечения. При сохранении низкой рождаемости и миграционного оттока населения это может привести в будущем к дальнейшему сокращению численности лиц трудоспособного и репродуктивного возрастов в восточных регионах страны. Все это в условиях низкой плотности населения, слабых коммуникаций, наличия богатых природных ресурсов и трудностей контроля, в том числе политического, обширных территорий при очевидных стратегических интересах в этом районе таких крупных государств, как США, Китай и Япония, порождает геополитическую опасность, грозит национальной безопасности страны.

Масштабный приток в Россию китайских рабочих и предпринимателей оправдывается необходимостью освоения территории Сибири и Дальнего Востока, обеспечения стабильной работы экономики в других регионах. Однако в будущем в связи с этим могут возникнуть следующие реальные угрозы:

1. Сверхинтенсивная хищническая эксплуатация земель, лесов и прочих природных ресурсов, несоблюдение элементарных экологических норм со всеми вытекающими из этого последствиями, что уже и произошло в Китае: истощение плодородных почв, отравление выбросами воздуха и водных источников, что поставило страну на грань экологической катастрофы.

2. Невозможность обеспечить эффективный контроль, особенно в условиях массированного и широкомасштабного внедрения в экономику, в том числе по причине коррумпированности властей, что уже происходит в России.

3. Китайские мигранты, обладая такими профессиональными качествами, как трудолюбие, организованность, скорость и качество работы, неприхотливость, в будущем могут составить значительную конкуренцию отечественной рабочей силе и постепенно вытеснить ее из традиционно занимаемых ниш занятости.

4. Закрепив свои позиции в экономике страны, Китай будет способен оказывать влияние на региональную и, возможно, федеральную власть в своих интересах.

5. В случае возникновения каких-то проблем с китайцами внутри России, в том числе и искусственно созданных третьей заинтересованной стороной (например, непрекращающиеся попытки устроить «столкновение цивилизаций» – столкнуть мусульман с другими народами), придется иметь дело, как показывает исторический опыт, с китайским государством, обладающим самым большим населением в мире, а также мощной экономикой, многочисленной армией и ядерным оружием. В качестве примера можно привести фактор хуацяо в китайско-вьетнамской войне 1979 г. Советско-китайские отношения тоже не всегда были беспроблемными – вспомним их резкое охлаждение во времена Мао Цзэдуна и пограничные конфликты на Дальнем Востоке и в Казахстане в

1969 г., а также решающую роль поддержки Советским Союзом Вьетнама в вышеупомянутой китайско-вьетнамской войне.

Таким образом, существует реальная опасность, что выгоды от международного сотрудничества с Китаем получат отдельные личности или группы, а проблемы встанут перед нашим государством и населением.

Особенно опасно, по нашему мнению, предоставление в долгосрочную аренду крупных земельных участков, тем более что исторические прецеденты уже имеются – это Аляска. В случае нерешенности демографических проблем в России – продолжающейся депопуляции – в будущем может произойти мирное замещение российского населения китайским не только на приграничных территориях страны, но и на Урале, в ЦФО и т.д. с соответствующими последствиями для российской государственности.

Современная проблема «китайской экспансии» обусловлена в том числе относительной слабостью российской экономики и застарелыми социально-демографическими проблемами.

Нужно не ждать иностранных инвесторов, технологий и рабочих рук, а развивать свое производство с широким привлечением россиян, в первую очередь ориентированное на внутренние потребности, которые весьма далеки от удовлетворения. Необходимо осваивать и заселять свою территорию самим, в том числе через бесплатное предоставление больших участков земли под строительство жилья усадебного типа для желающих граждан России. В этом мы видим лучшее средство от всех кризисов. Получается странная ситуация, когда своему населению не дается доступа к пустующим огромным земельным ресурсам, необходимым для развития, и в то же время искусственно создается угроза утраты контроля и потери территорий.

Кроме того, глобальное изменение климата будет благоприятно для России, особенно для Сибири. Ценнейшими востребованными ресурсами будут чистая вода и качественное продовольствие, поэтому *разумнее сохранить свою землю, которая, по мнению П.А. Столыпина, является "единственным источником нашего благосостояния" и "залогом нашей силы в будущем"*, ценность которой возрастет многократно, для своих, а не чужих потомков.*

Подводя итоги сказанному, необходимо отметить, что демографический кризис в России связан с наличием серьезных кризисных явлений в обществе. Именно они обусловливают низкий уровень здоровья, высокий уровень смертности, ухудшение количественных и качественных характеристик населения, его демографического и трудового потенциала.

В восточных регионах России на протяжении длительного времени складывалась весьма негативная демографическая ситуация, она гораздо

---

*Из речи П.А. Столыпина в Государственной думе по проекту закона «О земле» (5 декабря 1908 г.) // Государственная дума. Третий созыв, сессия вторая, 1908–1909 гг.: стеногр. отчет. СПб., 1909. Ч. 1. С. 2279–2284.

худшая, чем в «застойные» 1980-е гг.: рождаемость – низкая и далекая даже от уровня простого воспроизводства, а показатели смертности были зачастую хуже, чем в начале 1960-х гг. Все это привело к значительному сокращению численности россиян. Более того, сформировались долговременные негативные тенденции, в том числе ухудшение здоровья населения, включая репродуктивное. Поэтому чем дольше будет затягиваться решение демографических проблем, тем труднее будет добиться положительных результатов. Если меры не будут приняты, то, даже без учета многих других негативных факторов, только в результате старения населения показатели рождаемости, смертности и состояния здоровья населения могут в дальнейшем еще более ухудшиться. Негативное воздействие депопуляции пока не проявляется в полной мере вследствие относительно высокой доли лиц фертильного возраста.

Изменения последнего десятилетия XX в. оказали существенное влияние на снижение демографического и трудового потенциала восточных регионов России и будут иметь долговременные как демографические, так и социально-экономические последствия. Наиболее значимые из них проявлялись в таких характеристиках воспроизводства и формирования населения, как:

– сокращение численности населения (сохранение продолжительного во времени отрицательного естественного прироста) – депопуляция;

– нарушение половозрастной структуры населения, в том числе гендерная асимметрия в составе населения;

– старение населения и рост демографической нагрузки на экономически активное население;

– снижение качества человеческих ресурсов за счет роста заболеваемости;

– нарушение семейной структуры населения.

Как показывают расчеты предположительной численности населения, выполненные Государственным комитетом РФ по статистике для субъектов Российской Федерации, в будущем, если не принимать никаких мер, сохранится отрицательный естественный прирост населения, уменьшится доля детей и увеличится доля лиц пенсионного возраста в общей структуре населения регионов Сибири.

В структуре населения трудоспособного возраста СФО в ближайшее десятилетие произойдет значительно меньшее сокращение численности населения в связи с тем, что до 2007 г. численность населения трудоспособного возраста росла, продолжая тенденции прошлых лет, за счет пополнения численности молодого населения, вступающего в трудоспособный возраст. Однако после 2007 г. эта когорта населения начала активно сокращаться не только по регионам Сибири, но и в основной части субъектов РФ, а дефицит трудовых ресурсов в России в ближайшем будущем станет главным лимитирующим фактором развития восточных регионов страны.

Необходимо подчеркнуть, что при прогнозируемом снижении численности и плотности населения в такой огромной стране, как Россия, в том числе и в Сибири, населения совершенно недостаточно не только

для того, чтобы освоить собственное геополитическое пространство, но даже для того, чтобы удержать его в будущем. Особенно это важно в связи со сложившейся в последние годы иммиграционной ситуацией в восточных регионах России, а также с учетом близости к нам стран, являющихся основными поставщиками мигрантов.

Основной стратегией демографического развития Сибирского федерального округа должно стать *формирование предпосылок улучшения демографической ситуации, ориентированной на рост численности населения с использованием при этом как воспроизводственных (связанных с ростом рождаемости и сокращением смертности населения), так и миграционных компонентов.* Решение демографических проблем на территории СФО должно стать не только региональной, но и государственной задачей, а активная социально-демографическая политика на этой территории рассматриваться как важнейшее условие экономической и политической безопасности России.

Органам государственной власти как на федеральном, региональном, так и на муниципальном уровнях необходимо решить ряд взаимосвязанных стратегических задач, основными из которых являются:

– формирование условий, обеспечивающих устойчивое воспроизводство качественного демографического и трудового потенциала как в районах исторически сложившейся хозяйственной деятельности регионов Сибири, так и в районах нового хозяйственного освоения;

– обеспечение трудовыми ресурсами инвестиционных проектов и производственных секторов всех широтных зон хозяйственного освоения в соответствии со стратегией развития Сибири;

– привлечение и закрепление населения на территории Сибири, сохранение и укрепление опорной структуры поселений вдоль северной и юго-восточной границ Российской Федерации, увеличение не только их количества, но и численности проживающего здесь населения.

Решение этих задач потребует формирования новой демографической и миграционной политики, а также новой политики расселения.

Глава 12

РЕПРОДУКТИВНОЕ ЗДОРОВЬЕ КАК ВАЖНЕЙШАЯ КАЧЕСТВЕННАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ВОСПРОИЗВОДСТВА НАСЕЛЕНИЯ

В прошлые годы значительный вклад репродуктивного здоровья в воспроизводство населения преднамеренно затушевывался в основном из-за интимности проблем репродуктивного поведения, а также в связи с социальными и культурными барьерами в большинстве цивилизованных стран, которые препятствовали открытому обсуждению этого вопроса. Но ситуация меняется. Теперь всем нужно открыто признать, что достижение высокого уровня репродуктивного здоровья имеет очень большое значение, оно является важнейшей качественной составляющей воспроизводства населения [Биосоциальная природа материнства..., 2007; Каткова, 2002, 2004; Кулаков, 2004; Руководство по охране репродуктивного здоровья, 2001]. Международная конференция по народонаселению и развитию, состоявшаяся в Каире (1994 г.), в итоговой «Программе действий» дала определение, которое в настоящее время является общепризнанным. «Репродуктивное здоровье – это состояние полного физического, умственного и социального благополучия, а не просто отсутствие болезней или недугов во всех вопросах, касающихся репродуктивной системы, ее функций и процессов... Охрана репродуктивного здоровья понимается как сочетание методов, способов и услуг, которые способствуют репродуктивному здоровью и благополучию за счет предупреждения проблем, связанных с репродуктивным здоровьем» [Всемирная организация здравоохранения..., 1998]. Как видно из приведенного определения, репродуктивное здоровье является важнейшей частью популяционного здоровья и качественной характеристикой воспроизводства населения.

Остановимся на некоторых современных представлениях о фундаментальных особенностях репродуктивного здоровья.

Онтогенетический аспект. Здоровье новорожденных в основном зависит от состояния здоровья матери. Вклад репродуктивного компонента в общее здоровье возрастает в подростковом возрасте, для женщин он сохраняет огромную значимость в течение всего репродуктивного периода. В пожилом возрасте превалируют другие характеристики здоровья, хотя события предшествующей репродуктивной жизни продолжают играть существенную роль [Руководство по охране репродуктивного здоровья, 2001].

Информационный аспект. Половое и репродуктивное поведение зависит от совокупности биологических, социальных и психологических

факторов, но возникающие здесь проблемы невозможно решать без доступа населения к соответствующей информации.

Гендерный аспект. Положение девушек и женщин в обществе является определяющим моментом для их репродуктивного здоровья. Эмансипация женщин, возможности получения образования для девушек и женщин влияют на их положение и возможности распоряжаться своей жизнью, здоровьем и фертильностью. Женщины подвержены риску осложнений при беременности и деторождении, небезопасных абортах. На женщин ложится большая часть забот в связи с использованием средств контрацепции, они более, чем мужчины, подвержены инфекциям репродуктивного тракта и чаще страдают от их осложнений. Серьезный ущерб репродуктивному здоровью женщин наносят социальные и экономические проблемы и трудности жизни [Аборт (медико-социальные...), 2003; Биосоциальная природа материнства..., 2007; Руководство по охране репродуктивного здоровья, 2001].

Медико-правовой аспект. Увеличилось число проблем, связанных с насилием против женщин: изнасилования, сексуальные домогательства, насилие в семье, вынужденная проституция. Насильственные действия влекут за собой очень серьезные последствия для здоровья женщин, включая инфекции, передаваемые половым путем, нежелательные беременности. Проблемы насилия особенно обостряются в экстремальных ситуациях (война, крайняя нищета, массовая миграция населения). Продолжающийся финансово-экономический кризис также нужно отнести к факторам усиления риска насилия против женщин.

Программы улучшения репродуктивного здоровья должны включать мероприятия в области планирования семьи, по снижению числа нежелательных беременностей, снижению материнской, перинатальной и младенческой смертности, риска инфицирования болезнями, передаваемыми половым путем, включая ВИЧ/СПИД, профилактику бесплодия, недостаточного питания и анемии, онкологических болезней женских половых органов. Усилия общества, отдельных женщин и мужчин должны быть направлены на создание благоприятной среды обитания, в которой люди могли бы сделать свой собственный выбор в отношении репродуктивной жизни. Как видно, решение задач охраны, укрепления и восстановления репродуктивного здоровья требует комплекса социальных и медицинских мер, разработанных на основе междисциплинарного подхода [Руководство по охране репродуктивного здоровья, 2001; Суханова, 2008].

Приведенное выше определение репродуктивного здоровья, которое в «Программе действий» (Каир, 1994 г.) совпадает с дефиницией ВОЗ, позволяет получить системное представление о данном понятии. При количественном описании разных сторон репродуктивного здоровья требуются операциональные его характеристики [Каткова, 2002; Кулаков, 2004; Руководство по охране репродуктивного здоровья, 2001]. В этот перечень обычно включают заболеваемость, возникшую в период беременности или в предшествующий период, заболевания, передаваемые половым путем (включая ВИЧ/СПИД), заболеваемость злокачествен-

ными новообразованиями женских половых органов, распространенность абортов и контрацептивное поведение, материнскую, перинатальную, младенческую смертность и бесплодие. Все перечисленные операциональные характеристики (показатели) рассматриваются нами в разделе 12.1. В последующих разделах мы уделили внимание проблемам, которые реже оказываются в сфере анализа репродуктивного здоровья, а именно: вредное влияние факторов окружающей среды на репродуктивное здоровье мужчин (разделе 12.2); влияние экологических и производственных факторов на состояние репродуктивной системы женщин (разделе 12.3); потребление табака, алкоголя, наркотиков и репродуктивные потери у женщин (разделе 12.4). В разделе 12.5 особо выделены диоксиновая проблема и репродуктивное здоровье вследствие большой значимости.

12.1. СОЦИАЛЬНО-ГИГИЕНИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РЕПРОДУКТИВНОГО ЗДОРОВЬЯ В СИБИРСКОМ ФЕДЕРАЛЬНОМ ОКРУГЕ (РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ)

В настоящее время все более осознается, что значение здоровья самой женщины, ее адаптационные и иммунно-защитные возможности все более становятся самым слабым звеном, которое может приводить к снижению репродуктивных возможностей и уровня здоровья. При этом ухудшается жизнеспособность поколений на всех этапах онтогенеза. К числу таких неблагоприятных обстоятельств необходимо отнести наличие соматических, инфекционных и гинекологических заболеваний, наличие вредных привычек, недостаточное и несбалансированное питание.

Распространенность болезней, возникших в период беременности или в предшествующий период. У женщин Сибирского федерального округа в последние два десятилетия наблюдается значительный рост числа заболеваний, предшествовавших или возникших во время беременности (табл. 12.1). Наиболее высокий уровень соматической заболеваемости (от всех причин – на 10 тыс. женщин, закончивших беременность) наблюдался в 2010 г. в Алтайском крае и Новосибирской области, где он на 31,5 и 21,1 % выше, чем в среднем по Сибирскому федеральному округу. Самый низкий уровень демонстрирует Республика Тыва. С 2006 по 2010 г. число зарегистрированных заболеваний у женщин более всего возросло в Республике Алтай (в 2,9 раза), в Красноярском крае (в 2,2 раза) и в Республике Бурятия (в 2,1 раза). Самый незначительный рост общего числа заболеваний демонстрируют Алтайский край, Новосибирская область и Республика Хакасия, что необходимо отнести к позитивной характеристике данных территорий. Болезни системы кровообращения имеют самую высокую распространенность (среди женщин, закончивших беременность) в Алтайском крае и Омской области. Весьма низкий уровень распространенности этой патологии наблюдается в Республике Тыва и Республике Хакасия. Величина показателя для Республики Тыва в 7,4 раза ниже, чем в Алтайском крае. Это может свидетельствовать об использовании иных критериев оценки патологии, а также о низком уров-

Таблица 12.1

Зарегистрировано заболеваний, предшествовавших или возникших во время беременности в 2006 и 2010 гг. (на 10 тыс. женщин, закончивших беременность)

Территория	Всего		Болезни системы кровообращения		Болезни мочеполовой системы		Анемия		Сахарный диабет	
	2006 г.	2010 г.	2006 г.	2010 г.	2006 г.	2010 г.	2006 г.	2010 г.	2006 г.	2010 г.
С Ф О	13 957,4	20 884,9	1 354,9	1 460,7	2 228,9	2 220,8	3 900,8	3 812,6	15,7	42,9
Республика Алтай	10 760,1	30 912,8	538,7	1 263,3	1 671,5	1 442,9	6 927,8	5 568,3	8,7	26,5
Республика Бурятия	9 296,6	19 980,4	764,1	930,2	2 302,2	2 525,2	4 189,2	4 549,4	6,1	22,2
Республика Тыва	8 825,7	15 537,0	376,6	438,3	1 769,1	2 114,3	4 254,5	4 259,1	10,8	8,7
Республика Хакасия	14 542,2	19 281,0	333,2	406,7	3 411,5	1 844,7	3 324,2	2 800,9	4,9	20,6
Алтайский край	25 510,0	27 466,6	2 867,7	3 010,6	2 647,1	2 528,4	4 771,2	4 354,6	40,7	95,7
Забайкальский »	11 563,1	16 446,9	648,3	954,3	2 004,1	2 463,8	3 408,0	3 238,0	6,0	24,2
Красноярский »	9 800,9	21 915,1	717,3	1 272,1	1 205,6	1 730,9	3 029,3	3 664,1	11,4	35,5
Иркутская область	10 314,6	15 778,2	1 809,8	851,2	2 147,9	2 000,2	3 547,6	3 324,2	21,0	72,4
Кемеровская »	12 523,9	19 093,0	1 128,0	1 380,3	1 492,7	1 494,9	4 514,5	4 321,0	7,3	18,5
Новосибирская »	21 177,8	25 294,5	1 458,2	1 614,5	4 012,1	3 526,5	3 714,4	3 473,0	18,1	52,8
Омская »	10 467,1	17 409,7	1 482,7	1 686,5	1 962,4	1 904,0	3 557,1	3 451,7	6,7	18,3
Томская »	13 311,2	21 906,4	1 561,9	1 335,9	2 259,6	2 221,4	4 057,5	3 641,3	27,2	40,8

Источники данных: 1) Основные показатели здоровья населения и здравоохранения Сибирского федерального округа в 2007 году. Новосибирск, 2008. С. 130; 2) Основные показатели здоровья населения и здравоохранения Сибирского федерального округа в 2011 году. Новосибирск, 2012. С. 202.

не профессиональной подготовки медицинского персонала в Республике Тыва. С 2006 по 2010 г. распространенность болезней системы кровообращения наиболее значительно увеличилась в Республике Алтай (в 2,3 раза), Красноярском крае (на 77,3 %), Забайкальском крае (на 47,2 %). В Сибирском федеральном округе имеются два региона, где за изучаемый период распространенность болезней системы кровообращения сократилась: в Иркутской области (в 2 раза) и Томской области (на 14,5 %).

Очень высокий уровень анемии отмечен в Республике Алтай и Республике Бурятия, он превышает средний уровень по Сибирскому федеральному округу на 46,0 и 19,3 % соответственно. В Республике Алтай 55,7 % беременных страдают анемией, что является недопустимо высоким уровнем распространенности данной патологии. Распространенность сахарного диабета растет практически повсеместно на территории Сибири. С 2006 по 2010 г. этот показатель по Сибирскому федеральному округу увеличился в 2,7 раза. Еще большее увеличение произошло в Республике Хакасия (в 4,2 раза), Забайкальском крае (в 4,0 раза) и Республике Бурятия (в 3,6 раза). Самый высокий уровень заболеваемости сахарным диабетом демонстрируют Алтайский край, Иркутская и Новосибирская области. Требуется тщательное изучение факторов и причин, определяющих различия в уровнях соматической патологии в период беременности, для обоснования стратегии охраны здоровья женщин как в рамках Сибирского федерального округа, так и на отдельных территориях. Различные виды патологии беременности и родов становятся факторами, которые в значительной мере усугубляют неблагоприятные тенденции рождаемости. Это возникает в том числе из-за страха осложнений при родах и трудностях в получении высококвалифицированной помощи для многих категорий женщин.

Инфекции, передаваемые половым путем. За последние годы произошел громадный рост распространенности инфекций, передаваемых половым путем (ИППП). Это связано с возрастающей миграцией населения, урбанизацией, изменением полового поведения молодежи, проституцией. Еще недавно к заболеваниям данной категории относили пять классов венерических болезней – гонорею, сифилис, шанкроид (мягкий шанкр), венерическую лимфогранулему и паховую гранулему. С началом «сексуальной революции» (П. Сорокин) количество ИППП значительно возросло в основном за счет выявления с помощью сложных эпидемиологических и диагностических процедур новых свойств уже известных инфекционных агентов.

В настоящее время в России за год регистрируется более 1 млн заболеваний, передаваемых половым путем. Наивысшие уровни отмечены по заболеваемости трихомониазом, которые остаются неизменными на протяжении последних лет. Заболеваемость сифилисом проявляет тенденцию к снижению, но уровень распространенности еще очень высок. Отмечается значительный рост врожденного сифилиса. Из территорий Сибирского федерального округа наивысший уровень распространенности заболеваний, передаваемых половым путем, имеют Республики Тыва и Хакасия. С 2006 по 2008 г. число зарегистрированных больных с впер-

вые установленным диагнозом сифилис в РФ снизилось с 65,2 до 59,9 (на 100 тыс. чел. населения), в Сибирском федеральном округе показатель немного увеличился (с 98,6 до 101,4), превысив общероссийский уровень в 1,7 раза. Наиболее высокие уровни значения данного показателя отмечены в Республике Тыва (488,4), Республике Хакасия (191,9), Республике Алтай (166,6). К территориям с низким числом впервые зарегистрированных больных сифилисом относятся Омская, Новосибирская и Томская области, а также Красноярский край. Здесь величина показателя ниже, чем в среднем по Сибирскому федеральному округу. Важными факторами, препятствующими первичной профилактике данных заболеваний, являются бедность, депривация, безработица, снижение духовного и нравственного уровня у людей, широкая коммерциализация сферы интимных услуг [Каткова, 2002, 2004]. Продолжающийся финансово-экономический кризис только усугубляет перечисленные проблемы.

Одной из значимых проблем, оказывающих влияние на здоровье женщин и детей, является эпидемия ВИЧ-инфекции. Она существенным образом влияет на перинатальную и младенческую смертность, мертворождаемость, заболеваемость детей и материнскую смертность. Рост числа случаев ВИЧ-инфекции у женщин (преимущественно детородного возраста) и возрастающее значение гетеросексуального пути передачи инфекта способствуют распространению этой патологии среди беременных. В Российской Федерации до 1996 г. на 100 тыс. тестированных беременных ВИЧ-инфекция выявлялась с частотой 0,1–0,2. К 2002 г. этот показатель достиг максимального значения – 119,2. В 2003–2008 гг. частота составляла несколько меньшую величину – в пределах 105,6–116,3. С 2004 по 2008 г. в РФ ежегодно регистрировалось от 11 до 14 тыс. случаев заболевания ВИЧ-инфекцией у беременных. Темп роста составил 130 %, наибольший рост числа случаев отмечался в СФО (169 %). Увеличивается и число детей, имевших контакт с ВИЧ-инфекцией в перинатальном периоде.

В соответствии с Декларацией ООН (2001 г.) о борьбе с ВИЧ/СПИД в странах, которые поражены ВИЧ-инфекцией, планировалось к 2010 г. на 50 % сократить долю детей, перинатально пораженных данным инфектом. Для этого предполагалось 80 % ВИЧ-позитивных беременных, имеющих доступ к медицинским услугам, повсеместно обеспечить информацией, консультированием, антиретровирусными препаратами (АРВП) для профилактики вертикальной передачи инфекции (от матери к ребенку) и лечения. В Дублинской декларации (2004 г.) была поставлена еще более высокая цель: практически устранить ВИЧ-инфекцию у детей грудного и раннего возраста к 2010 г. Иными словами, была поставлена цель: снизить долю ВИЧ-инфицированных детей, рожденных ВИЧ-позитивными женщинами, до 2 %. Всемирной Организацией Здравоохранения для всех стран были определены конкретные методы эффективной профилактики перинатальной передачи ВИЧ-инфекции, а именно: 1) комбинированное назначение АРВП во время беременности, в родах и ребенку после рождения; 2) мониторинг эффективности химио-

профилактики; 3) контроль приверженности к приему лекарств; 4) проведение кесарева сечения, которое снижает риск инфицирования ребенка; 5) исключение грудного вскармливания (замена питания ребенка на искусственные молочные смеси).

В РФ только во второй половине 2005 г. было начато внедрение стандартов по профилактике передачи ВИЧ-инфекции от матери ребенку (Приказ Минздравсоцразвития России от 30.05.2005 №375). Трехэтапной антиретровирусной терапией (женщина во время беременности, в родах и ребенок после рождения) в РФ было охвачено 80,5 % беременных только к 2008 г. По Сибирскому федеральному округу этот показатель составлял всего 75,3 %. В дальнейшем требуется продуманная и более четкая регламентация видов и объемов помощи ВИЧ-инфицированным беременным, контроль качества профилактики и лечения. Для сокращения распространенности ВИЧ/СПИД среди населения РФ необходима активная профилактика данной патологии, построенная на межсекторальном принципе деятельности, где медицинская составляющая является только небольшой частью усилий всех граждан, общества и государства.

Заболеваемость злокачественными новообразованиями женской репродуктивной сферы. В условиях снижения уровня репродуктивного здоровья обнаружен высокий уровень онкологических заболеваний репродуктивной системы женщин (табл. 12.2). Наибольший показатель в 2010 г. найден в Новосибирской области (1313,6 на 100 тыс. женского населения), несколько ниже он в Забайкальском и Алтайском краях. Заболеваемость в Новосибирской области на 18,2 % выше, чем в среднем по Сибирскому федеральному округу. Наименьшие уровни заболеваемости зарегистрированы в Республике Тыва, Республике Алтай, Республике Бурятия. В Республике Тыва заболеваемость злокачественными новообразованиями женских половых органов в 2,4 раза ниже, чем в Новосибирской области.

Растет заболеваемость раком молочной железы. Это происходит на фоне значительного сокращения рождаемости. В связи с этим можно предположить, что уменьшение числа рождений у женщины негативно сказывается на ее физиолого-иммунологическом статусе и при дополнительных факторах риска (психологический стресс, психическая дезадаптация) определяет высокие уровни возникновения рака молочной железы. Об этом же свидетельствует низкий уровень распространенности злокачественных новообразований молочной железы в Республике Тыва (195,8 на 100 тыс. женского населения), Республике Алтай (310,4), Республике Бурятия (422,2). Распространенность этой патологии в Республике Тыва в 3,7 раза ниже, чем в Новосибирской области (730,0). Известно, что уровень рождаемости в этой республике достаточно высок, нетто-коэффициент воспроизводства больше 1,0, часто встречаются многодетные семьи (особенно в сельской местности).

В РФ показатель заболеваемости раком шейки матки имеет стойкую тенденцию к снижению. В Сибирском федеральном округе с 2006 по 2010 г. данный показатель практически не изменился. Динамика по

Таблица 12.2

Заболеваемость злокачественными новообразованиями женских половых органов (на 100 тыс. женского населения)

Территория	Заболеваемость									
	всего		молочной железы		шейки матки		тела матки		яичников	
	2006 г.	2010 г.	2006 г.	2010 г.	2006 г.	2010 г.	2006 г.	2010 г.	2006 г.	2010 г.
С Ф О	991,3	1111,1	511,9	583,0	220,6	220,2	171,4	203,0	87,5	104,9
Республика Алтай	671,6	723,7	296,7	310,4	238,1	250,9	76,3	98,4	60,5	64,1
Республика Бурятия	725,8	828,5	360,0	422,2	203,1	211,2	95,6	110,1	66,5	85,0
Республика Тыва	376,8	455,8	167,2	195,8	135,2	168,3	32,6	41,3	41,8	50,3
Республика Хакасия	849,1	987,5	414,5	508,5	219,8	219,2	106,6	139,8	108,3	120,0
Алтайский край	1006,9	1164,3	485,9	584,2	234,7	244,8	192,7	228,6	93,6	106,6
Забайкальский »	1089,5	1164,5	472,0	523,1	415,3	404,2	132,7	138,3	69,5	98,9
Красноярский »	918,3	1130,7	466,1	592,2	201,7	221,7	164,8	209,0	85,7	107,8
Иркутская область	988,6	1092,5	524,2	588,7	208,9	205,3	160,2	183,4	95,3	115,1
Кемеровская »	1058,6	1098,3	542,0	578,9	212,7	189,0	203,2	222,2	100,8	108,1
Новосибирская »	1136,0	1313,6	610,9	730,0	194,9	194,1	230,2	274,1	100,0	115,4
Омская »	1021,1	1055,8	606,6	574,0	196,9	190,6	149,7	192,6	67,9	98,5
Томская »	1001,7	1178,9	523,0	632,8	233,7	236,9	170,8	219,4	74,3	89,88

Источники данных: 1) Основные показатели здоровья населения и здравоохранения Сибирского федерального округа в 2007 году. С. 127, 128; 2) Основные показатели здоровья населения и здравоохранения Сибирского федерального округа в 2011 году. С. 198, 200.

отдельным территориям за этот период разнонаправленная. Есть группа территорий, где заболеваемость раком шейки матки снизилась (Кемеровская и Омская области, Забайкальский край). Имеются территории, которые демонстрируют рост заболеваемости (Республика Тыва, Республика Алтай и Красноярский край). Остальные территории можно объединить в группу, где заболеваемость раком шейки матки не изменилась. Это объясняется проведением более частых осмотров женщин акушерами-гинекологами. Однако эксперты отмечают, что показатели выявления злокачественных новообразований при профилактических осмотрах пока неадекватны современным возможностям медицины и свидетельствуют о настоятельной необходимости проведения специальных скрининговых программ. Такие программы давно и успешно используются на практике во многих странах мира.

Распространенность абортов и контрацептивное поведение. Искусственное прерывание нежелательной беременности является весьма значимым медико-социальным фактором, который необходимо расценивать как риск для репродуктивного здоровья женщины. Всемирная Организация Здравоохранения определяет аборт как прерывание беременности (т.е. самопроизвольное изгнание или извлечение эмбриона/плода) в период до 22 недель беременности или до достижения плодом массы 500 г. Далее термин может уточняться в зависимости от причины аборта. Самопроизвольный аборт (выкидыш) расценивается как преднамеренное (вызванное или индуцированное) прерывание беременности. Искусственный аборт подразделяется на прерывание беременности, разрешенное законом, и на криминальный, преступный аборт, произведенный вне лечебного учреждения. Необходимо отметить, что термин «медицинский аборт» должен относиться к прерыванию беременности, произведенному по медицинским показаниям. Это означает, что продолжение беременности угрожает жизни или здоровью женщины, либо имеется нежизнеспособный плод, либо обнаружены генетически обусловленные аномалии его развития. На практике же этот термин часто относят ко всем абортам, разрешенным законом.

В современных условиях остро стоит вопрос о сокращении репродуктивных потерь за счет абортов [Аборт (медико-социальные...), 2003; Руководство по охране репродуктивного..., 2001]. В России благодаря росту общей культуры населения, деятельности государственных и общественных организаций отмечается благоприятная тенденция снижения абортов. Динамика распространенности абортов для всех федеральных округов однонаправленная, везде наблюдается снижение показателя. В Сибирском федеральном округе за 2005–2010 гг. распространенность абортов сократилась на 20,6 %. Имеется несколько территорий, где убыль абортов была весьма значительной: Омская область (сокращение на 35,0 %), Республика Тыва (32,3), Томская область (27,7 %). В 2010 г. самые высокие уровни распространенности абортов были в Республике Алтай (55,3 на 1000 женщин фертильного возраста) и Республике Тыва (49,0). За этот же период произошли позитивные сдвиги в соотношении числа абортов на 100 родов (табл. 12.3). В целом по Сибирскому феде-

Таблица 12.3

Аборты по регионам СФО (на 1000 женщин фертильного возраста) в 2005 и 2010 гг.

Территория	2005 г.			2010 г.			Сокращение, %
	Число абортов	Число родившихся	Число абортов на 100 родов	Число абортов	Число родившихся	Число абортов на 100 родов	
СФО	257 202	224 272	114,7	193 361	272 469	71,0	38,1
Республика Алтай	3 744	3 502	106,9	3 161	4 266	74,1	30,7
Республика Бурятия	12 703	13 551	93,7	9 363	16 729	56,0	40,3
Республика Тыва	5 065	5 979	84,7	4 622	8 242	56,1	33,8
Республика Хакасия	7 046	6 198	113,7	6 032	8 062	74,8	34,2
Алтайский край	22 987	26 395	87,1	18 585	30 906	60,1	31,0
Забайкальский »	13 883	15 327	90,6	11 154	17 816	62,6	30,9
Красноярский »	42 434	31 534	134,6	30 161	38 150	79,1	41,2
Иркутская область	34 809	30 266	115,0	26 143	38 073	68,7	40,3
Кемеровская »	35 095	30 862	113,7	30 323	37 599	80,6	29,1
Новосибирская »	43 713	28 269	154,6	30 820	34 249	90,0	41,8
Омская »	20 060	21 282	94,3	12 188	25 639	47,5	49,6
Томская »	15 663	11 107	141,0	10 809	13 738	78,7	44,2

Источники данных: 1) Основные показатели здоровья населения и здравоохранения Сибирского федерального округа в 2007 году. С. 136; 2) Основные показатели здоровья населения и здравоохранения Сибирского федерального округа в 2011 году. С. 72.

ральному округу этот показатель уменьшился с 114,7 до 71,0 (или на 38,1 %). Наиболее значительные изменения произошли в Омской области (сокращение числа абортов на 100 родов с 94,3 до 47,5, или на 49,6 %). Новосибирская и Томская области также демонстрируют успехи в избавлении от архаичных традиций репродуктивного поведения (сокращение числа абортов на 41,8 и 44,2 %). Необходимо отметить, что в Новосибирской области сохраняется самый высокий уровень соотношения числа абортов и родов, который почти в 2 раза выше, чем в соседней Омской области.

Одной из важнейших причин нереализованной потребности рождения детей в отдельных группах населения еще длительно будут оставаться последствия абортов (из-за большого числа осложнений, приводящих к бесплодию). Согласно экспертным оценкам акушеров-гинекологов, демографов и специалистов по социальной гигиене, при условии полного устранения осложнений после абортов современная семья в каждом третьем-четвертом случае могла бы фактически достичь желаемого числа детей [Аборт (медико-социальные...), 2003; Каткова, 2002, 2004].

Возможность контроля деторождения имеет для человека большую ценность, которая реализуется с учетом религиозных, правовых, политических и иных ограничений. Использование контрацепции по-разному воспринимается и регулируется в разных культурах и конфессиональных сообществах.

В настоящее время к наиболее эффективным и распространенным методам регуляции рождаемости относится гормональная контрацепция.

Внедрение ее в клиническую практику стало возможным с 1960 г. и связано с именем американского ученого Грегори Пинкуса (1903–1967), который показал, что гормональные контрацептивные препараты подавляют овуляцию на 100 %. Многочисленные последующие исследования подтвердили, что при постоянном врачебном контроле риск для здоровья женщин является минимальным. Гормональная контрацепция обладает выраженными лечебными свойствами. Она бывает особенно полезна при эндометриозе, миоме матки, дисфункциональных маточных кровотечениях, гиперпластических и предраковых процессах эндометрия и молочных желез.

Одним из основных направлений в развитии проблемы гормональной контрацепции за последние десятилетия было уменьшение количества гормонов во всех вновь синтезируемых препаратах (как эстрогенного, так и гестагенного компонентов). Такое изменение гормональных компонентов обеспечивает как сохранение высокого контрацептивного эффекта, так и хорошую переносимость препаратов, уменьшает их побочное действие.

В Сибирском федеральном округе за 2004–2009 гг. доля женщин фертильного возраста, использующих пероральную гормональную контрацепцию (ПГК), увеличилась с 11,7 до 15,2 %. Среди территорий СФО высокая доля женщин с ПГК наблюдается в Алтайском крае (24,0 %), Омской области (18,8) и Забайкальском крае (17,3 %). За указанный период оставалась низкой доля женщин с ПГК в Республике Тыва (1,3–6,2 %), Республике Бурятия (4,7–7,6 %), Республике Хакасия (5,2–7,7 %). Уровень, превышающий средний по Сибирскому федеральному округу, наблюдался в Омской, Томской, Кемеровской областях, Алтайском и Красноярском краях. Доля женщин, использующих внутриматочные контрацептивные средства (ВМС), в целом по СФО несколько снизилась (с 19,9 до 18,6 %). Использование ВМС широко практикуется женщинами фертильного возраста в Республике Алтай (46,6 %), Республике Бурятия (27,9 %), Алтайском крае (38,5 %) и Омской области (23,5 %). Доля женщин, использующих ПГК и ВМС, самая низкая в Новосибирской и Иркутской областях.

Наиболее эффективным способом профилактики абортов является использование современных контрацептивных средств. Широкий охват женщин фертильного возраста этим способом предупреждения беременности приводит к снижению распространенности абортов. Проведенный анализ показывает, что невысокий уровень использования ПГК и ВМС в Новосибирской области ведет к недопустимо высокому числу абортов на 100 родов (90,0). Это наихудший показатель в Сибирском федеральном округе.

Материнская, перинатальная и младенческая смертность. Материнская смертность – один из основных критериев качества и уровня организации работы учреждений родовспоможения, эффективности внедрения научных достижений в практику здравоохранения. Но большинство специалистов рассматривают этот показатель шире, считая материнскую смертность интегрирующим показателем здоровья женщин репродуктив-

ного возраста. В таком взгляде на данную проблему отражается популяционный итог взаимодействия экономических, экологических, культурных, социально-гигиенических и медико-организационных факторов [Кулаков, 2004; Руководство по охране репродуктивного..., 2001]. Основными факторами, влияющими на уровень материнских потерь, являются состояние здоровья женщин до и во время беременности, своевременность и качество оказания медицинской помощи, а также отношение женщин и семьи к ее здоровью и здоровью будущего ребенка [Андрюшина, 2003; Гребешева, 2000; Каткова, 2002; Кулаков, 2004; Руководство по охране репродуктивного..., 2001].

Материнская смертность в РФ за 2000–2010 гг. сократилась с 39,7 до 16,5 (на 100 тыс. детей, родившихся живыми). Несмотря на относительно стабильное снижение числа случаев материнской смертности, различие этого показателя у жительниц города и села увеличивается. Эта неблагоприятная ситуация указывает на необходимость большей доступности качественной акушерско-гинекологической помощи жительницам села. Абсолютное число случаев внематочной беременности ежегодно увеличивается. Каждая четвертая женщина с этой патологией поступает в стационар позже 24 ч от начала заболевания, и эта доля также увеличивается в последние годы. В подавляющем большинстве случаев причиной смерти явилась декомпенсированная кровопотеря.

Данные о снижении показателя материнской смертности в Сибирском федеральном округе представлены за 2000–2010 гг. в табл. 12.4. Как

Таблица 12.4

Материнская смертность* в субъектах РФ за 2000–2010 гг. (на 100 тыс. детей, родившихся живыми)

Территория	2000 г.	2005 г.	2006 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.
Российская Федерация**	39,7	25,4	23,8	22,0	20,7	22,0	16,5
СФО	54,5	35,2	27,3	28,1	20,6	29,6	19,1
Республика Алтай	34,4	0,0	29,5	74,1	0,0	23,3	0,0
Республика Бурятия	94,4	46,3	35,2	52,1	24,4	41,8	18,4
Республика Тыва	123,5	16,6	66,9	52,9	12,7	96,2	35,8
Республика Хакасия	52,3	48,4	46,4	27,3	25,2	49,6	49,9
Алтайский край	36,7	37,6	31,4	31,9	22,8	45,0	29,2
Забайкальский »	86,7	26,2	19,0	6,05	16,9	16,8	0,0
Красноярский »	64,0	28,5	28,3	41,0	29,8	20,8	20,7
Иркутская область	32,8	31,2	17,3	18,6	2,7	18,3	3,0
Кемеровская »	67,5	61,4	31,3	26,3	13,6	21,2	19,2
Новосибирская »	31,4	10,5	14,4	13,4	39,3	23,4	28,6
Омская »	65,3	23,3	23,3	12,7	16	15,6	15,2
Томская »	75,8	63,0	43,0	48,4	30,1	72,8	14,6

* По данным органов управления здравоохранения субъектов РФ.

** По данным Федеральной службы государственной статистики.

Источники данных: 1) Основные показатели здоровья населения и здравоохранения Сибирского федерального округа в 2007 году. С. 135; 2) Основные показатели здоровья населения и здравоохранения Сибирского федерального округа в 2010 году. Новосибирск, 2011. С. 205; 3) Основные показатели здоровья населения и здравоохранения Сибирского федерального округа в 2011 году. С. 207.

видно, за указанный период материнская смертность значительно сократилась в Омской, Томской, Иркутской и Кемеровской областях. Высокий уровень данного показателя отмечен в Республике Хакасия и Республике Тыва. В Красноярском крае за это время он уменьшился в 3 раза. На некоторых территориях Сибирского федерального округа за 2000–2010 гг. практически не наблюдалось сокращения этого показателя. К таким территориям можно отнести Республику Хакасия и Новосибирскую область.

В целом же можно констатировать, что показатель материнской смертности в Сибирском федеральном округе в течение последних десяти лет был нестабильным и изменялся от 54,5 в 2000 г. до 19,1 в 2010 г. Необходимо отметить высокую долю умерших после внематочной беременности и аборта.

Перинатальная смертность характеризует состояние здоровья матери и ребенка, а также качество оказания медицинской помощи матери во время беременности, родов и новорожденному – до родов, в родах и после рождения. По отдельным федеральным округам перинатальная смертность распределена неравномерно, этот показатель выше на востоке страны. В последние годы уровень перинатальной смертности снижается, что свидетельствует о повышении качества ведения беременности и родов. Основными причинами, непосредственно приведшими к смерти плода и новорожденного, являются внутриутробная гипоксия и асфиксия в родах, врожденные аномалии (пороки развития, наследственные болезни и хромосомные нарушения), дыхательные расстройства новорожденного (дистресс), инфекционные болезни, специфичные для перинатального периода, родовая травма. Смертность новорожденных зависит от массы тела при рождении. Несмотря на снижение показателей материнской и перинатальной смертности, ее уровни в РФ в 3,0–3,5 раза выше, чем в экономически развитых странах [Кулаков, 2004; Суханова, 2008].

Перинатальная смертность в РФ снизилась с 10,2 на 1000 родившихся живыми и мертвыми в 2005 г. до 7,37 в 2010 г. в основном за счет ранней неонатальной смертности (табл. 12.5). Уровень перинатальной смертности в Сибирском федеральном округе несколько ниже, чем по РФ. В 2010 г. он составил 7,14 на 1000 родившихся живыми и мертвыми, сократившись с 2005 по 2010 г. на 31,3 %. Это снижение (как и в РФ) произошло в основном вследствие уменьшения ранней неонатальной смертности, которая сократилась на 51,2 %, в то время как мертворождаемость – на 13,0 %.

Уровень перинатальной смертности распределен очень неравномерно по территориям СФО. К территориям с высоким уровнем перинатальной смертности необходимо отнести Республику Алтай, Алтайский и Красноярский края, Омскую и Томскую области. Высокая доля мертворождаемости в общем показателе перинатальных потерь отмечена в Омской области – 68,7 %, и низкий уровень мертворождаемости – в Республике Алтай – 60,4 %.

При анализе перинатальной смертности и оценке уровня здоровья новорожденных необходимо обратить внимание на две весьма важные

Таблица 12.5

Перинатальная смертность и ее компоненты в 2005 и 2010 гг.* (на 1000 родившихся живыми и мертвыми)

Территория	Всего		Мертворождаемость		Ранняя неонатальная смертность	
	2005 г.	2010 г.	2005 г.	2010 г.	2005 г.	2010 г.
Российская Федерация	10,2	7,37	5,7	4,62	4,5	2,75
СФО	10,4	7,14	5,4	4,70	5,0	2,44
Республика Алтай	12,0	11,29	6,4	6,82	5,6	4,47
Республика Бурятия	9,0	6,33	5,1	4,34	3,9	1,99
Республика Тыва	10,8	7,83	5,0	4,46	5,8	3,37
Республика Хакасия	10,2	7,70	4,0	5,34	6,2	2,36
Алтайский край	9,3	8,26	4,4	4,71	4,9	3,55
Забайкальский »	11,7	7,24	6,7	5,60	5,0	1,64
Красноярский »	11,5	8,67	5,9	5,65	5,6	3,02
Иркутская область	9,9	6,65	5,3	4,66	4,6	1,99
Кемеровская »	10,8	6,79	6,0	4,46	4,8	2,33
Новосибирская »	8,2	5,17	4,1	3,44	4,1	1,73
Омская »	11,9	7,51	7,0	5,16	4,9	2,35
Томская »	13,5	5,48	6,2	3,36	7,3	2,12

* По данным Федеральной службы государственной статистики.

Источники данных: 1) Основные показатели здоровья населения и здравоохранения Сибирского федерального округа в 2007 году. С. 50; 2) Основные показатели здоровья населения и здравоохранения Сибирского федерального округа в 2011 году. С. 110.

проблемы. Во-первых, в отечественной медицинской статистике до недавнего времени не было официального учета родившихся плодов 22–27 недель гестации массой тела 500–999 г, а отсутствие строгой фиксации такой информации создает условия для переноса данных о погибших детях с очень низкой массой тела в категорию «пренатальные потери». Фактически это нарушает рекомендации ВОЗ, занижая уровень мертворождаемости и перинатальной смертности. Предполагаемая величина различий может быть двукратной. Верным шагом в сторону исправления данной ситуации является введение в форму № 32 с 2009 г. строки, где фиксируются сведения о потерях плодов весом 500–999 г при сроке гестации 22–27 недель. Во-вторых, на величину перинатальной смертности влияет так называемая отсроченная гибель новорожденных за пределами раннего неонатального периода (0–6 сут.). Эта проблема связана с тем, что благодаря эффективным реанимационным технологиям появились возможности искусственно поддерживать жизненно важные функции ребенка в течение первой недели жизни. Вследствие этого происходит перераспределение умерших детей в более старшую возрастную группу, также не учитываемую в перинатальных потерях.

В соответствии с критериями регистрации рождений, рекомендованными ВОЗ, Минздравсоцразвития России запланирован поэтапный (к 2012 г.) переход субъектов РФ на современные технологии выхаживания детей, родившихся в сроки беременности от 22 недель или с очень низкой и экстремально низкой массой тела (ЭНМТ). Это диктует необ-

ходимость разработки организационно-методических, нормативно-правовых и фундаментальных научных основ для совершенствования оказания помощи по родоразрешению и выхаживанию глубоконедоношенных детей. По мнению большинства отечественных и зарубежных исследователей, выживаемость глубоконедоношенных детей, закономерно возрастая с увеличением срока беременности, в меньшей степени зависит от массы тела. Наличие инфекции достоверно снижает показатели выживаемости. Факторами, позитивно влияющими на прогноз выживаемости детей с экстремально низкой массой тела, большинство специалистов считают возможность проведения антенатальной профилактики респираторного дистресс-синдрома, родоразрешения путем кесарева сечения, антенатальной антибиотикотерапии, способствует снижению частоты внутриутробного сепсиса. Из постнатальных факторов важными являются профилактика респираторного дистресс-синдрома (введение сурфактантов), гипотермии, ацидоза при рождении.

Выживаемость, отдаленные прогнозы развития и показатели здоровья высоконедоношенных детей в катамнезе зависят от условий их выхаживания, которые являются оптимальными в высокоспециализированных клиниках и перинатальных центрах, созданных в экономически развитых странах (США, Канада, Япония, Великобритания, Франция, Германия и др.) еще с начала 1970-х гг. Возможности точного прогнозирования и профилактики неблагоприятных исходов развития детей зависят от знания фундаментальных основ этиологии и механизмов патологических процессов у плода и у новорожденного в неонатальный период. Исследования в этой фундаментальной области клинической медицины и социальной гигиены относятся к дорогостоящим. Однако сопоставление их стоимости, а также затрат на внедрение соответствующих организационных мероприятий с величиной ассигнований на систему специализированных служб для детей-инвалидов свидетельствует об экономической эффективности данного направления.

Таким образом, в современной перинатальной медицине при родоразрешении, реанимации и выхаживании детей с экстремально низкой массой тела проблема качества медицинской помощи и безопасности пациентов неразрывно связана с фундаментальными аспектами клинической и профилактической медицины. Отставание в этой области науки и медицинской практики, а также введение в России с 2012 г. рекомендаций ВОЗ по новым критериям регистрации рождений детей (в сроки беременности от 22 недель) могут привести к значительному росту перинатальных потерь как в Сибири, так и по Российской Федерации в целом.

Младенческая смертность и ее тенденции являются отражением насущных проблем состояния репродуктивного здоровья женщин. Показатель младенческой смертности в РФ снижается, но его значения в сельской местности выше, чем в городских поселениях. Примерно на 70 % младенческая смертность обусловлена состояниями, возникающими в перинатальном периоде, и врожденными пороками развития. В РФ с 2001 по 2010 г. младенческая смертность сократилась на 51,0 % – с 14,7 до 7,5 на 1000 родившихся живыми (табл. 12.6).

Таблица 12.6

Смертность детей в возрасте до 1 года в 2001–2010 гг. (на 1000 родившихся)

Территория	2001 г.	2005 г.	2006 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.
Российская Федерация	14,7	10,97	10,22	9,35	8,52	8,1	7,5
СФО	17,0	12,26	11,40	10,46	9,14	9,1	8,4
Республика Алтай	20,5	14,27	15,27	14,06	11,36	9,5	9,5
Республика Бурятия	18,9	12,79	12,48	11,39	8,63	9,0	7,2
Республика Тыва	28,4	19,28	15,11	16,31	13,24	16,1	13,0
Республика Хакасия	21,5	17,45	15,61	13,54	11,51	8,2	8,5
Алтайский край	13,6	11,54	11,15	10,17	9,10	9,0	9,4
Забайкальский »	21,1	10,26	10,22	8,55	8,69	6,6	7,4
Красноярский »	20,6	13,92	12,93	12,01	9,70	10,4	9,2
Иркутская область	16,9	12,49	11,76	10,73	9,35	10,1	9,8
Кемеровская »	15,2	11,69	10,31	9,43	8,66	8,4	8,3
Новосибирская »	14,8	10,84	9,61	8,59	7,77	8,5	7,4
Омская »	13,0	9,86	8,84	9,07	7,80	7,0	6,5
Томская »	16,6	13,33	13,82	11,13	10,91	10,4	6,5

* По данным Федеральной службы государственной статистики.

Источники данных: 1) Основные показатели здоровья населения и здравоохранения Сибирского федерального округа в 2007 году. С. 47; 2) Основные показатели здоровья населения и здравоохранения Сибирского федерального округа в 2011 году. С. 103.

В Сибирском федеральном округе уменьшение показателя было столь же внушительным (на 49,4 % – с 17,0 до 8,4). Наиболее низкий уровень младенческой смертности в 2010 г. отмечен в Томской и Омской областях (6,5 на 1000 родившихся живыми). Несколько выше он был в Республике Бурятия (7,2), Новосибирской области (7,4) и Забайкальском крае (7,4). Необходимо отметить, что показатель младенческой смертности в 2010 г. стал выше, чем в предыдущем на некоторых территориях. Он увеличился в Алтайском крае (на 0,4), Республике Хакасия (на 0,3) и Забайкальском крае (на 0,8). Неустойчивость снижения показателя и даже его рост на отдельных территориях свидетельствуют о включении ряда негативных факторов, влияющих на младенческую смертность (часть из них обсуждается ниже).

Проблема младенческой смертности за последние годы приобрела особую актуальность, что связано с кризисной ситуацией в демографической сфере. Младенческая смертность имеет большое как социально-экономическое, так и медицинское значение. Потери жизни в младенческом возрасте весьма сильно сказываются на уровне ожидаемой продолжительности жизни. С медицинской точки зрения, это один из индикаторов эффективности и качества оказания медицинской и медико-социальной помощи матерям, детям, семьям. Снижению младенческой смертности в регионах препятствует недостаточное обеспечение ряда территорий РФ медикаментами и расходными материалами, лечебной и диагностической аппаратурой, особенно для новорожденных. Современные перинатальные технологии медленно внедряются в деятельность родовспомогательных учреждений. В связи с отсутствием или неисправ-

ностью необходимого оборудования имеются пробелы в организации и оказании реанимационной помощи новорожденным. Отмечается обратная зависимость показателя младенческой смертности от уровня образования матери. Кроме того, в настоящее время можно предполагать нарушение долговременной динамики младенческой смертности в связи с более интенсивным включением в деторождение маргинальных групп женщин (медико-социальный эффект мер под названием «материнский капитал»). Так, уже в 2007 г. увеличилось число родившихся доношенных детей с синдромом задержки внутриутробного развития, что может быть результатом включения в процесс деторождения новой, качественно иной группы женщин, который ведет к трансформации социальной структуры рожениц [Суханова, 2008]. А это, как известно, существенно влияет на динамику всех репродуктивных показателей [Андрюшина, 2003; Каткова, 2002, 2004].

Бесплодие и инновационные технологии репродуктивной медицины. Важнейшей характеристикой проблем качества и потенциала репродуктивного здоровья является проблема бесплодия в браке. В настоящее время в РФ имеется около 5 млн супружеских пар, страдающих бесплодием [Каткова, 2004; Кулаков, 2004]. Частота бесплодных браков в России превышает 15 %, этот уровень, по данным ВОЗ, является критическим для благоприятного развития воспроизводства населения. При изучении особенностей распространенности данной патологии обнаружено, что вторичное бесплодие преобладает над первичным [Каткова, 2004]. Основными факторами риска по развитию бесплодия у женщин следует считать работу на промышленных предприятиях, связанную с вредными факторами, нарушение менструальной функции, искусственные аборты, внематочную беременность, заболевания, передающиеся половым путем, использование внутриматочной контрацепции, послеродовые и послеабортные осложнения воспалительного характера, оперативные вмешательства в брюшную полость по гинекологическим показаниям, патологию иммунной системы, миому матки, синдром поликистозных яичников и другие состояния [Каткова, 2004; Кулаков, 2004; Радзинский, 2006; Руководство по охране репродуктивного здоровья, 2001; Чен, 2006]. У мужчин к бесплодию могут привести некоторые эндокринные расстройства, инфекции, передающиеся половым путем, обструктивная и необструктивная азооспермия, генетические заболевания, анатомические особенности яичек и семявыносящего протока [Руководство по охране репродуктивного..., 2001; Чен, 2006].

Использование методов экстракорпорального оплодотворения (ЭКО), методов переноса эмбриона, внутриматочной инсеминации в значительной части случаев способствует рождению здоровых детей [Кулаков, 2004; Руководство по охране репродуктивного..., 2001; Чен, 2006]. Серьезной проблемой здесь являются повторные имплантационные неудачи. Причинами таких неудач могут быть генетические аномалии, патология иммунной системы, полости матки и маточных труб, аномалии спермы, тромбофилия [Радзинский, 2006; Чен, 2006]. Для успеха ЭКО самый важный фактор – качество эмбрионов. Эмбрионы со структурны-

ми хромосомными аберрациями (транслокации, инверсии, анеуплодии) часто не способны к имплантации. Большое значение в возникновении хромосомных аномалий играет возраст женщин. У женщин в возрасте 25–34 года частота аномальных эмбрионов в программе ЭКО составляет 39 %, в то время как в 42–44 года она достигает 61 % [Радзинский, 2006]. Бесплодие является тяжелым состоянием, нарушающим психологическую адаптацию человека и влияющим на его здоровье и качество жизни [Биосоциальная природа материнства..., 2007; Руководство по охране репродуктивного..., 2001; Чен, 2006].

Таким образом, проблемы охраны репродуктивного здоровья в условиях высокого уровня смертности и депопуляции, которые наблюдаются в России уже два десятилетия, приобретают высокую медико-социальную значимость. Остается высокой общесоматическая заболеваемость женщин наиболее распространенными видами патологии – болезнями системы кровообращения, новообразованиями, болезнями органов дыхания и пищеварения. Необходимо отметить два положительных явления в оценке репродуктивного здоровья – снижение перинатальной и младенческой смертности. Бесплодие в браке является актуальной проблемой репродуктивного здоровья.

12.2. ИЗМЕНЕНИЯ РЕПРОДУКТИВНОЙ СИСТЕМЫ У МУЖЧИН, ВЫЗЫВАЕМЫЕ ДЕЙСТВИЕМ АНТРОПОГЕННЫХ ФАКТОРОВ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ

Необходимость контролировать опасные для человека химические вещества встречает повсеместное понимание, а принимаемые меры касаются как лекарственных средств, так и продуктов питания, продуктов химического производства, используемых в быту, сельскохозяйственном производстве и промышленности. Для всех групп химических веществ разрабатываются методы оценки границ безопасного воздействия. При установлении таких границ исходят из оценки риска воздействия на здоровье человека. Необходимо признать, что научные методы оценки риска для человека, в том числе для репродуктивной функции, находятся пока в стадии начального развития, хотя сложность возникающих здесь задач непрерывно возрастает. Одной из самых трудных из них является оценка вредного воздействия на человека комплекса химических факторов. Токсикология человека (некоторые исследователи рассматривают ее как раздел экологической токсикологии) базируется на эпидемиологических исследованиях и более многочисленных экспериментальных работах на биологических моделях (различные виды животных, клетки in vitro, микроорганизмы). При изучении влияния антропогенных факторов окружающей среды на репродуктивную систему мужчин необходимо обратить особое внимание на следующие вопросы: 1) факторы внешней среды и профессиональные вредности, потенциально опасные для репродуктивной системы мужчин; 2) фертильность спермы человека.

Факторы внешней среды и профессиональные вредности, потенциально опасные для репродуктивной системы мужчин. Данные об основных

факторах окружающей среды, влияющих на репродуктивную систему у мужчин, были получены в результате обобщения наблюдений за животными в естественной среде обитания, в экспериментальных исследованиях на различных биологических моделях, а также за счет анализа случаев патологии у человека, выполненных в клинических условиях. Таким образом была выделена группа факторов, представляющих наибольшую опасность для репродуктивной системы. Эти факторы могут оказывать как прямое, так и опосредованное воздействие. Первое характерно для агентов, способных преодолевать защитные барьеры и непосредственно воздействовать на клетки и органы. Наиболее яркий тому пример – действие ионизирующей радиации. Другие факторы (например, химические), помимо непосредственного воздействия, могут оказывать влияние на органы репродуктивной системы и опосредованно – через нейроэндокринные регулирующие механизмы.

Гормоноподобные ксенобиотики играют особую роль в нарушениях репродуктивной функции. Это объясняется их способностью связываться со специфическими рецепторами половых стероидов клеточных мембран и существенно модифицировать функцию органа-мишени.

Ионизирующая радиация. Ионизирующее излучение оказалось лучше всего изученным и первым фактором, о котором стало известно как об агенте, влияющем на сперматогенез у человека. Уже в середине XX в. были проведены детальные исследования и получена отчетливая зависимость повреждений зародышевых клеток и скорости их репарации от дозы облучения. Была показана наибольшая чувствительность пролифирирующих сперматогониев, т. е. самых незрелых клеток в сперматогенезе. В зародышевых клетках, выживших после облучения, наблюдалось повреждение хромосом. Такие данные были получены при обследовании лиц, подвергшихся случайному, связанному с атомными испытаниями, профессиональному или лечебному воздействию ионизирующей радиации. У ликвидаторов последствий Чернобыльской катастрофы находили снижение подвижности сперматозоидов и их ультраструктурные нарушения. Облучение мужчин, проживающих близ ядерных производств, приводит к возрастанию случаев лейкоза среди их детей. Продолжают сохраняться опасения относительно действия малых доз облучения. Показана достоверная связь между частотой мертворождений и суммарной дозой облучения, полученной до зачатия отцами, занятыми на ядерном производстве в Селлафильде (Великобритания).

Пестициды. Как известно, пестициды – это химические соединения, используемые для борьбы с вредными организмами, которые повреждают растения, вызывают порчу сельскохозяйственной продукции, материалов, изделий, а также для борьбы с паразитами и переносчиками заболеваний у человека и животных. Группа нематоцидов (средство борьбы с нематодами) всегда привлекала внимание фермеров, так как нематоды обладают способностью истощать почву и повреждать корни растений. Типичным летучим нематоцидным средством, очищающим почву от нематод, является 1,2-дибром-3-хлорпропан (ДБХП), который способен полностью освободить почву от паразитов. В 1970-х гг. этот

химический препарат широко использовался для борьбы с вредителями на банановых и других плантациях. У рабочих таких плантаций в США и Израиле после непродолжительного контакта с ДБХП было обнаружено бесплодие. Восстановление сперматогенеза наблюдалось лишь у некоторых из серьезно пострадавших лиц. У остальных повреждение оказалось необратимым. ДБХП был не первым веществом с доказанным воздействием на мужскую фертильность, но его эффект проявлялся настолько резко и быстро, что это химическое соединение стало классическим примером влияния вредного профессионального фактора на репродуктивную систему мужчин. Обследование рабочих, контактировавших с ДБХП, выявило уменьшение количества стволовых сперматогенных клеток, дегенерацию сперматогоний, снижение числа сперматозоидов в эякуляте, падение их подвижности и увеличение количества морфологически аномальных форм. К настоящему времени накоплены данные о негативном влиянии других пестицидов на репродуктивную систему. ДДТ и его метаболиты связываются с андрогенными рецепторами мембраны клеток, что позволяет им активно конкурировать с тестостероном, ингибировать транскрипцию соответствующих генов и вызывать нарушения в деятельности как в нейроэндокринном звене, так и на уровне половой железы. Многие другие пестициды (дильрин, эндрин, кепон, мирекс, токсафен, гексахлорциклогексаген, метоксихлор, эндосульфан) обладают гормоноподобными эффектами, что весьма неблагоприятно для репродуктивной функции мужчин. Эти вещества необходимо рассматривать как эндокринные деструкторы [Быков, 2000; Никитин, 2008, 2009].

Металлы. О связи бесплодия с воздействием на организм мужчин тяжелых металлов (свинца, ртути, кадмия) имеется множество данных в научных публикациях. Наиболее убедительные сведения касаются свинца. При высоких его концентрациях в сыворотке крови отмечается дисфункция половых желез у мужчин. Мероприятия промышленной гигиены, а также запреты на производство свинцовых красителей, труб и содержащего свинец бензина привели к тому, что уровень содержания этого металла во внешней среде снизился и больше не представляет опаснсти для репродуктивной функции мужчин. Менее убедительны данные, свидетельствующие о связи нарушений сперматогенеза с повышением содержания кадмия в семенной жидкости или с отравлением ртутью у рабочих аккумуляторных производств.

Диоксины, полихлорированные бифенилы и бифураны. Эти вещества относятся к сложным хлорорганическим соединениям и широко распространены в окружающей среде. Они оказывают токсическое воздействие на репродуктивную систему, обладают тератогенным действием, а также слабой гормональной активностью – эстрогенной, антиэстрогенной и антиандрогенной. В качестве общего названия веществ, обладающих «псевдогормональной» активностью, применяют термин антигормоны, гормоноподобные ксенобиотики или эндокринные деструкторы [Быков, 2000; Никитин, 2008]. Пренатальное воздействие эндокринных деструкторов тормозит развитие тестис плода, приводя в дальнейшем к

снижению продукции сперматозоидов и нарушению мужской фертильности. Эти вещества путем торможения секреции гипофизарного фолликулостимулирующего гормона или за счет прямого действия угнетают пролиферацию клеток Сертоли, снижая, таким образом, их окончательное количество. Такой характер воздействия уменьшает количество клеток зародышевого ряда.

Курение. Табачный дым содержит множество вредных веществ, в том числе токсичных для репродуктивной системы (например, акролеин). Влияние курения изучалось во многих исследованиях. Большинство из них свидетельствуют о некотором снижении продукции и подвижности сперматозоидов у курильщиков. Имеются данные о вредном действии курения на ДНК сперматозоидов. Наблюдаются изменения хроматина сперматозоидов и даже хроматина тканей эмбрионов. Потенциальная опасность курения в качестве причины наследственных аномалий не вызывает сомнений.

Факторы диеты, алкоголь, наркотики. Многие компоненты диеты влияют на репродуктивную систему, отчасти это может быть связано с торможением секреции гипофизарных гормонов. Можно считать, что сперматогенез человека устойчив к колебаниям диеты, за исключением весьма резких ее нарушений. Чрезмерное потребление алкоголя повреждает репродуктивную систему не только косвенно (вследствие хронического поражения печени и дефицита пищи), но и непосредственно. Нарастающая концентрация этанола в головном мозгу у хронических алкоголиков ведет к изменениям деятельности гипоталамо-гипофизарной системы. Начальным этапом является специфическая перестройка функциональной активности моноаминэргических систем гипоталамуса. В результате нарушается гипоталамо-гипофизарное взаимодействие, происходит дезинтеграция нейроэндокринной регуляции, нарастают изменения в функционировании гонад. Этанол легко преодолевает гематотестикулярный барьер. Прямое воздействие на тестис проявляется в цитотоксическом эффекте – происходит повреждение сперматогенных клеток (преимущественно сперматоцитов). Выявить влияние наркотиков на сперматогенез весьма затруднительно, так как вредное влияние на данный процесс имеют и другие сопутствующие факторы и условия (социально-экономический статус, особенности питания, пристрастие к курению, алкоголю). Установлено, что потребление марихуаны, кокаина, героина, барбитуратов угнетает секрецию гонадотропных гормонов, в результате чего снижается фертильность и наступает бесплодие. У мужчин под влиянием тетрагидроканнобиона (психоактивного компонента марихуаны) происходит падение уровня тестостерона в плазме крови и снижение концентрация сперматозоидов в эякуляте.

Электромагнитное (неионизирующее) излучение. В настоящее время еще нет полного понимания механизма влияния электромагнитных полей на живые системы. Считается, что их неблагоприятное воздействие может быть связано с поглощением тканями потока энергии. Вследствие этого повышается температура, но не равномерно, а локально – в пер-

вую очередь энергия поглощается на уровне клеточных мембран. У мужчин, длительно работавших на СВЧ-аппаратуре, наблюдается увеличение в эякуляте количества аномальных и малоподвижных форм сперматозоидов, что сопровождается снижением фертильности. В семьях мужчин, длительно работавших на электрооборудовании мощностью более 400 кВт, рождались маловесные дети и происходил сдвиг соотношения полов рождающихся детей в сторону девочек. Согласно эпидемиологическим исследованиям, впервые выполненным в США, лейкемия и злокачественные опухоли других локализаций (в том числе у потомства) чаще отмечаются в группах лиц, постоянно контактирующих с источниками электромагнитного излучения (трансформаторные и радиолокационные станции, радарные установки), а также постоянно проживающих вблизи мощных источников электромагнитных полей. Основываясь на этих и других аналогичных фактах, Международное агентство по исследованию рака в 2002 г. включило электромагнитные поля в класс канцерогенных факторов [Никитин, 2008].

Высокая температура. Данный фактор является одним из наиболее известных среди повреждающих сперматогенез. В экспериментах на биологических моделях даже кратковременное воздействие высокой температуры заметно снижает выработку сперматозоидов и фертильность. У человека продукция сперматозоидов при местном нагревании мошонки также снижалась. Эти данные были получены при экспериментах по поиску способа контрацепции у мужчин. Отмечалось вредное влияние на мужскую половую систему перегрева у рабочих керамической промышленности и у сварщиков. Аналогичный эффект был обнаружен у водителей, проводящих за рулем более 3 ч в день. Имеются данные, что у шахтеров, работающих в условиях повышенной температуры и влажности, у рабочих пекарен, поваров, плавильщиков, сварщиков отмечается снижение уровня тестостерона в плазме крови, а после заключения браков у их жен позже наступает беременность.

Фертильность спермы человека. К проблеме фертильности спермы человека привлечено большое внимание специалистов по репродуктологии, андрологии, демографии и социологии. Это связано с тем, что в течение длительного времени аксиомой считалось постепенное и повсеместное снижение продукции сперматозоидов у всего мужского населения. Во многом общее мнение специалистов основывалось на данных отдельных лабораторий, полученных при обследовании нескольких тысяч как фертильных, так и инфертильных мужчин.

Особый интерес к проблеме подогрел метаанализ данных ряда исследовательских центров за последние 50–60 лет, выполненный под руководством E. Carlsen [1992]. В данной работе показано, что результаты обследования лиц, не жалующихся на бесплодие, свидетельствуют о снижении количества сперматозоидов в эякуляте за указанный период почти на 50 %. Эта работа привлекла внимание ученых разных специальностей и общественности. Снижение продукции сперматозоидов у мужчин всего мира объясняли возрастающим влиянием на плод эстрогенов, содержащихся во внешней среде, других вредно действующих веществ

как в период эмбрионального развития, так и во взрослом состоянии. Ретроспективные данные за последние 20 лет, полученные в одном из парижских центров репродукции человека, также свидетельствовали о снижении количества сперматозоидов. Аналогичные результаты были получены в Шотландии и Бельгии. Исследования, выполненные в Финляндии, США, во Франции и Австралии, не подтвердили выдвинутую выше гипотезу. Это дало исследователям основание высказать предположение о географических различиях в количестве сперматозоидов у мужчин. Отметим, что исследования домашних животных также не обнаружили тенденции к снижению концентрации семени в эякуляте за последние 60 лет. Многие специалисты обратили внимание на то, что только на основе хорошо организованных проспективных исследований можно разрешить столь сложную и значимую проблему. Результаты метаанализа, выполненного E. Carlsen [1992], признаны методически ошибочными, так как при этом использовались неадекватные линейные модели распределения величин, а все опубликованные данные принимались в анализе за равно значимые, хотя применялись разные методы статистической обработки; кроме того, содержались и другие ошибки, свойственные ретроспективным исследованиям.

Указанные выше обстоятельства заставили S.H. Swan и соавторов [Swan, 1998, 2000] провести повторный анализ данных E. Carlsen. Кроме непосредственного пересчета результатов, они исключили из анализируемого материала малочисленные группы, а также пациентов, обследовавшихся по поводу бесплодия. В их работе изучался также дополнительный материал, накопившийся за последние годы. Результат работы S.H. Swan и соавторов был сенсационным. Все выводы метаанализа E. Carlsen были полностью подтверждены. Более того, было обнаружено увеличение за последние годы скорости снижения количественных и качественных параметров спермы человека.

Представленные данные указывают на важную тенденцию снижения сперматогенеза, что в последние десятилетия отмечается практически повсеместно. Это явление служит индикатором возрастающего воздействия на организм человека вредных факторов окружающей среды. Среди вредно действующих химических соединений особую роль играют гормоноподобные ксенобиотики с эстрогенным или антиандрогенным эффектом. Эти вещества действуют в антенатальном периоде или на организм взрослого человека и нарушают сперматогенез вследствие вмешательства в нейрогормональные механизмы регуляции или путем прямого цитотоксического эффекта. Многие вредные факторы по отдельности оказывают повреждающее влияние на сперматогенез лишь при достаточно высокой интенсивности воздействия. Но при комплексном влиянии и при длительной экспозиции они могут вызывать выраженные, глубокие нарушения. Для разработки эффективных методов защиты от действия неблагоприятных факторов, угнетающих сперматогенез, требуется более детальное понимание механизмов их повреждающего эффекта как при изолированном, так и при комплексном воздействии.

12.3. ВЛИЯНИЕ АНТРОПОГЕННЫХ ФАКТОРОВ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ НА РЕПРОДУКТИВНУЮ ФУНКЦИЮ ЖЕНЩИН

Увеличение продолжительности жизни и отнесение женщиной (или семьей) рождения детей на более поздний период приводит к тому, что материнский организм к моменту желаемого зачатия оказывается подверженным многолетней экспозиции неблагоприятных экологических и производственных факторов. Зависимость здоровья отдельного человека и населения в целом от качества окружающей среды, в том числе производственной, как функция времени становится все более очевидной. В последние годы во многом из-за антропогенного загрязнения окружающей среды к основным показателям состояния здоровья населения (заболеваемость детей и взрослых, инвалидность, смертность и продолжительность жизни) можно отнести и увеличение расстройств репродуктивной системы у женщин. Особенности экологически обусловленных болезней связаны с нарушением взаимосвязи индивидуальных генофенотипических характеристик организма и особенностей среды обитания. Возникновение такой патологии зависит от изменений в регуляции и состоянии жизненно важных физиологических систем на разных уровнях морфофункциональной организации. Для более строгого описания взаимоотношений организма и окружающей среды было введено понятие фактора (или факторов) риска. Под факторами риска понимают совокупность условий, которые допускают вероятность утраты здоровья, ущерб в виде острого или хронического заболевания, инвалидизации и смерти.

В этой связи экологический риск – это допущение вероятности причинения вреда любым объектам природной среды, включая человека, ради достижения какого-либо экономического эффекта. Согласно общепринятому представлению доля экологического риска составляет около 20 % в общей совокупности факторов, негативно действующих на здоровье человека, что можно принять лишь как усредненное значение. Экопатологические эффекты и профессиональные факторы разнообразны по степени выраженности, качественным характеристикам применительно к отдельным органам и системам, а также по общей ответной реакции организма. Если ранее токсикологические исследования были посвящены в основном общетоксикологическому, канцерогенному и тератогенному влиянию химических соединений на организм, то в последнее время изучается воздействие их на конкретные системы, в том числе на репродуктивную систему, на формирование эмбриона и плода.

Экологическая обусловленность репродуктивной функции у женщин (экологическая репродуктология). Среди химических соединений, которые оказывают влияние практически на все показатели репродуктивного здоровья женщин, ведущее место занимают стойкие органические загрязнители (СОЗ), обладающие гормоноподобным действием (гормоноподобные ксенобиотики). В эту группу веществ входят хлорорганические пестициды (в первую очередь ДДТ), полихлорированные бифенилы (ПХБ) и диоксины. Опасность этих химических соединений столь высока, что

в их отношении была принята специальная Стокгольмская конвенция по СОЗ, которую подписали более 100 государств. Конвенция обязывает государства прекратить производство и использование хлорорганических пестицидов и минимизировать поступление в окружающую среду ПХБ, диоксинов, гексахлорбензола. В 11 Конвенции предусматривается необходимость осуществления на национальном и международном уровнях научных исследований по СОЗ, в том числе по оценке их воздействия на различные органы и системы человека, на его здоровье. В настоящее время такие мультицентровые исследования проводятся по оценке содержания диоксинов и ПХБ в грудном молоке женщин различных стран. В России размещено более 100 диоксиноопасных производств и эксплуатируется оборудование, в котором находится более 18 тыс. т масел, содержащих ПХБ. В Республике Башкортостан, в Волгоградской, Иркутской и Кемеровской областях начаты исследования по оценке влияния СОЗ на репродуктивное здоровье. Рассмотрим некоторые эффекты влияния вредных факторов окружающей среды на репродуктивное здоровье женщин.

Трансплацентарное и эмбриотоксическое действие вредных факторов окружающей среды. Вредные факторы окружающей среды способны не только повреждать материнский организм, но и преодолевать плацентарный барьер. Это относится к бластомогенным и канцерогенным соединениям, пестицидам, диоксину, многим тяжелым металлам. Показано, что опасным следствием влияния чужеродных веществ являются эмбриотоксические эффекты. При этом наблюдаются выраженные патологические проявления в плаценте, включая морфологические изменения в мембранных структурах каймы и амниотическом эпителии, некрозы в терминальных ворсинках, снижение ферментативной активности глютатион-трансферазы, которая в значительной степени обеспечивает защитную дезинтоксикационную функцию плаценты [Ершов, 1989; Кирющенко, 1978]. Отмеченные нарушения в плаценте коррелируют с частотой осложнений течения беременности и родов.

Распространенность бесплодия. Среди факторов риска бесплодия можно выделить следующие химические вещества: диоксины, дибромхлорпропан (ДБХП), свинец, сероуглерод, ДДТ, полихлорированные бифенилы, а также ионизирующую радиацию. В России эколого-эпидемиологические исследования воздействия загрязнения окружающей среды на бесплодие проведены в двух городах с повышенным уровнем загрязнения ПХБ (г. Серпухов) и диоксинами (г. Чапаевск). Исследования показали, что по сравнению с контрольной группой населения частота бесплодия среди жителей г. Чапаевска достоверно выше. Клиническое обследование супружеских пар, страдающих бесплодием, подтвердило, что в Чапаевске выше, чем в контрольной группе, частота таких факторов риска, как недостаточность лютеиновой фазы менструального цикла, эндометриоз, идиопатические формы бесплодия. В Серпухове аналитическое эколого-эпидемиологическое исследование выявило, что содержание ПХБ в крови женщин с бесплодием было достоверно выше по сравнению с контрольной группой.

Спонтанные (или самопроизвольные) аборты. Воздействие загрязненной окружающей среды сказывается на всех этапах онтогенеза. Даже незначительные воздействия могут нарушать развитие органов и систем в период эмбрионального развития. Различают ранние (до 12 недель беременности) и поздние (с 13-й по 28-ю неделю беременности) спонтанные аборты. Причинами спонтанных абортов могут быть дисфункции яичников, коры надпочечников, воспалительные заболевания половых органов. Выявлено, что вклад мутационной компоненты в их возникновение в неблагополучных в экологическом отношении городах в 1,2–3,0 раза выше, чем в относительно чистых городах [Ревич, 2001]. Результаты сравнительного анализа распространенности спонтанных абортов в промышленных городах России позволили зарегистрировать их рост в связи с высоким уровнем загрязнения атмосферного воздуха [Ревич, 2000, 2001]. Загрязнение окружающей среды органическими растворителями и тяжелыми металлами также способствует увеличению числа случаев самопроизвольных абортов.

Экологическая обусловленность патологических нарушений состояния плода и новорожденных. В городах, где наблюдается повышенная загрязненность окружающей среды, более часто регистрируются различные проявления неонатальных болезней и патологических изменений у плода. При изучении особенностей протекания беременности и родов у женщин, проживающих на территориях с интенсивным использованием пестицидов, были обнаружены более высокая частота гипотрофии, асфиксии и снижение массы тела при рождении. Развитие патологии плода и внутриутробная задержка его развития объясняются гормоноподобным действием ксенобиотиков, возрастанием уровня ДНК-аддукторов у женщин, проживающих в загрязненных районах. Относительно высокая частота рождения детей с низкой массой тела наблюдается в районах, подверженных загрязнению полихлорированными бифенилами, продуктами сгорания и переработки нефтепродуктов. Данная проблема остро стоит в таких городах Сибири, как Красноярск, Омск, Ангарск, Норильск, Кемерово, Новокузнецк [Ревич, 2000, 2001, 2008].

Влияние производственных факторов на репродуктивную систему женщин. Развитие промышленного производства во всех странах мира сопровождалось широким использованием женской рабочей силы, в том числе на рабочих местах с вредными условиями труда. Согласно данным служб охраны труда США, в конце XX в. 75 % всех работающих американок находились в репродуктивном возрасте, 63 % из них продолжали работать во время беременности, при этом 17 % подвергались на рабочих местах действию факторов с тератогенными свойствами. В России к началу нынешнего века в различных отраслях производства и учреждениях работало 31,4 млн женщин, из них на предприятиях с вредными условиями труда – 6,8 млн. Более чем на 40 % этих предприятий условия труда не соответствовали санитарно-гигиеническим нормативам [Сивочалова, 1999, 2002]. Необходимо отметить, что ПДК вредных веществ для рабочих помещений разрабатывались обычно без учета их влияния на репродуктивную функцию.

Токсиканты со специфическим действием на гонады. Токсикантов, которые имеют специфическое воздействие на гонады (или на систему их регуляции), не так много. К ним можно отнести такие профессионально вредные факторы, как этиленамин, хлоропрен, марганец, винилхлорид, третбутилперацетат, аллил-*а*-аллилоксикарбонилоксиакрилат, фосфат-поли-2-пиридилэтилметакрилат, фенол.

При действии токсикантов наряду с нарушением нейроэндокринной фазы регуляции происходит и прямое токсическое воздействие на гонады. Эти вещества связываются с эстрогенными рецепторами и действуют как агонисты или антагонисты естественных эстрогенов, оказывая влияние на гонадотропин-регулируемый овариальный стероидогенез или фолликулярное созревание. Таким образом пролонгируется фолликулярная фаза эстрального или менструального цикла и возникает атрезия тех фолликулов, которые могли бы овулировать. Например, хлордимеформ и амитраз могут задерживать или блокировать овуляцию, прерывая выброс лютеинезирующего гормона, или нарушать способность созревающих фолликулов отвечать на гонадотропный сигнал.

К химическим веществам, действующим путем метаболической активации и превращения в токсичные метаболиты, относятся ПАУ, циклофосфамид, этанол. К ним же принадлежат и вещества, вызывающие индукцию или ингибицию различных ферментов. Поэтому нарушения функции яичников наблюдаются при изменении активности микросомальных монооксигеназ и трансфераз, которые активно участвуют в метаболизме некоторых химических соединений в яичниках. Химические вещества оказывают также влияние (стимулирующее или угнетающее) на стероидную секрецию и изменение гормонального синтеза. Изменение гормонального баланса наблюдается при воздействии полициклических галогенизированных углеводородов, включая полихлорированные и полибромированные бифенилы.

Значимыми для репродуктивной функции можно считать следующие морфологические изменения в яичниках: 1) увеличение или уменьшение массы яичников; 2) увеличение фолликулярной атрезии и атретических тел; 3) уменьшение числа примордиальных фолликулов; 4) уменьшение числа желтых тел; 5) нарушение фолликулогенеза или лютеинезации – образование кистозных фолликулов, а также отсутствие процесса овуляции.

Некоторые профессиональные вредности и репродуктивная система женщин. Значительная распространенность нарушений менструального цикла отмечается у работниц, занятых в производствах синтетического каучука, капролактама, стирольных и фенолформальдегидных пластических масс, химических волокон, суперфосфатных удобрений. У работниц, занятых в производстве органических соединений (метионин, альтакс, каптакс, сероуглерод, диметиламин), частота расстройства менструального цикла (гиперполименорея, гипоолигоменорея, альгодисменорея) нарастала с увеличением стажа работы. Нарушения менструальной функции под влиянием промышленных токсикантов проявлялись в виде

гиперменструального синдрома, который в последующем сменялся гипоменструальным синдромом. Аменорея и ранний климакс наблюдались под влиянием свинца, ртути, бензола, при контакте с сероуглеродом, фенолом, формальдегидом. Необходимо отметить, что патологические проявления отмечались у женщин и при концентрациях химических веществ, которые не превышали установленные ПДК. Такие явления были обнаружены на производствах, где работницы контактировали со стиролом, фенолом, формальдегидом, сероуглеродом.

Система мать–плацента–плод и производственные факторы. Значительный интерес представляют исследования системы мать–плацента–плод. Химические вещества, поступая в организм женщины, способны не только вызывать изменения плаценты и нарушать развитие плода, но и менять микроэлементарный состав тканей. Так, в плаценте женщин, работающих на разных участках производства фосфорных удобрений, содержание фосфора было превышено в 2,8–6,7 раза. Проницаемость плаценты зависит от общего состояния материнского организма, срока беременности, особенностей молекулярной структуры токсиканта. При морфологическом исследовании последов родильниц, работающих в производствах по переработке пластмасс на основе стирола, обнаружены признаки воспаления. Выявлены признаки перерождения цитотрофобласта, повышенное отложение фибриноида, отек, дистрофические и некротические изменения, характеризующие старение плацентарной ткани. У работниц производства синтетического каучука установлены изменения морфологических параметров плаценты, активация тучных клеток соединительной ткани и рост термостабильной щелочной фосфатазы в плазме крови, что свидетельствует о прямом повреждающем воздействии токсикантов на синцитиотрофобласт. Известно несколько сотен химических веществ, которые способны проникать через плаценту и негативно влиять на развитие плода. Среди клинических проявлений, обусловленных нарушениями структуры и функции плаценты факторами производственной среды, можно выделить несколько основных: 1) высокая частота синдрома задержки развития плода; 2) функциональная незрелость плода и новорожденного; 3) развитие конъюгационной желтухи, требующей коррекции; 4) нарушение нейрогормональной регуляции у новорожденных; 5) нарушения иммунного статуса; 6) морфологические изменения форменных элементов крови.

Итак, влияние токсикантов на систему мать–плацента–плод весьма многообразно, прежде всего это 1) неблагоприятное воздействие токсикантов на организм и избирательная токсичность для разных органов и систем; 2) поражение плаценты токсикантами, изменение ее проницаемости, потеря барьерной функции; 3) свойство токсикантов вызывать хромосомные изменения, а также оказывать эмбриотоксическое и тератогенное действие, которое сопровождается нарушением процесса эмбриогенеза и приводит к возникновению аномалий развития плода.

12.4. РЕПРОДУКТИВНОЕ ЗДОРОВЬЕ И ИНТОКСИКАЦИИ, СВЯЗАННЫЕ С ОСОБЕННОСТЯМИ ОБРАЗА ЖИЗНИ ЖЕНЩИН (ПОТРЕБЛЕНИЕ ТАБАКА, АЛКОГОЛЯ, НАРКОТИКОВ)

В настоящее время специалистами предлагаются различные классификации факторов риска. Одна из общепринятых классификаций основана на выделении главных факторов риска. При болезнях системы кровообращения, например, главными факторами риска являются гиподинамия, избыточная масса тела, несбалансированное питание, артериальная гипертензия, психоэмоциональный стресс, курение, алкоголь. Таких факторов риска немного, но одни и те же отмечаются при многих хронических неэпидемических заболеваниях. Появление этих факторов зависит от поведения, образа и условий жизни людей. Рассмотрим ниже проблемы репродуктивного здоровья в связи с особенностями нездорового образа жизни женщин – потреблением табака, алкоголя, наркотиков. Выделенные характеристики образа жизни правомерно назвать факторами риска для репродуктивной системы женщин.

Потребление табака. Число курящих женщин во всем мире исчисляется десятками миллионов, а с учетом тех, кто пристрастился к другим формам потребления табака, еще больше. До недавнего времени показатели заболеваемости и смертности от болезней, обусловленных курением, среди женщин были значительно ниже, чем среди мужчин. В этой связи возникло даже предположение о большей устойчивости женщин к вредному воздействию табака. Однако сейчас стало совершенно очевидно, что женщины не только подвержены тем же самым болезням, что и мужчины (например, рак легких), но и страдают при этом другими, характерными только для них, заболеваниями.

С курением у женщин связывают множество негативных последствий для репродуктивного здоровья [Женщины и табак, 1994]. Курящие женщины более подвержены инфекциям мочеполовой системы, у них чаще возникает бесплодие. Вероятность патологии зависит от объема потребления табака. Так, у женщин, которые выкуривают более 20 сигарет в день, по сравнению с некурящими в 3 раза больше вероятность зачатия в более отдаленные сроки, в 3 раза больше риск первичной непроходимости маточных труб и повышенный риск внематочной беременности. Частота наступления беременности при использовании методов вспомогательной репродукции (оплодотворение *in vitro*, искусственная инсеминация) значительно ниже как у курящих женщин, так и в тех группах, где курит только отец. При этом у курящих женщин снижена чувствительность эндометрия к действию гормонов. У курящих беременных отмечен рост частоты преждевременных родов, пренатальных и перинатальных потерь. У таких женщин чаще рождаются дети с низкой массой тела, что обычно связывают с гипоксией плода. Известно, что низкий вес при рождении является одной из основных причин перинатальной смертности. Уже накоплено достаточно данных о том, что у лиц, родившихся с низкой массой тела, в дальнейшей жизни чаще наблюда-

ются тяжелые формы гипертонической болезни, атеросклероза и диабета. С курением матери, в том числе и «пассивным», связывают случаи «синдрома внезапной смерти» новорожденных. У детей, рожденных курящими матерями, отмечается нарушение «физиологической асимметрии» левого и правого полушарий головного мозга, что отрицательно отражается на умственных способностях ребенка. Установлено, что нарушения менструального цикла, включая дисменорею, предменструальный синдром, нерегулярность менструаций и вторичную аменорею, связаны с курением. У курящих женщин климакс, как правило, начинается гораздо раньше, чем у некурящих. Курение повышает риск развития болезней, связанных с дефицитом эстрогена (например, постклимактерический остеопороз).

Потребление алкоголя. Пьянство и алкоголизм представляют собой сложную медико-социальную проблему [Лисицын, 1990; Шабанов, 2002]. Противоречивость в толковании терминов, входящих в понятие «алкоголизм», сложность и многосторонность этой проблемы затрудняют выработку четких критериев для разграничения пьянства и алкогольной болезни, заставляют специалистов продолжать поиски диагностических критериев алкоголизма и предлагать новые классификации этого заболевания. Здесь, конечно, необходимо иметь в виду и специфику алкогольной болезни у мужчин и женщин.

Повреждающее действие этанола на эмбрион и плод связано с тем, что этанол легко проникает через плацентарный и гематоэнцефалический барьер, его содержание в крови матери и плода быстро достигает одинакового уровня. Риск возникновения врожденных пороков развития прямо пропорционален дозе употребляемого во время беременности алкоголя. Анализ многочисленных публикаций показывает, что алкогольная интоксикация родителей может влиять на потомство тремя путями: 1) воздействием на половые клетки; 2) воздействием на развивающийся плод; 3) воздействием на постнатальное развитие организма. Важнейшей формой патологии можно назвать особый тип сочетания врожденных дефектов, нарушения физического и умственного развития детей, что в настоящее время описывается как «алкогольный синдром плода» (АСП). Этот синдром еще называют алкогольной эмбриопатией, эмбриофетопатией, фетальным или плодным алкоголизмом. Рождение детей с такой патологией происходит только у больных хроническим алкоголизмом или злоупотребляющих спиртными напитками женщин, которые не прекращали во время беременности систематически принимать алкоголь. В первые дни после рождения у детей с АСП отмечаются тремор, недостаточность дыхания, требующая искусственной вентиляции легких, повышенная раздражительность, гиперрефлексия, плохой сон, затруднения сосания и глотания, моторная дискоординация, гипотония мышц, судороги. Некоторые из этих нарушений являются признаками абстиненции вследствие внезапного лишения новорожденного алкоголя. У таких детей, достигших старшего возраста, многократно возрастает риск развития алкоголизма.

Распространенность АСП тесно связана с частотой женского алкоголизма и неодинакова в различных странах и этнических группах. Данная проблема весьма важна в настоящее время для России. Это связано с тем, что за счет дополнительных выплат при рождении второго и последующих детей (так называемый материнский капитал) в деторождение вовлекаются маргинальные слои женщин, где распространенность алкоголизма и бытового пьянства очень высока. В 2013 г. материнский капитал достиг величины почти 410 тыс. руб. и будет увеличиваться с учетом инфляции в стране. Такая сумма весьма привлекательна для беднейших слоев населения. Как следствие этого социального механизма, в ближайшие годы будет происходить нарастание распространенности патологии в неонатальном периоде, увеличение доли детей, родившихся с низкой массой тела, и других медицинских последствий АСП разной степени выраженности.

Потребление наркотиков. Увеличение потребления наркотиков как среди мужчин, так и среди женщин имеет нарастающее негативное значение для России [Амлаев, 2009; Шабанов, 2002]. Женщины-наркоманки не заботятся о своем здоровье и здоровье будущего ребенка, большинство из них во время беременности не обращаются в женскую консультацию и не находятся под медицинским наблюдением. Дети, перенесшие внутриутробное воздействие наркотиков, имеют большое количество стигм дисэмбриогенеза (малых аномалий развития), почти у половины из них проявляются признаки внутриутробной инфекции, часто встречаются метаболические нарушения и патологическая желтуха. Типичной для новорожденных, родившихся от матерей-наркоманок, является клиническая картина отмены наркотика. Развитие синдрома отмены наблюдается в первые 1–3 дня после рождения и значительно отягощает течение процесса адаптации к внеутробной жизни. Данное состояние требует интенсивной терапии, а в некоторых случаях – реанимационной помощи. Наиболее частыми проявлениями синдрома отмены у новорожденных являются повышенная возбудимость нервной системы, двигательная гиперактивность, высокий мышечный тонус, тремор, нарушения сна. В тяжелых случаях развиваются судороги. Клиника данного синдрома может сохраняться от нескольких дней до нескольких недель. Большинство женщин-наркоманок прекращают кормление грудью еще в родильном доме или в ближайшее время после выписки из него. В тех редких случаях, если женщина продолжает кормить ребенка грудью, но не прекращает при этом потребление наркотиков, воздействие наркотических веществ на ребенка продолжается и после рождения. Это происходит в связи с тем, что наркотики свободно проникают в молоко матери. В таком случае характерным является рецидивирующая клиника синдрома отмены, которая появляется у ребенка одновременно с проявлениями «ломки» у матери. Вероятность возникновения пристрастия к наркотику во взрослом состоянии у лиц, перенесших интоксикацию или синдром отмены в младенческом возрасте, чрезвычайно высока.

12.5. ДИОКСИНЫ И НАРУШЕНИЯ РЕПРОДУКТИВНОЙ ФУНКЦИИ

Действие диоксинов на живые системы столь специфично, что представителей этого класса химических веществ называют суперэкотоксикантами. Многие свойства диоксинов, в первую очередь, их токсикологические особенности, связывают с высокой липофильностью и с исключительно высокой стабильностью в живых системах. Биоконцентрирование осуществляется по пищевым цепочкам, а также путем межфазных переходов из любых сред, в том числе из воздуха, воды и почвы даже в случае их ничтожного содержания в этих средах. Далее большинство полихлорированных дибензо-*п*-диоксинов (ПХДД) и полихлорированных дибензофуранов (ПХДФ) легко поглощаются человеком через желудочно-кишечный тракт и кожу. Диоксиновая проблема чрезвычайно актуальна для многих городов Сибири. Здесь имеются многочисленные химические и иные производства, где используются высокотемпературные технологические процессы. А они, как известно, являются потенциальными источниками загрязнения ПХДД и ПХДФ окружающей среды.

Диоксины чрезвычайно стабильны в живых организмах. Токсикокинетические исследования последних лет показали, что они очень медленно выводятся из живых организмов, в частности, период полувыведения высокотоксичного 2,3,7,8-тетрахлордибензо-*п*-диоксина (2,3,7,8-ТХДД) у человека составляет 5–7 лет. Проявлению высокой токсичности диоксинов, наряду с гидрофобностью и высокой стабильностью, способствует также их высокое сродство к специфическому биологическому рецептору. Первые данные в этом направлении были получены в лаборатории Алана Поланда почти сорок лет назад. В 1973 г. было показано, что 2,3,7,8-ТХДД является самым мощным из известных индукторов микросомной бензпирен-гидроксилазной активности в печени. Уже на первых этапах исследования дозовой зависимости оказалось, что 2,3,7,8-ТХДД – в 30 тыс. раз более активный индуктор бензпирен-гидроксилазной активности и цитохрома Р-448, чем обычный (классический) индуктор 3-метилхолантрен. Столь сильная способность 2,3,7,8-ТХДД вызывать дозозависимую индукцию микросомных монооксигеназ, стереоспецифичность его действия среди сходных галогенированных дибензо-*п*-диоксинов и дибензофуранов, а также тканевая специфичность ферментативной индукции позволили предположить существование специального рецептора на клеточной мембране – места, где связывается индуктор [Диоксины и здоровье человека, 2006; Цырлов, 1990].

По современным представлениям, это цитозольный белок клеток органов-мишеней – так называемый Ah-рецептор (aromatic hydrocarbon-hydroxilase). Его часто называют диоксиновым рецептором. Диоксины и диоксиноподобные соединения обладают исключительно высоким сродством с Ah-рецептором. Это взаимодействие имеет большую длительность и обеспечивает высокую вероятность проявления токсических эффектов. Прочный комплекс диоксина с цитозольным Ah-рецептором, будучи перенесенным в ядро, участвует в активации генов, контролиру-

ющих синтез гемопротеинов. Комплекс диоксина с Ah-рецептором активирует Ah-локус ДНК. В результате индуцируются микросомальные оксидазы, главным образом гидроксилазы ароматических углеводородов, и отдельные формы цитохрома Р-450 (Р-448). Накопление в организме таких гемопротеидов, как цитохром Р-448 или Р-450А1А, считается особенно опасным. Есть еще один негативный эффект действия диоксинов. Индуцированный диоксином цитохром Р-450А1А также оказывается мишенью для его действия, образуя при этом с ним устойчивый комплекс. Этот комплекс обеспечивает включение в клетке механизма трансформации части энергетических ресурсов в процессе одноэлектронного окисления молекулярного кислорода. Данный процесс сопровождается образованием крайне опасных свободных радикалов, накоплением перекиси водорода. Взаимодействуя с фосфолипидами клеточных мембран и субклеточных структур, они активируют пероксидное окисление липидов и другие изменения, аналогичные возникающим при действии ионизирующей радиации. Все эти изменения приводят к резкому снижению концентрации полезных компонентов клеток и тканей – антимутагенных и антиканцерогенных факторов (витаминов А, В, Е, С), простагландинов, некоторых гормонов. В целом же в результате первичного процесса – индукции синтеза цитохрома Р-450А1А – происходит нарушение биохимических и физиологических процессов в самых разных клетках (гепатоцитах, Т-лимфоцитах, эмбриональных клетках, ооцитах и сперматозоидах). Процесс заканчивается лавинообразным старением, гибелью клеток и организма [Диоксины и здоровье человека, 2006; Ившин, 2004; Федоров, 1993; Цырлов, 1990].

Нарушение репродуктивной функции у человека связано, прежде всего, с изменениями в эндокринной регуляции. У человека при высокодозной экспозиции диоксинами, а также у рабочих, занятых в химической промышленности, уровни лютеинезирующего и фолликулстимулирующего гормонов в плазме крови положительно коррелируют с содержанием диоксинов в липидной фракции крови. Содержание тестостерона в плазме крови у таких рабочих имеет тенденцию к снижению при увеличении экспозиции диоксинами. Диоксины и диоксиноподобные ксенобиотики, содержащиеся в грудном молоке, изменяют уровень гормона щитовидной железы у детей. Высокая диоксиновая нагрузка у детей увеличивает уровень тироидстимулирующего гормона и значительно уменьшает уровень свободного тироксина.

Для нормальной деятельности процессов репродукции очень важны синхронность и взаимосвязанность эффектов иммунной системы. Поэтому угнетение тканевого и гуморального иммунитета диоксинами таит большую опасность. Изучение особенностей эмбрионального развития у человека и животных подтверждает, что даже низкоуровневая диоксиновая нагрузка может приводить к появлению опасных патологических изменений в иммунной системе [Диоксины и здоровье человека, 2006; Федоров, 1993]. Диоксины могут проявлять широкий набор иммунотоксических эффектов у плода и новорожденного, включая уменьшение со-

противляемости к инфекциям, супрессию гуморального и клеточно-связанного иммунного ответа. Вследствие высокой уязвимости детей на ранних стадиях становления иммунной системы действие диоксинов при перинатальном воздействии имеет особенно высокий риск для здоровья. Перинатальное воздействие даже фоновых уровней диоксина проявляется в повышенной чувствительности к инфекционным заболеваниям, в развитии аллергических состояний, что связано с нарушением иммунного ответа новорожденного [Диоксины и здоровье человека, 2006; Федоров, 1993; Цырлов, 1990].

Не обладая генотоксическим действием, диоксины не повреждают генетический аппарат непосредственно. Однако эти ксенобиотики разрушают механизм защиты генофонда от вредных факторов окружающей среды, резко усиливая их мутагенное, эмбриотоксическое и тератогенное воздействие. Социально-гигиенический эффект состоит в ухудшении здоровья детей, подростков, женщин фертильного возраста в череде поколений. Репродуктивные потери в этом каскаде событий будут катастрофически нарастать. Диоксиновая проблема, до конца еще не осознанная, является глобальной опасностью для всего человечества.

* * *

Изложенное выше позволяет сделать некоторые выводы.

1. Проблемы охраны репродуктивного здоровья в условиях высокого уровня смертности и депопуляции, которые наблюдаются в России уже два десятилетия, приобретают высокую медико-социальную значимость. Остается высокой общесоматическая заболеваемость женщин наиболее распространенными видами патологии – болезнями системы кровообращения, новообразованиями, болезнями органов дыхания и пищеварения. Необходимо отметить два положительных явления в оценке репродуктивного здоровья – снижение перинатальной и младенческой смертности. Важнейшей характеристикой проблем качества и потенциала репродуктивного здоровья является бесплодие в браке. Несмотря на относительно стабильное снижение числа случаев материнской смертности, различие этого показателя у жительниц города и села увеличивается. Материнская смертность в сельской местности превышает соответствующий показатель в городских поселениях Сибирского федерального округа более чем в 2 раза. Эта неблагоприятная ситуация требует решения проблемы доступности качественной акушерско-гинекологической помощи жительницам села.

2. Сведения об основных факторах окружающей среды, влияющих на репродуктивную систему мужчин, были получены в результате обобщения наблюдений за животными в естественной среде обитания, в экспериментальных исследованиях на различных биологических моделях, а также за счет анализа случаев патологии у человека, выполненных в клинических условиях. Комплексное влияние вредных факторов окружающей среды, их длительная экспозиция вызывают выраженные и глубокие изменения сперматогенеза. Для разработки эффективных методов защиты от действия неблагоприятных факторов, угнетающих сперматогенез,

требуется более детальное понимание механизмов их повреждающего эффекта как при изолированном, так и при комплексном воздействии.

3. Среди химических соединений, которые оказывают влияние практически на все показатели репродуктивного здоровья женщин, ведущее место занимают стойкие органические загрязнители (СОЗ), обладающие гормоноподобным действием. В эту группу веществ входят хлорорганические пестициды (в первую очередь ДДТ), полихлорированные бифенилы (ПХБ) и диоксины. Вредные факторы окружающей среды оказывают как трансплацентарное, так и эмбриотоксическое действие. Это относится к бластомогенным и канцерогенным соединениям, пестицидам, диоксину, многим тяжелым металлам. Показано, что опасным следствием влияния чужеродных веществ являются эмбриотоксические эффекты. Нарушения в плаценте коррелируют с частотой осложнений течения беременности и родов.

4. С курением у женщин связывают повышенный риск бесплодия. Курящие женщины более подвержены широкому спектру различных видов патологии, вероятность возникновения которой зависит от объема потребления табака. У курящих беременных отмечен рост частоты преждевременных родов, пренатальных и перинатальных потерь. Риск возникновения врожденных пороков развития у детей прямо пропорционален дозе употребляемого во время беременности алкоголя. Важнейшей формой патологии можно назвать особый тип сочетания врожденных дефектов, нарушения физического и умственного развития детей, что в настоящее время описывается как «алкогольный синдром плода» (АСП). Дети, перенесшие внутриутробное воздействие наркотиков, имеют большое количество стигм дисэмбриогенеза (малых аномалий развития), почти у половины из них проявляются признаки внутриутробной инфекции, часто встречаются метаболические нарушения и патологическая желтуха. Типичной для новорожденных, родившихся от матерей-наркоманок, является клиническая картина отмены наркотика. Развитие синдрома отмены наблюдается в первые 1–3 дня после рождения и значительно отягощает течение процесса адаптации к внеутробной жизни.

5. Основная опасность диоксинов и диоксиноподобных соединений заключается не столько в их острой токсичности для человека, сколько в кумулятивном воздействии и отдаленных последствиях хронического отравления крайне малыми дозами. Наиболее важные следствия такой формы воздействия: 1) диоксины и диоксиноподобные соединения наиболее опасны при постепенном, кумулятивном отравлении небольшими концентрациями; 2) особенно чувствительны к диоксину ткани, органы и целые организмы, интенсивное развитие которых совпадает с воздействием токсического агента; 3) поскольку диоксины нарушают механизмы адаптации организма к факторам внешней среды, то, как следствие, возрастает чувствительность к различного рода нетоксическим воздействиям; 4) для токсического действия диоксинов характерен длительный период скрытого действия. Признаки диоксиновой интоксикации очень многообразны и зависят от большого числа факторов, в том числе от возрастных и индивидуальных особенностей организма человека.

Глава 13

ЗДОРОВЬЕ НАСЕЛЕНИЯ СИБИРИ

Учитывая разнообразие факторов, влияющих на формирование общественного здоровья и его значимость как одного из важнейших ресурсов, можно сказать, *что здоровье – это интегральный показатель благополучия территории*, отражающий социально-экономическое положение населения, состояние экологии и медицинской помощи, оказываемой населению, а также генетический груз самого населения, с одной стороны, а с другой – это объективный критерий успешности проводимых политических, социальных и экономических реформ. С этих позиций анализ рисков в формировании здоровья населения отдельного региона представляется очень важной и актуальной задачей исследования.

13.1. ПЕРВИЧНАЯ ЗАБОЛЕВАЕМОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ СФО

По первичной заболеваемости населения* в 2010 г. Сибирский федеральный округ находился на четвертом месте среди федеральных округов, ее уровень (819 на 1000 чел. населения) на 5,0 % превосходил среднероссийский показатель, в то время как в 2000 г. заболеваемость в округе была ниже, чем в среднем по России (рис. 13.1). За период 2000–2009 гг. в СФО рост заболеваемости составил 12,4 %, что в 1,3 раза больше, чем по РФ, а в 2010 г. она снизилась во всех субъектах СФО.

Наиболее быстро в 2000–2010 гг. росла заболеваемость болезнями системы кровообращения – 64,6 %, новообразованиями – 39,8, вследствие врожденных аномалий – 29,4, болезнями мочеполовой системы – 27,0, костно-мышечной – 24,4, крови – 17,4, эндокринной, нервной, органов пищеварения, вследствие отравлений и травм – 11–13 %. Кроме того, Сибирский федеральный округ занимал 1-е место среди других округов по заболеваемости болезнями системы кровообращения** (рис. 13.2), эндокринной системы, 2-е – по заболеваниям костно-мышечной системы, болезням мочеполовой сферы и органов пищеварения, 3-е – по новообразованиям, болезням крови, осложнениям беременности и родов, а также в результате травм и отравлений. Тот факт, что при более молодой, чем в федеральных округах центральной части страны, структуре населения в

*Здесь и далее: зарегистрировано число больных с диагнозом, установленным впервые в жизни, на 1000 чел. населения.

**В СФО, по данным 2010 г. заболеваемость болезнями, характеризующимися повышенным кровяным давлением, составляла 942,9 случаев на 100 тыс. чел. населения (в РФ – 609,2 случаев).

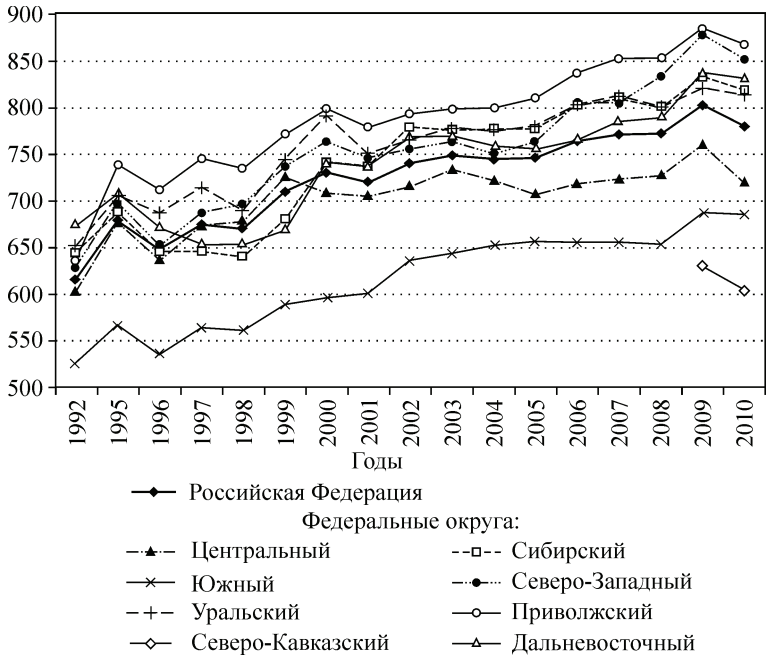


Рис. 13.1. Динамика заболеваемости по федеральным округам РФ в 1992–2010 гг., чел. (зарегистрировано заболеваний у больных с диагнозом, установленным впервые в жизни, на 1000 чел. населения).

Источник: Здравоохранение в России. М.: Росстат, 2001–2011.

СФО наблюдались самые высокие растущие показатели заболеваемости болезнями системы кровообращения, свидетельствует о том, что в Сибири эта заболеваемость более широко распространена среди молодого населения региона, и доля его в общей структуре заболеваемости с каждым годом увеличивается.

Следует отметить, что за 2000–2010 гг. позиции округа по многим основным группам болезней ухудшились по сравнению с другими округами. СФО превосходил среднероссийские показатели заболеваемости болезнями системы кровообращения, пищеварения, эндокринной системы – на 21–29 %; болезнями мочеполовой сферы и инфекционными, осложнениями беременности, родов и послеродового периода, болезнями крови и костно-мышечной системы – на 10–14 %; новообразованиями, врожденными аномалиями, вследствие отравлений, травм и т.д. – на 5–8 %.

Выше общероссийских показателей и уровень профессиональной заболеваемости на промышленных предприятиях в регионе – примерно в 1,5–2 раза, при этом сроки развития ряда профессиональных заболеваний в регионах с суровыми климатическими условиями примерно в 1,5 раза короче, чем в центральных районах России*.

*http://www.budgetrf.ru/Publications/Magazines/VestnikSF/2002/VSF_NEW200802161415/VSF_NEW200802161415_p_004.htm

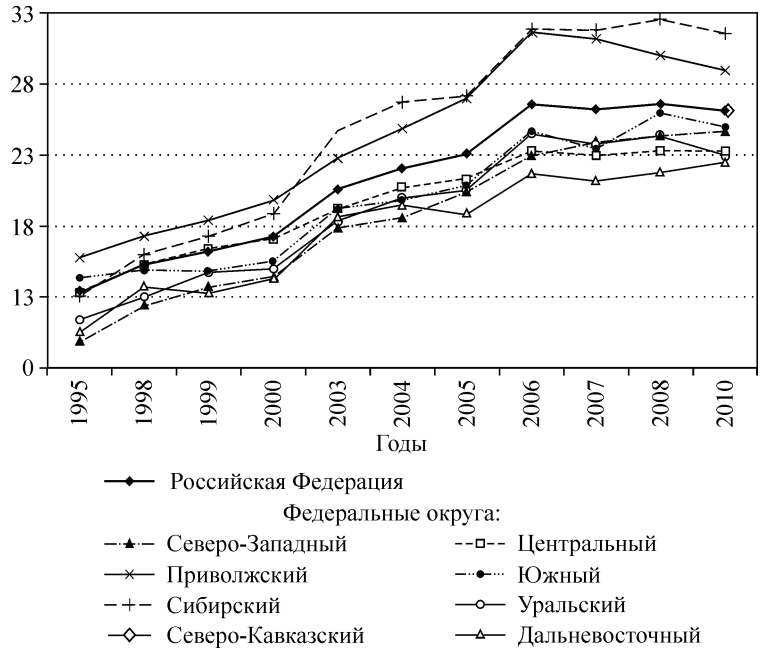


Рис. 13.2. Динамика заболеваемости болезнями системы кровообращения по федеральным округам РФ в 1995–2010 гг., чел. (зарегистрировано заболеваний у больных с диагнозом, установленным впервые в жизни, на 1000 чел. населения).

Источник: Здравоохранение в России. М.: Росстат, 2001–2011.

Среди субъектов СФО выделяется Алтайский край, где практически по всем основным классам болезней заболеваемость оказалась существенно выше средних по округу показателей, а общий уровень заболеваемости на 26,0 % выше, чем в среднем по СФО (рис. 13.3). На 5–11 %

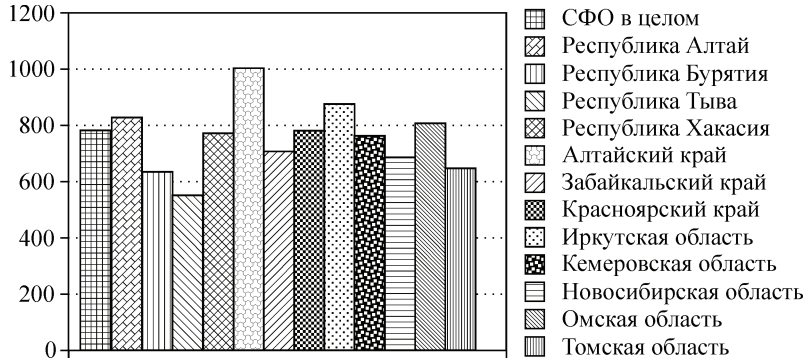


Рис. 13.3. Заболеваемость в субъектах СФО в 2010 г., чел. (зарегистрировано заболеваний у больных с диагнозом, установленным впервые в жизни, на 1000 чел. населения).

Источник: Здравоохранение в России. М.: Росстат, 2011.

выше средних показатели заболеваемости в Иркутской области и Республике Алтай. На общем неблагоприятном фоне несколько лучше выглядит ситуация с заболеваемостью в Тыве и Бурятии, Забайкальском крае, Томской и Новосибирской областях.

Каждая из территорий СФО имеет свои характерные особенности в динамике отдельных классов заболеваемости. Так, Республика Алтай характеризуется крайне высоким уровнем врожденных аномалий, заболеваемости болезнями крови, осложнений беременности, родов и послеродового периода, выше среднего уровня здесь заболеваемость болезнями кожи и мочеполовой сферы. В Республике Бурятия при общем благоприятном фоне отмечается повышенная заболеваемость болезнями эндокринной системы, в Республике Тыва – крови и кожи, в Республике Хакасия – нервной системы, кожи, вследствие травм и отравлений, Иркутская область имеет повышенный уровень заболеваемости болезнями эндокринной, костно-мышечной и нервной систем, органов дыхания, инфекционными болезнями и в результате травматизма. В Кемеровской области значительно больше, чем в среднем по округу, удельное число врожденных аномалий, а также травм, случаев отравлений и т.д. В Омской области крайне неблагоприятная ситуация с заболеваемостью инфекционными болезнями, болезнями крови и си-

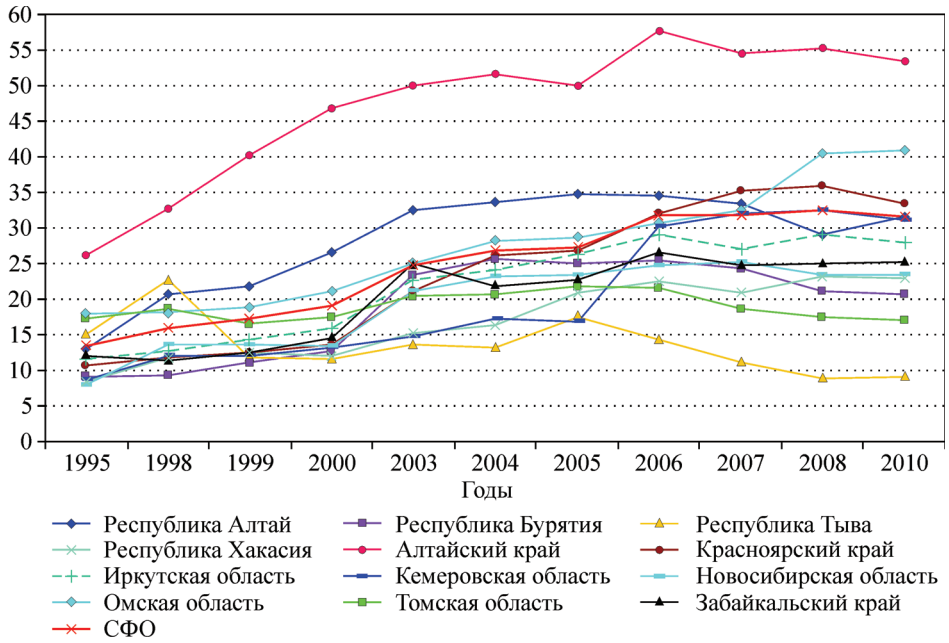


Рис. 13.4. Динамика заболеваемости болезнями системы кровообращения в субъектах СФО в 1995–2010 гг., чел. (зарегистрировано заболеваний у больных с диагнозом, установленным впервые в жизни, на 1000 чел. населения).

Источник: Здравоохранение в России. М.: Росстат, 2001–2011.

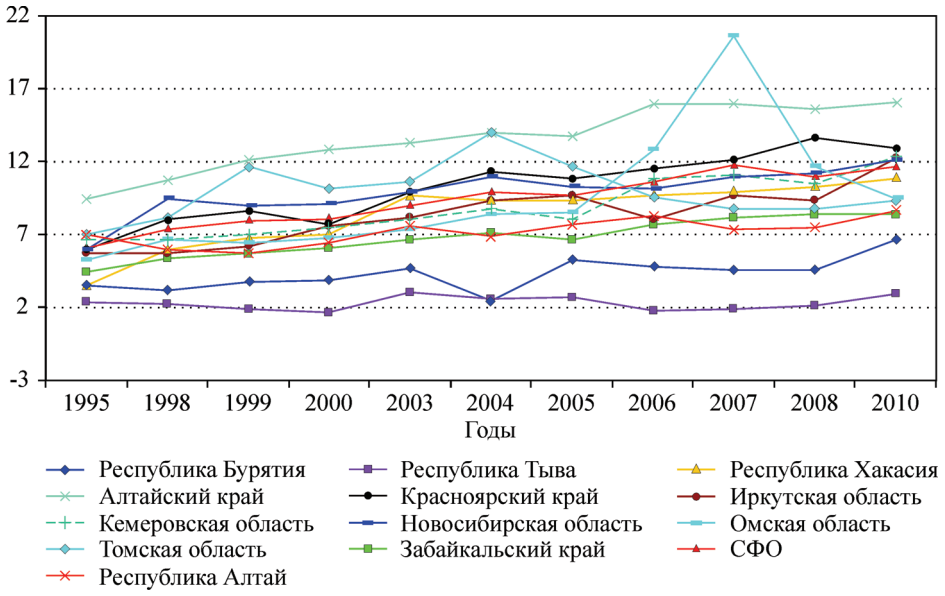


Рис. 13.5. Динамика заболеваемости новообразованиями в субъектах СФО в 1995–2010 гг., чел. (зарегистрировано заболеваний у больных с диагнозом, установленным впервые в жизни, на 1000 чел. населения).

Источник: Здравоохранение в России. М.: Росстат, 2001–2011.

стемы кровообращения, врожденными аномалиями, а также болезнями органов пищеварения.

Особый интерес представляет анализ динамики заболеваний, вносящих основной вклад в показатели аномально высокой смертности населения. Среди них абсолютно лидируют заболевания болезнями системы кровообращения (рис. 13.2, 13.4). За 2000–2010 гг. в Красноярском крае и Кемеровской области прирост превышал средний для СФО показатель более чем в 2 раза, а в Республике Хакасия и Омской области – в 1,5 раза. Во всех этих субъектах, кроме Кемеровской области, с 1995 по 2000 г. заболеваемость болезнями системы кровообращения повышалась темпами значительно ниже средних по округу. В Алтайском крае и Республике Алтай, напротив, до 2000 г. рост заболеваемости болезнями системы кровообращения происходил ускоренными темпами, а затем наблюдался значительный спад темпов роста. В Томской области и особенно в Республике Тыва она также снижается.

Второе место среди причин смертности в СФО занимают новообразования. В 1995–2010 гг. число заболевших с этим диагнозом в субъектах СФО увеличилось в 1,9 раза (рис. 13.5). Выделяются в худшую сторону Красноярский край, Иркутская область и особенно Республика Хакасия.

Что касается третьей основной группы причин смертности, то с 1995 по 1999 г. заболеваемость, связанная с травматизмом, отравления-

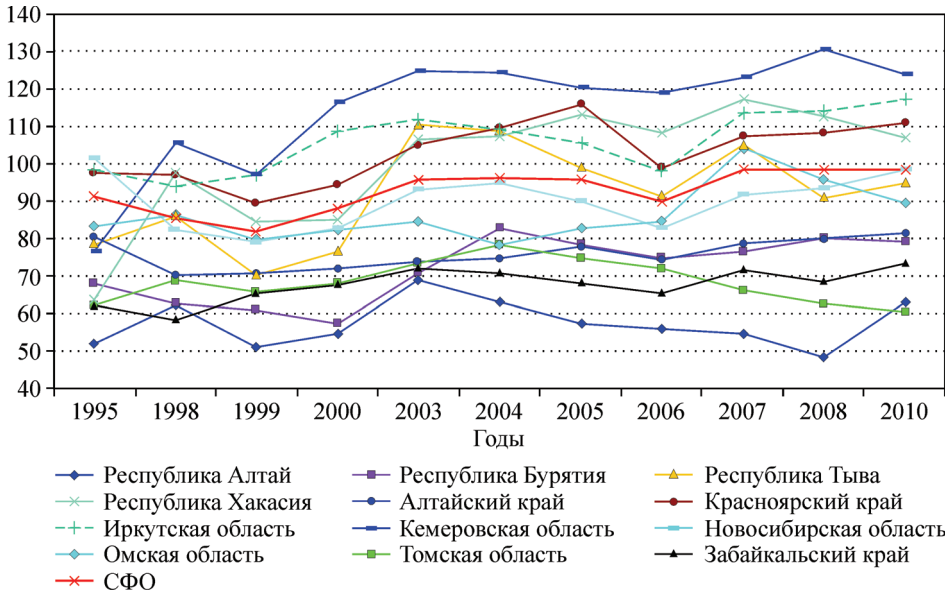


Рис. 13.6. Динамика травм, отравлений, несчастных случаев и т.д. в субъектах СФО в 1995–2010 гг., чел. (зарегистрировано заболеваний у больных с диагнозом, установленным впервые в жизни, на 1000 чел. населения).

Источник: Здравоохранение в России. М.: Росстат, 2001–2011.

ми, несчастными случаями и т.д., в РФ и СФО снижалась, затем она начала расти, причем значительно быстрее в округе. В 2000–2010 гг. по относительному приросту этого вида заболеваемости Республика Бурятия в 3,4, Республика Хакасия в 4, Республика Тыва в 2 раза превосходили средние данные по округу. Снижается уровень травматизма, отравлений, несчастных случаев и т.д. в Томской области (рис. 13.6).

Рассмотренные три группы заболеваний в сумме увеличили свою долю в структуре общей заболеваемости населения в СФО с 15,8 % в 2000 г. до 17,3 % в 2010 г., из которых 1,5 % прироста приходится на первую группу – заболеваемость болезнями системы кровообращения (рис. 13.7). Общий уровень смертности по трем рассмотренным группам заболеваемости составляет для СФО свыше 78 %.

Рис. 13.7. Соотношение видов заболеваемости, вносящих основной вклад в показатели смертности, % в структуре общей заболеваемости.

Источник: Здравоохранение в России. М.: Росстат, 2001, 2011.

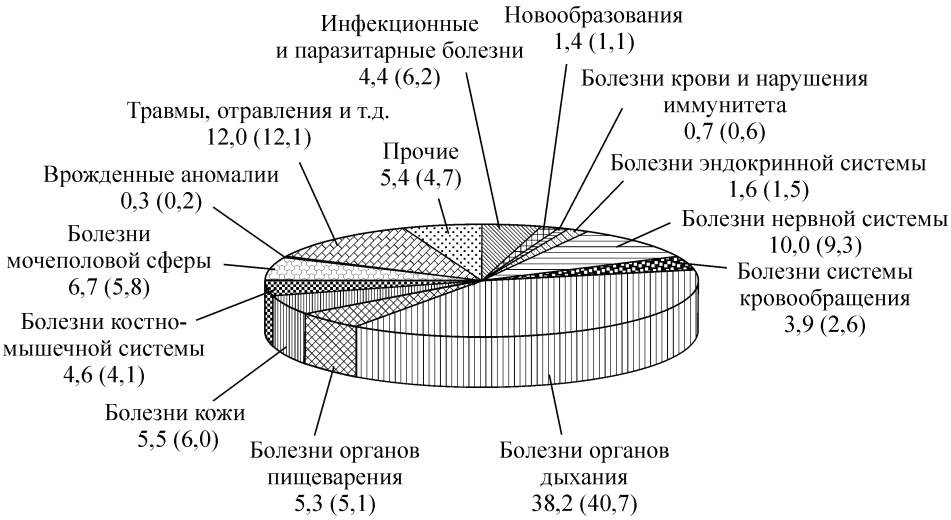


Рис. 13.8. Структура заболеваемости в СФО в 2010 г. (в 2000 г.), %.

Источник: Здравоохранение в России. М.: Росстат, 2001, 2011.

Среди остальных групп заболеваемости высокую долю в общей структуре заболеваемости населения СФО, по данным за 2010 г., составляют болезни органов дыхания (38,2 %), нервной системы (10 %), мочеполовой системы (6,7 %), кожи (5,5 %), органов пищеварения (5,3 %) и инфекционные и паразитарные заболевания (4,4 %) (рис. 13.8).

Особо следует отметить неблагоприятную ситуацию, которая складывается с показателями, характеризующими репродуктивное здоровье населения*. В 2004–2007 гг. в СФО было зарегистрировано 19–21 % бесплодных браков**. Причем налицо тенденция увеличения этого показателя, что является серьезнейшей проблемой не только для демографической сферы, но и для общества в целом, но пока не осознается в должной мере.

По показателю осложнений беременности, родов и послеродового периода округ устойчиво входит в тройку неблагополучных территорий, а отрыв в худшую сторону от средних данных по России к 2008 г. по сравнению с 2005 г. увеличился (рис. 13.9). В 1999–2008 гг. в СФО на 52,8 % увеличилась заболеваемость, связанная с беременностью и родами, и основной вклад внесли в этот период Алтайский край и Республика Алтай, а в других субъектах СФО обстановка либо несколько лучше, чем в среднем по округу, либо близка к ней.

Показатели заболеваемости беременных женщин в СФО в 2010 г. превосходят средние данные по России: по болезням системы кровооб-

*Подробнее тема репродуктивного здоровья рассмотрена в гл. 12.

**http://www.kolesnikov-science.ru/okrug/konf-2007-05-28.html

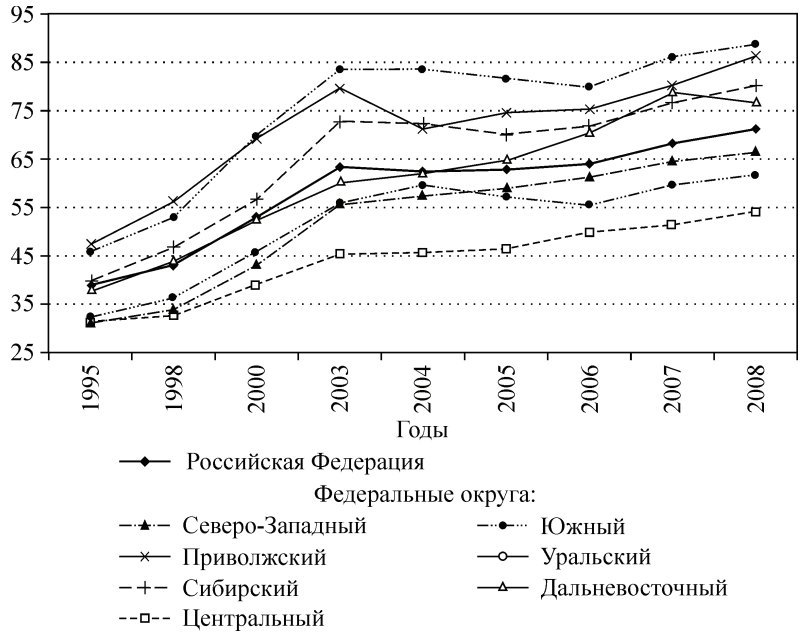


Рис. 13.9. Динамика осложнений беременности, родов и послеродового периода по федеральным округам РФ в 1995–2008 гг. (на 1000 женщин в возрасте 15–49 лет).

Источник: Здравоохранение в России. М.: Росстат, 2001–2009.

ращения – на 16,8 %, болезням мочеполовой сферы – на 17,5, нарушениям родовой деятельности – на 9,6 %. Анализ рангов субъектов СФО по отдельным заболеваниям родового и послеродового периода женщин позволил выделить и регионы, находящиеся в относительно лучшей ситуации, среди которых оказались Забайкальский край и Иркутская область (табл. 13.1).

Несмотря на значительное уменьшение, продолжает оставаться очень высоким число абортов. Аборты не только весьма существенно снижают текущую рождаемость, но и сокращают рождаемость в будущем через рост заболеваемости репродуктивной сферы, в том числе бесплодия и проблем с вынашиванием и рождением детей в будущем, ослабляют здоровье будущих матерей и их новорожденных детей. Так, в 2011 г. в СФО только по официальной неполной статистике приходилось 75 абортов на 100 родов (в РФ – 63). Даже на фоне этих высоких показателей особо выделяется Новосибирская область (94), которая в последние годы устойчиво держится в тройке «лидеров» по всем субъектам Федерации, а в 2002 (201) и 2006 гг. (172) занимала первые места в стране. Следует отметить, что начиная с 2000 г. число абортов в расчете на 100 родов сократилось в СФО в 2,4 раза, а в РФ – в 2,7 раза.

Таблица 13.1

Ранжирование субъектов СФО по заболеваниям, осложнившим роды и послеродовой период в 2010 г., (на 1000 родов), % к уровню СФО/место в СФО

Территория	Анемия	Болезни системы кровообращения	Сахарный диабет	Отеки, протеинурия и гипертензивные расстройства	Болезни мочеполовой сферы	Венозные осложнения	Кровотечения	Нарушения родовой деятельности
СФО к РФ	100,6/3	116,8/4	97,3/4	104,4/3	117,5/3	85,1/6	88,2/5	109,6/2
Республика Алтай	162,4/1	64,9/7	66,7/5	60,1/11	69,4/8	52,1/11	133,0/4	90,7/7
Республика Бурятия	144,1/2	114,9/3	47,2/8	91,4/5	129,6/3	123,4/3	112,5/5	82,6/9
Республика Тыва	141,0/3	45,1/11	13,9/12	117,9/4	229,1/1	67,0/9	199,1/1	63,5/11
Республика Хакасия	79,4/9	25,8/12	38,8/10	63,8/10	89,3/7	194,1/2	92,8/7	114,4/4
Алтайский край	118,0/5	262,2/1	277,8/1	134,0/3	124,4/4	120,7/4	167,8/2	141,5/1
Забайкальский »	**75,7/10**	**58,8/8**	**47,2/9**	**75,6/7**	**47,0/12**	**77,6/7**	**54,5/11**	**87,6/8**
Красноярский »	88,2/7	86,5/5	86,1/4	85,6/6	103,6/5	204,2/1	99,1/6	132,0/3
Иркутская область	**70,4/12**	**52,0/10**	**88,9/3**	**44,7/12**	**100,4/6**	**73,9/8**	**92,0/8**	**72,8/10**
Кемеровская »	104,0/6	96,7/4	52,8/7	67,1/8	55,9/11	37,8/12	79,5/10	101,1/6
Новосибирская »	84,7/8	68,1/6	166,7/2	175,9/1	144,8/2	84,0/5	84,8/9	105,7/5
Омская »	137,4/4	127,0/2	36,1/11	151,5/2	67,4/9	79,2/6	44,6/12	47,8/12
Томская »	73,6/11	58,6/9	61,1/6	65,1/9	64,6/10	66,0/10	140,2/3	132,3/2

Источник: Здравоохранение в России. М.: Росстат, 2011.

13.2. СОЦИАЛЬНО ЗНАЧИМЫЕ ЗАБОЛЕВАНИЯ

Особенно неблагоприятна в СФО ситуация с социально значимыми заболеваниями. В 2010 г. округ находился на 1-м месте среди других округов по психическим расстройствам (рис. 13.10) и болезням, характеризующимся повышенным кровяным давлением; на 2-м – по активному туберкулезу (рис. 13.12), сифилису и гонорее; на 3-м – по гепатиту В, наркомании и токсикомании, а также по алкоголизму (рис. 13.11), значительно превышая средние показатели заболеваемости по РФ.

В 2010 г. в СФО в расчете на 100 тыс. чел. населения количество взятых под наблюдение больных с диагнозом психического расстройства, установленным впервые в жизни, составило 67,8 случаев – на 30,4 % больше, чем в среднем по России. Удельное значение всех состоящих на учете больных с психическими заболеваниями в округе в 2010 г. была на 14,4 % выше, чем по РФ (1-е место в РФ). Эта величина уменьшается, но остается на очень высоком уровне – 1311,4 чел. на 100 тыс. чел. населения. Крайне высока также заболеваемость болезнями, характеризующимися повышенным кровяным давлением – 942,9 случая на 100 тыс. чел. населения (в РФ – 609,2 случаев). Первичная заболеваемость активным туберкулезом в СФО в 2010 г. в 1,6 раза превосходила среднероссийские показатели и составляла 123 заболевания в расчете на 100 тыс. чел. населения. Причем в СФО в 2010 г. она уменьшилась на 27 % по отношению к 2000 г., в то время как в целом по РФ она снизилась на 15 %.

По ряду социально значимых заболеваний, к примеру по злокачественным новообразованиям и наркомании, позиции округа ухудшились по отношению к 2000 г. (рис. 13.13).

Специфика социально значимых заболеваний является неоднородной в различных субъектах СФО. В Республике Алтай и Республике Ха-

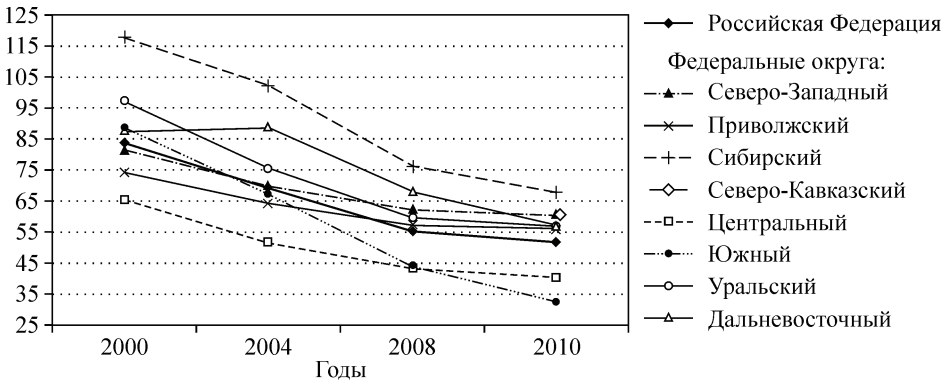


Рис. 13.10. Динамика заболеваемости психическими расстройствами и расстройствами поведения по федеральным округам РФ в 2000–2010 гг., чел. (взято под наблюдение больных с диагнозом, установленным впервые в жизни, на 100 тыс. чел. населения).

Источник: Здравоохранение в России. М.: Росстат, 2001–2011.

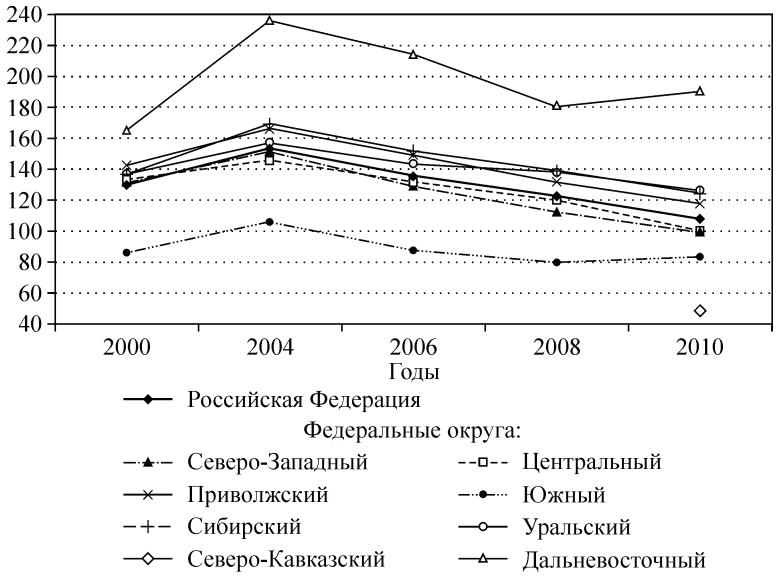


Рис. 13.11. Динамика заболеваемости алкоголизмом и алкогольными психозами по федеральным округам РФ в 2000–2010 гг., чел. (взято под наблюдение больных с диагнозом, установленным впервые в жизни, на 100 тыс. чел. населения).

Источник: см. рис. 13.10.

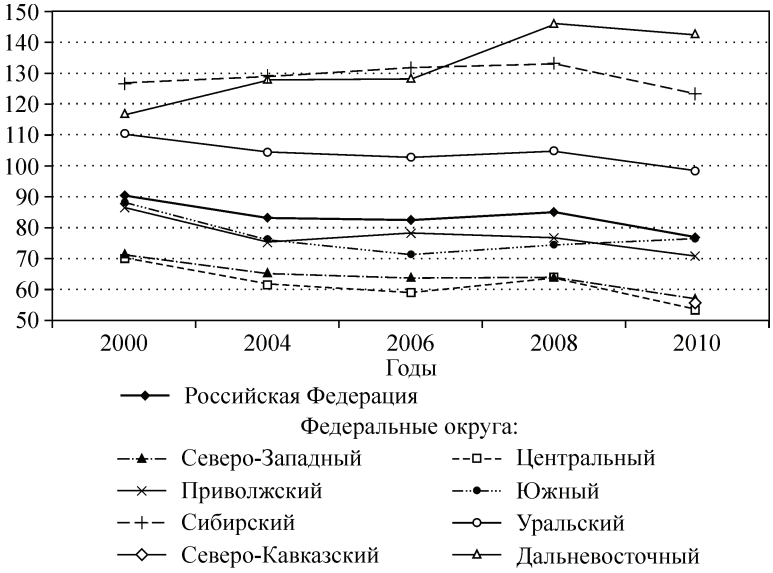


Рис. 13.12. Динамика заболеваемости активным туберкулезом по федеральным округам РФ в 2000–2010 гг., чел. (выявлено заболеваний у больных с диагнозом, установленным впервые в жизни, на 100 тыс. чел. населения).

Источник: см. рис. 13.10.

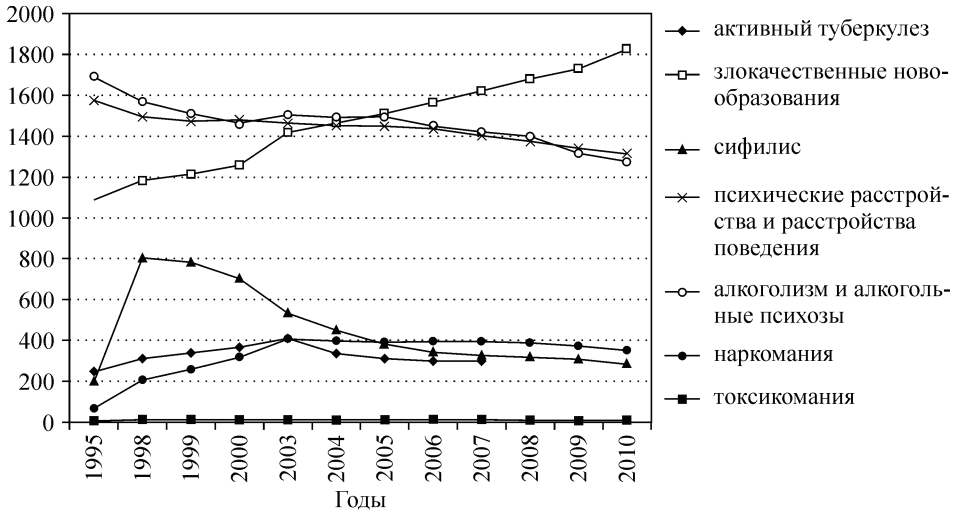


Рис. 13.13. Динамика численности состоящих на учете по заболеваемости некоторыми видами социально значимых болезней в СФО в 1995-2010 гг., чел. (на 100 тыс. чел. населения).

Источник: см. рис. 13.10.

касия в 2010 г. значительно выше среднего по округу был уровень заболеваемости психическими расстройствами и болезнями, передаваемыми преимущественно половым путем. Особое опасение в Алтайском крае вызывала ситуация с болезнями, характризующимися повышенным кровяным давлением, сахарным диабетом и гепатитом С, по заболеваемости которыми край, соответственно в 1,7; 1,4 и 1,2 раза превосходит средний уровень СФО, занимая первые места среди его субъектов. Удельная численность всех состоящих на учете по алкоголизму, наркомании и злокачественным новообразованиям здесь была также выше, чем в среднем по СФО.

Республика Бурятия и особенно Республика Тыва отличаются повышенным уровнем заболеваемости активным туберкулезом и болезнями, передаваемыми преимущественно половым путем. Кемеровская область в 2010 г. соответственно в 1,3–2,0 и 1,7 раза превышала средний уровень заболеваемости по СФО гепатитами и наркоманией, занимая первые места. Выше здесь и численность состоящих на учете наркологических больных. Неблагоприятна также ситуация с активным туберкулезом и психическими расстройствами. В Красноярском крае первичная заболеваемость алкоголизмом и токсикоманией на 25–30 % выше, чем в среднем по округу. Иркутская область неблагополучна практически по всем видам социально значимых заболеваний, но особенно она выделяется заболеваемостью гепатитом С, токсикоманией и алкоголизмом, занимая в СФО первые места и превосходя, соответственно, средние по округу показатели в 2,2; 2,0 и 1,5 раза. Новосибирская область выделяется самым высоким в округе уровнем заболеваемости новообра-

зованиями, превышая средние данные на 17,0 %. На 37 % выше средней в области и заболеваемость наркоманией. Высок уровень заболеваемости сахарным диабетом. По относительному числу больных, состоящих на учете по данным заболеваниям, Новосибирская область занимает первое место среди субъектов СФО. В Омской области высока заболеваемость болезнями, характеризующимися повышенным кровяным давлением – в 1,9 раза выше, чем в СФО (первое место среди субъектов), выше средней в ней отмечена заболеваемость новообразованиями и токсикоманией. Омская область имеет показатель состоящих на учете с диагнозом токсикомания в расчете на 100 тыс. чел. населения, в 2,2 раза превышающий средний по СФО уровень (первое место среди субъектов округа). В Томской области несколько повышен уровень заболеваемости сахарным диабетом, злокачественными новообразованиями, гепатитами и психическими расстройствами, а также болезнями, передающимися преимущественно половым путем. Выше здесь также удельное число контингентов больных алкоголизмом и наркоманией. Забайкальский край по заболеваемости сифилисом имеет в 1,4 раза более высокие показатели, чем в среднем по округу, выше в нем и уровень токсикомании и алкоголизма. По всем остальным группам социально значимых болезней показатели здесь ниже средних по СФО. По численности состоящих на учете больных сифилисом, алкоголизмом и токсикоманией на 100 тыс. человек населения край существенно превышает средние показатели по СФО (табл. 13.2).

При рассмотрении динамики первичной заболеваемости социально значимыми болезнями в СФО отмечаются некоторые положительные моменты. За 2000–2008 гг. в целом по СФО и по большинству его субъек-

Таблица 13.2

Ранжирование субъектов по численности контингентов больных основными видами социально значимых болезней в 2010 г. (численность больных, состоящих на учете в ЛПУ, на конец года, на 100 тыс. чел. населения), % к уровню СФО/место

Территория	Злокачественные новообразования	Сифилис	Психические расстройства	Алкоголизм	Наркомания	Токсикомания
СФО в РФ	93,3/6	145,2/2	114,4/1	93,3/6	152,3/1	97,6/5
Республика Алтай	60,0/11	108,3/7	123,8/2	126,1/3	45,7/10	102,4/5
Республика Бурятия	66,3/10	118,8/6	120,2/3	54,6/12	19,5/12	81,9/6
Республика Тыва	31,9/12	381,6/1	86,6/10	112,1/6	58,1/8	16,8/12
Республика Хакасия	75,2/9	153,8/2	173,8/1	139,7/1	55,8/9	24,9/11
Алтайский край	123,2/1	68,6/10	72,3/12	122,8/4	105,4/5	45,7/10
Красноярский »	94,5/7	62,8/11	99,0/7	84,2/10	74,0/7	79,5/7
Иркутская область	98,1/5	130,8/5	118,8/4	105,3/7	134,0/2	106,0/4
Кемеровская »	96,8/6	132,8/4	99,4/6	78,1/11	110,2/3	77,1/8
Новосибирская »	118,8/2	56,3/12	102,0/5	105,2/8	158,0/1	130,1/3
Омская »	105,5/3	73,5/9	97,0/8	92,4/9	95,8/6	218,1/1
Томская »	101,0/4	98,4/8	92,5/9	121,1/5	108,2/4	68,7/9
Забайкальский край	91,1/8	146,1/3	77,0/11	127,2/2	28,2/11	157,8/2

Источник: Здравоохранение в России. М.: Росстат, 2011.

Таблица 13.3

Динамика заболеваемости социально значимыми болезнями в субъектах СФО: данные

Территория	Активный туберкулез	Злокачественные новообразования	Сифилис	Гонорея	Гепатит В
РФ	94,1/90,4	111,5/104,6	36,2/74,5	46,3/75,2	38,5/55,0
СФО	104,9/92,8	116,1/107,8	46,9/81,0	75,0/76,4	47,6/33,8
Республика Алтай	130,5/89,5	107,6/103,2	64,4/59,9	137,3/59,1	14,1/51,7
Республика Бурятия	112,5/90,3	108,4/112,9	46,7/77,4	90,7/82,5	10,4/11,1
Республика Тыва	74,3/100,5	101,9/107,8	91,5/54,1	136,4/79,0	11,1/51,0
Республика Хакасия	96,3/88,2	132,6/108,5	61,0/67,7	88,6/82,9	30,7/42,8
Алтайский край	97,0/89,0	111,9/105,9	37,5/82,2	57,0/52,4	69,4/26,7
Красноярский »	106,5/85,3	114,2/108,8	35,7/71,7	86,4/104,2	37,5/24,0
Иркутская область	108,0/93,3	137,7/104,8	53,6/99,3	82,7/85,2	50,0/50,0
Кемеровская »	98,7/106,4	107,9/109,9	40,1/75,5	72,7/75,8	80,4/41,1
Новосибирская »	98,2/89,4	118,7/108,1	37,8/92,3	46,0/72,0	37,2/19,0
Омская »	119,9/95,4	99,9/103,6	35,3/86,9	70,5/75,8	75,3/38,0
Томская »	86,8/89,5	136,6/115,3	44,6/104,3	103,1/77,8	54,8/17,4
Забайкальский край	199,7/79,4	122,0/109,4	89,1/72,5	53,6/71,6	26,9/80,4

*По вирусным гепатитам, сахарному диабету и болезням, характеризующимся повышенным кро

Источник: Здравоохранение в России. М.: Росстат, 2001–2011.

тов снизилась заболеваемость болезнями, передающимися преимущественно половым путем: сифилисом – более чем в 2 раза, гонореей – на 25 % (табл. 13.3). Если за 1995–2000 гг. численность состоявших на учете по сифилису в СФО (на 100 тыс. чел. населении) выросла в 3,5 раза (в РФ – в 2 раза), то за 2000–2008 гг. она сократилась более чем наполовину. Уменьшение контингентов больных сифилисом также произошло во всех субъектах СФО. Далее, в 2008 г. по отношению к 2004 г. снизилась в СФО заболеваемость инфекционными гепатитами: особенно гепатитом В (более чем в 2 раза), по которому улучшилась ситуация во всех субъектах округа. Однако, при сокращении в целом по округу заболеваемости гепатитом С на 37 % в Омской области произошел рост заболеваемости более чем в 2 раза.

Важным фактом является сокращение заболеваемости наркоманией, в 2008 г. она составила 37,9 % от уровня 2000 г., что соответствует данным по РФ в целом. Сокращение произошло во всех субъектах СФО, причем особенно значительное в Республиках Тыва и Бурятия. Заметно снизился темп роста контингентов больных наркоманией. За 1995–2000 гг. численность таких больных увеличилась в 4,6 раза (в расчете на 100 тыс. чел. населения), а за 2000–2008 гг. – на 21,9 %, что также соответствует тенденциям по РФ в целом.

Снизилась также заболеваемость психическими расстройствами и расстройствами поведения. В 2008 г. по сравнению с 2000 г. в РФ и СФО в расчете на 100 тыс. чел. населения было взято под наблюдение на 34–35 % меньше больных с диагнозом психического расстройства,

за 2008 г. в % к данным за 2000 г.* / данные за 2010 г. в % к данным за 2008 г.

Гепатит С	Сахарный диабет	Болезни, характеризующиеся повышенным кровяным давлением	Психические расстройства	Алкоголизм и алкогольные психозы	Наркомания	Токсикомания
58,3/75,0	126,2/ 106,6	136,8/88,3	66,1/94,0	93,6/88,1	36,9/93,0	80,0/75,0
63,0/58,8	132,0/108,3	124,3/94,0	64,8/89,0	101,8/89,4	37,9/77,4	92,3/58,3
–	139,7/78,6	66,1/122,2	57,4/167,1	113,4/72,2	36,6/25,3	58,3/-
14,3/60,0	216,8/123,2	54,0/98,7	57,2/43,7	181,9/55,1	19,0/98,6	85,7/50,0
9,2/50,0	125,3/146,3	55,3/101,2	48,6/103,7	66,1/115,8	18,3/71,4	-
78,6/40,9	149,7/73,7	145,7/76,5	66,4/73,4	183,5/110,4	40,6/108,9	48,6/35,3
100,0/57,1	127,5/111,2	108,2/97,4	56,6/70,9	93,5/84,4	43,1/66,5	38,1/75,0
45,2/57,9	121,3/116,7	132,8/102,4	55,8/74,9	85,0/91,4	25,2/ 93,5	108,3/60,0
46,7/73,7	133,7/123,1	111,3/81,0	61,6/96,0	100,5/94,6	32,4/119,4	58,3/69,2
67,1/102,3	125,9/124,4	271,5/95,2	65,9/94,1	83,4/102,7	52,6/59,9	242,9/100,0
90,9/47,3	126,6/78,9	109,9/91,6	75,1/89,3	109,9/86,1	49,1/72,4	100,0/35,3
214,3/55,0	155,9/123,2	158,5/84,3	87,8/76,6	171,2/75,6	25,0/88,9	162,5/140,0
70,4/28,9	121,6/86,6	77,3/107,5	87,8/104,3	90,5/82,8	26,6/67,5	50,0/61,5
38,1/87,1	108,9/109,4	140,2/85,6	70,2/119,8	177,3/107,5	50,0/85,1	107,1/200,0

вяным давлением – данные за 2008 г. в % к данным за 2004 г.

установленным впервые в жизни. Сокращение первичной заболеваемости психическими расстройствами произошло во всех, без исключения, субъектах СФО. В меньшей степени снизилось за тот же период по СФО удельное число состоявших на учете по данному виду заболевания, а в Забайкальском крае, Республике Бурятия и Томской области оно увеличилось от 10 до 20 %.

Как видно из табл. 13.3, в последующие за 2008 г. годы положительные тенденции по социально значимой заболеваемости еще более усилились. Очень важным является то, что впервые за многие годы начала сокращаться заболеваемость болезнями, характеризующимися повышенным кровяным давлением. Однако, несмотря на перечисленные положительные моменты, общий уровень заболеваемости данными болезнями остается крайне высоким.

13.3. ЗАБОЛЕВАЕМОСТЬ ДЕТЕЙ И ПОДРОСТКОВ

Детская заболеваемость в СФО выросла за период 1999–2008 гг. на 38,0 %, подростковая – на 45,5, что превышает относительные показатели роста средней заболеваемости всего населения в 3,2 и 3,8 раза, соответственно* (рис. 13.14).

Среди детей в возрасте 0–14 лет наблюдается существенный рост заболеваемости по таким группам болезней, как новообразования – в

*В 2008 г. первичная детская заболеваемость в СФО достигла 1686,1, подростковая – 1213,5 случаев на 1000 чел. населения соответствующего возраста.

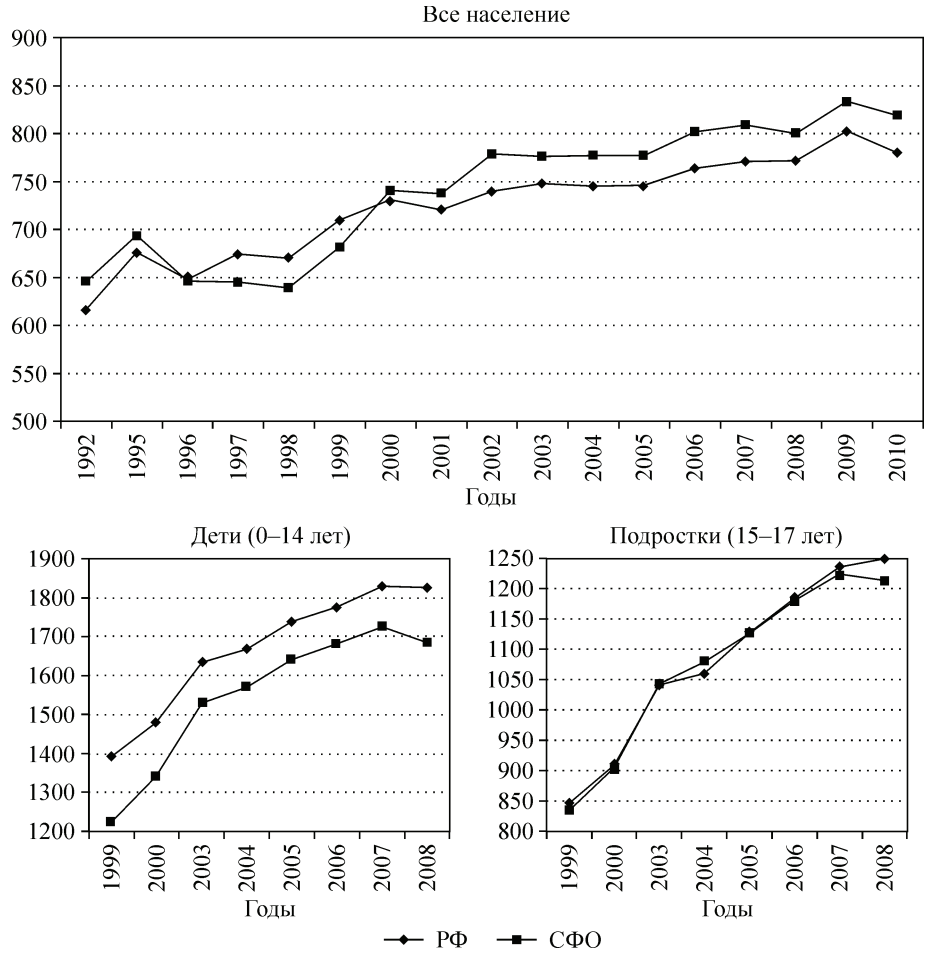


Рис. 13.14. Динамика заболеваемости населения в 1992–2010 гг., чел. (зарегистрировано заболеваний у больных с диагнозом, установленным впервые в жизни, на 1000 чел. населения).

Источник: см. рис. 13.10.

2,2 раза (в РФ – в 1,4 раза), болезни костно-мышечной системы – в 1,6 раза (в РФ – в 1,4 раза), мочеполовой системы – в 1,5 раза (в РФ – в 1,6 раза), крови, кожи, органов дыхания и нервной системы – в 1,4 раза (в РФ – соответственно в 1,8; 1,4; 1,3 и 1,5 раза), органов пищеварения – в 1,3 раза (в РФ – в 1,3 раза), психические расстройства – в 1,2 раза (в РФ – сокращение на 22,7 %), болезни эндокринной системы – в 1,1 раза (в РФ – в 1,2 раза) (рис. 13.15). Нарастают такие дефекты здоровья, как нарушение осанки (у более 60 % детей), понижение остроты зрения (у 30 % детей) и др.

Причем с увеличением возраста уменьшается удельный вес детей с первой группой здоровья (без патологических отклонений в состоянии

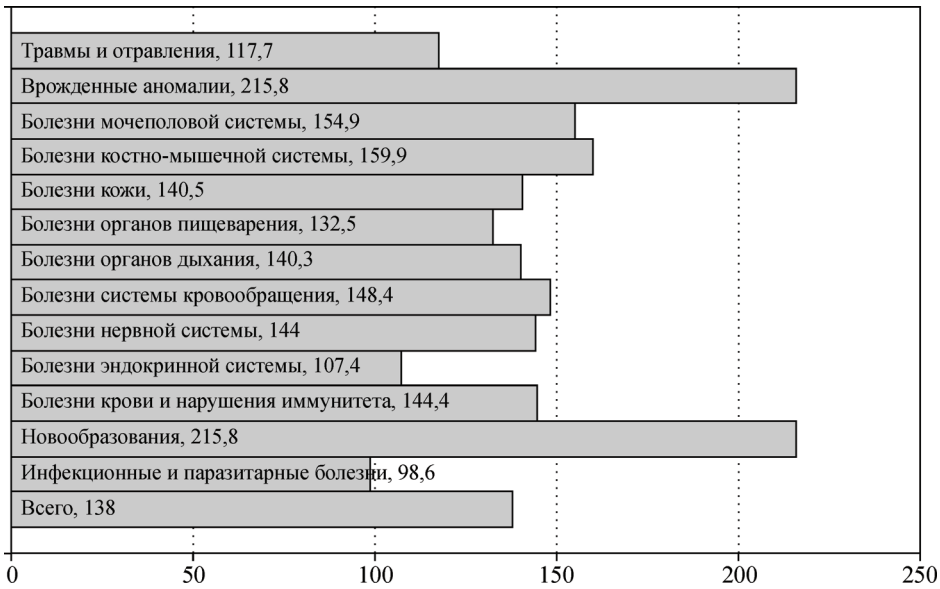


Рис. 13.15. Динамика детской заболеваемости в СФО, данные за 2008 г. в % к данным за 1999 г. (общее число заболевших с впервые установленным диагнозом в расчете на 1000 детей в возрасте 0–14 лет).

Источник: Здравоохранение в России. М.: Росстат, 2001–2009.

здоровья) с 45–48 % в возрасте 3-х лет до 30–31 % в подростковом возрасте. У подростков за тот же период наблюдался рост заболеваемости по большинству нозологий на уровне 50–60 %, а по заболеваниям нервной системы – 70 %, болезням крови и иммунитету и системы кровообращения – в 2 раза и более (рис. 13.16). СФО превосходит РФ по росту заболеваемости подростков новообразованиями на 31,8 п. п., системы кровообращения – на 17,9 п. п., костно-мышечной системы – на 12,6 п. п. При снижении в РФ заболеваемости инфекционными болезнями, в СФО среди подростков за тот же период наблюдался ее рост на 14 %.

Максимальный разрыв в уровне детской заболеваемости между СФО в среднем и отдельными его округами невелик – 8,8 % (Омская область), но по отдельным нозологиям в субъектах округа он может быть значителен (табл. 13.4). Так, уровень детской заболеваемости новообразованиями в Иркутской и Томской областях, а также в Красноярском крае в 1,4–1,5 раза выше, чем в среднем по округу. Республика Алтай в 2,2 раза, Алтайский край в 1,3 раза, Омская область и Забайкальский край в 1,2 раза превышают средний по округу уровень заболеваемости болезнями крови. Повышенной заболеваемостью болезнями нервной системы отличаются Томская и Кемеровская области, их показатели в 1,6 раза превышают соответствующие показатели по СФО. По заболеваемости болезнями системы кровообращения на первых местах находятся Красноярский и Алтайский края, где соответственно в 2,0 и 1,4 раза показатели

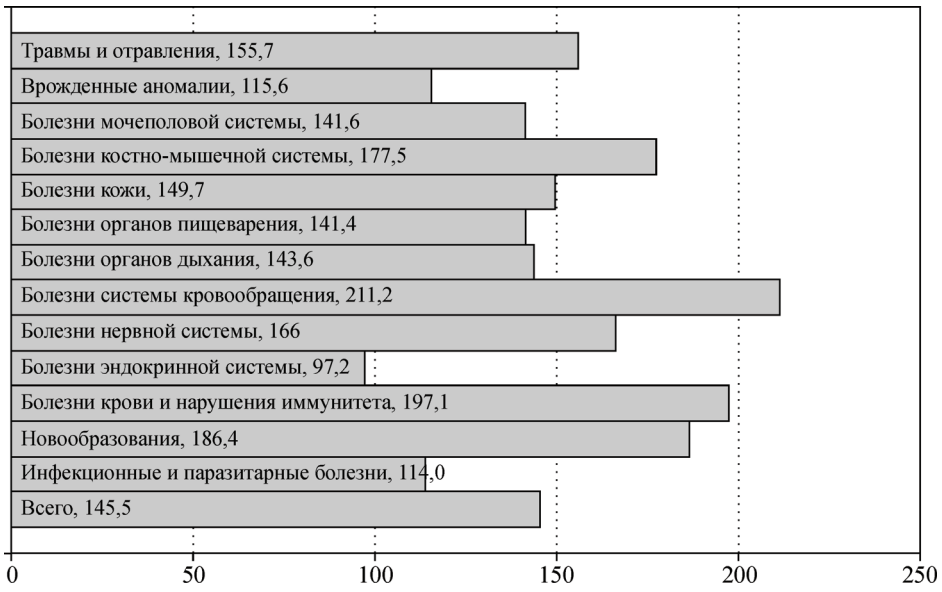


Рис. 13.16. Динамика заболеваемости подростков в СФО, данные за 2008 г. в % к данным за 1999 г. (общее число заболевших с впервые установленным диагнозом в расчете на 1000 подростков в возрасте 15–17 лет).

Источник: см. рис. 13.15.

Таблица 13.4

Ранжирование субъектов СФО по уровню заболеваемости детей в 2008 г. (зарегистриро место в СФО/% к уровню СФО

Территория	Всего	Инфекционные и паразитарные болезни	Новообразования	Болезни крови и нарушения иммунитета	Болезни эндокринной системы	Болезни нервной системы
						Дети 0–
СФО в РФ	6/92,3	5/102,2	6/100,0	4/91,5	4/96,1	5/91,2
Республика Алтай	10/80,2	9/79,6	9/61,0	1/224,7	8/92,5	3/132,1
Республика Бурятия	11/70,6	12/63,9	11/29,3	10/78,6	6/121,3	10/72,8
Республика Тыва	12/56,7	11/69,2	12/19,5	6/104,4	1/169,5	12/39,4
Республика Хакасия	7/100,9	1/142,3	10/58,5	5/111,5	2/155,2	4/115,5
Алтайский край	8/98,1	8/92,4	4/95,1	2/134,6	9/73,6	7/88,0
Красноярский »	5/103,4	6/100,7	2/141,5	9/81,9	7/96,0	5/107,9
Иркуткая область	4/106,5	7/96,4	1/146,3	7/101,1	4/133,3	8/80,9
Кемеровская »	2/107,4	4/107,3	5/95,1	8/96,2	3/135,6	1/159,3
Новосибирская »	3/107,4	5/105,4	8/75,6	11/70,9	12/50,0	9/77,9
Омская »	1/108,8	2/122,4	7/90,2	3/122,0	10/60,3	6/106,6
Томская »	6/102,6	3/122,0	3/141,5	12/64,3	11/56,3	2/158,5
Забайкальский край	9/86,9	10/77,5	6/92,7	4/118,1	5/128,2	11/45,0

Источник: Здравоохранение в России. М.: Росстат, 2009.

выше, чем в среднем по округу. Распространенность врожденных аномалий в 2,7 раза выше средних значений по округу в Республике Алтай и в 1,9 раза – в Кемеровской области.

Аналогичная картина просматривается и по подростковой заболеваемости: отдельные регионы выделяются значительным превышением среднерегионального уровня по отдельным видам заболеваний. Так, в Омской области на 26,4 % выше заболеваемость подростков инфекционными и паразитарными болезнями, в Республиках Тыва и Хакасия, а также в Новосибирской области это превышение составляет 20 %. Проблемными регионами по заболеваемости новообразованиями являются Иркутская область и Алтайский край, где уровень заболеваемости данной нозологией соответственно на 78,1 и 29,3 % превышает средние данные по округу. Республика Алтай выделяется высокой заболеваемостью крови у подростков, превышающей данные по округу в 2,2 раза, в Алтайском крае, Республике Бурятия, Иркутской и Омской областях – эти значения выше в 1,4 раза. Заболевания нервной системы у подростков в Алтайском крае и Иркутской области встречаются в 1,3 раза чаще, чем в среднем по округу, в Республике Хакасия – в 1,2 раза. Уровень заболеваемости болезнями системы кровообращения особенно высок в Красноярском крае и Кемеровской области – в 1,5 раза выше среднего по округу (табл. 13.5).

Структура детской и подростковой заболеваемости в 2008 г. и их изменения с 2000 г. представлены на рис. 13.17 и 13.18.

вано больных с диагнозом, установленным впервые в жизни, на 1000 детей),

Болезни системы кровообращения	Болезни органов дыхания	Болезни органов пищеварения	Болезни кожи	Болезни костно-мышечной системы	Болезни мочеполовой сферы	Врожденные аномалии	Травмы, отравления и т.д.
14 лет							
2/97,9	6/88,1	4/106,0	6/93,3	5/87,2	4/106,4	4/101,7	6/89,0
9/58,7	11/65,3	2/122,1	2/121,6	11/34,0	4/104,8	1/274,8	12/41,3
7/81,5	10/71,9	6/97,9	12/67,3	10/59,9	11/66,1	11/51,2	11/59,2
12/8,7	12/48,6	11/66,6	9/94,9	12/14,7	12/49,8	12/42,3	9/64,5
6/88,0	8/87,8	3/122,1	1/143,6	5/109,2	7/98,8	10/56,1	1/135,3
2/135,8	6/99,8	8/96,4	8/96,1	6/103,8	8/96,4	3/112,2	7/80,5
1/201,1	7/98,7	9/87,6	3/120,0	2/125,1	3/105,4	5/81,2	4/118,2
11/46,7	2/112,2	4/112,0	7/96,5	7/90,5	1/117,1	7/77,2	5/104,5
4/102,2	3/103,8	10/85,7	4/107,9	1/129,7	6/103,9	2/192,7	3/124,6
10/51,1	1/119,9	12/64,8	10/90,1	9/72,3	5/104,2	9/65,0	6/97,2
3/108,7	4/103,2	1/172,1	5/97,4	4/117,6	2/110,5	4/112,2	2/130,9
5/95,6	5/102,5	5/102,4	11/81,5	3/119,6	9/93,4	6/78,9	8/76,8
8/72,8	9/86,2	7/96,5	6/97,1	8/89,6	10/84,1	8/71,5	10/61,8

Таблица 13.5

Ранжирование субъектов СФО по уровню заболеваемости подростков в 2008 г. (зарегист место в СФО/% к уровню СФО

Территория	Всего	Инфекционные и паразитарные болезни	Новообразования	Болезни крови и нарушения иммунитета	Болезни эндокринной системы	Болезни нервной системы
						Подростки
СФО в РФ	6/97,1	3/114,5	3/120,6	3/82,1	2/108,3	4/90,8
Республика Алтай	10/79,2	10/79,6	10/41,5	1/218,8	9/57,7	11/59,4
Республика Бурятия	11/72,4	12/56,0	11/24,4	3/142,0	3/136,9	8/87,8
Республика Тыва	12/52,2	4/118,2	12/5,0	7/107,2	2/177,4	12/25,5
Республика Хакасия	3/105,5	3/118,6	6/80,5	8/82,6	6/96,0	3/119,6
Алтайский край	1/124,8	8/95,1	2/129,3	2/144,9	5/96,7	1/134,4
Красноярский »	8/95,3	9/83,8	4/102,4	12/46,4	8/86,1	6/93,5
Иркуткая область	4/105,0	5/112,7	1/178,1	5/136,2	1/185,8	2/129,7
Кемеровская »	5/101,8	7/95,3	7/75,6	9/76,8	4/106,9	9/76,6
Новосибирская »	6/101,6	2/121,9	9/73,2	10/59,4	12/50,0	7/90,5
Омская »	2/110,2	1/126, 4	3/109,8	4/137,7	11/52,6	5/109,5
Томская »	7/96,4	6/101,2	5/92,7	11/55,1	10/54,4	4/114,5
Забайкальский край	9/79,9	11/57,8	8/73,2	6/115,9	7/90,5	10/70,9

Источник: Здравоохранение в России. М.: Росстат, 2009.

Рис. 13.17. Структура детской заболеваемости в СФО в 2008 г. (2000 г.), %.
Источник: Здравоохранение в России. М.: Росстат, 2001, 2009.

рировано больных с диагнозом, установленным впервые в жизни, на 1000 подростков),

Болезни системы кровообращения	Болезни органов дыхания	Болезни органов пищеварения	Болезни кожи	Болезни костно-мышечной системы	Болезни мочеполовой сферы	Врожденные аномалии	Травмы, отравления и т.д.
15–17 лет							
3/109,3	6/90,8	4/105,3	4/102,6	4/100,5	4/101,2	4/105,7	6/97,5
11/58,0	9/76,2	7/95,1	2/126,1	10/50,8	9/74,3	2/32,4	12/46,8
6/79,3	10/73,1	4/123,3	12/52,7	11/40,4	11/56,1	10/46,0	11/68,1
12/17,6	12/34,8	12/25,7	5/114,6	12/30,7	12/30,4	4/108,1	9/71,8
8/74,5	8/86,2	2/126,1	1/136,4	2/129,1	5/96,8	7/75,7	1/142,6
4/98,4	1/134,7	3/125,6	4/119,2	3/123,2	1/195,3	3/129,7	7/86,5
2/150,0	7/89,0	8/91,5	3/120,2	6/93,6	7/86,3	5/94,6	4/106,6
9/68,1	5/98,2	5/98,5	7/100,7	4/121,1	2/112,7	9/70,3	6/93,3
1/153,2	6/96,9	10/67,1	8/93,6	1/131,5	6/95,2	1/178,4	2/133,3
10/61,2	2/122,5	11/66,1	9/92,8	9/70,2	3/98,3	11/35,1	5/105,3
3/105,9	3/112,1	1/175,4	6/103,2	8/90,1	10/68,8	6/86,5	3/110,8
5/95,2	4/102,5	9/86,8	11/62,2	5/120,4	4/97,7	8/73,0	8/78,8
7/78,7	11/70,5	6/97,4	10/80,0	7/92,7	8/79,6	2/175,7	10/71,4

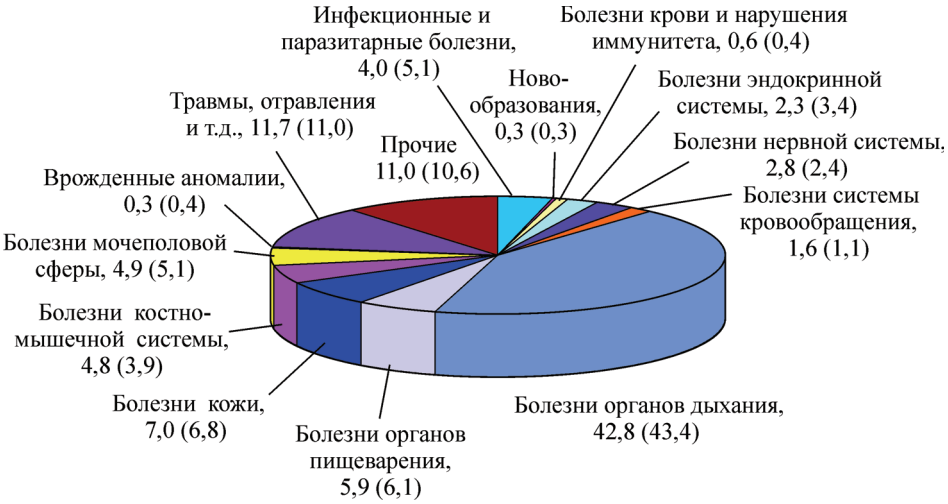


Рис. 13.18. Структура подростковой заболеваемости в СФО в 2008 г. (2000 г.), %.

Источник: см. рис. 13.17.

13.4. ИНВАЛИДИЗАЦИЯ НАСЕЛЕНИЯ

Объем потерь здоровья населения СФО дополняют инвалиды, в категорию которых ежегодно попадает более 75 чел. из каждых 10 тыс. чел. взрослого населения. Причем в 73,5 % случаев – это инвалиды I и II групп. На начало 2011 г. в округе 8,5 % всего населения являлись инвалидами (в РФ – 9,2 %), в то время как в 1999 г. их было 5,3 % (в РФ – 7,1 %), т.е. темпы инвалидизации СФО выше среднероссийских (рис. 13.19). Высокими темпами инвалидизации всего населения отличаются Республика Алтай (рост за рассматриваемый период – в 2,3 раза), а также Кемеровская область и Забайкальский край (увеличение в 1,8–1,9 раза).

Доля детей и подростков – инвалидов в возрасте 0–17 лет увеличилась в СФО за 2000–2008 гг. с 1,8 до 2,0 % (в РФ с 1,6 до 1,9 %) в соответствующей возрастной группе (рис. 13.20). В 2010 г. она сократилась и в СФО, и в РФ до 1,8 %. В Республике Тыва, Кемеровской и Иркутской областиях степень инвалидизации детей и подростков составляет 2,0–2,3 %. При снижении начиная с 2005 г. в СФО общего уровня инвалидизации, детей и подростков инвалидов по отношению к 2000 г. в Иркутской и Кемеровской областях, а также Забайкальском крае на

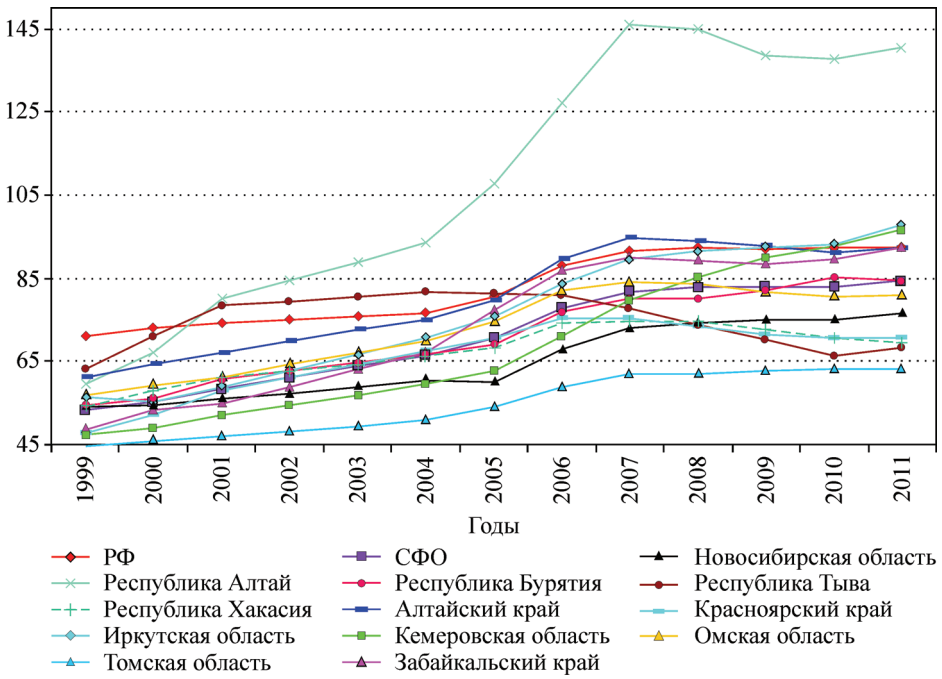


Рис. 13.19. Динамика общей инвалидизации населения СФО в 1999–2011 гг., чел. (общая численность инвалидов в расчете на 1000 чел. населения), на 1 января.

Источник: Здравоохранение в России. М.: Росстат, 2001–2011.

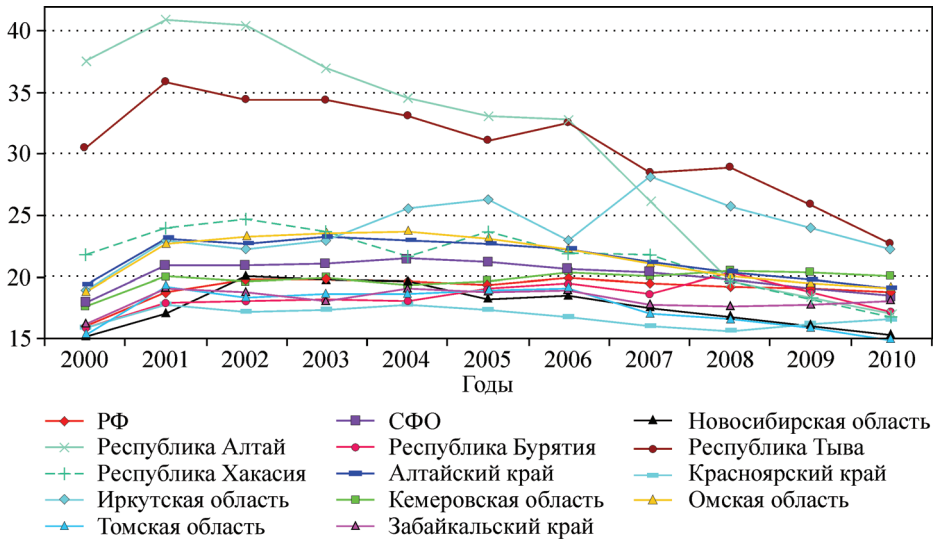


Рис. 13.20. Динамика численности инвалидов – детей и подростков в СФО в 2000–2010 гг., чел. (общая численность инвалидов в расчете на 1000 чел. населения соответствующей возрастной группы).

Источник: см. рис. 13.19.

10–18 % больше. Основными причинами, по которым дети и подростки становятся инвалидами, являются травмы и отравления (26,7 %), врожденные аномалии (16,6 %), болезни нервной системы (12,1 %) и психические расстройства (8,8 %). У взрослого населения инвалидизация определяется болезнями системы кровообращения (31,5 %), новообразованиями (21,4 %), а также болезнями костно-мышечной системы (10,8 %), травмами и отравлениями (7,9 %).

В категорию инвалидов в возрасте 18 лет и старше в 2010 г. попало в СФО 74,8 чел. и в РФ 76,8 чел. на 10 тыс. чел. населения. Но если в России этот показатель уменьшился по сравнению с 1995 г. на 15,7 %, то в СФО – всего на 0,9 % (рис. 13.21). В 2010 г. Забайкальский край, Иркутская и Кемеровская области превосходили средний уровень первичной инвалидизации взрослого населения СФО на 25–35 %. Особый всплеск данного показателя пришелся на 2005 г., затем произошло существенное его сокращение как в целом по округу, так и в ряде субъектов. К 2010 г. в Республике Бурятия первичная инвалидизация взрослого населения увеличилась в 3,3 раза, в Кемеровской области и Забайкальском крае – в 1,3–1,4 раза.

По взрослой первичной инвалидизации (видам заболеваний) СФО превосходит уровень РФ: так, по последствиям производственных травм и отравлений – в 1,5 раза; по активному туберкулезу – в 1,4 раза, профессиональным болезням, и болезням уха – в 1,3 раза, болезням костно-мышечной системы и органов дыхания – в 1,1 раза (табл. 13.6).

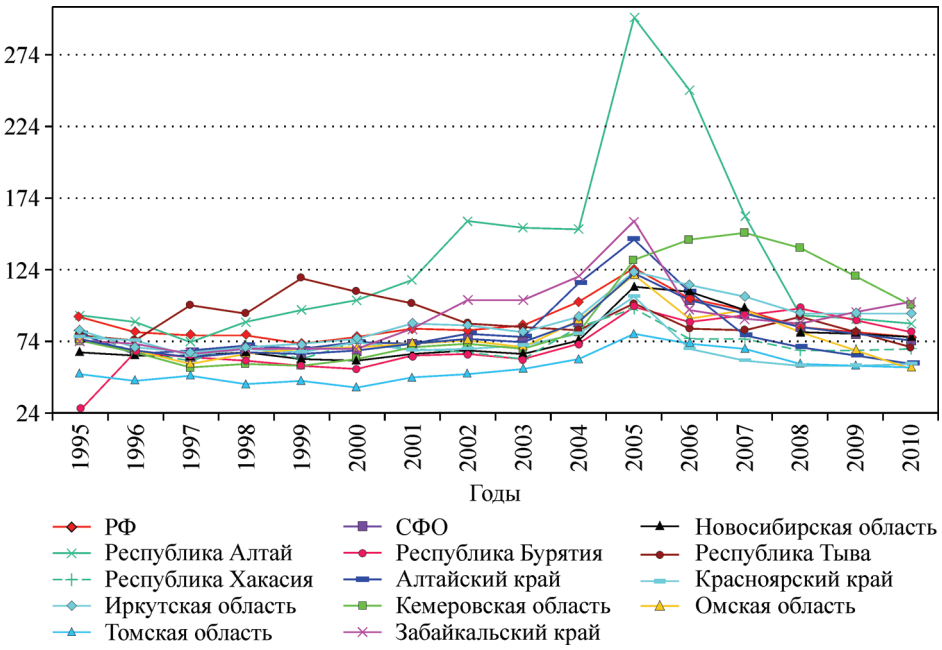


Рис. 13.21. Динамика численности лиц впервые признанных инвалидами в СФО в возрасте 18 лет и старше в 1995–2010 гг., чел. (на 10 тыс. чел. населения соответствующего возраста).

Источник: Здравоохранение в России. М.: Росстат, 2001–2011.

Таблица 13.6

Ранжирование субъектов СФО по причинам инвалидизации в 2010 г. (впервые призна возраста), % к уровню СФО

Территория	Туберкулез	Злокачественные новообразования	Болезни эндокринной системы	Психические расстройства и расстройства поведения	Болезни нервной системы	Болезни глаза
СФО в РФ	144,6	102,6	104,4	109,5	103,0	94,0
Республика Алтай	114,6	80,4	97,0	98,6	99,6	114,8
Республика Бурятия	57,3	93,7	120,9	79,2	101,5	147,6
Республика Тыва	360,4	51,6	78,7	92,5	61,8	154,8
Республика Хакасия	206,7	123,8	41,7	119,4	72,7	113,8
Алтайский край	72,0	109,6	52,8	85,0	51,6	57,6
Красноярский »	73,2	90,8	41,3	93,1	78,9	77,1
Иркутская область	72,6	83,4	123,4	119,6	94,2	96,2
Кемеровская »	143,3	113,1	143,0	92,9	124,4	89,5
Новосибирская »	131,5	104,7	125,5	122,2	128,7	92,8
Омская »	32,7	95,9	34,0	52,0	100,4	97,1
Томская »	112,1	72,2	45,5	69,4	80,7	100,0
Забайкальский край	96,3	86,4	257,4	129,5	124,0	193,8

Источник: Здравоохранение в России. М.: Росстат, 2011.

В 2010 г. по отношению к 2000 г. в СФО значительно выросла первичная инвалидизация взрослого населения: по злокачественным новообразованиям – в 1,8 раза, по болезням костно-мышечной системы – в 1,5 раза, болезням нервной системы и органов пищеварения – на 6–7 %. В большинстве случаев рост инвалидизации по этим заболеваниям в округе происходит быстрее, чем в РФ. В результате в структуре инвалидизации взрослого населения значительно увеличилась доля новообразований (более чем в 2 раза) и болезней костно-мышечной системы (табл. 13.7, рис. 13.22).

Таким образом, в России сформировались долговременные негативные тенденции ухудшения здоровья населения, более ярко проявляющиеся в Сибирском федеральном округе, что свидетельствует о снижении качественных характеристик человеческого потенциала страны. По заболеваемости рядом болезней, определяющих высокий уровень смертности, округ занимает первые места среди других округов РФ, и позиции его ухудшаются. Более того, закладывается фундамент нездоровья будущих поколений. Детская заболеваемость в России за относительно благополучный 2008 г. выросла по сравнению с предыдущим годом еще на 5 %, по-прежнему высока детская инвалидность. Полностью здоров лишь каждый десятый ребенок, а около 40 % детей отстают в половом развитии, что влечет проблемы с репродуктивной функцией будущих поколений. Практически все юноши призывного возраста страдают хроническими заболеваниями, примерно треть – дистрофией (!), 33 % молодых людей употребляют алкоголь и наркотики. Такие данные были озвучены на прошедшем в феврале 2009 г. в Мо-

ны инвалидами в возрасте 18 лет и старше, на 10 тыс. чел. населения соответствующего

Болезни уха	Болезни системы кровообращения	Болезни органов дыхания	Болезни органов пищеварения	Болезни костно-мышечной системы	Последствия травм, отравлений и т.д.	Последствия производственных травм	Профессиональные болезни
134,4	78,6	113,7	96,5	112,2	131,5	152,5	126,1
80,2	141,1	126,8	82,0	125,4	123,9	54,1	–
63,2	108,1	138,4	145,3	103,7	161,6	68,8	134,4
20,0	73,7	81,0	248,9	51,6	169,9	41,0	17,2
129,6	74,2	58,8	96,4	66,4	61,1	98,4	58,6
12,0	77,5	66,7	55,4	59,8	65,5	55,7	10,3
36,0	80,5	67,1	71,9	58,2	71,6	86,9	144,8
189,6	90,7	97,2	89,9	104,3	109,2	88,5	110,3
86,4	142,2	148,6	137,4	168,0	132,8	252,4	155,2
140,8	87,2	104,2	102,2	123,1	98,5	65,6	55,2
13,6	80,6	40,7	82,0	63,3	62,6	44,3	37,9
245,6	67,8	61,1	72,7	67,4	73,3	85,2	272,4
144,0	166,1	214,8	132,3	115,8	129,4	63,9	17,2

Таблица 13.7

Структура инвалидизации населения по ее причинам в возрасте 18 лет и старше (впер

Территория	Всего	Туберкулез	Злокачественные новообразования	Болезни эндокринной системы	Психические расстройства и расстройства поведения	Болезни нервной системы	Болезни глаза
РФ 2000 г.	100	3,7	12,8	3,1	4,4	3,1	3,6
2006 г.	100	2,3	13,0	3,4	3,3	2,7	3,2
2008 г.	100	2,9	17,6	2,9	3,6	3,0	2,6
2010 г.	100	2,9	20,3	2,9	4,1	3,4	2,9
СФО 2000 г.	100	6,3	8,3	4,0	6,2	4,1	3,8
2006 г.	100	4,1	13,1	4,1	3,6	3,0	2,9
2008 г.	100	4,7	17,8	3,5	3,7	3,0	2,6
2010 г.	100	4,3	21,4	3,1	4,6	3,7	2,8

Источник: Здравоохранение в России. М.: Росстат, 2001–2011.

Рис. 13.22. Структура первичной инвалидизации населения СФО в возрасте 18 лет и старше в 2010 г. (2000 г.), %.

Источник: Здравоохранение в России. М.: Росстат, 2001, 2011.

вые признанные инвалидами), %

Болезни уха	Болезни системы кровообращения	Болезни органов дыхания	Болезни органов пищеварения	Болезни костно-мышечой системы	Последствия травм, отравлений и т.д.	Последствия производственных травм	Профессиональные болезни	Прочие
0,5	46,1	3,6	1,8	6,7	6,4	0,9	0,4	2,9
1,0	51,2	3,0	1,5	8,0	4,6	0,5	0,2	2,1
1,1	44,6	2,6	1,8	8,4	5,5	0,6	0,2	2,6
1,2	39,2	2,5	1,9	9,3	5,8	0,5	0,3	2,8
1,0	38,1	4,9	2,1	8,6	10,0	1,4	0,5	0,7
1,6	43,7	3,7	1,6	9,6	6,3	0,7	0,4	1,6
1,9	35,9	3,4	1,8	10,7	7,3	0,8	0,6	2,3
1,7	31,5	2,9	1,8	10,8	7,9	0,8	0,4	2,3

скве общенациональном форуме «Здоровье детей – основа здоровья нации»*.

Особенно опасными следует признать тенденции к нарастанию женского и мужского бесплодия, невынашивания беременности, аномалий развития и нарастания задержек развития плода, ранних нарушений в работе иммунной и эндокринной систем, нервно-психической сферы и др.

Следует также отметить, что в целом по СФО и в большинстве его субъектов начиная с 2007 г., а иногда и ранее по некоторым показателям происходит либо стабилизация, либо улучшение ситуации. Тем не менее ни по одному показателю СФО не достиг даже уровня 1995 г., кроме некоторых его субъектов, но ситуация в них является скорее исключением.

По мнению многих специалистов, огромную роль в формировании демографического кризиса в России и нездоровья населения играет триада – алкоголь – табак – наркотики. Эти факторы объясняют низкую ожидаемую продолжительность жизни, огромный разрыв в смертности мужчин и женщин, а также высокую смертность мужчин трудоспособного возраста; влияют не только на смертность, но и на уровень рождаемости, а также на здоровье населения в целом, в том числе и будущих поколений; приводят к разрушению семей и появлению большого числа социальных сирот и безнадзорных детей, снижению интеллектуального, творческого и трудового потенциала, высокому уровню преступности, сокращению контингента для набора в силовые структуры и т.д. Таким образом, по целому ряду направлений подрываются основы национальной безопасности.

*http://www.kolesnikov-science.ru/publications/gazeta-2009-02-16.html

К другим факторам, ухудшающим здоровье россиян и так или иначе негативно влияющим на демографическую ситуацию, следует отнести: продолжающееся загрязнение окружающей среды, тяжелые условия проживания и труда, перегрузку негативной информацией и постоянное нервное напряжение, некачественное питание, ограниченную подвижность, беспорядочные половые связи, высокий уровень абортов и т.д.

Для восстановления и укрепления здоровья населения необходимы:

1. Создание и поддержание здоровой окружающей физической и психологической среды жизнедеятельности населения.

2. Утверждение здорового образа жизни в качестве общепринятой нормы существования.

3. Доступная, эффективная и безопасная система здравоохранения.

Глава 14

СЕМЕЙНЫЕ ПРАКТИКИ ПОДДЕРЖАНИЯ ЗДОРОВЬЯ

Сокращение доли физического труда и увеличение доли умственного в общем объеме труда отчасти объясняет б*о*льшее внимание современных экономистов и социологов к знаниям и навыкам, а не здоровью как элементам человеческого капитала. Тем не менее здоровье, или физический капитал, отмечается как второй значимый элемент человеческого капитала [Беккер, 2003, с. 84–85] либо как самостоятельная форма наряду с человеческим в случае, если последний включает только профессиональные знания, умения, навыки [Радаев, 2003]. Эта наиболее «инкорпорированная» в индивиде составляющая человеческого капитала, определяемая биологической наследственностью, но способами воспроизводства и накапливания физического капитала являются забота о здоровье и физические занятия, а шире – самосохранительное поведение. И. Назарова в качестве элементов такого поведения работающих называет: «1) здоровый образ жизни; 2) профилактические мероприятия и своевременное лечение заболеваний под контролем медицинского работника; 3) трудовая деятельность в безопасных условиях труда при возможности выбора рабочих мест или минимизация негативного влияния факторов труда при отсутствии выбора» [Назарова, 2009, с. 92].

Цель данной главы – выявить многообразие семейных практик поддержания здоровья, их дифференциацию. Исключив из рассмотрения трудовую деятельность как элемент самосохранительного поведения, мы выдвинули гипотезу о согласованности поведения родителей в отношении своего здоровья и здоровья детей, что позволяет говорить именно о *семейных* практиках поддержания здоровья.

Как показывают данные опроса «Человеческий потенциал Сибири: ресурсы и риски развития», субъективные оценки здоровья у жителей Новосибирской области смещены к позитивному полюсу, и это смещение выражено сильнее, чем в ответах россиян такого же возраста (табл. 14.1).

Могут сказать, что постоянно заботятся о своем здоровье, 22,5 % жителей Новосибирской области, делают это эпизодически – 42,6 %. Не заботятся о своем здоровье 23,5 %, не видят в этом необходимости 10,1 %. Для 1,3 % респондентов затруднительно было оценить свое поведение с таких позиций. О здоровье заботятся чаще, если имеют место плохие оценки самочувствия. Так, из считающих свое здоровье плохим 39,6 % отметили, что заботятся о нем постоянно (табл. 14.2). Для сравнения среди оценивающих здоровье как очень хорошее и хорошее таковых 24,1

Таблица 14.1

Распределение субъективных оценок здоровья, %

Оценка здоровья	Новосибирская обл., 2010 г., Исследование «Человеческий потенциал Сибири»	Россия, 2009 г., Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения
Очень хорошее	7,9	3,0
Хорошее	38,2	33,8
Среднее, не хорошее, но и не плохое	44,7	55,3
Плохое	7,8	7,0
Очень/совсем плохое	0,8	0,5
Затрудняюсь ответить	0,5	0,3
Всего	100,0	100,0

и 21,0 % соответственно. Эпизодическая забота о здоровье характерна в основном для тех, кто обладает «средним» здоровьем. Закономерно, что чаще указывают на отсутствие необходимости заботиться о здоровье те, у кого оно хорошее.

Что же вкладывают в понимание «заботы о здоровье» респонденты? Тем, кто, заботясь о здоровье, что-то делает, постоянно или эпизодически для его улучшения, было предложено указать, что именно они предпринимают в этой сфере*. Такой же список был предложен тем, кто не заботится о своем здоровье, в том числе из-за отсутствия необхо-

Таблица 14.2

Распределение ответов на вопрос «Можете ли вы сказать, что заботитесь о своем здоровье?» при разных самооценках здоровья, %

Вариант ответа	Самооценка здоровья					Все опрошенные
	очень хорошее	хорошее	среднее, не хорошее, но и не плохое	плохое	очень плохое	
Не забочусь	29,5	23,6	22,2	23,4	16,7	23,5
Забочусь эпизодически	17,9	38,4	53,2	32,4	25,0	42,6
Да, постоянно	42,1	21,0	19,8	39,6	50,0	22,5
Нет, в этом нет необходимости	27,7	15,7	4,3	0,9		10,1
Затруднились ответить	0,9	1,3	0,5	3,6	8,3	1,3
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

*Данный список сформирован на основе анализа ответов на открытые вопросы в социологических опросах. Во-первых, на вопрос «Сегодня много говорят о здоровом образе жизни. Что такое для Вас здоровый образ жизни?» обследования «Социальная политика в Новосибирской области: оценка эффективности и выявление приоритетных направлений деятельности органов власти по повышению качества жизни населения», проведенного в 2008 г.; во-вторых, на вопрос «Скажите, пожалуйста, в чем проявляется Ваша забота о своем здоровье, что именно Вы делаете?», заданный Фондом «Общественное мнение» во всероссийском опросе в феврале 2008 г. [Иванова 2008].

Таблица 14.3

Распространенность элементов здоровьесберегательного поведения при разной выраженности заботы о здоровье (в % по столбцу, множественный выбор)

Элементы здоровьесберегающего поведения	Выраженность заботы о здоровье	
	«забочусь постоянно» или «забочусь эпизодически»	«не забочусь» или «не забочусь, в этом нет необходимости»
Гуляю, много бываю на свежем воздухе, отдыхаю на природе	57,6	56,4
Работаю на даче, огороде, занимаюсь физическим трудом	50,0	56,6
Прохожу профилактический осмотр у врача, профилактическую диагностику по собственной инициативе	42,9	9,1
Слежу за своим питанием	41,6	17,2
Выполняю предписания врачей	35,0	7,7
Соблюдаю режим дня, стараюсь больше отдыхать	26,7	12,5
Избегаю стрессов	26,0	18,2
Прохожу профилактический осмотр у врача, профилактическую диагностику для получения справки о состоянии здоровья, медицинской книжки из-за того, что работаю на вредном производстве	22,7	11,3
Занимаюсь танцами или спортом, езжу на лыжах, сноуборде, велосипеде, роликах	11,3	8,1
Посещаю тренажерный или спортивный зал	9,5	5,9
Другое	2,4	
Ничего из перечисленного		4,2

димости в этом. В последнем случае респонденты просто указывали элементы, присутствующие в их повседневном поведении (табл. 14.3).

Для большинства респондентов забота о здоровье – это сочетание пребывания на свежем воздухе, природе с физическим трудом. Причем жители сельских населенных пунктов указывают эти ответы в 2–3 раза чаще (71,4 и 81,4 % соответственно), чем жители Новосибирска (46,3 и 28,6 %). Но основные различия в интерпретации «заботы о здоровье», как показывают ответы, связаны с медициной. Выполнение предписаний врачей, а также профилактические и диагностические обращения к медикам чаще включаются в понимание «заботы о здоровье», чем присутствуют в поведении «не заботящихся». Последние также реже указывают на соблюдение режима дня и питания, избегание стрессов. Причем если среди всех опрошенных указали, что курят в настоящее время 53,8 %, то среди тех, кто заботится о здоровье эпизодически или постоянно, – 43,1 и 33,2 % соответственно, а среди тех, кто не заботится или считает, что в этом нет необходимости, – 55,6 и 58,3 %.

Сравнение ответов этих двух категорий респондентов позволяет говорить, что при выраженности в трактовке «заботы о здоровье» «лечебной» составляющей не заботящиеся о нем не предлагает что-либо в качестве альтернативы. Их поведение не отличается, как можно было бы

Таблица 14.4

Результаты факторного анализа совокупности ответов о практиках заботы о собственном здоровье

Варианты ответов – дихотомические переменные	Факторные нагрузки переменных с факторами		
	1 – оберегание от неблагоприятных условий	2 – ориентация на медицину	3 – двигательная активность
Выполняю предписания врачей		0,801	
Прохожу профилактический осмотр у врача, профилактическую диагностику по собственной инициативе		0,776	
Прохожу профилактический осмотр у врача, профилактическую диагностику для получения справки о состоянии здоровья, медицинской книжки вследствие того, что работаю на вредном производстве		0,283	
Гуляю, много бываю на свежем воздухе, отдыхаю на природе			0,348
Посещаю тренажерный или спортивный зал			0,720
Занимаюсь танцами или спортом, катаюсь на лыжах, сноуборде, велосипеде, роликах			0,779
Слежу за своим питанием	0,701		
Соблюдаю режим дня, стараюсь больше отдыхать	0,736		
Избегаю стрессов	0,746		
Доля дисперсии, объясненной фактором	18,477	15,627	14,342

Примечание. Указаны значения факторных нагрузок, > 0,3 по модулю.

ожидать, превалированием различных форм физической активности (танцы, спорт, физкультура и т.п.), избеганием негативного потребления. Они просто реже «вступают в отношения» с системой здравоохранения.

С помощью процедуры факторного анализа* элементы здоровьесберегающего поведения были сгруппированы в три новые переменные-факторы (табл. 14.4). Первым фактором, объединившим ответы «слежу за своим питанием», «соблюдаю режим дня, стараюсь больше отдыхать» и «избегаю стрессов», можно назвать «оберегание от неблагоприятных условий». Со вторым фактором с более высокими факторными нагрузками коррелируют переменные «выполняю предписания врачей», «прохожу профилактический осмотр у врача по собственной инициативе» и «прохожу профилактический осмотр у врача по необходимости». Этот

*Метод главных компонент, вращение Varimax, совокупность дихотомических переменных, отражающих выбор/не выбор вариантов ответов. Анализ был осуществлен на всей совокупности ответов без разделения на тех, кто заботится или не заботится о своем здоровье, при этом вариант «Работаю на даче, огороде, занимаюсь физическим трудом» был на данном этапе исключен из рассмотрения. Это обусловлено как необходимостью дальнейшего сравнения ответов родителей о способах заботы о собственном здоровье с ответами о способах заботы о здоровье детей, так и большей объяснительной способностью полученной факторной модели.

фактор – «ориентация на медицинскую помощь». Третий фактор – «двигательная активность» – включает переменные «гуляю, много бываю на свежем воздухе, отдыхаю на природе», «посещаю тренажерный или спортивный зал», а также «занимаюсь танцами или спортом, езжу на лыжах, сноуборде, велосипеде, роликах».

Респонденты из семей, в которых есть дети до 16 лет, также отмечали в предложенном списке ряд действий, которые они предпринимают в качестве заботы о здоровье детей или называли собственные варианты. Чаще всего в качестве такого рода практики выбирают прогулки детей, пребывание их на свежем воздухе (67,9 %), а также взаимодействие с системой здравоохранения (выполняем предписания врачей – 63,5 %, водим детей на профилактический осмотр у врача, профилактическую диагностику – 62,3 %). Замыкает группу ответов-лидеров вариант «следим за питанием детей» – 60,4 %.

В центр списка попали ответы «следим за режимом дня детей» – 52,5 % и «оберегаем детей от стрессов» – 44,2 %. Наименее распространенными практиками заботы о здоровье детей являются физические занятия: катание на лыжах, сноуборде, велосипеде, роликах (26,6 %) и посещения тренажерного или спортивного зала, спортивной секции или танцевальной студии (20,7 %). 12,8 % родителей полагают, что их дети здоровы и нет необходимости предпринимать что-либо специально.

Факторный анализ привел к образованию трех новых переменных-факторов, близких по своему содержанию к тем, которые получились при объединении ответов взрослых о собственном здоровьесберегающем поведении. Первый фактор – «оберегание от неблагоприятных условий» – объединил ответы «следим за питанием детей», «следим за режимом дня детей» и «оберегаем детей от стрессов» (табл. 14.5). Второй фактор, обозначенный как «ориентация на медицинскую помощь», с высокими факторными нагрузками, включил переменные: «выполняем предписания врачей», «водим детей на профилактический осмотр у врача, профилактическую диагностику», а также «дети гуляют, много бывают на свежем воздухе, отдыхают на природе». Третий фактор, названный по аналогии с результатами предыдущего факторного анализа «двигательная активность», представлен переменными «дети посещают тренажерный или спортивный зал, спортивную секцию; занимаются танцами» и «дети ездят на лыжах, сноуборде, велосипеде, роликах».

Получившиеся факторы – это способы реализации на практике заботы о здоровье, и таких способов как образцов поведения три: ориентированный на медицинские услуги, ориентированный на двигательную активность и подразумевающий контроль над повседневной жизнью с целью минимизировать негативные воздействия на организм. Два последних фактора носят, скорее, профилактический характер, тогда как первый подразумевает обращение в медицинские учреждения с уже существующими проблемами. Данные факторы достаточно устойчивы, что подтверждает анализ ответов респондентов о способах заботы о собственном здоровье и здоровье детей: выделено то же число факторов, образованных идентичными переменными. При этом каждый фактор сильнее

Таблица 14.5

Результаты факторного анализа совокупности ответов о практиках заботы о здоровье детей

Варианты ответов – дихотомические переменные	Факторные нагрузки переменных с факторами		
	1 – оберегание от неблагоприятных условий	2 – ориентация на медицину	3 – двигательная активность
Следим за питанием детей	0,740		
Следим за режимом дня детей	0,848		
оберегаем детей от стрессов	0,776		
Выполняем предписания врачей		0,817	
Водим детей на профилактический осмотр у врача, профилактическую диагностику	0,350	0,659	
Дети гуляют, много бывают на свежем воздухе, отдыхают на природе	0,346	0,529	
Дети посещают тренажерный или спортивный зал, спортивную секцию; занимаются танцами			0,854
Дети ездят на лыжах, сноуборде, велосипеде, роликах			0,744
Специально ничего не предпринимаем, наши дети здоровы		−0,691	
Доля дисперсии, объясненной фактором	24,217	22,579	15,968

Примечание. Указаны значения факторных нагрузок, > 0,3 по модулю.

всего связан со своим аналогом, получившимся при анализе практик заботы о собственном здоровье и здоровье детей (см. табл. 14.6). Иными словами, родители в общих чертах воспроизводят в отношении здоровья детей те же модели поведения, что и в отношении собственного здоровья. Поэтому о практиках поддержания здоровья можно говорить как о *семейных*, с той оговоркой, что в родительском поколении частота проявления каждой из них в целом ниже, чем в отношении детей.

Таблица 14.6

Взаимосвязь переменных-факторов, отражающих способы заботы о здоровье детей и собственном здоровье респондентов

Способы заботы респондентов о собственном здоровье	Способы заботы о здоровье детей		
	оберегание от неблагоприятных условий	ориентация на медицину	двигательная активность
Оберегание от неблагоприятных условий	0,402 (0,000)	0,071 (0,106)	0,054 (0,220)
Ориентация на медицину	0,176 (0,000)	0,239 (0,000)	0,128 (0,004)
Двигательная активность	0,107 (0,015)	0,108 (0,015)	0,164 (0,000)

Примечание. Указаны значения коэффициентов корреляции Спирмена, в скобках – уровень статистической значимости коэффициентов.

Таблица 14.7

Способы поддержания здоровья детей респондентами разного уровня жизни (в % по столбцу, множественный выбор)

Варианты ответов	Величина душевого дохода в домохозяйстве, руб.							Вся совокупность
	до 3000	3001–6000	6001–9000	9001–12 000	свыше 12 000	затрудняюсь сказать	отказ от ответа	
Выполняем предписания врачей	75,5	72,4	55,1	59,4	49,0	40,7	68,8	63,5
Водим детей на профилактический осмотр к врачу, на диагностику	75,5	71,6	50,5	50,0	59,2	48,1	65,6	62,3
Дети гуляют, много бывают на свежем воздухе	76,6	79,9	55,1	64,1	65,3	33,3	75,0	67,9
Дети посещают тренажерный или спортивный зал, секцию, танцевальную студию	20,2	20,1	15,9	15,6	38,8	22,2	21,9	20,7
Дети катаются на лыжах, сноуборде, велосипеде, роликах	29,8	30,6	20,6	29,7	32,7	7,4	21,9	26,6
Следим за питанием детей	67,0	66,4	54,2	64,1	55,1	44,4	50,0	60,4
Следим за режимом дня ребенка	53,2	57,5	49,5	57,8	49,0	48,1	37,5	52,5
Оберегаем детей от стрессов	38,3	52,2	46,7	48,4	42,9	25,9	28,1	44,2
Специально ничего не предпринимаем, наши дети здоровы	6,4	9,7	19,6	12,5	12,2	25,9	12,5	12,8

Реализация практик поддержания здоровья детей дифференцирована в зависимости от статуса семьи. Здесь можно говорить о двух зафиксированных особенностях. Во-первых, респонденты из более обеспеченных семей реже артикулируют в качестве такого способа обращение в медицинские учреждения (табл. 14.7). При этом закономерность уменьшения «популярности» данного пути поддержания здоровья детей по мере увеличения дохода наблюдается в ответах как городских, так и сельских респондентов. В качестве «компенсации» выступает посещение детьми спортивных занятий, двигательная активность и т.п. Отметим, что в отношении практик заботы о собственном здоровье более обеспеченные респонденты также реже выбирают ответ «выполняю предписания врачей»*, но из них большей физической активностью отличаются те респонденты, которые полагают, что постоянно заботятся о собственном здоровье.

Во-вторых, при слабой дифференциации ответов респондентов с разным уровнем образования на общем фоне выделяются городские родите-

*Данная закономерность проявляется как во всей совокупности опрошенных, так и в отношении ответов только тех респондентов, у которых имеются дети до 16 лет, т.е. в более молодой возрастной группе, чем все респонденты.

ли, не имеющие никакого образования, кроме школьного. Из них 40 % полагают, что их дети здоровы, поэтому ничего для поддержания их здоровья предпринимать не надо. Соответственно, все практики этой группой опрошенных назывались реже, чем в данной совокупности в целом.

Что касается здоровьесберегательного поведения взрослых, то фиксируется, что во всех возрастных группах более обеспеченные респонденты чаще называют здоровье как свое личное преимущество и чаще оценивают его как хорошее. Скорее всего, осознание здоровья как части своего личностного потенциала стимулирует индивидов не допускать ситуации, когда обращение к врачам становится способом заботы о здоровье, а принимать своевременно предупредительные меры. Чаще всего в качестве таковых мер обеспеченные респонденты, заботящиеся о своем здоровье, называют варианты, отражающие различную физическую активность, и «слежу за своим питанием».

Медицинский дискурс заботы о здоровье особенно характерен для малообеспеченных групп, которые не могут мобилизовать ресурсы, чтобы практиковать профилактические способы подержания здоровья (табл. 14.8). Соответственно, все эти модели поведения реализуются и в отношении здоровья детей.

Таблица 14.8

Распространенность способов заботы о здоровье при разном уровне среднедушевого дохода (% по столбцу, множественный выбор респондентов, постоянно или эпизодически заботящихся о своем здоровье при оценке здоровья как «очень хорошего» или «хорошего»)

Способы заботы респондентов о собственном здоровье	Доходные интервалы, руб.				
	до 3000	3001–6000	6001–9000	9001–12 000	свыше 12 000
Работаю на даче, огороде	86,8	62,1	39,1	30,2	47,5
выполняю предписания врачей	36,8	26,4	21,7	14,3	20,3
Прохожу профилактический осмотр у врача, профилактическую диагностику по собственной инициативе	47,4	41,4	27,5	31,7	50,8
Прохожу профилактический осмотр у врача, профилактическую диагностику для получения справки о состоянии здоровья, медицинской книжки из-за того, что работаю на вредном производстве	23,7	32,2	21,7	27,0	15,3
Гуляю, много бываю на свежем воздухе, отдыхаю на природе	78,9	71,3	63,8	54,0	55,9
Посещаю тренажерный или спортивный зал	7,9	13,8	14,5	23,8	23,7
Занимаюсь танцами или спортом, катаюсь на лыжах, сноуборде, велосипеде, роликах	15,8	20,7	14,5	22,2	23,7
Слежу за своим питанием	26,3	41,4	42,0	49,2	61,0
Соблюдаю режим дня, стараюсь больше отдыхать	15,8	28,7	24,6	28,6	27,1
Избегаю стрессов	21,1	29,9	33,3	34,9	42,4
Другое	2,6	2,3	5,8	4,8	5,1

Тем не менее, как показывает анализ, обращение за медицинскими услугами – один из наиболее выраженных элементов здоровьесберегающего поведения. Существующая система здравоохранения задает инфраструктурные и институциональные рамки для такого поведения. Российские и зарубежные исследования фиксируют в качестве основного фактора обращения за медицинской помощью наличие потребности в ней, определяемой через самооценку состояния здоровья или хроническом заболевании. Уровень дохода является следующим по значимости фактором. Анализ данных РМЭЗ показывает, что с ростом благосостояния увеличивается вероятность обращения за медицинской помощью: богатые (пятый квинтиль) обращаются к медицинским работникам на 37 % чаще, чем бедные (первый квинтиль). «Жители Москвы и Санкт-Петербурга при прочих равных условиях чаще решают возникающие проблемы со здоровьем самостоятельно, не обращаясь к медицинским работникам. Самый высокий шанс обращения за медицинской помощью – у жителей больших городов, они делают это на 22 % чаще, чем жители села» [Российское здравоохранение... 2008, с. 27]. Четкие различия между городом и селом фиксируются и по данным других исследований: чем меньше размеры населенного пункта, тем меньше число жителей, обращающихся к врачу-специалисту и за диагностическими обследованиями [Шишкин и др., 2008]. В целом индивиды из групп с низким уровнем располагаемых ресурсов чаще вынуждены отказываться от обращения за платной медицинской помощью из-за невозможности ее оплаты и реже выполняют назначенное в государственных учреждениях лечение полностью, так как не могут приобрести нужные лекарства [Бесстремянная, Шишкин, 2005].

Из данных опроса в Новосибирской области можно извлечь субъективные объяснения трудностей с получением медицинской помощи. В целом 13,1 % респондентов отметили, что за последний год-два возникали ситуации, «когда им или другим членам семьи нужно было обратиться к врачу, получить консультацию узкого специалиста, пройти диагностику (сдать анализы), но сделать это не получилось». При этом различия между областным центром и другими типами населенных пунктов статистически малозначимы: среди новосибирцев не смогли получить медицинские услуги 11,4 %, среди жителей районных центров – 16,2 %, а среди сельских респондентов – 15,0 %. Но такой примерно равной вероятностью не попасть на прием к врачу или не пройти диагностику скрываются разные причины (табл. 14.9).

Если для районных центров и сельских населенных пунктов недоступность медицинских услуг связана с кадровым дефицитом в учреждениях здравоохранения и, как следствие, с ограничивающими «правилами доступа» к врачу, а также территориальной удаленностью лечебных учреждений, то для новосибирцев актуальны, в первую очередь, причины, связанные с затратами времени на посещение врачей, а также с расходам на оплату медицинских услуг. Тем не менее жителей всех населенных пунктов объединяет «коллективная эксклюзия» в недоступ-

Таблица 14.9

Причины неполучения медицинских услуг, названные респондентами из разных населенных пунктов (% по столбцу, множественный выбор)

Причины неполучения медицинской помощи	Населенный пункт			Все, не получившие медицинские услуги
	Новосибирск	районные центры	другие сельские населенные пункты	
Сложно попасть на прием к врачу, большие очереди, трудности с записью на прием	44,0	35,2	33,3	38,1
Отсутствие в ближайших поликлиниках, больницах, медпунктах нужных специалистов, лабораторий	16,0	37,0	35,0	28,0
Это отнимает много времени, некогда	32,0	25,9	20,0	26,5
Это платная услуга, нет средств на оплату	29,3	16,7	20,0	22,8
Трудно ездить по больницам, в общественном транспорте	4,0	5,6	11,7	6,9
Для этого необходимо далеко ехать, нет средств на дорогу		3,7	13,3	5,3
Нет медпункта, больницы по месту жительства, далеко добираться до больницы			6,7	2,1
Нет полиса медицинского страхования	1,3	1,9		1,1
Другое	8,0	9,3	5,0	7,4

ности медицинских услуг – эта проблема трудно решаема за счет индивидуальных факторов (материальных возможностей).

Необходимость оплачивать медицинские услуги воспринимается в качестве ограничения в доступе к ним острее всего новосибирцами с низкими доходами. Если в сельской местности низкая частота выбора ответа «это платная услуга, нет средств на оплату» связана с узостью сегмента платной медицины, то жители крупного города указывают ее чаще не столько из-за низких доходов, сколько в силу большего предложения платных медицинских услуг. Но, судя по ответам наших респондентов, не все проблемы с получением медицинских услуг решаются с помощью высоких доходов. Самые обеспеченные респонденты (имеющие душевой доход выше 12 тыс. руб.) по уровню доступности медицинской помощи не отличаются от «среднестатистического» респондента – среди них 14,1 % не смогли при необходимости попасть к врачу или на диагностику в течение последнего времени. Самими респондентами объясняется это необходимостью тратить много времени на визит к медикам (42,9 %), что связано с большими очередями к врачам, трудностями с записью на прием (42,9 %).

Раздел 4

Этнические риски человеческого развития

Глава 15

ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЕ РИСКИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ СИБИРИ

Базовая концепция анализа этносоциальных и этнополитических процессов, предложенная в теоретической части раздела и взятая за основу данного исследования, дает возможность обозначить пространство и векторы развития человеческого потенциала в сибирском регионе в этническом аспекте. Это является одним из условий разработки стратегии развития сибирских территорий.

Согласно концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 г. вопросы государственного и общественного развития неразрывно связаны с развитием человеческого потенциала на сибирских территориях [Концепция..., 2008; 2011]. Стратегической целью развития Сибири обозначено «обеспечение устойчивого повышения уровня и качества жизни населения на основе сбалансированной социально-экономической системы инновационного типа, гарантирующей национальную безопасность, динамичное развитие экономики и реализацию стратегических интересов России в мировом сообществе» [Стратегия..., 2010].

Конструирование желаемой модели развития предполагает баланс государственных, общественных и личностных интересов, неотъемлемой частью которых являются этнические интересы. Однако в реальности противоречия личностной идентичности и групповой солидарности, основанной на этнических ценностях, с одной стороны, и тенденций социально-экономической интегрированности и политической консолидации – с другой, формируют конфигурацию рисков.

Общемировые процессы глобализации, рост трансграничных и региональных миграций сопровождаются ростом этнополитических рисков во всем мире. Россия в целом и Сибирь в частности в данном случае не являются исключением. Межэтнические конфликты, экстремизм, терроризм, бытовой национализм и целый ряд других проблем – это общемировые реалии наших дней.

Кроме того, социально-экономические преобразования последних 20 лет кардинально изменили социальный ландшафт российского общества, спровоцировали обострение целого ряда проблем: оказались нарушены привычные жизненные устои, сложившиеся общественные стандарты и правила поведения, что и стало дополнительным фактором усиления конфликтности в стране в целом.

Особое место среди социальных рисков заняли риски этнополитические. Конкретизируя понятие и содержание этнополитических рис-

ков, возникающих при оценке развития человеческого потенциала в Сибири, необходимо отметить детерминированность этого развития как многовекторного явления. В этом случае этнополитические факторы представляют собой компоненту, определяющую контекст экономического, социального и культурного развития Сибири.

Стратегия национальной безопасности РФ до 2020 г. обозначает существующие и вероятные этнополитические риски как потенциальную угрозу для развития страны и регионов, особо выделяя среди них такие, как «националистические настроения, ксенофобия, сепаратизм и насильственный экстремизм, в том числе под лозунгами религиозного радикализма» [Стратегия..., 2009].

При обозначении приоритетных направлений развития подчеркивается, что «для предотвращения угроз национальной безопасности необходимо обеспечить социальную стабильность, этническое и конфессиональное согласие, повысить мобилизационный потенциал и рост национальной экономики, поднять качество работы органов государственной власти и сформировать действенные механизмы их взаимодействия с гражданским обществом в целях реализации гражданами Российской Федерации права на жизнь, безопасность, труд, жилье, здоровье и здоровый образ жизни, на доступное образование и культурное развитие» [Стратегия..., 2009].

Реализация заявленных положений и «создание комплексной системы контроля над рисками» невозможны без осуществления деятельности по стратификации этнополитических рисков, прежде всего по обеспечению баланса интересов коренного населения и трудовых мигрантов с учетом их этнических, языковых, культурных и конфессиональных различий, включая совершенствование миграционного учета, а также ... обоснованное территориальное распределение трудовых мигрантов исходя из потребностей регионов в трудовых ресурсах» и т.д. [Стратегия..., 2009].

Оценка состояния этнополитической ситуации и рисков в регионе требует анализа составляющих процесса взаимодействия этносоциальных и этнополитических субъектов сибирского региона, его исторических особенностей, современного состояния и перспектив, а это предполагает обращение к реалиям российской политики и мировому опыту регионализма и федерализма.

С момента включения Сибири в экономическое и политико-правовое пространство Российского государства, ее полиэтничное сообщество формировалось и структурировалось в рамках развития широкомасштабной миграции. Мигранты (главным образом, выходцы из российских регионов) расселялись компактно или дисперсно, с учетом экономических или политических интересов государства, и управлялись в рамках общероссийского законодательства и традиционных правовых институтов. Часть переселенцев владела опытом трансграничного существования (выходцы с западных или южных границ России), часть такого опыта не имела (преимущественно крестьянские переселенцы), часть выступала в качестве идеологических, политических или социальных противников центральной власти (ссыльные).

По отношению к аборигенному населению применялись нормы колониального права по схемам «косвенного» и «прямого» управления с учетом особенностей освоения сибирских территорий. Принципы конфигурирования и управления уже созданными административно-территориальными единицами в регионе базировались на основе законодательного параллелизма в управлении миграционным и аборигенным сообществами.

Закрепление мигрантов на новых местах жительства и их освоение позволяли решить геополитические и экономические задачи России. На протяжении практически всего имперского и советского периода российской истории действовал асимметричный механизм государственного устройства и государственного управления сибирскими территориями, формирующий разные статусные позиции этносоциальных групп.

Существовала система выделения территорий, основанная на приоритетных формах эксплуатации ресурсов: кабинетные земли, государственный земельный фонд, переселенческий фонд. Статус мигранта определялся рядом преференций в поземельном устройстве и налогообложении. Территориально места расселения миграционных сообществ в Сибири могли совпадать (полностью или частично) с ареалами традиционного природопользования аборигенных сообществ, сокращая последние и вызывая разрушение сложившихся хозяйственно-бытовых комплексов. Естественным следствием развития ситуации становились этноэкономические и этносоциальные конфликты.

Вместе с тем, имел место и обратный процесс: сохранение традиционных форм самоорганизации аборигенного сообщества и его консервация через систему политико-правовых механизмов. Согласно Уставу 1822 г., сибирские инородцы выступали в качестве особого сословия Российской империи с потенциальной свободой перехода в другие категории: оседлые народы приравнивались к основному податному населению; для кочевых этносов сохранялись традиции родовой организации и управления. Выделение инородцев в особую, юридически оформленную группу являлось фактором этнической консолидации.

Сибирские территории представляли собой чересполосицу миграционных и аборигенных сообществ; при этом местное, коренное население со времен царской России постоянно взаимодействовало с массовыми миграционными потоками. Каждая волна мигрантов накладывалась на полиэтничное пространство и, в свою очередь, взаимодействовала с периодическими волнами добровольных и принудительных мигрантов, что не позволяло какой-либо этнической (этносоциальной) группе «заявить» о своих притязаниях.

Вторая половина XIX в. в России была отмечена усилением тенденций централизации и унитаризации в управлении «инородцами», что совпало с унификацией системы регионального управления. Включение огромных территорий российских окраин, заселенных полиэтничными и поликультурными сообществами, в социально-экономическую и административно-территориальную инфраструктуру государства ставило перед ним задачу формирования единого политико-правового простран-

ства. Однако «попытки унификации системы общеимперского управления окраинами наталкивались, во-первых, на сопротивление внутри отдельных окраин, и, во-вторых, специфика окраинных территорий (культурная, языковая, религиозная) была столь ярко выражена, что не всегда представлялась возможность ввести на всех окраинах единую унифицированную систему» [Бахтурина, 2004,с. 14].

К началу XX в. единство административно-территориального пространства Российской империи было достигнуто, но со значительными изъятиями – в своих правах и возможностях Сибирь так и не была уравнена с регионами Центральной России. Социально-политическая асимметрия стимулировала рост этнического национализма российских окраин в годы Первой мировой войны, в том числе – волну движения за национальное самоопределение коренных народов Сибири, переживавших период национальных мобилизаций.

В 1917 г. в ходе советского строительства, с предоставлением (пусть и декларативным) народам постимперской России широчайшей (даже для Европы того времени) автономии – с признанием советским руководством права наций на самоопределение в качестве «государственнообразующего» принципа, процесс этнополитической стратификации у народов Сибири вступил в новую стадию. При унификации национальных и социальных статусов народонаселения СССР произошла легитимация (и консервация) этнических иерархий. Таким образом, разновекторные тенденции государственного строительства продолжали доминировать и в советской национальной политике.

После ликвидации СССР и разрушения системы управления и контроля над национальными территориями в постсоветском социально-политическом пространстве получили развитие процессы суверенизации; была актуализирована идеология самоопределения, кодифицированная еще в 1930-е гг.

Российская Федерация, сохранившая практически без изменений традиционный советский принцип национально-территориального устройства, стала зоной активных политических экспериментов. К началу 1990-х гг. федеральная власть зафиксировала сложившуюся в постсоветской России статусную иерархию народов и территорий Федеративным договором. Конституция РФ 1993 г. подтвердила традиции национально-территориального деления, заложенные задолго до ее принятия, и вместе с традициями перенесла на новую российскую почву и особенности национально-территориального устройства: «огромные размеры территории; неравномерное развитие регионов, усугубившееся с началом перехода к рыночным отношениям; специфику природно-климатических ресурсов каждого из них; этническое многообразие дисперсно расселенных народов; различия в культуре и конфессиональной принадлежности; ментальность всего населения и отдельных его групп; кризисное состояние различных сфер жизни общества; сочетание национальной и территориальной моделей в административном делении и многое другое» [Административно-территориальное устройство..., 2003, с. 214].

Можно согласиться с Л. Полищуком в том, что изначально регионализм рассматривался федеральным центром как способ решения задач социального обеспечения и поддержания занятости в условиях экономического кризиса [Полищук, 2010]. Знаменитое предложение Президента РФ Б.Н. Ельцина: взять регионам столько власти, сколько они смогут вынести, иллюстрирует настрой того времени. При этом ни ресурсы, ни полномочия администраций на местах не были четко установлены. Позиция «защитника» региональных интересов перед Москвой приносила огромные политические выгоды, а усилия и энергия региональных должностных лиц часто были поглощены «торгом» с федеральным правительством, оставляя внутренние проблемы относительно запущенными.

В результате бездействия федерального правительства регионы расширили свои полномочия, заменяя институты и предметы ведения федерального уровня решениями местного уровня и принимая законы в сферах, которые по Конституции РФ находились в исключительной компетенции Федерации. Такая практика разрушала единство российского экономического и правового пространства [Полищук, 2010].

Так, среди сибирских автономий Тыва и Якутия закрепили за собой право приостанавливать действие законов и актов РФ, если они противоречат республиканским конституциям; Бурятия и Тыва – установили право на введение чрезвычайного положения без согласования с центром; Тыва – право объявлять на своей территории военное положение и принимать решения по вопросам войны и мира; Тыва, Якутия, Алтай объявили природные ресурсы своих территорий республиканской собственностью; Республика Алтай обозначила свои приоритеты в вопросах охраны культурного и исторического наследия.

В первое десятилетие 2000-х гг. конституционный конфликт был исчерпан: республиканские законодательства были приведены в соответствие с федеральным, но государственное устройство России сохранило сложную иерархическую структуру. Статья 5 Конституции РФ декларирует равенство субъектов РФ между собой и перед федеральным центром, одновременно сохраняя вариативность их административно-территориального и политического устройства.

Федеративная асимметричность проявляется в делении субъектов федерации на административно-территориальные и национально-территориальные автономии. Выделяются республики, национально-автономные округа, автономная область, а также края, области и федеральные округа. Вариативность и иерархичность государственного устройства стали одной из главных проблем современного российского федерализма.

Помимо сложного политического структурирования, характерного для всех российских территорий, специфика сибирских автономий заключается также в их преимущественно сырьевой направленности. Под сырьевыми территориями понимают «такие административно-территориальные образования (в статусе субъекта Российской Федерации), решение основных социально-экономических проблем которых в определяющей степени связано с использованием природных ресурсов (как на

поверхности данной территории, так и в ее недрах). Это означает, что экономическая деятельность, связанная с поиском, разведкой, а также последующим освоением, разработкой и возможным восстановлением природных ресурсов, преобладает в структуре валового регионального продукта, в налоговых поступлениях в бюджет территории и играет существенную роль в обеспечении занятости трудоспособного населения» [Крюков, Селиверстов, Токарев, 2003].

В мировой практике доступ к природным ресурсам региональных элит во многом определяет экономические предпосылки в развитии возможных сепаратистских тенденций. Сложившиеся к началу 1990-х гг. стратегии освоения сибирских сырьевых территорий способствовали активизации их экономических элит с целью закрепления за собой «жизненного пространства». Среди инструментов влияния активно использовалась и этническая мобилизация.

В начале 1990-х гг. политические элиты ряда российских регионов использовали этнические (этнополитические) лозунги в своих программах, в том числе для обеспечения доступа к власти и ресурсам, как дополнительный фактор в борьбе против «чужого» капитала, для его вытеснения с региональных рынков и т.д. Для этого периода были характерны попытки реализовать принцип этнической государственности, например, через право сецессии или подавление национальных меньшинств, через рассмотрение региональных законопроектов и т.д. Все вышесказанное подпадало под категорию «условного» национализма. На данный момент ни одна из указанных деклараций практически не получила своего реального развития.

Современные региональные этнополитические элиты потеряли заинтересованность в получении подлинного суверенитета, либо сумев в большинстве своем использовать имеющиеся возможности на местах, либо выстроив эффективную систему отношений с федеральным Центром.

В настоящий момент этнополитическое пространство Сибири имеет ряд особенностей. Общей для региона, как и для России в целом, согласно мониторингу EAWARN 2010 г., является ситуация, позитивно развивающаяся на протяжении последнего десятилетия. Анализ ситуации позволяет сделать вывод, что после завершения открытых военных конфликтов (прежде всего, в Чечне), наступила «эйфория благополучно пережитого напряжения» на фоне «привыкания» к конфликту. Улучшение ситуации в России продолжалось с начала 2000-х гг. в контексте общей социально-политической стабилизации, несмотря на трагические рецидивы.

Но при этом сохранялась латентная напряженность; в ходе обострения политических дебатов и при росте социальных проблем уровень общественного напряжения стал расти [Этнополитическая ситуация в России..., с.245]. Ухудшение ситуации обозначилось к 2009–2010 г., показателем чего был рост рейтингов конфликтности – по России в целом с 6,44 (2007 г.) до 7,74 (2010 г.); тем не менее ситуация оставалась в пределах слабой напряженности.

По СФО исчисляемые рейтинги по регионам выглядели так: Томская область – 2,66 % (2007 г.), 9,72 % (2010 г.); Республика Алтай –

2,43 % (2007 г.), 9.51 % (2010 г.); Якутия – 7,59 % (2007 г.), 8,42 % (2010 г.); Омская область – 8,18 % (2010 г.); Иркутская область – 7,70 % (2007 г.), 7,70 % (2010 г.); Республика Тыва 9.72 % (2010 г.); Алтайский край 2,17 % (2007 г.), 4,72 % (2010 г.); Республика Бурятия 8,65 % (2007 г.), 2,50 % (2010 г.) [Этнополитическая ситуация в России..., с. 243].

Мониторинг, проведенный по Новосибирской области и г. Новосибирску, позволил определить рейтинг конфликтности в границах 8–10 % с акцентированной миграционной и экологической составляющими. В целом по СФО эти показатели укладывались в определения «стабильная обстановка» и «слабая напряженность».

По мнению экспертов и аналитиков EAWARN на 2010 г., «ситуация в России оставалась в целом стабильной, порог слабой напряженности не был преодолен в сторону ухудшения. Это показывает наличие серьезного мирного потенциала в российском обществе. Однако и обществу, и политикам не следует игнорировать негативные тенденции последних лет, которые возникли и сохраняются в сфере общественно-политических, социальных и межэтнических отношений» [Этнополитическая ситуация в России..., с. 246].

При этом следует отметить, что «реальный» национализм, под которым традиционно понимается протест этнической группы против реального или мнимого ущемления ее интересов, к 2010 г. стал не актуален для сибирского региона в целом. Определяющим условием при характеристике ситуации является многонациональный состав ее народонаселения с присущим ему культурным и конфессиональным многообразием, исторически сложившиеся практики межэтнического взаимодействия и традиции этнической толерантности.

В Сибири стабильность в сфере межэтнических отношений была также обусловлена малой плотностью населения и отсутствием серьезной конкуренции на рынке труда. Это подтверждается рядом исследований, в том числе проведенных в рамках настоящего проекта. Сложившаяся тенденция, несмотря на социально-экономические проблемы последних десятилетий, пока сохраняется для подавляющей части сибирских территорий.

Постоянный приток миграционного населения на российские окраинные территории на протяжении длительного времени позволяет существенно сглаживать рост этнонационализма при отсутствии значительного доминирования какой-либо этнической группы.

Русскоязычное большинство по-прежнему придерживается в целом толерантных установок. Так, исследования показывают, что у горожан в СФО нет устойчивого негативного стереотипа по отношению к иноэтничным сообществам и мигрантам. Это во многом обусловлено восприятием российской (русской) идентичности как национальной/государственной принадлежности. Можно предположить, что ситуация и дальше останется стабильной, но только до тех пор, пока не сложится устойчивое этносоциальное (или в ряде случаев конфессиональное большинство), способное уверенно заявить о своих политических требованиях.

Однако анализ материалов переписи 2002 г. и 2010 г. показывает, что численность русских в сравнении с данными переписи 1989 г. сокращалась почти во всех регионах России, но наиболее интенсивно – в национальных республиках. Сокращение численности русских в автономиях Сибири составило: 37,8 % – в Тыве; –29,0 % – в Якутии. Анализируя эти цифры, исследователи подчеркивают, что сокращение численности «некоренных» народов в большинстве регионов Сибири было обусловлено в большей степени миграционным оттоком в регионы европейской части страны, чем естественными потерями. При этом здесь имели место различные формы выдавливания, и далеко не только экономической природы (см. [Мкртчян, Лиманова, 2008]. Представители коренных малочисленных народов территорию своего традиционного проживания покидали редко, и их доля в населении региональных автономий повышалась. Тенденция моноэтнизации продолжала сохраняться.

Миграция оказывала и продолжает оказывать существенное влияние на этносоциальные процессы в Сибири. Нельзя не учитывать, что дальнейшее развитие несбалансированной миграции может привести к росту межэтнической напряженности, когда предметом конфликта сибирских территорий станут природные ресурсы, рынки труда, властные ресурсы, социальные блага и иные источники жизнедеятельности, являющиеся дефицитными в условиях неустойчивой экономики.

С потоками миграции связан ряд рисков, таких как: нарушение сложившегося этнодемографического баланса территорий, межнациональные конфликты, «этническая» преступность, ухудшение санитарно-эпидемиологической ситуации, угроза потери стратегических территорий и т.д. Кроме того, в определенный момент иммиграция может достичь такого критического порогового значения, при котором принимающее общество будет не в состоянии обеспечить всестороннюю интеграцию иммигрантов. Неконтролируемая иммиграция может поставить под вопрос качество нации, которое связано с иерархией идентичностей.

Для сибирских регионов на данный момент становятся актуальнми такие источники рисков, как, например, разностатусные позиции этнических групп в экономике, поиск «виноватых» в сложившейся социально-экономической ситуации. Принятие в РФ законов, фиксирующих статус коренных малочисленных народов и их права на приоритетное природопользование в границах традиционных территорий, становится конфликтогенным фактором в полиэтничных сибирских регионах.

Обозначились и такие риски, характерные для современной Сибири, как конкуренция за престижные рабочие места или «не вознаграждаемое» использование региональных ресурсов Центром. С экономической точки зрения, «незавершенность процессов создания нового федерализма, весьма естественная для сложной обстановки, в которой принималась Конституция 1993 г., порождает асимметрию прав экономически неоднородных субъектов федерации, которая часто приобретает национальную окраску. В дотациях и субвенциях из федерального бюджета допускается двадцати- и даже тридцатикратный разрыв. Неравенство прав и обязанностей порождает иждивенчество во взаимоотношени-

ях многих субъектов с федеральной властью. Выравнивание прав и обязанностей субъектов федерации составляет важное направление совершенствования государственного устройства России» [Барганджия, 2003].

Помимо указанных источников национализма существуют и этнические претензии и/или притязания отдельных групп (диаспор, национальных меньшинств и др.), которые выдвигают свои требования к государству, к руководству региона (республики), референтным этносам с целью увеличения объема социальных преференций и властных полномочий.

Относительно последнего необходимо указать на необходимость диалога на уровне вертикали власти. Мировой опыт развития федерализма свидетельствует, что «тогда, когда регионы не обладают адекватным представительством и влиянием на федеральном уровне, это способствует отчуждению их элит и населения от общегосударственных интересов. Стремление ограничить самостоятельность субъектов Федерации, полностью устранить неопределенность (вариативность, гибкость, адаптивность) в их отношениях с федеральным центром базируется на недоверии к ним, презумпции недобросовестности и безответственности региональных властей, их склонности к конфликтам, а не сотрудничеству. В таких условиях федерализм, предполагающий определенный уровень доверия между федеральной и региональными властями, оказывается невозможным» [Варламова, 2003].

Законодательные инициативы исполнительной власти последних лет демонстрируют усиление унитарных тенденций. Активная деятельность федерального Центра по приведению законодательства субъектов федерации в соответствие с федеральным была первым шагом по унификации политического пространства России. Затем последовали инициативы по введению институтов федерального вмешательства и института полномочных представителей Президента в федеральных округах, практика укрупнения административных единиц с ликвидацией в том числе этнотерриториальных автономий (Усть-Ордынский Бурятский автономный округ был включен в состав Иркутской области в 2008 г.; Эвенкийский автономный округ утратил статус субъекта РФ, превратившись в Эвенкийский район Красноярского края), использовались и другие механизмы по укреплению Федерации. Указанные мероприятия и бюджетные диспропорции подталкивают региональные, в том числе этнополитические, элиты к возможному противодействию, имеющему на данный момент все условия для актуализации. Показателем этого процесса стало возникновение новосибирского регионального общественного движения «Мы – Сибиряки», заявившего о себе в ходе политических кампаний двух последних лет. И хотя это движение не имеет широкой поддержки в регионе, оно демонстрирует подвижность структуры идентичностей и политических предпочтений его народонаселения. В самосознании жителей современной Сибири, наряду с гражданской, этнической и конфессиональной идентичностью, присутствует идентичность региональная, которая, как показала политическая реаль-

ность, может быть мобилизована в условиях сохранения ассиметричного федерализма.

Оценивая в целом ситуацию в СФО, можно выделить следующие ее особенности:

1. Наблюдается процесс спада классического национализма (сепаратизма), выражающегося в стремлении к политической независимости. Это, в частности, проявляется в приведении регионального/республиканского законодательства в соответствие с федеральным и в утверждении принципов взаимодействия регионов и Центра в этой сфере.

2. Обнаруживается тенденция роста экономического регионализма, который проявляется в стремлении региональной политической элиты к обеспечению экономического суверенитета через приоритетное право регионов, и, в первую очередь республик, распоряжаться природными ресурсами территории, к достижению большей самостоятельности в межгосударственных внешнеэкономических отношениях. Особенностью данной тенденции является стремление ряда региональных этнических элит – представителей коренных народов – обеспечить приоритет аборигенных форм природопользования.

3. Устойчиво высокой активностью отличается движение коренных народов Сибири, что выражается в стремлении к защите культуры, языка, территории, демографической стабильности и в усилении притязаний на перераспределение доступа к эксплуатации природных ресурсов.

4. На фоне развития миграционных процессов происходит активизация этнокультурных диаспоральных практик в регионе. Этнические сообщества Сибири и России в целом все больше втягиваются в международные транснациональные отношения, акторами которых выступают «страны исхода», использующие диаспоры как факторы «мягкого влияния» и посредников в трансляции значимых культурных ценностей, которые в свою очередь ведут не только к развитию международного сотрудничества, но и к усилению политического лоббирования.

Эти тенденции заключают в себе потенциальные перспективы и возможные риски. В целом в результате политико-экономических и социально-культурных процессов последнего десятилетия в полиэтничном пространстве Сибири происходят значительные изменения. При сохранении этнополитической стабильности и толерантных стратегий взаимодействия, современная ситуация характеризуется ростом самосознания коренных народов Сибири, усилением диаспоральной активности и межэтнической напряженности по отношению к этническим мигрантам, активизацией экономического регионализма и т.д.

По результатам анализа этнополитической ситуации в регионе можно также прогнозировать рост рисков, связанный с дальнейшей маргинализацией сибирского населения и снижением плотности населения на территории региона. С одной стороны, высокая маргинальность сибирского населения снимает остроту этнополитических и этносоциальных конфликтов вследствие отсутствия возможностей для формирования устойчивых региональных (этнических) поведенческих схем, но при этом способствует созданию этнических анклавов (районов, кварталов, локаль-

ных поселений). Низкая плотность населения также снижает частоту этнических конфликтов, но в свою очередь способствует этносоциальной консолидации – возникновению землячеств, национальных (этнических) культурных автономий.

При этом сочетание указанных факторов с тенденцией усиления концентрации населения преимущественно в городах Сибири в условиях перманентного острого ресурсного дефицита способно, по всей вероятности, создать кумулятивный эффект и спровоцировать резкое возрастание этнополитических рисков.

В рамках современного сибирского макрорегиона можно идентифицировать следующие потенциальные этнополитические риски: региональный сепаратизм, экстремизм, национализм, межнациональные конфликты, риски, связанные с миграцией.

Несмотря на то, что указанные этнополитические риски существовали на всем протяжении истории Сибири, их актуальность в последнее время значительно возросла. Свидетельством этому могут служить, в частности, публикации ведущих аналитических и экспертных изданий России. Так, проблема регионального сепаратизма в течение 2012 г. активно транслируется в проекте журнала «Власть» – «Неединая Россия». Анонсы публикаций, вынесенные на обложку журнала, и названия ряда статей звучали так – «анонс: «СТРАНА СИБИРЬ. Почему Россия не хочет кормить Москву», заголовок статьи: «Как колонией была, так и останется» [Власть. 2012. № 15. С. 15]; обложка: «Поморские сказки. Почему русский Север хочет жить сам по себе», заголовок статьи: «Мы на своей земле не хозяева» [Власть. 2012. № 23. С.15]; обложка: «Урал-патриотизм»: будет ли поднят флаг независимости 20 лет спустя», заголовок статьи: «Местных ставить нельзя – они договорятся и устроят республику» [Власть. 2012. № 26. С. 10].

Несмотря на провокационные заголовки, в материалах статей поднимаются и подвергаются анализу остросоциальные проблемы регионов, выявляются негативные процессы, предлагаются кардинальные варианты решений. Особое значение при этом имеет идентификация риска: пренебрежение к социально-экономическим процессам регионов способно уже в ближайшем времени привести к дестабилизации ситуации в РФ.

Проект журнала «Власть» – «Неединая Россия» был поддержан и рядом других средств массовой информации. Проблеме национализма был посвящен ряд публикаций в журнале «Эксперт». Обложка: «Ключ к национальному вопросу», статьи: «Национализм как функция территориальной целостности», «Самоопределение Путина» [Эксперт. 2012. № 4. С. 13].

Анализу вариантов выхода из сложившегося регионального отставания посвящены многочисленные публикации регионального издания «Эксперта» – «Эксперт–Сибирь»: «Время сложных решений», «Операция «Корпорация», «РАО “Восток”: экстренный вариант» [Эксперт Сибирь. 2012. № 6. С. 10–16]; статьи: «Пора пожить для себя», «Запрыгнуть в уходящий поезд» [Эксперт Сибирь. 2012. № 9. С. 12–16]; обложка: «Тяни-толкай: Почему в Сибири растет добыча ресурсов, но падают темпы

экономического роста и качество человеческого капитала», статьи: «Не только позитив», «Мы ее теряем» [Эксперт Сибирь. 2012. № 10. С. 10–16].

В 2012 г. практически весь июльский номер «Эксперта-Сибирь» был посвящен проблеме прошлого, настоящего и будущего Сибири. Тема номера редакцией была определена следующим образом: «Сибирь как колония». Обложка номера содержала следующий анонс: «От Ермака до Ишаева. Колония всея Руси: политика, основанная исключительно на вывозе ресурсов, неизбежно ведет к деградации населения и питает сепаратистские настроения»; а статьи выпуска были посвящены: проблеме регионального сепаратизма: «Вспомнить о человеке»; истории колониальной политики: «Соболиная игла»; независимости Восточной Сибири и Дальнего Востока: «Буферный опыт»; анализу попыток создания сибирской автономии: «Мечта о прекрасной Сибири»; последствиям русской колонизации Сибири: «Нога судьбы»; новому варианту освоения Сибири: «Речная Цивилизация» [Эксперт Сибирь. 2012. № 27–31. С. 8–25].

Поставленные и актуализированные проблемы и риски не случайно возникли и получили полемический эффект. В основе представленных материалов лежит национальный вопрос, по-разному понимаемый в современном российском обществе. С одной стороны, взгляд на национализм как общенациональную идею российской государственности, а с другой – национализм как идеология этнических групп.

Начало общественной дискуссии положил В.В. Путин в статье «Россия: национальный вопрос», опубликованной 23 января 2012 г. [Путин, 2012]. Выступая в качестве кандидата в Президенты РФ, в своей программной статье В.В. Путин обозначил ключевые проблемы российской национальной политики и предложил варианты и пути их решения. Среди них он выделил такие ключевые аспекты, как «Россия как историческое государство», «единый культурный код», «национальная политика и роль сильных институтов», «проблема миграции и наш интеграционный проект» [Национальный вопрос..., 2012].

Статья получила широкое обсуждение в средствах массовой информации и вызвала волну публикаций, развивающих тему национального вопроса в России. Однако общественный интерес к проблемам этнополитического характера, их обсуждение, в общественном сознании не является гарантией их разрешения, а скорее наоборот, способствует переводу обсуждения из профессиональной сферы в популистскую, что ведет и к актуализации негативных сценариев решения национального вопроса.

Проанализированные В.А. Тишковым материалы последних выборных кампаний подтверждают использование националистической риторики в первую очередь как политического ресурса продвижения кандидата или политической партии. Национальные (этнополитические) проблемы, в силу широкого общественного обсуждения трансформированные через призму интересов региональных политических и экономических элит, экстремистских общественных организаций, способны стать благодатной почвой для радикальных проектов. Современное российское общество только лишь формирует свое отношение к национальному фактору.

Этнополитическая сфера имеет динамичный характер. Изменение социально-политического и геополитического контекста рождает новые вызовы и риски. Исследователи EAWARN, работающие в сибирских регионах, отмечают нарастание проблем, связанных с миграционной ситуацией. Отмечается увеличение частоты «групповых» требований, выраженных «несистемными активистами», практически во всех сибирских регионах. Среди требований, в зависимости от конъюнктуры политической ситуации, присутствуют националистические или антимиграционные лозунги [Этнополитическая ситуация в России, 2011, с. 401]. Практически во всех регионах имеют место проблемы, связанные с адаптацией мигрантов, правонарушениями в мигрантсткой среде, «этническим предпринимательством», экстремистскими настроениями; фиксируется рост интереса населения к национальным и этническим вопросам [Этнополитическая ситуация в России..., 2011, с. 403, 404, 412, 415, 416]. Круг проблем, представленных в данных мониторинга, актуализирует, по нашему мнению, этнополитические риски как значимые для регионов СФО.

Оценка этнополитических процессов в Сибири в целом позволяет выделить ряд индикаторов, по активности которых можно определять уровень развития этнополитических рисков.

Уровень 1 – фоновый, на котором фиксируются риски, существующие в современном обществе перманентно, вне зависимости от состояния социально-экономической и политической ситуации. Возникнув однажды, они циркулируют в общественном сознании, обсуждаются специалистами на гипотетическом уровне, являются сферой интересов локальных общественных групп, но не способны перерасти в дестабилизирующие. Вероятность превращения рисков данного уровня в реальные минимальна. К рискам такого рода, применительно к Сибирскому федеральному округу, можно отнести проявления регионального сепаратизма.

Уровень 2 – характеризуется актуализацией в информационной сфере – в средствах массовой информации, официальной – в управленческих структурах, формальной – в экспертном сообществе, публичной – в общественно-политических организациях. Для социально-экономической и политической ситуаций характерны реформистская деятельность или предкризисное состояние. Величина упоминаемости наступления возможного события возрастает по сравнению с фоновым уровнем на порядок. Лидеры мнений повышают частоту обращений к конкретной теме. Происходит перевод риска из формального состояния в неформальное. Начинают возникать слухи о вероятности события, возможность возникновения события активно обсуждается. В СФО к таким рискам, имеющим невысокую вероятность, можно отнести локальные проявления экстремизма. В результате ряда исследований удалось установить, что в СФО даже для молодежи экстремизм не является устойчивой характеристикой, несмотря на проявления бытового национализма и интолерантности.

Уровень 3 – когда возможность наступления события имеет высокую вероятность. Риск определяется как значимый и является неотъемлемым фактором оценки ситуации. Он связан с изменением социально-эконо-

мического или политического статуса общественных групп. Характерен в условиях «несоответствия ожиданий», с одной стороны, лидеров мнений, недовольных изменением своей позиции, а с другой – малообеспеченных и деклассированных групп населения. Для этого уровня типично широкое распространение слухов. Уровень проявляется в условиях затяжных социально-экономических или политических преобразований. К данным рискам, имеющим определенную вероятность реализоваться в СФО, можно отнести публичные проявления национализма на групповом уровне.

Уровень 4 – связан с высокой вероятностью дестабилизации, он характерен для условий социально-экономической или политической нестабильности. Событие активно обсуждается в публичной и непубличной сферах. Для этого уровня типично повсеместное распространение слухов и апелляция к ним со стороны населения. Состояние риска определяется как заражение общественного сознания. К таким рискам, имеющим высокую вероятность проявления в Сибирском федеральном округе, можно отнести массовые проявления межнациональных конфликтов.

Уровень 5 – означает перерастание риска в событие. Проявляется в условиях углубления социально-экономического или политического кризиса. Отсутствует реальная возможность предотвратить исполнение идентифицированного риска. В Сибирском федеральном округе такой риск определяется негативными последствиями миграции, миграционным давлением.

Таким образом, оценивая реальные этнополитические риски в сибирском регионе, необходимо отметить, что ряд этнополитических проблем, актуальных в 1990-е гг., в начале XXI в. потерял свое значение. Среди них – использование этнического фактора местными политическими элитами. Перестала быть фактором этнополитического риска и деятельность политических партий. Не представляется возможным на данный момент говорить о риске развития ориентированных на национальный экстремизм общественных организаций.

Вместе с тем, продолжают оставаться актуальными проблемы диаспоральных практик. Согласно материалам Всероссийской переписи населения 2010 г. рост численности и удельного веса диаспор Сибири определяет тенденцию подвижности этнодемографической структуры макрорегиона. С увеличением доли диаспор в регионе прослеживается и рост диаспорально-ориентированной политической элиты, что способно привести к лоббированию интересов определенных этнических групп.

В Сибири наметившиеся тенденции децентрализации политической власти и передача ряда властных полномочий от федеральной к региональной власти также способны в ряде случаев привести к реализации интересов локальных этнических групп, а не всего населения региона в целом.

Современное российское общество в силу разных причин пока не имеет устойчивой гражданской позиции и опыта противостояния эскалации экстремизма и национализма. Вследствие этого, а также вследствие неразвитости гражданских институтов национальный вопрос пол-

ностью остается в сфере ответственности государственных институтов, как и контроль за этнополитическими процессами в регионе.

Такая ситуация сложилась не одномоментно, а обусловлена всем ходом развития российского государства в целом и Сибири в частности. Современное состояние социальных и экономических процессов в сибирском регионе наглядно демонстрирует зависимость национальной безопасности государства от этнополитического и этносоциального баланса в общественной жизни его территорий.

Проблема этносоциальных и этнополитических рисков развития региона остается сугубо практической задачей, решение которой зависит от степени профессионализма и компетентности политиков, государственных деятелей и исследователей.

Это позволяет говорить о высокой значимости состояния современного российского федерализма как реального механизма, способного адекватно ответить на вызовы современности, в том числе в вопросах минимизации и устранения этнополитических рисков. Сущность федерализма состоит в распределении полномочий по осуществлению государственной власти между федеральной и региональной властью. Необходимость разграничения полномочий объясняется следующим образом: «Первая цель – это содействие общим интересам субъектов федерации – своеобразный «клей», который держит федерацию вместе. Вторая цель – сохранение автономии составных частей федерации в отведенных им сферах ведения, что дает возможность субъектам федерации сохранить разнообразие и свою уникальность. Задача федерации – не устранять внутренние региональные и культурные различия, а управлять ими и согласовывать их. Поэтому разграничение полномочий должно поддерживать баланс между двумя фундаментальными целями – ценностями единства (но не единообразности) и ценностями региональной уникальности» [Уаттс, 2003].

Ситуация непропорционального федерализма пагубна для России и при определенных обстоятельствах чревата обострением межэтнических противоречий и сепаратистских тенденций. Можно констатировать, что федерализм – это всегда поиск равновесия между желаемой (идеальной) моделью государственных отношений и сложившейся (реальной) практикой.

При анализе перспектив политической модернизации эксперты рассматривают несколько возможных стратегий развития федерализма. И на академическом уровне, и в политике (в том числе для России) уже сформулирован переход к пониманию приоритета принципа нация – государство, где нация выступает как государственная принадлежность, а этничность – как выбор гражданина. Подобный подход позволяет снять некоторые острые моменты межэтнического взаимодействия, но предполагает также весьма вероятную возможность некоторых молодых этносов самостоятельно добиваться национально-территориального самоопределения.

Одна из возможных перспектив развития стратегии федерализма в Российской Федерации заключается в формальном сохранении сложив-

шейся структуры национально-территориальных иерархий и одновременном использовании социальных, культурных и экономических механизмов для манипулирования региональными (этническими) элитами.

Великобритания демонстрирует пример реализации такого рода стратегий. Она является унитарным государством, но территории Шотландия, Уэльс и Северная Ирландия обладают определенной административной автономией, и разрешение проблем этнического сепаратизма продолжает оставаться актуальным для правительства Великобритании [Конституционное право..., 1999, с. 432–434]. При реализации данной модели Центр выступает в роли ответчика за все общегосударственные и региональные просчеты. Используя эти просчеты, местная политическая и экономическая элита могут настаивать на преференциях от центральной власти, используя региональный (национальный) патриотизм. И если в краях и областях РФ предложенный вариант вполне реализуем, то в национально-структурированных регионах ситуация чревата непредсказуемостью.

Другая модель развития, имеющая определенные перспективы, связана с переходом от федеративной к унитарной государственности. Примером подобного государства является Франция, в которой руководители департаментов (префекты) напрямую назначаются президентом республики. Французы живут в едином политическом, правовом и социальном пространстве, в рамках четко очерченной вертикали власти [Конституционное право..., 1999, с. 481]. Сторонников у этого варианта достаточно, и главным их тезисом является отсутствие в подобном государстве национально-территориальных автономий, претендующих на самостоятельность и национальное самоопределение; следовательно, отсутствует сама проблемы этнического сепаратизма, хотя при этом необходимо учитывать силу и влияние исторически сложившихся механизмов местного самоуправления, которое за последние 10–15 лет заметно расширило свои полномочия [Конституционное право..., 1999, с. 481].

Историческим прецедентом унитаризма служит и имперская Россия, хотя следует иметь в виду, что в Российской империи национальное самосознание подавляющего большинства населения страны (за исключением территорий, имевших свою государственность до вхождения в состав государства) не было актуализировано до такой степени, как сейчас, и, соответственно, проблема реализации права наций на самоопределение не стояла так остро. Как только тезис о национальном самоопределении возник в качестве политической перспективы, достаточно стройное на первый взгляд здание российского унитаризма практически мгновенно, с исторической точки зрения, развалилось.

В современных условиях обострение политической ситуации, связанное с позиционированием федерального Центра и региональных элит, в условиях реализации унитаристского проекта также вполне предсказуемо. Пример Франции с проблемами межэтнических конфликтов местного населения и жителей бывших колоний весьма нагляден.

Третий вариант, известный в мировой практике, предполагает построение пропорционального (симметричного) федерализма. Классичес-

ким примером пропорционального федеративного государства в современном мире являются США. Права субъектов американской федерации незыблемы и являются равными; четко прописана компетенция федерального центра и штатов, что практически снимает возможные юридические и экономические противоречия и споры и т.д. Однако известно, какой ценой было достигнуто построение этой модели государства. Гражданская война – это лишь верхушка айсберга американского федерализма.

В России реализация данного варианта позволяет снять претензии относительно различия региональных статусов благодаря четкой регламентации компетенции Центра и региона, а также переносу ответственности за социальные условия жизни в регионе с федерального Центра на региональное руководство при условии фиксированного бюджетного финансирования. Дополнительную гарантию сохранения данного образования даст укрупнение территориальных образований, границы которых не совпадают с границами национально-территориальных образований.

При всей привлекательности данного варианта необходимо отметить, что и в США также имеются территории, обладающие особым статусом (например, федеральный округ Колумбия, свободно присоединившиеся государства, резервации). Относительно последних можно утверждать, что положение коренного индейского населения США до сих пор остается серьезной проблемой. Решая проблемы государственного строительства, создатели США уничтожили значительную часть автохтонного населения североамериканских территорий. Создание резерваций стало средством «сохранения» этих народов: «Резервации представляют собой территории, полными хозяевами которых являются соответствующие народы. Государство охраняет эти территории от проникновения чрезмерно предприимчивых граждан и корпораций и оказывает содействие социальному развитию обитателей резерваций, не препятствуя их традиционному образу жизни. Они не платят налогов и не участвуют в выборах государственных органов, имея свое собственное самоуправление. Любое лицо, принадлежащее коренному народу, вправе в любое время покинуть резервацию и включиться в жизнь современного общества со всеми правами, свободами и обязанностями, но может также в любое время вернуться в резервацию. Резервации во всяком случае оказались более пригодными институтами для сохранения малочисленных коренных народов, чем советские автономные округа, статус которых стал средством для получения привилегий пришлой бюрократией и верхушкой коренного населения, а теперь еще и предпринимателями, эксплуатирующими природные богатства этих территорий» [Конституционное (государственное) право..., 2000, с. 133]. Предложенная пространная цитата наглядно иллюстрирует невозможность обеспечения реального или мнимого равенства статусов, особенно тогда, когда этническая группа не имеет условий, возможности и желаний защищать свои этнические интересы.

Четвертый вариант предполагает гибкое сочетание принципов унитаризма и федерализма. Суть этой стратегии заключается в снятии про-

блемы территориального национализма на уровне регионов при сохранении механизма защиты прав национальностей. Перенос проблемы национального самоопределения с территории как маркера этнической принадлежности на индивида как носителя этничности ставит национальное самоопределение в зависимость от этнической самоидентификации.

Одним из вариантов развития такой модели является опыт Финляндии, Норвегии и Швеции, государственное устройство которых предполагает создание национальных представительств коренных народов (парламенты саами Финляндии, Норвегии, Швеции).

Так, в компетенцию Законодательного собрания саами, по закону Королевства Норвегия от 12 июня 1987 г., входит рассмотрение «любого вопроса, который, по мнению Законодательного собрания, затрагивает существенные интересы народа саами... может по собственной инициативе выразить свое отношение к любому вопросу, находящемуся в пределах его компетенции... может также по собственной инициативе поставить вопрос перед публичными властями и частными учреждениями и т.д.». В свою очередь органы публичной власти «должны предоставить Законодательному собранию саами возможность выразить свою точку зрения, прежде чем принимать решения по вопросам, находящимся в пределах компетенции Законодательного собрания саами» [Тураев, 2001, с. 332–333]. Таким образом, саами обладают реальным правом наложения вето на принятие законодательных решений, влияющих на жизнь коренного этноса. Любое решение государственных органов этих стран проходит экспертизу на соответствие интересам коренных этнических сообществ. В итоге сохраняется целостность унитарного государства, учитываются интересы коренного населения и снимается вопрос о национально-территориальном самоопределении, этническом национализме, сепаратизме и пр.

Если обратиться к историческому опыту России, то нельзя не заметить, что прообраз подобного института существовал и в Советском Союзе. По Конституции СССР 1977 г., высший орган государственной власти СССР – Верховный Совет СССР – состоял из двух равноправных палат: Совета Союза и Совета Национальностей. Статья 110 Конституции гласила: «Совет Союза и Совет Национальностей состоят из равного числа депутатов. Совет Союза избирается по избирательным округам с равной численностью населения. Совет Национальностей избирается по норме: 32 депутата от каждой союзной республики, 11 депутатов от каждой автономной республики, 5 депутатов от каждой автономной области и один депутат от каждого автономного округа».

Конечно, этот вариант не предусматривал механизма защиты от этнического национализма, так как в СССР сохранялся принцип национально-территориального устройства. Вертикаль власти актуализировала этнические преференции, связанные с повышением статуса национального образования. В свою очередь, Совет Национальностей, при всей его декларативности, функцию представительства национальных интересов выполнял.

Использование как советского, так и европейского опыта национального представительства, с учетом этнического многообразия, может быть весьма продуктивным в условиях современной России. Этнокультурная специфика России не позволяет пойти по пути создания мононациональных представительств. Но «синтетические» модели федерализма позволят обойти многие камни преткновения со стороны этнических элит.

При любых стратегиях развития необходимым является анализ региональной специфики, включающий оценку политических и экономических ресурсов. В этой связи необходимо добавить, что ставшие популярными в современной России лозунги о необходимости практической реализации «принципа национальности», «один народ – одно государство» и другие могут завести политиков, оперирующих этнической терминологией, в дебри «нового национализма», под которым понимается насильственный отказ от «природной» этничности, «государственная» ассимиляция и другие идеи.

Очевидно, что использование силовых методов этнополитического конструирования способно в ряде случаев активизировать национальные движения, радикализировать их деятельность и запустить процессы этнической конфронтации. Только постепенные действия по упорядочиванию политических устремлений этнических групп, структурирование и формализация деятельности национальных движений, дифференциация подходов и методов при работе с ними, а также предоставление широкой национально-культурной автономии на условиях государственной поддержки и скрупулезный учет региональной специфики помогут избежать многих ошибок и противоречий в ходе реализации основных положений национальной политики государства.

Требуется гибкая система, которая будет основана на совместной заинтересованности всех групп полиэтничного сообщества и государства в целом, стабилизации и конкретизации этнических прав граждан через механизм правовых, экономических и социокультурных мер, через постоянную модернизацию национальной концепции государства. Главная цель последней – способствовать установлению этнополитического равновесия в обществе. В связи с этим федерализм и регионализм должны рассматриваться в любом случае, не только как средства реализации государственной политики, но и как возможные и необходимые способы управления этнополитическими рисками.

Пока непродуманные решения федеральной и региональной власти, отсутствие механизмов поддержания этнополитического баланса на местах по-прежнему продолжают оставаться главным этнополитическим риском развития сибирского региона.

Потенциальные возможности для коррекции и управления этнополитическими рисками представлены в Стратегии государственной национальной политики РФ на период до 2025 г. В рамках предложенной Стратегии прописаны возможности для «координации деятельности федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, иных государственных органов и органов местного самоуправления в сфере государственной национальной

политики Российской Федерации, обеспечения их взаимодействия с институтами гражданского общества» [Стратегия государственной национальной..., 2012]. Стратегия не только описывает сложившуюся ситуацию в области государственной национальной политики, не только раскрывает «желаемые» ориентиры ее развития, но и предлагает механизмы. В Стратегии также прописаны сферы ответственности государственных органов в рамках ее реализации, согласно которым, Правительство РФ «разрабатывает и утверждает основные характеристики (индикаторы), позволяющие оценивать состояние межнациональных (межэтнических) отношений в стране, эффективность деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления по реализации задач государственной национальной политики Российской Федерации» [Стратегия..., 2012]. В свою очередь, наличие объективных индикаторов обеспечит этнополитическое пространство эффективной системой координат этнополитических и этносоциальных рисков, обеспечит прозрачность и адекватность принимаемых решений на всех уровнях власти.

Глава 16

ДИНАМИКА ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В СИБИРИ: ОЦЕНКА РИСКОВ

В современных общественных науках человеческий потенциал признается главной составляющей национального развития. Его качество определяется рядом факторов, каждый из которых имеет специфические особенности, прежде всего в связи с этническими различиями в структуре народонаселения. Этнический аспект чрезвычайно актуален для Сибири, народонаселение которой формировалось на основе миграционных процессов.

Основные тенденции в размещении населения России сложились уже в начале Нового времени, когда расширение территории государства стало носить интенсивный характер. С этого времени этнодемографические процессы в Сибири отличались высоким уровнем динамики. Население региона увеличилось с 500 тыс. чел. в начале XVIII в. до 5759 тыс. чел. в 1897 г. Национальные диаспоры самой многочисленной и густонаселенной Томской губернии (1928 тыс. чел. в 1897 г.) на рубеже XIX–XX вв. составляли пятую часть населения края. В губернии проживали (в порядке убывания численности): русские, украинцы, татары, казахи, мордва, поляки, евреи и белорусы [Очерки истории белорусов..., 2002, с. 75–76].

Основу польской, литовской и украинской диаспор Сибири заложила политическая ссылка XVIII–XIX вв. Активизация украинской и белорусской миграции последовала за отменой крепостного права и реформой П.А. Столыпина. С 1861 по 1913 г. из западных губерний в восточном направлении выехало 1,5 млн белорусов [Новосибирск – многонациональный..., 2002, с. 27]. За 1885–1916 гг. за Урал переселились 1,6 млн выходцев с Украины [Очерки истории белорусов..., 2002, с. 63].

К концу XIX в. практически во всех областях региона отмечалось значительное преобладание русских. Поощрение переселенческого движения и обновление транспортной инфраструктуры края к началу XX в. способствовали усилению широкомасштабных миграционных потоков. В 1897–1916 гг. в Сибирь из Европейской России прибыло около 4 млн чел. Развитие железнодорожного транспорта значительно повлияло на общий прирост населения Сибири и процессы урбанизации. В конце XIX – начале XX в. в городах, расположенных на железнодорожных магистралях, проживало около 80 % горожан региона [Исупов, 1987, с. 31]. В национальном составе городского населения Сибирского края в 1897 г. русские составляли 88,6 %. От числа русских 4,8 % составляли украин-

цы и 0,27 % – белорусы. Второе место по численности городского населения Сибири занимали евреи, затем поляки и татары [Очерки истории белорусов..., 2002, с. 112–113].

Для Сибири и России XX в. стал периодом интенсивных миграций населения, вызванных к жизни рядом причин: войны, освоение слабозаселенных территорий, индустриализация, экономическая мобилизация, авторитарный тип политической власти, массовые депортации людей по социальному и этническому признакам и т.п.

Основные этнодемографические процессы в Сибири в начале XX в. были связаны с внутрирегиональными перемещениями из села в город, вызванными индустриализацией. Прирост горожан составлял 1 млн чел. в год и более. К 1926 г. численность населения Сибири достигла 11 024 тыс. чел. Из них русских было 6767,9 тыс., украинцев – 827,5, белорусов – 320,3, мордвы – 107,8, татар – 96,1, немцев – 78,8, чувашей – 48, поляков – 45,8, евреев – 32,7 тыс. чел. Замыкали десятку наиболее многочисленных народов 26,9 тыс. латышей. В пределах Западной Сибири в это время проживало 1757 тыс. уроженцев других районов СССР, или 27,6 % всего населения Западной Сибири. Среди взрослого населения мигранты составляли большинство [Переведенцев, 1965, с. 6–7].

В истории формирования регионального сообщества 1930-е гг. были отмечены форсированной индустриализацией, насильственной коллективизацией и усилением репрессий. Всесоюзная перепись населения 1939 г. зафиксировала в Сибирском регионе 14 309,4 тыс. чел. (по административно-территориальному делению 1938 г.), что в 1,3 раза больше по сравнению с 1926 г. Первую пятерку народов края составили (в порядке убывания численности): русские, украинцы, татары, белорусы и немцы. Динамика численности населения Сибири на протяжении всего XX в. была гораздо более интенсивной, чем в среднем по России.

Потоки беженцев и спецпереселенцев продолжали формировать этнодемографический потенциал региона. Здесь возникали этнические анклавы мордвы, чувашей, немцев и казахов. В связи с наступившим вслед за коллективизацией и голодом исходом населения из пограничных с Западной Сибирью районов Казахстана число казахов в 1939 г. увеличилось по сравнению с 1926 г. на 116 %; в результате этот народ, согласно переписи, занял 7-е место в этнодемографическом составе края. Значительно выросло число чувашей. В пределах Западной Сибири они проживали, как правило, совместно с русскими, мордвой и марийцами. Существовали и однонациональные селения [Коровушкин, 1997, с. 12].

Наибольшая доля среди титульных национальностей союзных республик СССР в межпереписной период 1939–1959 гг. была зафиксирована у белорусов, переместившихся, тем не менее, на пятое место. Их общая численность в регионе увеличилась на 119 %. Русское население увеличилось на 59 %, а украинское – уменьшилось на 13 %. Имея положительную динамику, 3-е место сохранили за собой татары, 4-е – мордва, 6-е – немцы. Замыкали десятку чуваши, евреи и поляки (табл. 16.1).

Этнодемографическая динамика в Сибири оставалась очень высокой. За 1926–2002 гг. число жителей в Сибири выросло в 2,2 раза, в то

Таблица 16.1

Динамика численности народов, превысивших 10 тыс. чел. в Сибири с 1939 г. по 1959 г., тыс. чел.*

Народы, уменьшившие численность			Народы, увеличившие численность		
Народ	1959 г.	1939 г.	Народ	1959 г.	1939 г.
Мордва	87,0	133,9	Русские	13972,9	11804,3
Казахи	85,4	105,6	Украинцы	647,8	646,8
Эстонцы	28,2	31,0	Немцы	491,3	109,1
Поляки	26,8	38,0	Татары	250,5	246,2
			Белорусы	120,1	109,2
			Чуваши	92,7	79,6
			Евреи	58,9	45,0
			Литовцы	43,2	4,2
			Латыши	30,7	21,6
			Молдаване	11,6	2,1

Источник: Данные этнодемографического состава Сибири по Всесоюзной переписи населения 1939 г. приведены согласно административно-территориальному делению 1938 г. (без учета Тюменской обл.).

*Здесь и далее расчеты приведены в границах СФО.

время как в России – в 1,6 раза [Кисельников, 2005, с. 38]. В 1926–1939 гг. удельный вес естественного прироста в общем приросте городского населения края составил 13,3 % [Переведенцев, 1965, с. 53]. Сельское население увеличивало свою численность только путем самовоспроизводства. Миграции в формировании сельского населения играли отрицательную роль, причем отток в города с каждым десятилетием увеличивался. С 1926 по 1959 г. миграция определяла около 90 % всего прироста городского населения [Переведенцев, 1965, с. 14]. Миграционный обмен с союзными республиками, игравший в целом для Сибири отрицательную роль, содействовал расширению полиэтничного состава сибирских городов.

Демографические процессы предвоенных и военных лет в Сибири имели отчетливую этническую составляющую. Массовая эвакуация населения из европейской части России, насильственная депортация, нарушение хода естественного воспроизводства и прямые потери сибиряков на фронтах Великой Отечественной войны определили долговременные тенденции динамики этнодемографической структуры региона. Несколько крупных волн депортации сформировали немецкое население Сибири. В 1942 г. численность высланных немцев в регионе определялась в 397,1 тыс. чел. [Белковец, 2003, с. 48–50]. Немецкое население сконцентрировалось в южных районах Сибири – Омской, Новосибирской и Кемеровской областях. Накануне и в начале войны в Сибирь было выслано несколько десятков тысяч латышей и эстонцев [Лоткин, 1996, с. 44–45]. Местами спецпоселения латышей в Сибири были выбраны районы Красноярского края (7,5 тыс. чел.), Новосибирской, Омской и Томской областей. Еще 36,4 тыс. чел. были высланы в Омскую и Томскую области в 1949 г. [Петроченко, 2004, с. 121–123].

События военных лет, эвакуация, непрерывный миграционный прирост в 1950-е гг. существенно изменили численность и этническую струк-

Таблица 16.2

Динамика численности народов, превысивших 10 тыс. чел. в Сибири с 1959 по 1979 г., тыс. чел.

Народы, уменьшившие численность			Народы, увеличившие численность		
Народ	1979 г.	1959 г.	Народ	1979 г.	1959 г.
Украинцы	534,2	647,8	Русские	16662,3	13972,9
Немцы	438,1	491,3	Татары	281,5	250,5
Мордва	60,2	87,0	Белорусы	122,3	120,1
Евреи	38,9	58,9	Чуваши	93,7	92,7
Латыши	20,2	30,7	Молдаване	12,1	11,6
Поляки	19,3	26,8	Цыгане	11,9	9,4
Эстонцы	18,7	28,2	Армяне	11,1	7,8
Литовцы	11,1	43,2	Азербайджанцы	10,2	4,8
			Узбеки	12,9	5,1
			Казахи	101,4	85,4

туру населения региона. Согласно Всесоюзной переписи 1959 г., население Сибири увеличилось до 18 040,1 тыс. чел. Впервые численность городского населения превысила сельское. Разница составила 1,7 %.

Многонациональное сообщество края включало коренное население, народы, исторически проживавшие в европейской части страны в рамках своих административно-территориальных образований, а также народы, имевшие государственность за пределами России. Согласно данным переписи населения 1959 г. первая пятерка народов Сибири подверглась значительным перестановкам по сравнению с 1939 г. Немцы, занимавшие последнее место, вышли на третью позицию. Четвертое и пятое места принадлежали соответственно татарам и белорусам (табл. 16.1).

Значительное увеличение численности в межпереписной период демонстрируют народы, насильственно переселенные за Урал. Главным образом, это немцы, латыши, литовцы и евреи. Существенным фактором роста такой численности стал высокий уровень рождаемости в послевоенные годы. Сокращение представительства эстонцев и поляков было связано с реэмиграцией на историческую родину (численность этих этносов, так же как латышей и литовцев, в регионе уже не увеличивалась).

С 1939 г. Сибирь и Дальний Восток становятся самым крупным регионом расселения украинцев. Увеличение их численности в послевоенные годы было связано с активизацией внутрисибирской и межрегиональной рабочей миграции, вызванной, главным образом, развитием нефтегазовой и других добывающих отраслей промышленности. Но в целом в период 1956–1959 гг. интенсивность движения в Сибирь населения из союзных республик была в 2–6 раз ниже, чем из различных районов РСФСР.

Приток населения в Сибирь в 1950-е гг. давали все районы РСФСР, кроме Урала; а все национальные союзные республики, кроме Белоруссии, вносили свой вклад в отток население [Переведенцев, 1965, с. 77]. Наибольший приток в города западносибирского региона происходил из центральных районов, Дальнего Востока и Северо-Запада России,

наибольший отток – в Казахстан, на Украину, в Среднюю Азию [Переведенцев, 1965, с. 35].

Распад СССР, суверенизация союзных республик в последней трети XX в., политическая и экономическая нестабильность стран СНГ в корне изменили направления миграционных потоков, ставших международными. В значительной степени процесс трансформации системы размещения населения можно проследить, начиная с межпереписных периодов 1959–1979 гг. и 1979–1989 гг.

В 1960–1970-е гг. в масштабах Сибири была сделана ставка на развитие научного и энергетического потенциала. Городское население первой пятерки народов Сибири продолжало пополняться как за счет села, так и межрегиональной миграции. В число народов первой пятерки, большинство которых проживало в сельской местности, в 1959 г. входили только немцы и казахи.

Основной пик казахской миграции в города и малые городские поселения пришелся на период с 1979 по 1989 г. Между переписями 1959 г. и 1989 г. в границах Омской и Новосибирской областей городское казахское население увеличилось с 15,5 до 42,6 % [Ахметова, 2002, с. 25]. В целом по областям региона темпы урбанизации были различными, но к концу периода интенсивное снижение доли сельских жителей среди казахов отмечалось повсеместно. К 2002 г. преимущественно сельскими жителями остались только немцы.

По результатам переписи 1979 г. значительно снизили свое представительство пять народов из первой десятки национального состава Сибири: украинцы (2-е место в десятке) на 17,5 %, немцы (3-е место) на 10,8 %, мордва (8-е) на 30,8 %, евреи (9-е) на 33,9 % и латыши (10-е) на 34,2 %. Среди народов, увеличивших численность, были: русские (1-е место) – на 16,1 %, татары (4-е) – 11 %, белорусы (5-е) – 1,8 %, казахи (6-е) – 15,8 % и чуваши (7-е) – 1,1 %. Наиболее интенсивную динамику численности продемонстрировали народы союзных республик, превысившие в регионе 10 тыс. чел.: узбеки (60,5 %), азербайджанцы (52,9 %) и армяне (29,7 %) (табл. 16. 2). Последние два народа, по данным переписи 2010 г., входят в первую десятку этнодемографического состава СФО. Их численность в регионе, главным образом в крупных городских поселениях, непрерывно повышается.

Появление азербайджанцев в Сибири связано с организацией нефтяных промыслов и развитием рыночной торговли. В крупных сибирских городах азербайджанцы, помимо большой численности, отличаются организованностью общин, многие из них имеют высокий образовательный ценз. Армянское присутствие в ряде районов Сибири уже с середины XX в. характеризуется как долгосрочное, хотя и связанное с сезонными работами. Значительное увеличение численности армян в регионе объясняется событиями конца 1980-х – начала 1990-х гг. Землетрясение 1988 г., военные действия в Нагорном Карабахе, распад СССР, тяжелая экономическая ситуация в Армении послужили причинами увеличения миграции армян в Россию, в частности в сибирские города [Этнические группы..., 2003, с. 39].

Активное наращивание городского потенциала за счет сельского населения в 1970–1980-х гг. перешло в интенсивную фазу. Изменение этнической структуры региона, по данным переписей 1979 и 1989 гг., в целом соответствует тенденции перераспределения населения в пользу города. Сельское население наиболее многочисленных народов сокращалось, а городское представительство первой десятки неуклонно росло. За 1970–1985 гг. городское население Сибири в целом увеличилось на 4,3 млн чел. (36,2 %), а сельское сократилось почти на 1 млн чел. (13 %) [Иностранные мигранты..., 2006, с. 39].

Выезд из сельской местности в город увеличился с падением уровня социально-экономического благосостояния деревни. Бывшие ранее этнически однородными поселения стали терять свою специфику, редеть или исчезать вовсе. Важные последствия для этнодемографической структуры населенных пунктов с выраженной долей одного этноса имела кампания по укрупнению хозяйств и ликвидации «неперспективных» деревень. Перемещения сельского населения привели к большой дисперсности в расселении компактно проживающих народов; это ускорило этноассимиляционные процессы.

К 1970 г. в Западной Сибири были известны населенные пункты с преобладанием одного из 22 народов. К 1990 г. исчезли моноэтнические польские, калмыцкие, ненецкие села. Имеется прогноз, что при сохранении действующих тенденций изменения состава народонаселения в ближайшем будущем исчезнут литовские, белорусские, селькупские и латышские села [Фукс, 2003, с. 100].

В результате реализации программы укрупнения сел активизировалась миграция латышей и эстонцев из Сибири и произошло сокращение их численности в регионе в 1970–1980-х гг. [Лоткин, 1996, с. 49]. Интенсивно происходил процесс размывания чувашского этноса. На территории Западной Сибири, по данным 1989 г., чуваши были расселены наиболее дисперсно в Новосибирской и Омской областях [Коровушкин, 1997, с. 16–17].

К 1989 г. в первой десятке произошло сокращение чувашей, мордвы и евреев. Латыши уступили место азербайджанцам (табл. 16.3).

Высокие темпы роста в первой пятерке за межпереписной период продемонстрировали украинцы и белорусы. Увеличению численности этих народов в Сибири до конца 1980-х гг. способствовало интенсивное развитие топливно-энергетического и транспортного комплексов. Однако уже следующая перепись населения зафиксировала высокие темпы снижения численности славянских народов. Помимо действующих отрицательно миграционных факторов, на уменьшение украинской и белорусской диаспор Сибири оказали влияние низкий уровень рождаемости и смена этнической идентичности – при переписи населения представители этих народов зачастую называли себя русскими.

С распадом СССР широкие масштабы принимает этническая эмиграция. Получение суверенитета бывшими республиками СССР и автономиями, входящими в состав РФ, активизировало выезд представителей титульных этносов. В результате сибирские территории потеряли

Таблица 16.3

Динамика численности народов, превысивших 10 тыс. чел. в Сибири с 1979 по 1989 г., тыс. чел.

Народы, уменьшившие численность			Народы, увеличившие численность		
Народ	1989 г.	1979 г.	Народ	1989 г.	1979 г.
Чуваши	91,0	93,7	Русские	18 152,6	16 662,3
Мордва	56,3	60,2	Украинцы	603,1	534,2
Евреи	29,6	38,9	Немцы	453,2	438,1
Поляки	17,3	19,3	Татары	288,8	281,5
Эстонцы	16,5	18,7	Белорусы	138,8	122,3
Латыши	15,2	20,2	Казахи	124,4	101,4
			Азербайджанцы	33,2	10,2
			Армяне	24,5	11,1
			Молдаване	20,6	12,1
			Цыгане	14,6	11,9
			Литовцы	11,3	11,1
			Узбеки	23,7	12,9

значительное число украинцев, белорусов, мордвы и чувашей. В 1989–2002 гг. в Сибири значительно сократилась численность немцев, евреев и эстонцев.

Наиболее интенсивный обмен населением в 1993 г. Западная Сибирь имела с Беларусью, Казахстаном, Киргизией, Узбекистаном и Украиной. При этом регион терял население только в обмене с Беларусью [Население России на рубеже..., 2002, с. 262]. Компенсация демографических потерь в последние годы осуществлялась почти исключительно за счет русскоязычного населения новых республик Центральной Азии, трудовых мигрантов и вынужденных переселенцев из стран СНГ.

В межпереписной период 1989–2002 гг. численность населения России уменьшилась на 1,3 %, а СФО – на 5 %. В 2000 г. среди семи регионов с ростом населения по всей России в СФО была отмечена только Республика Алтай [Население России на рубеже..., 2002, с. 206]. Вместе с тем эмиграция из России в страны дальнего зарубежья до 1998 г. носила узкоэтнический характер – регионы интенсивно теряли немецкое, еврейское и в значительно меньшей степени армянское население. На рубеже XX–XXI вв. в этнической структуре эмиграции стали абсолютно преобладать русские, значительно расширившие географию мест оседания российских мигрантов.

В начале 2000-х гг. состав наиболее значительных по численности народов Сибири существенно изменился. Восемь представителей первой десятки СФО, согласно Всероссийской переписи населения 2002 г., значительно сократили численность (табл. 16.4).

Русское население, несмотря на существенный миграционный прирост в СФО из государств СНГ, уменьшилось на 3,4 %, украинское – на 38 %, немецкое – на 32 %, татарское – на 12,5 %. В первой пятерке незначительно уменьшилось только казахское население. Одновременно нарастающими темпами увеличивается численность народов, прожи-

Таблица 16.4

Динамика численности народов, превысивших 10 тыс. чел. в Сибири с 1989 по 2002 г., тыс. чел.

Народы, уменьшившие численность			Народы, увеличившие численность		
Народ	2002 г.	1989 г.	Народ	2002 г.	1989 г.
Русские	17530,9	18152,6	Азербайджанцы	60,7	33,2
Украинцы	373,1	603,1	Армяне	60,3	24,5
Немцы	308,7	453,2	Таджики	17,4	6,0
Татары	252,6	288,8	Цыгане	16,2	14,6
Казахи	123,9	124,4	Киргизы	11,8	9,1
Белорусы	82,4	138,8			
Чуваши	62,2	91,0			
Мордва	33,7	29,6			
Молдаване	14,8	56,3			
Евреи	14,5	29,6			
Поляки	13,7	17,3			
Эстонцы	11,4	16,5			
Узбеки	16,8	23,7			

вавших в основном за пределами РФ. В 1939–2002 гг. численность азербайджанцев в регионе увеличилась в 50 раз, армян в – 20, киргизов – в 16 и узбеков – в 9 раз.

К 2002 г. в первую десятку народов региона попали армяне, вытеснив евреев. Ближайшим претендентом на десятую позицию, занимаемую в 2002 г. мордвой, стали таджики.

Высокая динамика численности среднеазиатских и закавказских диаспор региона объясняется интенсивной миграцией. В 1993–2004 гг. в СФО из Киргизии прибыло 48 тыс. чел., из Узбекистана – 44,6 тыс., из Таджикистана – 20,7, из Азербайджана – 14,6, из Армении – 13,9 тыс. чел. [Иностранные..., 2006, с. 54–55].

При этом перспективы сохранения демографического баланса Сибири за счет миграции из стран ближнего зарубежья остаются неоднозначными. Оценка истинной численности диаспор затруднена. Существенными характеристиками миграции остаются сезонность и нелегальность. Кроме того, для значительной части мигрантов пребывание в регионе является адаптационным периодом на пути в европейскую часть страны и далее. Длительность их присутствия в субъектах СФО обусловлена степенью адаптации и интеграции в современную урбанизированную среду.

В 2010 г. первая пятерка в этнической структуре СФО – русские, украинцы, немцы, татары и казахи – сохранила порядок, установившийся еще к 1989 г. Однако значительное снижение численности каждого из народов первой пятерки и одновременное масштабное увеличение доли выходцев из Средней Азии и Закавказья обусловило продолжение интенсивного размывания исторически сложившегося этнодемографического баланса в отдельных регионах Сибири.

При сохранении общего этносоциального облика края и укреплении этнополитического статуса отдельных коренных народов и старо-

Таблица 16.5

Этнодемографичесий состав СФО в 2010 г., тыс. чел.

Субъект СФО	Русские	Украинцы	Немцы	Татары	Казахи
Республика Алтай	114,8	1,0	0,7	0,4	12,5
Республика Бурятия	630,6	5,6	1,0	6,7	0,7
Республика Тыва	49,4	0,5	0,1	0,4	0,1
Республика Хакасия	427,6	5,0	6,0	3,1	0,4
Алтайский край	2234,3	32,2	50,7	6,8	8,0
Забайкальский »	977,4	6,7	0,8	5,9	0,6
Красноярский »	2490,7	38,0	22,4	34,8	2,00
Иркутская область	2219,9	30,8	3,7	22,9	1,0
Кемеровская »	2536,6	22,2	23,1	40,2	1,7
Новосибирская »	2365,8	22,1	30,9	24,2	10,7
Омская »	1648,1	51,8	50,1	41,9	78,3
Томская »	922,7	11,3	8,7	17,0	1,7
Итого по СФО	16 618,1	227,3	198,1	20,4	117,5

Источник: Население по национальности и владению русским языком по субъектам Российской Федерации (публикационные таблицы). Т. 4: Национальный состав и владение языками, гражданство // Всероссийская перепись населения 2010 г. – [Электронный ресурс]. – URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 06.08.13).

жильческих диаспор географические и историко-культурные факторы существенно дифференцируют этнодемографические процессы субъектов округа последнего десятилетия.

Республики Алтай, Бурятия и Хакасия демонстрируют стабильный рост коренных народов при незначительной доле этнических групп, имеющих государственность за пределами России. При этом (за исключением русских, традиционно возглавляющих национальный перечень всех регионов Сибири, кроме Тывы), остальные народы первой пятерки, широко расселенные по всем субъектам СФО, в большинстве случаев уступают позиции лишь коренным сибирякам. По этим показателям республики Южной Сибири сближаются с Иркутской областью и Забайкальским краем. Например, второе место в Республике Бурятия, Забайкальском крае и Иркутской области занимают буряты (соответственно, 30 %, 6,8 и 3,3 %).

Другая группа территорий характеризуется абсолютным преобладанием теряющего численность русского населения, традиционно взаимодействующего с народами, имеющими свои автономии в европейской части и также снижающими в Сибири свое представительство за счет естественных демографических процессов и продолжающегося оттока населения.

Особого внимания заслуживает Новосибирская область, удобно расположенная географически в окружении субъектов округа и одновременно имеющая южную международную границу. Показатели этнодемографического развития Новосибирска – столицы федерального округа и крупнейшей агломерации за Уралом, интенсивно стягивающей экономически активное население, во многом аккумулируют макрорегиональные тенденции.

Таблица 16.6

Миграция населения в Новосибирской области в 2010 г. и численность вынужденных переселенцев

Территория	Прибывшие	Выбывшие	Миграционный прирост (убыль)	Численность вынужденных переселенцев и беженцев
РФ	2 102 304	19 442 26	158 078	2890
СФО	35 094	355 068	−4974	5401
Республика Алтай	4927	4811	116	102
Республика Бурятия	20 151	23 386	−3235	68
Республика Тыва	8030	9781	−1751	–
Республика Хакассия	12 776	13 280	−504	111
Алтайский край	44 655	48 942	−4287	1112
Забайкальский »	19 298	24 180	−4882	22
Красноярский »	62 090	59 864	2226	652
Иркутская область	36 571	42 115	−5544	359
Кемеровская »	42 167	41 630	537	896
Новосибирская »	49 012	39 006	10 006	988
Омская »	27 857	30 485	−2628	737
Томская »	22 560	17 588	4982	352

Источник: Социальное положение и уровень жизни..., 2011, с. 64.

По миграционному приросту Новосибирская область является абсолютным лидером на фоне остальных регионов СФО, привлекая почти три четверти миграционного потока (табл. 16.6). При этом масштаб, интенсивность, социальная структура и демографические показатели иммиграции, коренным образом изменившиеся с распадом СССР, существенно отличаются от аналогичных показателей принимающего сибирского сообщества.

Национальный состав Новосибирской области резко изменился между переписями 1979 и 1989 гг. Разделив переписи населения на две группы – 1939–1979 гг. и 1989–2010 гг., можно выделить два существенно различающихся списка народов из первой десятки постоянного населения Новосибирской области, что позволит существенно детализировать этнодемографическую динамику федерального округа в целом. Первый список отражает различные долговременные процессы, складывавшиеся в Сибири (табл. 16.7).

Ряд народов, представленных в списке, уже не входит в перечень десяти наиболее многочисленных групп СФО, согласно данным последней переписи (табл. 16.8).

В частности, в результате широкомасштабной миграции последней четверти XX в. из Сибири выехало несколько тысяч евреев, традиционно наиболее урбанизированных и занимавшихся в сибирских городах торговой и финансовой деятельностью; в основном они проживали в относительно старых крупных городах. Присутствие в первой десятке эстонцев отражает отголоски, во-первых, раннего проникновения в Сибирь прибалтийского населения за счет ссылки в период освоения реги-

Таблица 16.7

Динамика численности первых десяти народов Новосибирской области в 1959–1979 гг., тыс. чел.

Народ	1959 г.	1970 г.	1979 г.	1979 г. в % к 1959 г.
Русские	2057,9	2286,5	2407,2	117,0
Немцы	78,8	67,9	64,9	82,4
Украинцы	62,3	47,6	47,0	75,4
Татары	24,9	28,8	28,5	114,4
Казахи	13,3	12,2	11,8	88,7
Белорусы	11,7	12,0	11,6	99,1
Евреи	12,4	11,9	9,6	77,4
Чуваши	7,8	8,0	6,7	85,9
Мордва	7,0	5,9	4,7	67,1
Эстонцы	78,6	2,7	2,3	2,9

Источник: Национальный состав населения в 1959–2002 годах (по данным переписей населения) // Новосибирской области 70 лет: юб. стат. сб. – Новосибирск, 2007. – 448 с. – С. 74–75.

она, во-вторых, беженцев и военнопленных Первой мировой войны, и, в третьих, сталинских депортаций. Уже по результатам следующей переписи прослеживается значительное сокращение этой диаспоры за счет возвращения в собственную союзную республику.

После 1979 г. ситуация стала быстро меняться. Из первой по численности десятки народов, участвовавших в сельскохозяйственном и индустриальном освоении Сибири, вышли ряд славянских, европейских, финно-угорских и тюркских народов.

Таблица 16.8

Динамика численности первых десяти народов Новосибирской области в 1989–2010 гг., тыс. чел.

Народ	1989 г.	2002 г.	2010 г.	2010 г. в % к 1989 г.
Русские	2556,9	2504,1	2365,8	92,5
Немцы	61,5	47,3	30,9	50,2
Татары	29,4	27,9	24,1	82,0
Украинцы	51,0	33,8	22,1	43,3
Узбеки	2,2	2,0	12,6	572,7
Казахи	12,3	11,7	10,7	87,0
Таджики	0,7	2,8	10,0	142,8
Армяне	2,3	7,8	9,5	413,0
Азербайджанцы	3,6	7,4	8,0	222,2
Киргизы	1,1	1,4	6,5	590,9

Источник: Национальный состав населения в 1959–2002 годах (по данным переписей населения) // Новосибирской области 70 лет: юбилейный статистический сборник. – Новосибирск, 2007. – 448 с. С. 74–75; Территориальный орган федеральной службы государственной статистики по Новосибирской области [Электронный ресурс] / Национальный состав населения по субъектам Сибирского федерального округа. Окончательные итоги Всероссийской переписи населения 2010 года по Новосибирской области. – URL: http://www.novosibstat.ru/2010/ %D0 %9E %D0 %BA %D0 %BE %D0 %BD %D1 %87 %D0 %B0 %D1 %82 %D0 %B5 %D0 %BB %D1 %8C %D0 %BD %D1 %8B %D0 %B5 %20 %D0 %B8 %D1 %82 %D0 %BE %D0 %B3 %D0 %B8_1.aspx

Таблица 16.9

Динамика этнодемографического состава Сибири с 1939 по 2002 г., тыс. чел.

Национальности	1939	1959	1979	1989	2002	2010
Русские	11 804,3	13 972,9	16 662,3	18 152,6	17 530,9	16 618,1
Украинцы	646,8	647,8	534,2	603,1	373,1	227,4
Татары	246,2	250,5	281,5	288,8	252,6	204,3
Немцы	109,1	491,3	438,1	453,2	308,7	198,1
Казахи	105,6	85,4	101,4	124,4	123,9	117,5

Источник: Официальные данные переписей населения за соответствующие годы.

Вместе с тем в 1989–2010 гг. в первую десятку состава народонаселения Новосибирской области вошли нетрадиционные для региона представители Средней Азии и Закавказья. Только эта группа народов значительно наращивала численность, начиная с конца 1989 г.; а формирование диаспор азербайджанцев и армян началось, по крайней мере, десятилетием ранее. Остальные народы первой десятки существенно (русские, татары, казахи) или значительно (немцы, украинцы) снизили свое представительство в Новосибирской области и в Сибири в целом, что было связано с миграционным исходом.

Согласно материалам Всероссийской переписи населения 2010 г. интенсивная динамика численности и удельного веса диаспор Сибири определила тенденции в изменении этнодемографической структуры макрорегиона, фиксировавшиеся еще в предыдущем межпереписном периоде. Этносоциальный облик диаспор имел как специфические, так и общие черты.

Русское население Сибири, в том числе территорий, входящих в СФО, формировалось на протяжении XVI–XX вв. В различных природно-ландшафтных зонах огромного края их базовая культурно-хозяйственная модель, в которой сочетались земледелие, скотоводство и промыслы, существенно трансформировалась. В ходе освоения технологий коренного населения происходила адаптация поселенцев. Процесс порой развивался в условиях активного двуязычия на фоне метизации. Многовековой опыт адаптации и межэтнических взаимодействий определил этнокультурный и этносоциальный потенциал русских Сибири. К началу XXI в. русские устойчиво формировали основу населения СФО (кроме Республики Тыва). Их численность по переписи 2002 г. составляла 17,5 млн чел. – 87,3 % всего населения СФО; из них в городе проживало 73,1 %. В 2010 г. удельный вес русских в регионах Сибирского федерального округа увеличился, составил 88,5 %. При этом абсолютная численность уменьшилась на 912,8 тыс. чел.

Украинцы входят в славянскую группу народов СФО и традиционно взаимодействуют с русскими и белорусами в основных этнических и миграционных процессах, связанных с формированием социально-демографической структуры региона. Проникновение украинцев в Сибирь начинается на ранних этапах освоения края и становится особенно интенсивным в конце XIX – начале XX в. в связи с проблемой земельного

дефицита в южных и центральных регионах Российского государства. На протяжении XX в. одновременно с трансформацией традиционных хозяйственно-культурных моделей украинцев в Сибири увеличивалась дисперсность их расселения. В настоящее время украинцы проживают практически во всех регионах России. СФО остается одним из самых «украинских»: в 2002 г. на него приходилось 373,1 тыс. представителей этого народа – 1,86 % населения округа. В 2010 г. численность украинцев в Сибири уменьшилась на 145,8 тыс. чел., составив 227,3 тыс. чел. В восьми из 12 регионов СФО на третьем месте находятся украинцы (наибольшая доля в Омской области – 2,7 %).

Немцы также представлены во всех регионах России. В 2002 г. в России постоянно проживало 597,2 тыс. немцев – около 0,4 % населения страны. При этом около 50 % немцев обосновались на территории СФО, составляя 1,5 % населения округа. Распределение здесь немецкого населения вплоть до рубежа XX–XXI вв. отражало реалии размещения ссыльного и трудармейского контингентов по территориям Западной Сибири. Так, преобладание городского немецкого населения в Кемеровской области стало итогом использования спецконтингента в промышленном освоении Кузбасса в военные годы. Но большая часть немцев в первой половине XX в. была сосредоточена в сельских районах Сибири. В 2002 г. впервые численность «городских» значительно превысила численность «сельских» немцев и составила 339 тыс. чел. В результате миграций 2010 г. численность всех немцев в СФО значительно снизилась – до 198,1 тыс. чел. При этом в Алтайском крае и Новосибирской области немцы сохранили вторую позицию в национальном составе (2,1 и 1,2 % соответственно).

Татары занимали второе место по численности среди народов России; в СФО – четвертое. Татарский этнос традиционно обладает в России высоким социальным и образовательным цензом. Культура татар отличалась вариативностью, объединяя как традиционные аграрные модели, ориентированные на земледелие и скотоводство, так и стандарты унифицированной индустриальной культуры. Это определило высокие адаптивные возможности сообщества, которое освоило различные территории страны – от земледельческих районов Поволжья до нефтяных промыслов Севера Сибири и прочно интегрировалось в полиэтничное пространство страны. В настоящий момент татары являются одним из самых урбанизированных народов СНГ. По данным переписи 2002 г. численность проживающих в городе татар в 2,2 раза превышала их количество в сельской местности, составляя 3795,3 тыс. чел. против 1759,3 тыс. на селе. Около 4,5 % российских татар – 252,6 тыс. – проживали в СФО, составляя 1,3 % населения округа. В 2010 г. татары насчитывали 204,2 тыс. чел., т.е. их представительство уменьшилось на пятую часть. Наиболее значительные по численности области проживания татар – Кемеровская и Томская, доля татар здесь составляет соответственно 1,5 и 1,7 %.

Казахи – один из тюркоязычных этносов, широко представленных в полиэтничном сообществе России, прежде всего в ее пограничных регионах. По данным переписи населения в 2002 г. в России постоянно

проживало 654 тыс. казахов, или 0,45 % всего населения. При этом значительная их часть – 61,7 % – находилась в сельской местности. Традиционно казахи ориентировались на аграрные сферы экономики с преобладанием животноводства; хотя с 1960-х гг. неуклонно росла численность тех, кто интегрировался в различные сферы индустриального общества. В 2002 г. в СФО казахи достигли 123,9 тыс. чел. (около 0,6 % населения); по численности они впервые превзошли белорусов и, заняв пятое место, вошли в число лидеров. При этом зоной приоритетного расселения казахского этноса в России, включая СФО, остались территории, граничащие с Казахстаном. В 2010 г. это были Омская область, Алтайский край и Новосибирская область. В Сибири проживало 112,7 тыс. казахов, потерявших меньше всего населения в первой пятерке народов СФО (11,2 тыс. чел.).

Системный анализ широкого спектра параметров, характеризующих современное полиэтничное сообщество СФО, позволяет сделать ряд выводов. Можно говорить о том, что изменения в сложившихся во второй половине XX в. этнодемографических структурах в СФО привели к сокращению демографического и трудового потенциала основных этнических сообществ. Важным фактором такого уменьшения стал отрицательный естественный прирост населения, величину которого определили снижающийся показатель рождаемости и рост смертности.

Среди лидирующих по численности народов СФО простой тип воспроизводства реализуется только у казахов, остальные этнические сообщества имеют суженный тип воспроизводства населения, а у русского населения сложившийся к настоящему времени уровень рождаемости только на 70 % обеспечивает уровень простого воспроизводства.

Динамические сдвиги в уровне рождаемости проявляются в выравнивании показателя рождаемости среди различных этнических групп при общей тенденции его сокращения для различных поколений (когорт) женщин. При переходе от старших возрастных групп к младшим уменьшается общее число рождений на 1000 женщин и все более нивелируются различия по уровню рождаемости между различными этническими сообществами. Например, если для возрастной группы женщин старше 70 лет максимальный разброс среднего числа рождений составлял 2,4 раза (казахи и русские), то для группы 20 – 29 лет – 1,06 раза (украинцы и русские).

Изменения количественных параметров этнодемографической структуры СФО сопровождались трансформацией качественных характеристик, включая уровень образования и профессиональной подготовки. По итогам переписи 2002 г. профессиональное образование по СФО имели 58,2 % (по РФ – 59 %) народонаселения. Прежде всего это специалисты с высшим образованием, занимавшие в образовательной структуре СФО 13,8 % (по РФ – 15,7 %), а со средним профессиональным образованием – 27,3 % (по РФ – 27,1 %).

Славянские этносы СФО, прежде всего русские и украинцы, составляющие в общей численности населения округа 93,5 %, характеризуются наиболее высоким образовательным уровнем. Причем украинцы

занимают ведущие позиции по профессиональному, в том числе высшему и среднему образованию. В целом образовательный потенциал украинского населения округа выше среднего уровня. Русское население СФО также обладает высоким образовательным статусом, ему принадлежит второе место по общему показателю по среднему (58,2 %) и высшему образованию (13,9 %).

В 2002 г. в СФО более половины татар (53,8 %) имели профессиональное образование, эта величина ниже средних по округу показателей. Наибольшая доля приходится на среднюю профессиональную подготовку (26,1 %), затем начальную профессиональную подготовку (14,6 %). Доля специалистов с законченным и неполным высшим образованием среди татар, проживающих в городской и сельской местности, составляла 12,9 %, а среди сельского населения – только 5,5 %.

В структуре народонаселения СФО относительно низким уровнем образования отличаются немцы, что объясняется долгим периодом сохранения по отношению к ним репрессивных социальных стандартов, отсутствием полноценной образовательной вертикали на родном языке и широкого информационного (языкового) пространства. Специалисты с законченным и неполным высшим образованием составляют среди немцев, проживавших в городской и сельской местности, только 10,6 %, а среди сельского населения – 5,3 %; эти показатели существенно ниже удельного веса всех жителей с аналогичным уровнем образования по округу.

Самый низкий уровень образования отмечен у казахов. Согласно переписи 2002 г. всего около 45 % казахов СФО имело профессиональное образование, из них специалисты со средней профессиональной подготовкой составляли 22,7 %, с начальной профессиональной подготовкой – 14,2 %. Очень низка у казахов доля специалистов с высшим образованием: в городской местности – всего 6,5 %, а среди сельского населения – 4 %.

Уменьшение в СФО численности русских, украинцев и татар, адаптированных к урбанизированной культуре и имевших высокий уровень образования, определило ухудшение средних по округу показателей качества человеческого потенциала. На территории округа сформировался неэквивалентный миграционный обмен, за счет которого происходит снижение доли высококвалифицированных специалистов на рынке труда. В округ мигрирует население с низким уровнем образования из стран ближнего и дальнего зарубежья – Киргизии, Азербайджана, Армении, Узбекистана, Китая, Вьетнама и Северной Кореи. Представители титульных этносов этих стран заполняют пустующие ниши на рынке труда, выполняя малоквалифицированную работу.

При этом представители народов Азии обладают большим демографическим резервом, но, тем не менее, не имеют возможности компенсировать потери человеческого капитала при снижении профессионально-образовательного уровня в целом по региону вследствие несопоставимости своей численности с масштабами миграционных потерь.

Современные этносоциальные процессы Сибири соединяют в своем развитии тенденции культурного и политического самоопределения

этносов, с одной стороны, а также модернизации и интеграции – с другой. Происходит нивелирование социально-демографических характеристик диаспор относительно средних показателей при сохранении определенных различий.

Результаты исследований ИЭОПП СО РАН последнего десятилетия показывают, что уровень развития человеческого потенциала в Сибири, как и в России в целом, остается достаточно низким. Если в 1980-х гг. Россия входила в тридцатку стран с высоким уровнем развития человеческого потенциала, то в 2011 г. она отодвинулась на 66-е место. В Сибири только Тюменская область имеет ИРЧП, соответствующий уровню развитых стран, а у четырех регионов (Бурятия, Алтай, Тыва, Читинская область) этот показатель ниже среднемирового. Нарастают естественная убыль и тенденция абсолютного сокращения численности населения вследствие ухудшения здоровья, повышения смертности и уменьшения рождаемости при резком снижении качества воспроизводства населения. Сегодня народонаселение СФО описывается совокупностью показателей, в том числе кризисных, которые характеризуют проблемные перспективы в развитии человеческого потенциала региона.

В этнодемографической сфере современного СФО сложились следующие тенденции, которые могут быть оценены с позиций риска:

– сокращение численности народонаселения округа в целом и отдельных этнических сообществ при невозможности компенсировать демографические потери за счет миграции;

– усиление этнической мозаичности с ориентацией на «ориентализацию» при большой вариативности и конкурентности социокультурных, языковых и конфессиональных стандартов;

– сохранение статусной (этнополитической) иерархии различных этнических сообществ при одновременном действии факторов поликультурности и интеграции;

– ухудшение качественных характеристик населения СФО и в перспективе – растущая конкуренция на рынке труда и социокультурной сфере, в том числе и по этническому признаку.

Глава 17

ВЫЗОВЫ И РИСКИ В СВЯЗИ С ПРОБЛЕМОЙ МИГРАЦИИ ДЛЯ ЭТНОСОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЫ РЕГИОНА

Миграция в современной России во многом определяет перспективы ее политического и социально-экономического развития. Федеральные миграционные программы 1990–2000-х гг. получили развитие в Концепции государственной миграционной политики на период до 2025 г., утвержденной Президентом РФ 13 июня 2012 г. и обозначившей стратегию интеграции в качестве основного политического курса страны.

В этом документе подчеркивается, что за последние два десятилетия миграционный прирост компенсировал более половины естественной убыли населения РФ; и на перспективу при расчетном сокращении на начало 2025 г. жителей страны до 142,8–145,6 млн чел. Миграция с условием переселения на постоянное место жительства остается одним из источников увеличения их численности; а привлечение иностранных работников по приоритетным профессионально-квалификационным группам является необходимостью для дальнейшего поступательного развития российской экономики.

По прогнозам Росстата миграционный приток к 2012–2030 гг. по инерционному среднему варианту взрастет многократно и составит 7,2 млн чел. – преимущественно выходцев из государств Средней Азии, которые по ИПЧР на 36–61 позицию уступают России [Мукомель, 2013, с. 2]. «В современных условиях, – говорится в Концепции государственной миграционной политики до 2025 г., – миграция работников высокой квалификации является важным источником накопления человеческого капитала, обеспечивающего экономический рост и благосостояние в принимающих странах. Не случайно конкуренция за привлечение таких работников имеет международный масштаб. Одна из стратегических задач – создание условий и механизмов для привлечения востребованных экономикой высококвалифицированных и квалифицированных специалистов разного профиля, предпринимателей и инвесторов, прежде всего на долгосрочной основе» [Концепция государственной миграционной..., 2012].

Сибирский регион, занимая пограничное положение по отношению к внешним и внутренним рубежам России, по степени интенсивности миграций был и остается одним из ведущих в стране. В настоящее время миграция является одним из важнейших факторов демографического и социального развития СФО, одновременно формирующим риски развития человеческого потенциала (табл. 16.6).

Эта тенденция характерна для большинства территорий Сибири, в том числе для Новосибирской области. По данным федеральной службы государственной статистики по Новосибирской области, в 2011 г. положительное сальдо миграции здесь обеспечивалось за счет внутрироссийского обмена (58 %) и притока мигрантов из стран СНГ (42 %).

Внешняя для области миграция в 2011 г. составила 40,6 %, в том числе миграционный оборот с регионами России – 34,8 %, со странами СНГ – 5,2 % и другими зарубежными странами – 0,6 %. Приток внешних мигрантов сократился на 3,4 %, а отток населения – на 3,3 %. Вследствие этого величина сальдо миграции снизилась на 3,7 % (в 2010 г. – на 22,8 %).

Миграционный прирост со странами ближнего и дальнего зарубежья увеличился за год на 1 тыс. чел., или в 1,3 раза; на 942 чел. (в 1,3 раза) увеличилось сальдо миграции за счет обмена населением со странами СНГ, а с другими зарубежными странами миграционная убыль сократилась на 91 чел. При этом за 2011 г. возросли потоки мигрантов по прибытию со странами СНГ на 899 чел. (на 25,1 %), со странами дальнего зарубежья на 53 чел. (в 1,2 раза).

В последние годы среди всех иммигрантов около 94 % составляли бывшие жители стран СНГ, 87 % из них являлись выходцами из Казахстана и Средней Азии. При значительном сокращении сохраняется отток населения в дальнее зарубежье. Основными странами эмиграции в дальнее зарубежье оставались Германия, США, Израиль [Миграция населения..., 2012, с. 6–7].

По данным на первое полугодии 2012 г. миграционная убыль населения СФО составила 899 чел. (табл. 16.6); наибольшие показатели наблюдались в Забайкальском крае, где число выбывших в другие государства и регионы Российской Федерации превысило количество прибывших на 2727 чел. Наибольший миграционный прирост был характерен для Новосибирской области – 7054 чел.

Характеристики экспертами растущей миграции в СФО и НСО варьируются в очень большом диапазоне – от высокой оценки с точки зрения экономической целесообразности до признания ее одним из наиболее значимых и плохо измеряемых конфликтогенных факторов.

Оценивая масштабы и значение миграции для современной России и ее отдельных регионов, аналитики подчеркивают, что в разное время доля мигрантов составляла от 7 до 10 % трудовых ресурсов страны (для сравнения в США – 15 %, в Швейцарии – 22 %). Что касается производимого трудовыми мигрантами совокупного продукта, то он, согласно данным В.А. Тишкова, составлял от 7 до 10 % ВВП России, что во много раз превосходит объем капиталов, отправляемых мигрантами в страны исхода [Тишков, 2012, с. 5].

В то же время в политических дискурсах 2000-х гг. на уровне глав регионов и комитетов Госдумы речь шла о риске «миграционного давления» и об угрозе сложившемуся межэтническому балансу. В этой связи приводились цифры нелегальных (нерегистрируемых) мигрантов, ко-

Таблица 17.1

Распределение мигрантов по территориям прибытия/выбытия с наибольшим миграционным приростом (убылью) для Новосибирской области 2012 г.

Территория	Число прибывших		Число выбывших		Миграционный прирост	
	всего	в том числе по месту жительства	всего	в том числе по месту жительства	всего	в том числе по месту жительства
Российская Федерация	66 834	47 659	58 076	42 037	8758	5622
Центральный федеральный округ	1226	871	3284	2226	−2058	−1355
Северо-Западный федеральный округ	489	336	1190	667	−701	−331
Южный федеральный округ	727	547	1855	1144	−1128	−597
Сибирский федеральный округ	56 859	40 762	46 398	34 820	10 461	5942
Дальневосточный федеральный округ	3772	2510	1553	729	2219	1781
Международная миграция	13 811	4782	768	768	13043	4014
Страны СНГ	10 219	4485	467	467	9752	4018
Армения	597	214	13	13	584	201
Казахстан	3393	1760	282	282	3111	1478
Киргизия	2358	1446	42	42	2316	1404
Таджикистан	1385	376	4	4	1381	372
Узбекистан	1537	312	2	2	1535	310
Другие страны	3592	297	301	301	3291	−4
Грузия	174	41	–	–	174	41
Израиль	17	12	16	16	1	−4
Китай	2571	13	–	–	2571	13
Соединенные Штаты	20	10	32	32	−12	−22

Источник: [Миграция населения..., 2012, с. 13].

торые, по разным оценкам, составляли от 2 до 12 млн чел. По данным Федеральной миграционной службы, в 2010 г. в России находилось около 5 млн иностранных граждан, из которых на законных основаниях трудились около 1 млн чел. В Концепции государственной миграционной политики до 2015 г. нелегальная миграция оценивается в 3,5 млн чел.; экспертная консенсус- числа нелегальных мигрантов – 2,4 млн чел. [Тишков, 2012; Мукомель, 2013, с. 6].

Неконтролируемый в полном объеме (несмотря на многочисленные постановления) характер миграции формирует ожидаемые риски. По мнению одного из ведущих специалистов по этнополитической истории Сибири, проф. М.В. Шиловского, высказанного в интервью НГС.

НОВОСТИ 8.06.2012 г.: «Пока социум может переваривать национальную диаспору, все нормально. Чем больше представителей нерусских этносов становится, тем плотнее почва для конфликтов. Нынешняя ситуация мне очень сильно напоминает период русской революции 1905 года. Тогда малые этносы начали выдвигать идею национального, культурного самоопределения. Тогда буряты, алтайцы, якуты заговорили об автономиях, обострился антисемитизм, и националистические настроения тогда были такими же распространенными» [Маковеев, 2012].

Этнический риск, обозначенный в связи с развитием миграции в формате прогноза на уровне экспертной оценки, во многом отражает общественное мнение, сложившееся в регионе. Анализ статистики при этом приводит к более сдержанным оценкам. Согласно данным переписи населения 2002 г., в Новосибирске проживают представители 129 народов (этнических групп); из них русские составляют 93,8 % населения, а остальные народы – 5,2 % населения города.

Расчет индекса полиэтничности (на основе подсчета количества условных этнических групп доминирующего численного состава) позволяет аналитикам констатировать, что в среднем по России этот индекс имеет довольно значительную величину – 7,4, но существенно различается по федеральным округам. Для СФО он составляет 10,5, в ЮФО и ДВФО немного ниже 5; а в остальных округах еще ниже – 3–4 [Этнополитическая ситуация..., с. 252–253].

«Что касается роста или снижения этнического разнообразия населения, – отмечают авторы Ежегодного доклада EAWARN за 2010 г., то, учитывая данные переписей 1989 и 2002 гг...., показатели полиэтничности менее всего меняются в Северо-Кавказском ФО. Однако, по данным на прилежащих территориях – в Южном ФО этническое разнообразие населения возрастает наиболее быстрыми темпами по стране. На втором месте по увеличению разнообразия этнического состава – Центральный ФО. В прочих округах увеличение этнического разнообразия является незначительным, а на Дальнем Востоке разнообразие даже сократилось. Распространенный миф об особой роли иностранных мигрантов в изменениях этнического состава населения российских регионов не подтверждается. Подсчет корреляционных зависимостей обнаруживает, что прирост полиэтничности более связан со средними многолетними показателями внутрироссийской миграции (коэффициент корреляции Пирсона 0,52), и в малой степени зависит от показателей международной миграции (коэффициент корреляции Пирсона 0,25)» [Этнополитическая ситуация..., 2011, с. 253].

В реальности в большинстве регионов России, в том числе в СФО, на конец 2012 г. сохранялось абсолютное преобладание русскоязычного (русского и славянского) населения. Но нельзя не признать, что в ходе миграции планомерно сокращается доля русских и славянских народов и увеличивается доля выходцев из постсоветских азиатских и кавказских государств. Их присутствие не вызывает «культурного шока». Это связанно с историческим опытом многонационального советского госу-

дарства и полиэтничным характером Сибири, где традиционно сосуществуют различные этнокультурные модели.

Развитие миграционных процессов вносит большое разнообразие в повседневные практики городов СФО: расширяется потребительский рынок, становятся популярными этнические (узбекские, кавказские, уйгурские, китайские, корейские, турецкие) рестораны, кафе, пекарни и магазины; востребованным является этнический бизнес в сфере бытовых услуг; все большее распространения получают различные социокультурные практики, в том числе этнические фестивали и т.д.

Города Сибири меняют свой облик, который традиционно определяла относительно унифицированная среда с преобладанием русскоязычных жителей. Но по мере увеличения доли мигрантов (иноязычного населения) в региональном сообществе нарастает градус обсуждения этносоциальных проблем. Это особенно характерно для городов с высоким показателем обновляемости населения, в частности, для административной столицы СФО – Новосибирска. Перемены в составе населения за счет групп, которые в регионе прежде не проживали, воспринимаются очень остро, определяя характер обывательских суждений, публикаций в СМИ и высказывания политиков.

По результатам исследований, проведенных в рамках данного проекта, видно, что миграционный прирост наиболее значителен в зоне притяжения новосибирской агломерации, особенно в Новосибирском районе, и в отдельных урбанизированных зонах Новосибирской области (табл. 17.2). Сельская местность Новосибирской области, районные центры и городские поселения вне урбанизированных зон теряют свой демографический и производственный потенциал. Интенсивный миграционный прирост пригородов согласуется с логикой активных агломерационных процессов начиная еще с середины 1970-х гг. За прошедшие три десятилетия пригородная зона осваивалась интенсивно и неупорядоченно [Новосибирск, 2007, с. 91]. Этническая миграция усугубила этот процесс. Пригородные территории выступают для Новосибирска поставщиками рабочей силы в виде ежедневной маятниковой миграции.

В поясе Новосибирской агломерации (прежде всего юго-восточная) на протяжении последних 15–20-ти лет обозначилась тенденция (и относительно высокий потенциал риска) формирования территорий компактного (замкнутого) проживания мигрантов.

Вдоль основных транспортных коридоров – междугородных трасс, железнодорожных путей и пригородных дорог местного значения (садово-дачные коммуникации), в частности, вдоль Бердского, Гусинобродского, Ордынского шоссе и т.д., ежегодно возникают сезонные (временные) лагеря цыган-люли (среднеазиатских цыган). Основная их специализация – сбор и реализация вторсырья и нищенство (попрошайничество). Другие цыганские (миграционные) группы осваивают территории садово-дачных обществ. Одно из таких поселений существует более 15 лет в районе общества «Механизатор» между населенным пос. Барышево и пос. Крахаль в Новосибирском районе.

Таблица 17.2

Миграция в местностях Новосибирской области с наибольшим миграционным приростом (убылью) в 2911 г.

Территория	Всего			В том числе					
				к месту жительства			к месту пребывания на срок более 9 месяцев		
	Число прибывших	Число выбывших	Миграционный прирост	Число прибывших	Число выбывших	Миграционный прирост	Число прибывших	Число выбывших	Миграционный прирост
Вся местность	80 645	58 844	21 801	52 441	42 805	9636	28 204	16 039	12 165
Городская	60 037	36 632	23 405	37 346	26 566	10 780	22 691	10 066	12 625
Сельская	20 608	22 212	−1604	15 095	16 239	−1144	5513	5973	−460
Городские округа									
г. Новосибирск	43 914	20 470	23 444	24 049	14 970	9079	19 865	5500	14 365
Бердск	3642	2509	1133	3111	1948	1163	531	561	−30
Искитим	867	1568	−701	750	1141	−391	117	427	−310
Обь	1553	808	745	1176	676	500	377	132	245
Городские поселения	1553	802	751	1176	670	506	377	132	245
Сельская местность	–	6	−6	–	6	−6	–	–	–
р.п. Кольцово	753	310	443	730	247	483	23	63	−40
Муниципальные районы									
Искитимский район	2832	2389	443	1991	1827	164	841	562	279
р.п. Линево	314	775	−461	291	590	−299	23	185	−162
Сельская местность	2518	1614	904	1700	1237	463	818	377	441
Колыванский район	980	774	206	648	562	86	332	212	120
р.п. Колывань	418	291	127	257	210	47	161	81	80
Сельская местность	562	483	79	391	352	39	171	131	40

Коченевский район	1786	1267	519	1530	969	561	256	298	–42
Городские поселения	757	596	161	559	472	87	198	124	74
р.п. Коченево	581	499	82	422	397	25	159	102	57
р.п. Чик	176	97	79	137	75	62	39	22	17
Сельская местность	1029	671	358	971	497	474	58	174	–116
Новосибирский район	5966	3173	2793	3740	2629	1111	2226	544	1682
р.п. Краснообск	837	463	374	750	391	359	87	72	15
Сельская местность	5129	2710	2419	2990	2238	752	2139	472	1667
Сузунский район	1378	1294	84	932	918	14	446	376	70
р.п. Сузун	516	506	10	367	339	28	149	167	–18
Сельская местность	862	788	74	565	579	–14	297	209	88

Источник: Миграция населения..., 2012, с. 13.

В городской черте места компактного размещения мигрантов формируются на окраинах и в районах рынков. В настоящее время на территории области работают 94 рынка: в том числе в г. Новосибирске – 54, в районах – 40. Плотно заселены этническими мигрантами окрестности рынков: Вещевой (ОАО Гусинобродское, Октябрьский район Новосибирска), Хилокский (Ленинский район Новосибирска), Левобережный (Кировский район Новосибирска).

Местами интенсивного вселения мигрантов также являются районы частного сектора Новосибирска вдоль железной дороги и малых городских рек (Ельцовка, Каменка, Плющиха, Тула и др.). Особенности этих районов были изначально обусловлены точечным индустриальным освоением и рассредоточением планировочной структуры города, самовольным характером застройки и сложным рельефом местности – это определяло формирование замкнутых жилых массивов [Новосибирск, 2007, с. 84–86].

Сегодня основными этническими анклавами Новосибирска являются: район дач, граничащих с Гусинобродским рынком и МЖК «Восточный», весь частный сектор, прилегающий к улице Волочаевская; район Хилокского рынка (улицы Тульская, Хилокская, Малыгина); район, прилегающий к старому городскому аэропорту; частный сектор вдоль Мочищенского шоссе; пос. Мочище. Окраинные районы достаточно компактно населены азербайджанцами, узбеками, таджиками, киргизами, армянами, грузинами, курдами (езидами), цыганами и представителями ряда других народов – прежде всего выходцами из Средней Азии и Закавказья.

Городские окраины по периметру Новосибирска стихийно превраща-

ются в «этнотауны» – зоны экономической и социокультурной активности этнических мигрантов; здесь формируется замкнутая инфраструктура, удовлетворяющая внутренние нужды общин, получает развитие этническое предпринимательство на основе земляческих связей и групповой солидарности, локализуется этническая преступность.

При недостаточной эффективности декларированных Концепцией государственной миграционной политикой на период до 2025 г. легитимных практик интеграции мигрантов происходит стихийная сепарация и «капсулирование» населения по этническому признаку. Это формирует этносоциальные и этнокультурные риски, связанные с развитием Новосибирска и других городов Сибири, для которых характерна подобная ситуация.

Миграционные риски имеют двойственную природу. Категория риска в связи с оценкой человеческого потенциала в равной степени применима как к мигрантам, так и к принимающему сообществу.

В отношении мигрантов оценка рисков развития человеческого потенциала связана с невозможностью реализации в полном объеме традиционной структуры идентичностей (включая культурный, языковой и конфессиональный уровень) и с их слабой интегрированностью в принимающее сообщество. На основе мониторинговых исследований федерального и регионального уровней можно говорить о повсеместном ограничении доступа мигрантов к отдельным видам работ и занижении заработной платы. Известно, что более половины мигрантов в России заняты низкоквалифицированным трудом. Образование, квалификация, профессиональные навыки мигрантов часто не востребованы на российском рынке труда. Социальные риски этой группы связаны с их нисходящей трудовой мобильностью.

По данным экспертов, не менее 60 % мигрантов работают в России незаконно. «Неформальная занятость» (с нерегламентированными условиями труда) мигрантов является следствием ее «выгодности» на теневом рынке при несовершенстве законодательства и его правоприменения. Иностранные мигранты повсеместно испытывают ограничения при найме жилья и ценовую дискриминацию. Доступ к получению статуса постоянного проживания лимитирован. Наиболее серьезные риски в развитии человеского потенциала мигрантов и вызовы политике интеграции «сопряжены с ограниченным набором социальных прав (отсечением мигрантов от социальной защиты, неэффективностью социальных институтов, призванных обеспечить вторичную социализацию мигрантов), реализацией прав человека в отдельных сферах (в первую очередь доступа к здравоохранению, к правосудию и правовой защите, права на достойный труд), отторжением мигрантов принимающим обществом и ограниченными коммуникациями мигрантов с местным населением» [Мукомель, 2013].

В принимающем сообществе, остро реагирующем на рост миграции и формулирующем все новые и новые угрозы, мигрантам предъявляют претензии в том, что они усиливают конкуренцию на рынке труда, отбирают рабочие места, тормозят рост зарплат и развитие произ-

водства. Однако известно, что экономическая специализация мигрантов связана, прежде всего, с низкоквалифицированными и низкооплачиваемыми непрестижными сферами деятельности. В СФО, в том числе в Новосибирской области и Новосибирске, мигранты заняты, прежде всего, в торговле продовольственными и прочими товарами, в малом бизнесе, в сфере услуг (общепит, ремонт жилья и дорог, ремонт и мойка автомобилей, ремонт одежды, торгово-посредническая деятельность) и пр.

Как социальный феномен, этническая специализация зависит от стажа миграции и укоренности диаспоры в городской среде. Неквалифицированным трудом занимаются недавние приезжие, которые ориентируются на сетевые (этнические/земляческие) связи как форму и механизм адаптации. Этническая ориентированность бизнеса снижается по мере интеграции мигрантов в социально-экономическую инфраструктуру города. Традиционные для Новосибирска азербайджанская и армянская диаспоры, которые формировались на протяжении последних 40 лет, вовлечены в сложную структуру городской экономики.

Специализация с низкой квалификацией характерна в настоящее время для большей части (при известных исключениях) таджиков, узбеков, киргизов – это работа в ЖКХ, подсобные работы, кустарный пошив одежды и пр. Поэтому риски, формулируемые принимающим сообществом относительно социально-экономической сферы, имеют гипотетический характер. Но нельзя исключать роста конфликтности в этой сфере по мере развития миграции и усиления конкуренции за доступ к ресурсам и занятости. Этнический фактор в этой ситуации может выступать катализатором социально-экономических противоречий, обозначив развитие ситуации от риска к конфликту.

Большой сегмент этнических рисков в контексте миграции составляют этнокультурные риски – проблемы, связанные со сферой образования, традиционной религией, доступом к информации на родном языке, к культурной инфраструктуре и т.д. На протяжении двух последних десятилетий в городских сообществах Сибири одновременно с развитием миграционных процессов фиксируется изменение этнического состава средних общеобразовательных учреждений. В Новосибирске полиэтничный характер имеют школы в Заельцовском, Кировском, Ленинском, Октябрьском и Дзержинском районах. Наибольшее количество детей из этнически смешанных семей учатся в образовательных учреждениях Железнодорожного, Центрального, Советского, Дзержинского, Ленинского и Кировского районов.

Школы, расположенные в непосредственной близости к районам основных рынков Новосибирска, принимают значительную долю детей миграционных меньшинств, а ряд таких школ более чем на 50 % обучает детей из семей мигрантов, например, МКОУ СОШ № 66 (Хилокская, 4, Ленинский район), МБОУ СОШ № 77 (Ереванская, 14, Заельцовский район), МБОУ СОШ №71 (Почтовый 3-1 переулок, 21, Дзержинский район), МБОУ СОШ № 194 (Лазурная, 10/1, Октябрьский район) [Межнациональные отношения, 2010, с. 44–58].

К настоящему времени в них отмечается увеличение количества не только этнически смешанных классов, но и народов, которых представляют ученики. Так, если в 2005 г. классы состояли из представителей двух-трех народов, то в 2011 г. появились классы, где учатся дети 4–8 разных этнических групп [Ушаков, 2012, с. 65].

По заказу Управления общественных связей и Управления образования мэрии г. Новосибирска, в 2011 г. сотрудниками ИФП СО РАН было проведено социологическое исследование, посвященное изучению межэтнических и конфессиональных взаимоотношений в таких школах. Опросы учителей и школьников показали относительно благоприятную ситуацию: «Межнациональные отношения как дружеские оценили 48 % экспертов, как благожелательные – 19 %. Если сложить эти оценки, то они, являясь в целом положительными, несомненно, составляют подавляющее большинство (67 %). Значительное количество экспертов оценили их как нейтральные, ровные – 23 %. Отрицательные оценки оказались незначительными: как терпимые их оценили только 9 % классных руководителей и как враждебные – 1 %. И все же негативные оценки показывают, что фактически в 10 % классов с межнациональным составом отношения сложились непростые» [Ушаков, 2012, с. 65].

Полиэтничные школы Новосибирска испытывают множество проблем, решать которые они вынуждены самостоятельно, так как в России опыт подобной работы отсутствует: крайне слабое знание русского языка, сезонный характер посещения школы многими детьми, включенными в обратную или маятниковую миграцию родителей, встраивание в учебный процесс религиозных обрядов, которые привыкли совершать учащиеся и др. Администрация и учительский состав этих школ корректируют программы с учетом этнокультурной специфики учащихся, в частности, необходимости соблюдения календарных праздников и других традиций [Программа опытно-экспериментальной деятельности..., 2013; Информационная карта..., 2013].

В последние годы в школах Новосибирска увеличивается категория учащихся, оторванных от привычной языковой и культурной среды, но в полной мере не интегрированных в принимающую среду. Связанный с ростом миграции конфликтный потенциал в сфере образования также имеет тенденцию к росту. Для нейтрализации рисков требуется (на государственном уровне) разработка специальных программ и методического обеспечения изучения русского языка как иностранного, а также изучения других курсов иностранцами. Потребность в этих программах возрастает в связи с новыми законодательными инициативами, вводящими знание языка в качестве условия трудовой интеграции мигрантов. В настоящий момент попытки решения проблем адаптации детей мигрантов на уровне средней школы в Новосибирске носят инициативный характер. По данным опроса ИФП СО РАН 2011 г., 20,5 % классных руководителей отметили, что в их классах проводятся занятия по истории, культуре, традициям различных народов; 38 %экспертов указали,

что такого рода мероприятия практикуются в их образовательных учреждениях. Ответы экспертов на вопрос о необходимости преподавания дисциплин по мировой и этническим культурам распределились следующим образом: посчитали необходимым их введение 40 % педагогов; признали, что такой необходимости нет – 20 %; и затруднились ответить 37 % учителей. Данное распределение ответов обнажает дискуссионность вопроса и отсутствие его однозначного решения [Ушаков, 2012, с. 71]. Школа, являясь отражением процессов, происходящих в обществе, демонстрирует неоднозначность ситуации, связанной с оценкой миграции и рисков, которые с ней связаны.

Не менее значимым показателем изменения этнокультурной ситуации в городской среде является конфессиональная динамика. Вслед за увеличением численности среднеазиатских и закавказских диаспор в Новосибирске растет число мечетей и молельных домов. По состоянию на сентябрь 2012 г. в Новосибирске работают две мечети: Соборная мечеть на ул. Красина (вместимость 400 чел.) в Дзержинском районе и строящаяся мечеть возле Хилокского рынка в Ленинском районе (400 чел.), а также молельный зал на Левобережном рынке в Кировском районе. Завершается реконструкция исторической мечети 1916 г. на ул. Фрунзе в Центральном районе, достраивается мечеть на ул. Мира (3500 чел.), проектируется мечеть на Мочищенском шоссе в Калининском районе (500 чел.). Таким образом, в ближайшие 1–2 года в Новосибирске будут действовать 5 мечетей, без учета молельных комнат.

По данным имам-хатыба Соборной мечети Новосибирска Накиба Шакирзянова, в 2010 г. отпраздновать окончание священного месяца Рамадан на территории Соборной мечети собрались около 4 тыс. мусульман [Новосибирские мусульмане..., 2013], в 2012 г – около 5 тыс. [Полумесяц..., 2013]. Что касается общих данных по конфессиональному составу, то наиб-имам Новосибирской мусульманской общины Абдульхамид Шакирзянов оценивает имеющееся количество мусульман в Новосибирской области в 200–300 тыс. чел. [Мусульманам в Новосибирске..., 2013]. Эксперты, высказывающиеся в СМИ, считают эту цифру завышенной. Рафаэль Сулейманов, председатель Новосибирского магометанского общества, уточняет оценку до 100 тыс. верующих [Полумесяц..., 2013].

Религиозная консолидация, являясь одной из форм самоорганизации миграционного сообщества, актуализирует групповые формы культурной (этноконфессиональной) идентичности и этнические риски.

На уровне индивидуального сознания причины этнической враждебности кроются в субъективном восприятии и оценке обычаев, нравов и форм поведения другой культуры – сквозь призму традиций и норм собственной культуры. У большинства людей под влиянием собственной культуры возникают представления о своем видении мира, поведении, образе жизни как единственно возможных и приемлемых. Кроме того, проблему межэтнического взаимодействия усугубляют незнание и стереотипные представления. Они лежат в основе интолерантного отношения, выражающегося в нетерпимости, враждебности к особенностям культуры определенных этнических групп, равно как и к ее представи-

телям. Эти факторы являются серьезным препятствием на пути формирования стратегии взаимодействия всех членов этноконтактной среды. Это острая и актуальная проблема. На сегодняшний день выработка дефиниций толерантности чрезвычайно актуальна для Новосибирска, СФО, поскольку и для региона, и для России в целом характерен рост этносоциальной напряженности.

По данным опроса, проведенного Фондом «Общественное мнение» (ФОМ) среди 500 жителей области, более половины новосибирцев нетерпимо относятся к приезжим и требуют дать русским больше прав. Ультимативную формулировку «Россия — для русских» поддержали 15 % респондентов; большинство (53 %), – согласились с утверждением, что Россия – «многонациональная страна, но русские должны пользоваться определенными преимуществами». Относительно толерантными можно назвать каждого пятого жителя региона. Именно столько сторонников нашлось у утверждения «Россия – многонациональная страна, и все национальности должны пользоваться равными правами». По данным ФОМ, рейтинг самых нежелательных для новосибирцев мигрантов возглавляют выходцы с Северного Кавказа (дагестанцы, чеченцы, черкесы и др.). Жить рядом с кавказской семьей по соседству не хотели бы 56 % респондентов. Второе место делят мигранты из Азии (узбеки, киргизы, таджики, китайцы, вьетнамцы, корейцы), соседствовать с семьями которых не хотят 53 % участников опроса. Жить по соседству с семьями выходцев из Закавказья (азербайджанцами, армянами, грузинами) не хотят 50 % респондентов. Меньше негатива вызывает перспектива соседства с украинцами и молдаванами – 16 % и 23 % соответственно. По данным опроса на портале НГС, 18 % респондентов считают, что русские должны пользоваться преимуществом при приеме на работу. Еще 13,5 % опрошенных говорят о том, что у русских должно быть преимущество в получении образовательных и медицинских услуг. Почти 20 % участников опроса уверены, что мигранты должны быть поражены в праве покупки жилья и выборе места проживания [Маковеев, 2012].

Самым нетерпимым к мигрантам, по данным ФОМ, позиционируется Красноярский край. Самые толерантные — Омская и Иркутская области. Новосибирская область занимает срединную позицию вместе с Кемеровской областью и Республикой Хакасия. В целом по России самая высокая нетерпимость по отношению к мигрантам характерна для Москвы, Оренбурга и Калуги [Маковеев К., 2012].

Рассматриваемая тенденция характерна и для многих других российских и сибирских городов и регионов. Но при пристальном изучении настроений и оценок принимающего общества на региональном уровне этнические фобии могут быть поставлены под сомнение – образ «этнического мигранта» на поверку оказывается обобщенным образом «чужого», аккумулирующего социальное недовольство. Однако нельзя не учитывать большой конфликтогенный потенциал этнических миграций, а также риски, связанные с ними.

Нейтрализация рисков соответствует государственной стратегии России перехода от национального многообразия к единому граждан-

скому обществу, с уважением этноконфессиональных, расовых и других различий. Проблема формирования единого гражданского общества – «российского многонационального народа» – обозначает задачи и перспективы интеграции.

Этносоциальная ситуация в полиэтнических и поликультурных обществах, развивающихся в контексте миграции, имеет противоречивый характер. Предпосылками интеграции мигрантов в полиэтничное сообщество могут быть: общее политическое прошлое, получившее продолжение на уровне СНГ; сложившиеся в советский период практики социально-экономического и культурного взаимодействия; как следствие этого – относительно незначительная культурная дистанция между странами выезда и прибытия и, следовательно, отсутствие фактора «культурного шока»; наличие в России уже существующих диаспор и институтов их национально-культурного самоутверждения.

Современное российское общество только формирует свое отношение к национальному фактору вообще и к миграции рабочей силы в частности. Это сложный процесс, принимающий иногда форму фобий. Проявление последней особенно свойственно периодам, связанным с обострением политической борьбы и борьбой за власть в российском обществе.

Из сказанного очевидна актуальность взвешенной оценки экономических и политических выгод, а также социальных рисков, которые связаны с проведением активной миграционной политики. Необходимо использовать мировой опыт, наработанный в данной сфере, и проводить сравнительный анализ масштабов и факторов иностранной миграции.

Глава 18

ТОЛЕРАНТНОСТЬ И МИГРАНТОФОБИЯ В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ (на материалах исследований в Новосибирске и Новосибирской области)

В этноконтактной среде динамика этнического конфликта развивается по линии последовательно меняющегося поведения, приводящей к увеличению социокультурной дистанции и этнической напряженности. Этническая напряженность представляет собой особое психологическое состояние, которое формируется в процессе отражения групповым этническим сознанием совокупности неблагоприятных внешних условий, ущемляющих интересы группы. Прологом конфликта является отчуждение. Оно находит отражение в стремлении к этнически однородным бракам, к моноэтническому общению, к минимизации контактов с представителями других этнических групп. Постепенно отчуждение сменяется неприязнью, и как возможный результат возникает конфликт, проявляющийся в различных формах. Этническая нетерпимость является серьезным препятствием на пути формирования культуры толерантности всех членов сообщества.

В 2000 г. в РФ была принята федеральная программа, направленная на «формирование установок толерантного сознания, веротерпимости, миролюбия и профилактику экстремизма в гражданском обществе», которая практически сразу начала активно претворяться в жизнь Министерством образования. При этом выработка дефиниций толерантности стала чрезвычайно актуальной задачей.

В узком значении толерантность понимается как «терпимость к чужим мнениям, верованиям, поведению» [БЭС, с. 690]. Идея толерантности имеет глубокие исторические корни. Одним из первых к ней обратился Вольтер. В 1763 г. он опубликовал трактат, в котором обозначил толерантность как разновидность общечеловеческой добродетели. Основанная на принципах терпимости, лояльности и уважении к вере и взглядам других людей, толерантность изначально рассматривалась как решение проблемы взаимодействия с религиозными меньшинствами. По мере возникновения все новых проблем в социальных отношениях толерантность вышла за рамки религиозного контекста. По-настоящему популярной она стала в конце XX в.; 1995-й г. был объявлен ООН Годом, посвященным толерантности.

В широком значении, толерантность – это моральное качество личности, характеризующее терпимое отношение к другим людям, независимо от их национальной, религиозной и социальной принадлежности; терпимое отношение к любого рода взглядам, нравам и привычкам.

В Декларации принципов толерантности толерантность означает: «уважение, принятие и понимание богатого многообразия культур нашего мира, наших форм самовыражения и способов проявлений человеческой индивидуальности. Толерантность – это прежде всего активное отношение, формируемое на основе признания универсальных прав и основных свобод человека. Проявление толерантности означает, что каждый свободен придерживаться своих убеждений и признает такое же право за другими» [Риэрдон, 2001, с.235].

Толерантность формируется в процессе социализации и выступает как внутренняя установка личности на принятие других такими, какие они есть, и готовность взаимодействовать с ними. По мнению Л.А. Лахотюк, формирование толерантности происходит в два этапа: во-первых, это знание традиций, ценностей, привычек, установок и способов повседневного общения другого этноса/нации/культуры; во-вторых, это осознание того, что «чужой», другой, непривычный не значит – хуже. Он просто другой в силу сложившихся исторических условий [Лохтюк, 2003, с.112]. Таким образом, становится очевидно: чем шире культура толерантности, тем стабильнее существование социума.

Интолерантность появляется в так называемых «зонах негативизма»: религиозной, этнической, психологической, ценностной, поведенческой и др.

Изучение интолерантности и толерантности имеет исключительно важное значение при постановке диагноза и разработке профилактических мер по минимизации, преодолению и урегулированию этносоциальных рисков – межэтнических конфликтов в контактных средах.

Особого внимания при изучении толерантных и интолерантных установок, существующих в социуме, заслуживает учащаяся молодежь, поскольку именно эта группа, активно воспринимающая информацию, способна влиять на формирование будущих стратегий развития.

В ходе опроса, проведенного в Новосибирске и Новосибирской области, было охвачено 663 представителя учащейся молодежи. Среди опрошенных большую часть (92 %) составили русские. Кроме них в опросе участвовали армяне, азербайджанцы, немцы, молдаване, корейцы, татары, украинцы, буряты и представители других этносов, а также те, кто не указал своей национальности.

Считается, что один из аспектов социализации молодежи в современном полиэтничном мире, в том числе и в России, связан с выбором и освоением ценностей того или иного этнического сообщества, ведь предпочтения молодежи демонстрируют перспективное направление эволюции социальных норм. В связи с этим,учащимся и студентам был предложен модифицированный опросник Е.Б. Фанталовой, ориентированный на изучение ценностных ориентации. Результаты рассматривались по наибольшему количеству отмеченных ценностей [Фанталова, 1996, с. 32].

В результате в рейтинг высоко значимых для молодежи ценностей вошли следующие позиции: «счастливая семейная жизнь»; далее в порядке убывания – «наличие хороших и верных друзей», «любовь», «неза-

висимость в поступках», «здоровье» и «творчество» являлись значимыми в среднем для 8% респондентов обеих групп. Последние места заняли: «материально обеспеченная жизнь», «уверенность в себе», «активная жизнь» и «интересная работа». В категорию отвергаемых ценностей вошли: «религиозная жизнь», «красота природы и искусства», «связь со своим народом».

И хотя, как выяснилось, вопросы о связи с этнической культурой не входят в систему ценностей нового поколения и не оказывают серьезного влияния на выбор личностных стратегии поведения, тем не менее, этнический фактор не исключается из коммуникативной сферы.

При ответе на вопрос: «Как Вы относитесь к многонациональным бракам» 66,7% горожан и 59,5% жителей области позитивно оценили заключение национально-смешанных браков; по 17% опрошенных в каждой группе считают такие браки «неустойчивыми», остальные выступают против заключения подобных союзов. При этом, в принципе относясь положительно к смешанным бракам, молодые люди гораздо менее однозначно одобряют эту перспективу для себя лично.

Если с первым вариантом ответа согласились в основном представители славянских народов, то против таких браков выступили представители других сообществ. Это позволяет говорить, что для славянских народов характерен более высокий уровень адаптации к социокультурной среде, чем для представителей иноэтничного населения – их ответы стали своеобразным проявлением этноцентризма и культурной дистанционированности.

По мнению М.Н. Губогло, «интегральное состояние внутрисемейных взаимоотношений служит высокозначимым индикатором, характеризующим не только безболезненную смену поколений, но в известной мере играет роль показателя общего положения в стране, в том числе в различных сферах жизнедеятельности» [Губогло, 2003, с. 678].

В отличие от сферы семейных отношений, этническая сфера, находящаяся за пределами домашнего быта и внутрисемейных отношений, полна противоречий. В ней, как показывает исследование, толерантное сознание молодежи складывается из неоднозначных представлений. Например, высказывая свои предпочтения и симпатии по отношению к различным народам, большинство респондентов г. Новосибирска на первое место поставили «русские» – 31,8 %, далее «все народы» – 16,6 и «никакие» – 6 %. При опросе на территории Новосибирской области ответы на этот вопрос существенно не отличались: «русские» – 30,8 %, «все народы» – 15,7 , «никакие» – 15,7 %. Интересен тот факт, что в сферу симпатий как горожан, так и жителей области попали «украинцы» – около 8 % и «немцы» – 4,6 %, многие молодые люди при ответе назвали – «славянские народы».

При ответе на вопрос: «Какие народы вызывают у Вас опасения?» опрошенные проявили нетерпимость, прежде всего, по отношению к «чеченцам» – 21,4 % в городе и 21,6 % в области, к «лицам кавказской национальности» – соответственно 11,3 и 10,8 %, «мусульманам» – 8,4 % и 10,2 %; кроме того, довольно часто упоминались представители такой

этнической группы, как «цыгане», – 7 %. Эти народы для опрашиваемых ассоциируются с засильем в сфере рыночной торговли, терроризмом, распространением наркотиков и воровством, «попрошайничеством» и т.д. Лишь 25 % из всех опрошенных первой группы и 29,8 % второй группы ответили, что нет таких национальностей, представители которых вызывали бы неприязненное отношение. Многие из них уточнили, что опасность представляют «люди, нарушающие закон», «необразованные», «легко возбудимые» независимо от этнической принадлежности: «опасна не национальность, а люди». Большое влияние на отношение современной молодежи к указанной проблеме оказывают внешние источники, чаще всего это мнение ближайшего окружения и СМИ. Картина, составленная по результатам анкетирования в молодежной среде, демонстрирует низкий уровень этноконфессиональной и этнокультурной информированности молодежи.

При ответе на вопрос: «В каком городе Вы хотели бы жить – многонациональном или мононациональном?», около 42 %, ответили, что им «все равно», за проживание в «мононациональном городе» высказалось – 33,5 % горожан и 37,3 % проживающей в области молодежи; и только 24 % и соответственно 18 % подчеркнули, что предпочли бы жить в многонациональном городе.

С утверждением: «Представители каждой национальности должны жить на земле своих предков» согласилось подавляющее большинство, охваченных опросом, как из первой, так и из второй группы населения – 41,8 и 60 % . При этом доля молодого поколения, проживающего в области и согласившегося с данным утверждением, была гораздо выше, чем у горожан. Такая разница объясняется тем, что жители сельской местности по сравнению с горожанами более ориентированы на сохранение традиций.

Подтверждением этого служат мнения, высказанные по поводу следующего утверждения: «Представители коренной национальности имеют право решать – жить в их государстве людям другой национальности или нет»; 48 % респондентов первой группы и 51,3 % второй однозначно согласились с этим, соответственно 38,8 и 27,1 % высказались «против». Те опрошенные, которые выбрали ответ «мне все равно» продемонстрировали лояльное или индифферентное отношение к этническому окружению и существующим проблемам.

На вопрос «Должно ли преподавание в учебных заведениях учитывать многонациональный состав?» большинство студентов и школьников – 55,4 % в первой группе и 49,8 % во второй – согласились с ответом «желательно», мнения остальных респондентов разделились: 26,2 % опрошенных первой группы и 22,7 % второй группы считали, что сегодня образование должно ориентироваться на многонациональный состав учащихся, 18,4 % первой группы и 27,5 % второй высказались против идеи поликультурности современного образования.

Таким образом, анализ опросов показал внутреннюю противоречивость в установках современной молодежи. Как отмечает М.Н. Губогло, такая противоречивость состоит в некоей разновекторности этнической

толерантности как чувства долга, с одной стороны, и как понимания рациональной пользы этнической терпимости, если она благоприятствует взаимообогащению культур, – с другой [Губогло, 2003, с. 679]. В целом полученные данные свидетельствуют о неопределенности и размытости этнической самоидентификации молодежи региона. Причем русское большинство по своему самоощущению, знанию традиционных основ собственного этноса, своей собственной истории значительно уступает представителям иных этнических групп. Это в известной степени свидетельствует о незавершенности процесса цивилизационной и этнической самоидентификации в российском обществе и во многом определяет контекст отношения к мигрантам.

Всестороннее изучение взаимоотношений мигрантов и принимающего общества чрезвычайно актуально для современной России. Согласно выступлению министра образования и науки РФ А.А. Фурсенко на Правительственном часе в Совете Федерации 8 февраля 2006 г., «радикально националистически настроенные граждане среди населения России составляют 4,6 % от общего числа граждан, в молодежной среде этот показатель выше и составляет 15 %» [Фурсенко, 2012].

Большое место проблеме национализма отводится в региональных российских исследованиях (Москва, Ростов, Саратов и др.). Оценки рисков связаны с изучением конкретных этнических сообществ и социальных групп, в том числе при характеристике таких показателей, как оценка жизни, ее качества и уровня; социальной идентификации – выделение среди окружающих «своих» и «чужих»; особенностей поведения в реальных или прожективных конфликтных ситуациях; готовности к насильственным действиям.

В русле проблематики национализма и этносоциальных рисков выделяются исследования, посвященные оценке аналогичных процессов в молодежной среде. В рамках изучения коммуникативного межэтнического взаимодействия молодежи признается, что риск является неотъемлемой составляющей жизнедеятельности личности. Осуществление рискованного поведения и поступков способствует приобретению молодыми людьми положительного или отрицательного опыта по выбору стратегии поведения в условиях современной России. Рискованное поведение можно расценивать с различных сторон: как способ самопознания и самоутверждения или как источник опасности для жизни; как поведение, отличное от нормы и противопоставленное общественным традициям и ценностям.

Существуют трактовки рискованного поведения в качестве ценности. Согласно теории Ш. Шварца, рискованное поведение является ведущей ценностью молодых людей не только по причине специфичности их возраста, но и потому, что риск – это ценность современного общества, обусловленная динамичностью происходящих в нем преобразований.

Вместе с тем риск в этносоциальном измерении связывается с явлением экстремизма. В законодательстве РФ под экстремизмом понимается широкий набор действий. В частности, статья 1 ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ

определяет экстремистскую деятельность (экстремизм) как «публичное оправдание терроризма и иную террористическую деятельность; нарушение прав, свобод и законных интересов человека и гражданина в зависимости от его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии; публичные призывы к осуществлению указанных деяний либо массовое распространение заведомо экстремистских материалов; пропаганда или публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики...».

В современной литературе экстремизм в молодежной среде квалифицируется как «социально обусловленные формы отклонения от развития экстремального типа сознания молодежи и нарушения меры в выборе адекватных моделей поведения, выражающегося в приверженности крайним взглядам и поступкам, представляющим опасность для окружающих» [Чупров, Зубок, 2008, с. 66]. Сущность молодежного экстремизма трактуют как сознательный выбор способов индивидуального и группового поведения для достижения целей, представляющих угрозу и наносящих вред окружающим.

Разновидностью молодежного экстремизма признается этнический или национально-этнический экстремизм, который рассматривают как крайнюю форму неприязни по отношению к группам мигрантов, а также как установку на крайнюю степень приверженности националистическим взглядам [Чупров, Зубок, 2008, с. 67].

В 2006 г. отделом социологии молодежи ИСПИ РАН было проведено исследование, в котором уровень экстремальности измерялся на основе ранговой шкалы чувств, испытываемых респондентом к мигрантам. Неприязнь к ним в разной степени выразили 35 % молодых респондентов, в том числе в крайней форме 10,5% [Зубок. Чупров, 2008]. На основе данного и подобных исследований аналитики приходят к выводу, что в последние годы российская молодежь демонстрирует высокий уровень интолерантности; отмечается стирание граней между мигрантофобиями и этнофобиями в молодежной среде [Мукомель, 2005, с. 83].

Признание проблемы экстремизма в молодежной среде отражают официальные документы РФ, в том числе нормативный акт – «Стратегия государственной молодежной политики в Российской Федерации на 2006–2016 гг.», утвержденный распоряжением Правительства РФ от 18 декабря 2006 г. В Стратегии подчеркивается необходимость «формирования приоритетов и мер, направленных на создание условий и возможностей для успешной социализации и эффективной самореализации молодежи, для развития ее потенциала в интересах России и, следовательно, на социально-экономическое и культурное развитие страны, обеспечение ее конкурентоспособности и укрепление национальной безопасности». Отмечается, что именно молодые люди должны выступать проводником идеологии толерантности и быть готовы к противостоянию политическим манипуляциям и экстремистским призывам [Козлов, 2009, с. 38].

В контексте реализации государственных стратегий противостояния экстремизму актуальными. являются многочисленные исследова-

тельские программы последних лет. Среди них: международный семинар «Экстремизм и ксенофобия в молодежной среде сквозь призму транснациональных исследований» (г. Санкт-Петербург, 16–18 марта 2007 г., состоявшийся при содействии центра изучения молодежи «Поколения. NET»); конференция «Пути предотвращения ксенофобии и экстремизма в молодежной среде на территории Петербурга» (г. Санкт-Петербург, 6 мая 2008) и др.

Явление экстремизма и этнофобий в молодежной среде российские аналитики объясняют тем, что молодежь представляет собой одну из самых социально нестабильных групп российского общества, остро реагирующую на любые общественные перемены.

В условиях неопределенности молодой человек испытывает необходимость поиска устойчивых, как правило традиционных, ценностей. В этой ситуации этническая идентичность выступает надежным признаком принадлежности к сообществу и своего рода гарантией безопасности. Вместе с тем, ее актуализация приводит к росту конфликтности, преувеличенному дистанцированию своей группы от других, к обостренному восприятию «другого»/«чужого».

Экстремальность молодежи носит характер преимущественно спонтанных проявлений, которые, однако, могут перерастать в экстремистские настроения. Риск и иллюзорная значимость экстремистской деятельности оказываются привлекательными для молодежи, так как дают возможность самоутвердиться. В этих проявлениях выражается эмоциональное и оценочно-смысловое (принимающее форму взглядов и убеждений) отношение молодежи к реализации своих индивидуальных и групповых интересов. Экстремистские настроения в молодежной среде формируются под воздействием реальных экономических и социально-политических процессов.

Аналогичные процессы характерны для многих регионов России, в том числе и для различных областей Сибири. За последнее десятилетие в городах региона, включая г. Новосибирск, заявило о себе движение скинхедов. Инциденты были отмечены со стороны небольших групп, которые именуются «наци-скинхедами» и которые придерживаются национал-социалистической идеологии. Их деятельность зачастую носит агрессивный, характер.

Экстремистские (антимигрантские) выступления молодежных группировок можно проследить по криминальной хронике городских и региональных масс-медиа:

– в марте 2006 г. был оглашен приговор относительно факта возбуждения национальной вражды организованной группой с применением насилия в отношении восьмерых скинхедов (от 18 до 22 лет) националистической группировки «Белое братство», совершивших нападения на граждан Таджикистана и Узбекистана в 2002 г. с целью «очистить» Новосибирскую область от «нерусских» [Электронный ресурс]. – URL: http://www.kolokol.ru/pogroms/14104.html, свободный; дата обращения: 10.04.2012];

– в начале 2008 г. был вынесен приговор трем членам группы неонацистов (от 16–19 лет), причислявшим себя к скинхедам или наци-скинхедам, проходившим по делу о жестоком убийстве гражданина Турции;

– в октябре 2008 г. было совершенно убийство гражданина Таджикистана группой неонацистов, один из которых (20-летний житель г. Новосибирска) был осужден за убийство по мотиву национальной ненависти, а четверо других получили условное наказание;

– в 2009 г. наци-скинхеды напали на участников антифашистского митинга, посвященного памяти Анастасии Бабуровой и Станислава Маркелова [Официальный сайт информационно-аналитического центра «Сова» – [Электронный ресурс]. – URL: http://www.sova-center.ru/racism-xenophobia/news/racism-nationalism/2010/11/d20213/, свободный; дата обращения: 15.04.2012];

– 9 ноября 2010 г. было совершено вооруженное нападение на участников антифашисткой акции (несостоявшегося в НГУ просмотра документального фильма «Любите меня, пожалуйста») группой членов националистического движения;

– 16 мая 2011 г. был вынесен приговор (угроза убийством, совершенная по мотиву национальной ненависти) в отношении неонациста Евгения Ренжина, напавшего на уроженца Таджикистана [официальный сайт информационно-аналитического центра «Сова». [Электронный ресурс]. – URL: http://www.sova-center.ru/racism-xenophobia/news/racism-nationalism/2010/11/d20213/, свободный; дата обращения: 15.04.2012];

– в ноябре 2011 г. достоянием общественности стал факт вандализма – на стенах городского еврейского лицея «ОР Авнер» краской были нанесены оскорбительные надписи и знаки свастики [Электронный ресурс]. – URL: http://m.kurer-sreda.ru/2011/11/24/54560, свободный; дата обращения: 10.04.21012);

– в марте 2012 г. в г. Новосибирске было возбуждено уголовное дело (возбуждение национальной ненависти) против 17-летнего учащегося кадетского корпуса, который выложил в социальной сети фильм «Россия с ножом в спине», занесенный в Федеральный список экстремистских материалов от декабря 2007 г. [официальный сайт информационно-аналитического центра «Сова». – [Электронный ресурс]. – URL: http://www.sova-center.ru/racism-xenophobia/news/racism-nationalism/2010/11/d20213/, свободный; дата обращения: 15.04.2012].

Подобные инциденты демонстрируют радикализацию настроений в среде молодежи. Оценка интолерантных установок в России осуществляется с конца 1990-х гг. Методическая разработка 1998 г. «Типы этнической идентичности» Г.У. Солдатовой и С.В. Рыжова позволила диагностировать этническое самосознание и его трансформации в условиях межэтнической напряженности. Показатели толерантности/интолерантности были избраны ключевой переменной при конструировании опросника.

В рамках проекта «Толерантность как способ взаимной адаптации вынужденных мигрантов и местного населения» Российского Красного Креста и группы психологов научно-практического центра «Гратис»

(Центр толерантности и гуманитарных технологий) был разработан экспресс-опросник «Индекс толерантности», апробированный в 16 городах РФ в 2001–2002 гг. (сайт кафедры этнопсихологии и психологических проблем поликультурного образования МГППУ [Электронный ресурс]. – URL: http://www.etnopsy.ru/txt.htm, свободный; дата обращения: 30.04.2012).

В проекте МГППУ «Социально-психологический анализ факторов возникновения и условий предотвращения национализма в молодежной среде» в 2007–2008 гг. был сделан вывод, что отношение к феномену этничности (национальности) детерминировано не только социальной ситуацией, но и индивидуальными ценностными приоритетами [Хухлаев, 2011, с. 104]. Такого рода выводы были положены в основу авторского исследования.

С целью оценки ситуации среди молодежи г. Новосибирска весной 2011 г. проводилось анкетирование (по схеме доступной выборки) среди 250 студентов НГУ, НГТУ, НГПУ (от 17 – до 24 лет) по методике измерения уровня мигрантофобии М.В. Донцовой, апробированной в исследовании «Мигрантофобия как фактор межэтнической напряженности» в 2006 г. в Южном федеральном округе [Донцова, 2008, с. 91–96]. В инструментарий анкеты было включено 17 позитивных и 17 негативных высказываний по поводу мигрантов. Измерения проводились по шкале от «–3» до «3», где «–3» означает абсолютное несогласие с высказыванием, «3» – полное согласие. Полученный показатель имеет количественный уровень измерений, и интервал его значений варьирует от –1 до 1, где значение «1» указывает на их отсутствие мигрантофобийных установок, а также на наличие в сознании респондента высокого уровня социального доверия, а «–1» – свидетельствует о максимальном уровне мигрантофобии. Этот показатель делится на четыре интервала: очень низкий, низкий, высокий, очень высокий.

По результатам анкетирования 61,2 % респондентов продемонстрировал низкий уровень мигрантофобии. Интервал высокого уровня мигрантофобии представляет 38,4 %; 0,4 % (1 анкета) опрошенных характеризуется очень высоким показателем проявления данной фобии. Материалы анкет свидетельствуют о наличии «внешней» толерантности, т.е. общепринятой форме поведения, и о достаточно терпимом отношении молодежи к мигрантам, их проживанию на данной территории.

На основе проведенного в г. Новосибирске анкетирования и интервью с лидерами молодежных организаций был сделан вывод о том, что возможные конфликты в молодежной среде возникают спонтанно под влиянием сиюминутных ситуаций и «под оболочкой» стереотипного образа «чужого», являясь следствием социально-экономической конкуренции между приезжающими мигрантами и молодежью как маргинальной, социально и экономически неустойчивой группой. Хотя опрос выявил проблему сохранения значительной этнокультурной дистанции между принимающим сообществом и мигрантами и наиболее значимым фактором радикализации настроений был признан негативный опыт взаимодействия с представителями тех или иных этносов и конфессий, тем

не менее на основе полученной выборки удалось установить, что в СФО экстремизм не является устойчивой характеристикой молодежного сознания, несмотря на проявления бытового национализма и интолерантности.

Основные результаты опроса совпали с выводами российских аналитиков о том, что участие в националистических акциях и другие экстремистские проявления в молодежной среде в трансформированной форме являются выражением социальной напряженности. Это первичный фактор возможных конфликтов и мотивационное основание протестной деятельности молодежи.

По данным социологического опроса, проведенного в 2008 г. в Центральном федеральном округе по теме «Причины распространения этнического экстремизма и ксенофобии в молодежной среде», главными причинами национальной неприязни были названы: низкий уровень культуры (30,1 % респондентов); высокий уровень криминализации некоторых этнических групп (26,47 %); пренебрежительное отношение к культурным традициям других наций (24,47 %); доминирование некоторых национальных меньшинств в бизнесе, власти, на рынке труда (19,07 %); сохранение ложных стереотипов в отношении своей и других национальностей (16,07 %) [Реутов, 2008, с. 30]. И эксперты, и молодежь почти в одинаковой степени указали на неравное национальное представительство во власти, в бизнес-элите – социально значимых общественных сферах.

Большинство экспертов (67,74 %) утверждают, что этническое и религиозное многообразие становится предпосылкой экстремистского поведения, интолерантных установок лишь в условиях нерешенности социальных проблем [Паин, 2005]. Недовольство «этнизируется», принимает форму обиды, чувства притеснения со стороны других этнических групп.

Негативные установки относительно мигрантов определяют контекст активизации деятельности таких националистических организаций, как: «Русский общенациональный союз», «Союз русского народа», «Русский прорыв», «Русское общественное движение» и другие, выступающие с призывами противостоять «перманентной миграционной угрозе и ущемлению прав русской нации».

«Русский прорыв», как и «Русский марш», становятся заметным явлением в Сибири последних лет; с каждым годом количество их молодых участников увеличивается. Лидер общественного движения «Русский прорыв» в г. Новосибирска Евгений Логинов так обозначает рост интереса молодежи к этим движениям: – молодежь тянется к атрибутике, к организации; самоидентификация по системе «свой – чужой» является проявлением возрастной психологии; консолидация молодежи является реакцией на изоляцию самих этнических групп (использующих только свой национальный язык) на их вызывающее поведение и игнорирование местных традиций (полевые материалы).

Новые тенденции в развитии этносоциальной ситуации как в СФО, так и в Российской Федерации характеризуются одновременной актуа-

лизацией этничности и ростом бытового национализма в контексте нарастания миграции. С 2005 г. в г. Новосибирске организовывается ко Дню народного единства «Русский марш». В нем ежегодно принимают участие несколько сотен человек, принадлежащих к различным политическим направлениям. Лидер сибирского отделения «Русского общественного движения» и организатор «Русского марша» в г. Новосибирске Ростислав Антонов так комментирует ситуацию: «Русский марш» – это прекрасная возможность почувствовать, что русский народ – это не абстракция, а живая реальность, «мы», тысячи людей. Приходя на «Русский марш», молодой человек приобретает этничность, пытается определиться со своими взглядами» (полевые материалы).

В молодежной среде г. Новосибирска альтернативой такого рода движениям являются антифашистские группировки. Молодые люди причисляют себя к антифашистскому движению по множеству причин: принадлежность к определенной субкультуре «антифа»; противостояние идеям фашизма, дискриминации, национализма; толерантное отношение к представителям других этносов. «“Антифашисты”, – по мнению одного из новосибирских антифашистов, – это не только те, кто выступает с силовыми акциями против фашистов или устраивает митинги, причисляет себя к анархистам, но и кто осуществляет свою деятельность через антифашистские издания, аналитические центры антифашисткой направленности, например, центр Сова – Информационно-аналитический центр исследования национализма и ксенофобии» (полевые материалы).

Антифашистское движение г. Новосибирска, при всей своей неоднородности, заявило о себе рядом заметных акций:

– 4 ноября 2008 г. во время проведения «Русского марша» движение колонны перекрыла группа из 50 человек с факелами в руках и транспарантами: «Нет фашистскому маршу!», «Фашизм не пройдет», «Наше Отечество – все человечество» (официальный сайт независимого медиа центра «Индимедиа – Сибирь». [Электронный ресурс]. – URL: http://imc-siberia.org/ru/node/1685, свободный; дата обращения: 25.04.2012]);

– с 2009 г. после убийства неонацистами адвоката Станислава Маркелова и журналистки Анастасии Бабуровой (участницы акций движения «антифа», активистки анархо-коммунистического объединения антифашистской направленности «Автономное действие») акции их памяти стали регулярными;

– в г. Новосибирске 28 февраля 2010 г. организован пикет участниками «Автономного действия» в знак протеста против инцидентов, подобных убийству студента из Южной Кореи группой нацистов г. Барнаула [Официальный сайт независимого медиа центра «Индимедиа – Сибирь». [Электронный ресурс]. – URL: https://imc-siberia.org/ru/node/4174, свободный; дата обращения: 26.04.2012];

– 27 ноября 2010 г. был проведен митинг в связи с расправой над участниками несостоявшегося показа фильма «Любите меня, пожалуйста», где звучали лозунги: «Наша истинная национальность – человек», «Мир цветной, а не коричневый», «Фашизм – это твое равнодушие», «Наше отечество – все человечество», «Сегодня за просмотр кино в тебя

могут стрелять. Что будет завтра?» [Электронный ресурс]. – URL: http://tayga.info/photo/2010/11/27/~101325; свободный; дата обращения: 10.03.2012].

В г. Новосибирске антифашисты представляют собой разрозненные объединения, основная пропагандистская деятельность которых ведется в социальных сетях интернета. Так, новосибирский антифашист-интернационалист Сергей характеризует ситуацию следующим образом: «К сожалению, сейчас в Новосибирске нет антифашистского или около антифашистского издания (в свое время была газета «Добро»). Сейчас можно сказать, что антифашисты ушли из общественного пространства. Вполне возможно, что часть этих людей выступает под более актуальными, на их взгляд, общественными повестками, например, демократизация» (полевые материалы).

Отсутствие консолидированных действий в среде молодежи, направленных на противодействие экстремизму, в современном российском обществе оценивается как одна из важнейших проблем. Государственная молодежная политика на федеральном и региональном уровнях направлена на формирование устойчивых практик межнациональных и межконфессиональных взаимодействий в рамках формирования гражданского согласия. Такие программы имеются во многих областях страны; они согласованы с общероссийским проектом 2010–2012 гг. «Молодежь – основа инновационного развития стран» [Сайт Федерального агентства по делам молодежи РФ [Электронный ресурс]. – URL: http://fadm.gov.ru/projects/, свободный; дата обращения: 15.04.2012]. Проект включает ряд мероприятия, главным из них является образовательная площадка-форум «Селигер», ориентированная на развитие созидательной активности молодежи.

«Селигер» был включен правительством в план мероприятий «Года молодежи» в России, организованного молодежным объединением «Наши» совместно с Федеральным агентством по делам молодежи. Ежегодно на форуме проходит восемь тематических смен, в частности, реализуется направление «Толерантность» в рамках проекта «Россия для всех». Данный проект определяется двумя целями: создание имиджа России как открытой страны для привлечения талантливых людей из всего мира и гармонизация отношений среди народов, проживающих на территории страны. Однако в его положениях отсутствуют точные формулировки; и по причине широкой трактовки проблема толерантности и интолернтности пока не имеет эффективного решения [Козлов, 2009, с. 80].

В современном понимании в превенции молодежного экстремизма решающее значение приобретает не нейтральная терпимость по отношению к представителям других обществ, культур, религиозных и этнических сообществ, а активная, заинтересованная толерантность, основанная на рефлексивном отношении к собственной позиции, взаимодействию с представителями других молодежных организаций и движений.

В соответствии с Декларацией принципов толерантности (ЮНЕСКО, 1995 г.) толерантность определяется «как ценность и социальная норма гражданского общества, проявляющаяся в праве всех индивидов гражданского общества быть различными, обеспечении устойчивой гармо-

нии между различными конфессиями, политическими, этническими и другими социальными группами, уважении к разнообразию различных мировых культур, цивилизаций и народов, готовности к пониманию и сотрудничеству с людьми, различающимися по внешности, языку, убеждениям, обычаям и верованиям» [Декларация принципов толерантности. [Электронный ресурс]. – URL: http://school-sector.relarn.ru/prava/zakony/tolerance/1.htm, свободный; дата обращения: 1.02.2012].

Именно на развитие созидательной активности в утверждении толерантных отношений должна быть сделана основная установка государственной молодежной политики в современной России и ее отдельных регионах, включая СФО. Вопрос профилактики интолерантности остается открытым. На федеральном уровне нет интегрированных программ по разработке методов решения этой проблемы. Но многие регионы продолжают активную работу в данном направлении.

На противодействие мигрантофобии и интолерантности направлена серия акций, проведенных в г. Новосибирске за последние годы. С 2010 по 2012 г. в рамках проекта «Молодой интернациональный Новосибирск», организованного Межнациональным молодежным советом при мэрии, проводятся тематические вечера для знакомства с культурой различных народов. Семинар «Азбука толерантности», городские дебаты «Молодежь XXI века: формула общения», круглый стол «История и современные тенденции воспитания интернационализма», фотоконкурс и выставка «Я принимаю этот мир» – это лишь малая часть мероприятий, реализованных в 2011 г. в рамках межведомственного плана по профилактике экстремизма и формированию толерантности в молодежной среде в г. Новосибирске.

Комитет по делам молодежи мэрии г. Новосибирска, Муниципальное бюджетное образовательное учреждение дополнительного образования Социально-психологический центр «Ника» при содействии кафедры психологии и педагогики НГТУ, кафедры педагогики НГПУ провели городскую научно-практическую конференцию «От экстремизма к толерантности» (25 ноября 2010 г.). На конференции обсуждались вопросы формирования установок толерантного сознания, правовых аспектов предупреждения и пресечения правонарушений экстремистской направленности. Была обозначена проблема отсутствия взаимодействия межведомственных структур, решение которой позволило бы совершенствовать систему профилактики. На основании резолюции конференции был создан Общественный координационный совет по профилактике экстремизма и формированию толерантности в подростковой и молодежной среде при комитете по делам молодежи мэрии г. Новосибирска. Его задача – совершенствовать формы и методы работы с подростками и молодежью.

В ходе третьего заседания Общественного координационного совета 23 марта 2012 г. в г. Новосибирске были подведены итоги создания информационно-аналитического центра, который будет заниматься мониторингом отношения к проблеме экстремизма в молодежной среде. В состав центра вошли специалисты комитета по делам молодежи мэрии

Новосибирска, Центра «Э» (Центр по борьбе с экстремизмом), СП «Ника», НГАУ, управления общественных связей мэрии.

В настоящее время разворачивается работа Центра толерантности при кафедре психологии и педагогики НГТУ. Апробируются новые методы профилактики этно- и мигрантофобий. В г. Новосибирске подхвачен и активно развивается международный общественно-просветительский проект «Живая Библиотека», первоначально организованный группой волонтеров в г. Москве. В ходе проведения «Живой Библиотеки» в роли «книг» выступают представители различных этнических, социальных групп и профессий, по отношению к которым в обществе существует множество стереотипов и предрассудков.

«Живая Библиотека» – проект, посвященный разнообразию в обществе [официальный сайт проекта «Живая библиотека» в РФ [Электронный ресурс]. – URL: http://humanlibrary.ru/, свободный]. Такого рода проект относится к социально значимым: выбор социальных групп «живых книг» читателями так или иначе является отражением интересов, страхов, проблем, востребованных общественным сознанием на данный момент.

В Новосибирской области данный проект осуществляется под руководством общественно-политического движения «геФормация» с 2011 г. В октябре 2011 г. по запросам «читателей» на проект был приглашен бывший беженец из Афганистана. На «Живую библиотеку», состоявшуюся 21 апреля 2012 г. в НГНОБ, были приглашены бывший неонацист, представитель исламской религии. Очевидно, что положение мигрантов, этноконфессиональная тематика актуальны для «читателей» – жителей г. Новосибирска и Новосибирской области, в том числе для молодежи. Власти и общественность предлагают все новые и новые инициативы, направленные на стабилизацию ситуации и предотвращение конфликтов в полиэтничном сообществе г. Новосибирска, развитие которого во многом определяется ростом миграционной составляющей на рынке труда и в социокультурной инфраструктуре. От преодоления экстремизма и утверждения норм толерантности в социуме в целом и в его молодежных стратах зависит будущее сибирского региона, развитие его человеческого потенциала.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

О ВЕКТОРАХ СОЦИАЛЬНОЙ И ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

1. Стратегические направления региональной социальной политики

Территория Сибирского федерального округа составляет 30 % территории России, на которой проживает 13,5 % всего населения страны. Округ включает в себя, 2 края, 6 областей, 7 автономных округов, 4 республики, в которых проживают коренные народы Сибири. Здесь находится 85 % общероссийских запасов свинца и платины, 80 % – молибдена, 71 % – никеля, 69 % – меди, 67 % – цинка, 66 % – марганца, 44 % – серебра, около 40 % – золота. Кроме того, на территории округа добываются титан, вольфрам, цементное сырье, фосфориты, железные руды, бокситы, олово. За счет нефти и газа, в основном сконцентрированных в регионах Сибири, формируется более половины доходов федерального бюджета России. На территории Сибири расположены уникальные лесные массивы, значительная часть запасов чистой пресной воды и уникальные рекреационные ресурсы. Экосистема оз. Байкал, включающая его водосборный бассейн, ежегодно воспроизводит в среднем 60 км^3 воды. Площадь Байкальской природной территории составляет 386 тыс. км^2, и это больше, чем площадь всех остальных заповедников и национальных парков России, вместе взятых. Просторы Сибири и богатство ее природных кладовых – общеизвестный факт и естественный предмет гордости родившихся или живущих здесь людей. Но по большому счету, главное богатство Сибири – они сами. Именно их труд и знания позволяют стране осваивать природные богатства этой территории.

Население Сибири в 1930–1990-е гг., интенсивно пополнялось – сюда стекались люди из всех уголков СССР. Одни приезжали сами, в поисках романтики дальних дорог или экономических преференций, инициативно или по оргнабору. Других привозили – в лагеря, тюрьмы и на поселение. Усилиями тех и других созданы основы современной экономики и транспортная инфраструктура макрорегиона. Многие осели на сибирской земле, со временем ставли считать ее второй родиной для себя и родиной для своих детей. Их приверженность этому суровому краю – залог того, что Россия является великой державой не только в географическом смысле.

Во время проведения Всероссийской переписи населения в 2010 г. на вопрос о национальности некоторые жители сибирских регионов отвечали: «Я – сибиряк». Это стало поводом для активного обсуждения в

СМИ темы – формирование сибирской идентичности, преимущественно с позиций сибирского сепаратизма. Проведенное А.А. Анисимовой и О.Г. Ечевской в 2012 г. исследование показало, что «идеи признания сибиряков как отдельной национальности пока скорее являются маргинальными и представляют собой интеллектуальный и идеологический проект, а не знак растущего «национального самосознания» сибиряков. ... «Я – сибиряк» – это обращение к «центру», сообщение, которое передают «простые люди», пытаясь обратить внимание центра на нужды и проблемы жителей Сибирского региона» [Анисимова, Ечевская, 2012, с. 100].

Отставание подавляющего большинства регионов Сибирского федерального округа от регионов Европейской России по уровню и качеству жизни населения – это статистический факт. На протяжении последнего десятилетия наблюдается рост благосостояния населения округа, но в относительном выражении эти достижения выглядят скромно. Из субъектов федерации, входящих в Сибирский федеральный округ, в 2010–2012 гг. лишь Томской области удавалось по ряду социальных показателей несколько превысить среднероссийский уровень, а Кемеровской – по величине покупательной способности доходов. Ключевыми проблемами социального развития в СФО являются:

1. Низкий уровень оплаты труда и доходов населения, не обеспечивающий развитие человеческого потенциала для значительной части населения.

2. Значительные масштабы (около пятой части населения) и преимущественно «трудовой» профиль бедности. В последнее десятилетие доля бедных в округе неуклонно снижалась. Это следствие и развития экономики, и мероприятий в рамках федеральной и региональной социальной политики. Но в СФО масштаб бедности традиционно превышает общероссийские показатели и «достижения» в этой области других округов. А некоторые сибирские регионы – Республика Тыва, Республика Алтай, отчасти Бурятия и Забайкальский край – можно назвать зонами социального бедствия. Так, СФО систематически «лидирует» среди федеральных округов, соревнуясь, прежде всего, с ДВФО, по показателю численности бедных (душевой доход в домохозяйстве ниже прожиточного минимума) на 1000 чел. В 2011 г. этот показатель в СФО был самым большим и составил – 160 чел. (по РФ – 128 чел.) [Бобков, Гулюгина, 2012, с. 20].

3. Депривированное положение сельских жителей, что обусловлено чрезвычайно низкой заработной платой (на протяжении десятилетий уровень оплаты труда сельскохозяйственных работников остается самым низким в экономике региона), а также значительным уровнем не фиксируемой официально безработицы.

5. Недоиспользование стратегического преимущества округа – образовательного и квалификационного потенциала населения, о чем свидетельствует существование почти миллионной армии безработных (1070 тыс. чел. в 2009 г. и 894 тыс. чел. в 2010 г.), которая примерно на треть состоит из лиц, имеющих высшее и среднее профессиональное образование. При этом численность иностранных работников, привлекаемых на сибирский рынок труда, растет.

6. Не компенсируемые неблагоприятные климатические условия, территориальная оторванность от рекреационных зон и культурных центров приводят к формированию необоснованных региональных социальных неравенств и непривлекательного имиджа территории, следствием чего являются отрицательный миграционный баланс и неэквивалентный обмен населением.

7. Слабая вовлеченность в экономику коренных малочисленных народов Сибири со специфическим хозяйственным укладом и образом жизни.

8. Высокая социально-экономическая неоднородность регионов, входящих в состав округа. Контрасты по отдельным составляющим ИРЧП настолько велики, что создается впечатление, что речь идет не о разных регионах СФО, а об отдельных государствах. В Сибири представлены как территории-лидеры, демонстрирующие высокие качественные характеристики населения и успехи экономики (Томская и Новосибирская области, Красноярский край), так и территории-аутсайдеры, занимающие самые низкие позиции в рейтинге регионов России по уровню человеческого развития. Это касается, в первую очередь, регионов, где проживают коренные народы Сибири (Республика Алтай, Республика Тыва).

Проведенные нами исследования позволяют сделать вывод о том, что такое отставание Сибири по уровню человеческого развития обусловлено дефицитом ресурсов для индивидуального инвестирования в развитие человеческого потенциала и недостаточными социальными расходами государства.

Перманентный характер перечисленных проблем выступает базой для социального пессимизма, апатии населения, формирует чувство «оторванности» (инфраструктурной, культурной, экономической) Сибири от центра страны, выступает стимулом для отъезда.

Потоки уезжающих с территории округа традиционно ориентированы в Центральный, соседний Уральский и Южный округа. Еще одной особенностью является высокая доля во внутрироссийской миграции сибиряков – миграции внутри округа: 82 % в 2008 г. и 88 % в 2011 г. официально зафиксированных перемещений – это переезды между регионами на территории СФО. Сопоставимые масштабы внутренней миграции наблюдаются только в Центральном федеральном округе*. Можно сказать, что в нашем случае за этим стоит отсутствие у многих сибиряков достаточных финансовых средств на приобретение жилья и обустройство в других частях страны, отсутствие трудовых компетенций широкого спектра, которые были бы востребованы за рамками отраслей ресурсодобывающей экономики, уверенности в себе, чтобы выбраться за пределы округа-«круга». Есть объективные причины принять и эти аргументы, но не стоит сбрасывать со счетов наличие регионального патриотизма, ценность семейных и дружеских привязанностей, локализованных в Сибири. Например, по данным социологического опроса «Че-

* Расчеты авторов на основе данных из: [Численность и миграция населения..., 2009, с. 51] и [Численность и миграция населения..., 2012, с. 57].

ловеческий потенциал Сибири: ресурсы и риски развития», проведенного ИЭОПП СО РАН совместно с ООО ««Тайга-Инфо Групп» в рамках нашего интеграционного проекта в Новосибирской области в 2010 г., на вопрос «Где бы Вы хотели жить, если бы была возможность выбирать?» около 70 % респондентов ответили «в Сибири» или назвали сибирские регионы.

Регионы Сибири выступают местом притяжения и для мигрантов из стран Средней Азии, населения соседних округов, прежде всего, Дальневосточного. Для мигрантов из Дальневосточного федерального округа территория СФО сегодня является своего рода площадкой для передышки и накопления сил для следующего миграционного рывка – на запад страны. Кто и как надолго останется здесь из приезжих и постоянного населения Сибири? Ответ на этот вопрос зависит от того, как будут развиваться экономика и социальная сфера Сибири.

В отличие от природных ресурсов человеческие ресурсы «производятся» и воспроизводятся на территории Сибири здесь и сейчас. Помимо самого населения на это работает и социальная сфера региона. Наши исследования показали, что до последнего времени качество постоянного населения и имеющаяся социальная инфраструктура позволяли вырастить, воспитать и дать образование сибирской молодежи, т.е. осуществить воспроизводство человеческого потенциала на таком уровне, который обеспечивал бы ей высокую конкурентоспособность на момент выхода в самостоятельную жизнь. Это позволяет молодежи, да и в целом людям трудоспособного возраста рассматривать сибирский рынок труда не как единственный, а как один из возможных для предложения своей рабочей силы, а Сибирь как одну из возможных территорий для проживания. Пока Сибирь проигрывает регионам европейской части страны по разнообразию рынка труда и возможностям получения достойной оплаты труда, качеству социальной инфраструктуры, комфортности проживания, и люди стремятся туда, где лучше.

В настоящее время Сибирь экспортирует не только природные, но и человеческие ресурсы. Риск истощения последних становится более очевидным, чем первых. А последствия этого истощения уже проявляются в структурном и общем дефиците рабочей силы, отсутствии инвесторов на социально-ориентированные и долгосрочные экономические проекты. В перспективе при неизменности региональной социальной политики они могут отразиться в еще бóльшем снижении темпов роста экономики в Сибири, деградации поселений, закреплении на территории и воспроизводстве населения с низким человеческим потенциалом.

Существенное повышение качества и уровня жизни населения Сибири возможно только при радикальном изменении государственной региональной политики – и экономической, и социальной. Непродуктивно пытаться решать социальные проблемы Сибири в отрыве от экономической стратегии государства. Казалось бы, все упирается в экономику. Но это должна быть экономика, в которой люди имеют значение. Для Сибири это более чем актуально. Фактически речь идет о социальном развитии Сибири как национальном проекте.

Ускоренное социальное развитие Сибири как приоритетный национальный проект. Высокая значимость Сибири для развития экономики страны, сохранения территориальной целостности и обеспечения национальной безопасности России является главной предпосылкой разработки и реализации такого проекта.

Основная цель проекта – интенсивное развитие человеческого потенциала Сибири как приоритетного ресурса инновационной экономики и развития социальной сферы на основе качественного прорыва в повышении уровня и качества жизни населения, внедрения новых форм мобилизации населения на решение задач обустройства Сибири как территории комфортной жизни и самореализации нынешних и последующих поколений сибиряков путем справедливого распределения природной ренты и рисков между бизнесом, федеральным центром, региональной властью и населением региона.

Приоритетными направлениями коренного улучшения качества жизни населения Сибири должны стать:

– достижение уровня оплаты труда, прежде всего, за счет развития инновационных и социально значимых сегментов экономики, обеспечивающего переход основной массы населения от бюджета выживания (доходы домохозяйства, не превышающие двух региональных прожиточных минимумов (ПМ)) к развивающему бюджету (от 6 ПМ и выше);

– соответствие роста реальных доходов населения росту стоимости жизни в регионе;

– существенное сокращение масштабов бедности и социально-экономического неравенства;

– снижение неравенства в доступе населения к качественным социальным услугам и общественным благам;

– улучшение здоровья населения, увеличение трудоспособного периода жизни;

– стимулирование здорового образа жизни, ориентированного на саморазвитие и непрерывное образование.

Механизмы реализации проекта:

1. Расширение инновационного сегмента экономики, сопровождающееся увеличением количества высокотехнологичных и высокооплачиваемых рабочих мест и мотивированностью населения к повышению своей конкурентоспособности на рынке труда, готовностью к интенсивной внутри региональной мобильности.

2. Опережающие инвестиции в развитие социальной инфраструктуры на основе государственно-частного и частно-государственного партнерства.

3. Сбалансированное распределение социальной ответственности между государством, бизнесом и населением при ведущей роли государства в обеспечении социальных гарантий, в том числе доступа к медицинским и образовательным услугам.

4. Взимание части природной ренты для реализации крупных социальных программ.

5. Разработка методики по расчету величины региональных прожиточных минимумов с учетом реальной стоимости жизни в Сибири, включая специфику поселений за Полярным кругом. Согласование размера минимальной оплаты труда, пенсий, стипендий с региональным прожиточным минимумом, который бы отражал реальную стоимость жизни.

6. Компенсация государством воздействия неблагоприятных природно-климатических условий и территориальной оторванности населения Сибири от рекреационных и культурных центров страны.

7. Формирование институтов страхования социальных рисков на основе партнерства государства, бизнеса и населения с учетом природно-климатических и географических условий жизнедеятельности в Сибири.

8. Введение системы налоговых и прочих преференций малому и среднему бизнесу в Сибири за создание новых рабочих мест, обеспечивающих разнообразие рынка труда, закрепление жителей на территории.

Продолжение движения по сложившейся траектории – это тупиковый путь, пессимистический сценарий социального развития Сибири. Кардинальное решение социальных проблем Сибири связано с коренным изменением на рынке труда путем *создания высокодоходных рабочих мест* на базе развития глубокой переработки природного сырья и наукоемких производств; с изменением политики недропользования и рентных платежей, обеспечивающих *прирост ресурсов для решения социальных задач* региона; с проведением рациональной тарифной политики, *компенсирующей удаленность сибирских регионов*; с использованием геополитического положения Сибири, обусловливающего *открытость экономики и создание условий для свободного перетока капиталов и рабочей силы*. Указанные меры обеспечат качественный прорыв в повышении уровня и качества жизни населения Сибири, а высокий производственный, природный, человеческий и научный капитал Сибири выступает гарантом реализуемости новой социальной политики.

Сейчас, когда в стране на повестке дня остро стоит проблема отсутствия или угрожающего поскрипывания при натужной работе имеющихся социальных лифтов, социальное развитие Сибири как национальный проект при интенсификации ее экономики могло бы выступить одним из таких подъемных механизмов для населения всей России. Сибирь могла бы в очередной раз послужить прирастанию могущества России, стать территорией, где:

– будут поступательно развиваться не только мегаполисы, но и малые города и сельские поселения;

– профессиональную деградацию и затухание ритма жизни сменит достойно оплачиваемая работа и развитый досуг для детей и взрослых;

– высшее образование перестанет быть «верхним», а станет реально профессионализирующим, непрерывным, дающим отдачу на протяжении всей жизни;

– люди не будут выталкиваться из привычных мест обитания вследствие закрытия школ, больниц, фельдшерско-акушерских пунктов, а будут

иметь возможность переехать в другие сельские поселения, с более развитым социальным кластером и пр.

Для этого нужна прежде всего политическая воля, а также готовность и способность представителей бизнеса, ведущих здесь дела, власти, заинтересованной в голосах электората, населения (которое является не только объектом интересов двух первых агентов, но и активным субъектом в определении траектории своей жизни) находить нестандартные решения социальных и экономических проблем. Нужны свободное проявление креативности и созидательная активность всех слоев населения, которые хотели бы видеть Сибирь не «проклятием России», а территорией процветания для себя, ныне живущих и будущих поколений россиян.

2. Приоритеты и важнейшие направления региональной демографической политики

Основной стратегией демографического развития Сибири должна стать стабилизация численности населения, создание условий для ее роста за счет:

– снижения смертности, в первую очередь от болезней системы кровообращения – в 1,5 раза, от внешних причин – в 2,2 раза, снижения младенческой и материнской смертности до уровня лучших показателей в мире;

– снижения заболеваемости и инвалидизации (особенно детей и трудоспособного населения);

– роста рождаемости до 2,3 (суммарный коэффициент рождаемости);

– увеличения продолжительности жизни до 75 лет;

– пространственного освоения территории и смены отрицательного сальдо внутрироссийской миграции на положительное.

Такие характеристики демографического развития региона позволили бы увеличить численность населения СФО к 2030 г. более, чем на 1500 тыс. чел. по сравнению с 2010 г.

На первом этапе реализации такой стратегии (до 2020 г.) предполагается добиться стабилизации численности населения, создать условия для ее роста, а также для увеличения продолжительности активной жизни. Для этого необходимо обеспечить условия, позволяющие уменьшить остроту демографических проблем, сформировать правовую, организационную и финансовую базу для наращивания дальнейших усилий по поддержке и закреплению позитивных тенденций, которые были сформированы в последние годы.

Необходимо продолжить реализацию мероприятий, направленных на улучшение демографической ситуации. На этом этапе должны быть реализованы мероприятия по снижению смертности в результате сердечно-сосудистых заболеваний и от внешних причин, по преодолению высокого уровня заболеваемости и смертности от социально обусловленных видов заболеваемости, особенно у молодого населения, улучшению репродуктивного здоровья населения. Большое внимание необхо-

димо уделить созданию здоровой окружающей физической и психологической среды, экологически чистых производств и потребления, значительному снижению наркотизации населения в самом широком смысле слова (потребления алкоголя, табака, наркотиков, психотропных препаратов), доступности качественной и безопасной медицинской помощи, развитию массовой физкультуры и спорта.

Основной акцент следует сделать на внедрение программ здорового образа жизни и создание условий для комфортной жизнедеятельности семей, воспитывающих детей. Особое внимание должно быть уделено росту рождаемости и укреплению семьи, распространению новой идеологии образа жизни, в том числе через СМИ и систему образования, формированию в сознании населения ценностей семьи, рождения и воспитания детей, неразрывности связи поколений, здорового образа жизни. Необходимо также усилить деятельность, направленную на реализацию специальных мер по содействию занятости женщин с детьми, реализацию программ по профилактике, своевременному выявлению профессиональных заболеваний, по поэтапному сокращению рабочих мест с вредными для здоровья населения условиями труда.

С 2005 г. в трудоспособный возраст начало вступать малочисленное поколение родившихся в 1990-х гг., а выходить из него – многочисленное поколение родившихся в 1950–1960-х гг. В результате чего уже происходит существенное сокращение численности населения в трудоспособном возрасте, к 2012 г. его доля в общей численности населения сократилась на 3 процентных пункта по сравнению с 2005 г. и будет составлять к началу 2020 г. около 55 % (по среднему варианту прогноза Росстата для СФО). Одновременно за счет увеличения продолжительности жизни будет расти доля населения пенсионного возраста, которая только за 2010–2020 гг. увеличится на 5,5 п.п. и к 2021 г. будет составлять 25 % в общей численности населения.

Поэтому в связи со сложившейся демографической структурой весьма актуальными для многих территорий СФО станут разработка и реализация региональных программ по селективному привлечению соотечественников (в первую очередь из Казахстана и среднеазиатских государств СНГ). Такие программы должны быть ориентированы на создание условий и поддержку миграции квалифицированной рабочей силы молодого и среднего поколений с акцентом на возможности их оседания не только в городской, но и в сельской местности, и в районах нового промышленного освоения регионов Сибири.

Одновременно с этим должны разрабатываться и реализовываться программы по привлечению на конкурсной основе талантливой молодежи в специализированные школы и высшие учебные заведения. *Миграционная политика, связанная с привлечением иностранной рабочей силы, должна носить вспомогательный и избирательный характер, и ее масштабы не должны быть значительными. Требуется использование квот на привлечение иностранной рабочей силы для компенсации дефицита трудовых ресурсов на низкоквалифицированных работах в строительстве, в сфере обслуживания, в ЖКХ.* Одной из поправок в законодательстве должны

стать увеличение и дифференциация статусов иммигрантов в российском законодательстве (при этом особое внимание следует обратить на знание мигрантами русского языка и их образовательно-профессиональный потенциал).

В связи с реализацией с 2009 г. государственной поддержки семей, имеющих детей, в форме предоставления материнского (семейного) капитала необходимо расширять строительство доступного семейного жилья, в первую очередь домов усадебного типа с предоставлением больших участков земли в пригородах и в сельской местности. К этой же категории населения, имеющего право на государственную поддержку в приобретении жилья, в том числе через систему жилищных сертификатов, можно отнести:

– многочисленный контингент военнослужащих, увольняемых в запас из Вооруженных Сил и других силовых ведомств*;

– граждан, подлежащих отселению с различных территорий (Крайнего Севера, закрытых военных городков, в результате стихийных бедствий и катастроф, вынужденных переселенцев), из аварийного и ветхого жилья;

– молодые семьи;

– ветеранов и инвалидов.

Использование государственных средств, в том числе жилищных сертификатов, для финансирования усадебного домостроения может значительно ускорить решение жилищной проблемы. А развитие строительства представляется самым эффективным путем выхода из кризиса. Для этого необходимо выделять в бессрочное наследуемое пользование, не облагаемое никакими налогами, значительные участки земли для всех желающих граждан России. Следует также разработать проекты недорогих экологически чистых домов из местных строительных материалов, прежде всего дерева, с учетом соответствующих природно-климатических условий, и запустить их в массовое производство. Дальнейшая политика может быть направлена на стимулирование развития личных хозяйств, объединение их в кооперативы, решающие комплексные задачи производства высококачественной экологически чистой сельхозпродукции, лесопользования, строительства жилья, развития небольших производств и т.п. Наличие своего дома на своей земле, которая всегда прокормит, в том числе во времена локальных или глобальных кризисов, придаст людям уверенность в своем будущем и будущем своих детей, отсутствие которой в настоящее время является важнейшей причиной отказа от рождения детей.

Сибирь имеет фундаментальное преимущество не только за счет огромных природных богатств, прежде всего земель, вод и лесов, но и простора, а потепление климата значительно улучшит условия проживания в ней. Возможность получения больших участков земли под усадеб-

* Они также могли бы претендовать на более доступное и просторное жилье усадебного типа, тем более что в России издавна существовала традиция наделения землей за военную службу.

ное домостроение в Сибири может стать важнейшим фактором закрепления и привлечения сюда людей.

Массовое строительство индивидуального жилья обязательно с большим участком земли в числе прочего позволит сгладить проблемы населения депрессивных населенных пунктов в условиях сворачивающегося производства, снизить цены на жилье в городах, оживить производство на местах и, соответственно, пополнить местные бюджеты, обеспечить население качественным и доступным продовольствием, разгрузить транспортные магистрали. Появится возможность решить экологические проблемы, проблемы безработицы, бедности, преступности, закрепления населения и освоения территорий Сибири, улучшить здоровье и качество жизни населения и т.п. Таким образом, появляется возможность одновременного решения социальных, экономических и других задач через переход на принципиально новое усадебное расселение и к новым экономичным и здоровым формам жизни. *Это даст возможность гражданам России самим не только обеспечивать собственное благополучие, но и создавать надежную материальную базу для своих потомков.*

По итогам реализации первого этапа к 2020 г. будет стабилизирована численность населения СФО на уровне 21 млн чел., увеличен показатель ожидаемой продолжительности жизни до 72 лет, увеличен в 1,5 раза по сравнению с 2006 г. суммарный коэффициент рождаемости и на треть снижен уровень смертности населения, уменьшен отток квалифицированных специалистов и достигнут стабильный миграционный прирост за счет привлечения на постоянное место жительства в регионы СФО мигрантов трудоспособного возраста.

За 2010–2020 гг. за счет активных мер демографической и миграционной политики численность населения СФО увеличится более чем на 1300 тыс. чел.

Рост рождаемости и сокращение уровня смертности позволит к 2020 г. выйти на показатели естественного прироста 8,5 промилле, а значительное снижение миграционного оттока, особенно из восточных регионов Сибири, закрепление населения и повышение миграционной привлекательности территории, в первую очередь для соотечественников, русскоязычного населения позволит достичь к 2020 г. миграционного прироста около 6 чел. на тысячу постоянного населения.

Основное направление второго этапа (2021–2030 гг.) – формирование условий для роста численности населения и улучшения качественных характеристик его воспроизводства.

На этом этапе будет предусмотрен ряд мероприятий по упреждающему реагированию на возможное ухудшение демографической ситуации в стране. В связи со значительным уменьшением к началу второго этапа численности женщин репродуктивного возраста потребуется принять дополнительные меры по стимулированию рождения в семьях второго и третьего ребенка. Кроме того, потребуется в большей мере, чем на первом этапе активизировать работу по стимулированию притока мигрантов, обладающих профессиями и квалификациями, востребо-

ванными на региональном рынке труда. К 2030 г. численность населения возрастет (в том числе за счет миграции) до 21,3 млн чел.

Механизм реализации демографической политики предполагает комплекс мероприятий по организационному, информационному, ресурсному и правовому обеспечению, в частности:

• региональные программы социально-экономического развития субъектов Российской Федерации, направленные в том числе и на улучшение демографической ситуации;

• программы демографического развития субъектов Российской Федерации на территории Сибирского федерального округа и их муниципальных образований на перспективу;

• дальнейшее совершенствование законодательства Российской Федерации в сфере семейного, налогового и жилищного права, здравоохранения, образования, социального обеспечения, трудовых отношений и миграционной политики, направленное на создание системы экономических стимулов для населения в сфере демографического развития:

– повышение МРОТ до уровня, обеспечивающего воспроизводство;

– для уменьшения явных экономических преимуществ бездетности необходимо довести налоговые вычеты на детей до величины прожиточного минимума ребенка с одновременным увеличением уровня дохода, дающего право на налоговую льготу;

– поэтапное улучшение жилищной обеспеченности семей в зависимости от числа детей в семье;

– бесплатное выделение земельных участков гражданам, объединившимся в кооператив для малоэтажной застройки;

– содействие женщинам в успешном сочетании материнства с работой путем развития гибких форм занятости (неполной, сезонной, дистанционной);

– пребывание иностранных мигрантов на региональном рынке труда и многое другое;

• демографическая экспертиза подготавливаемых и принимаемых законопроектов, решений и программ на предмет их непротиворечия реализации демографических целей – имеются в виду:

– непрекращающиеся попытки коммерциализации здравоохранения;

– внедрение так называемых «антиспидовских программ», способствующих растлению детей, начиная с детсадовского возраста, ювенальной юстиции, разрушающей семью;

– законодательное увеличение числа одноразовых доз наркотиков, после которых наступает уголовная ответственность;

– инициативы внедрения дешевой водки;

– легализация однополых браков;

– складирование опасных, в том числе радиоактивных, отходов на территории страны;

– свободная продажа сельскохозяйственных земель;

– выделение земли под жилищное строительство через систему аукционов, что, очевидно, значительно удорожает жилье и не способствует его доступности;

– социально-экономические последствия изменения в законодательстве о приравнивании кадастровой стоимости объектов недвижимости к рыночной, что приведет к налоговому удушению производства, в том числе продовольствия, создавая прямую угрозу продовольственной безопасности, к росту безработицы, ухудшению существующих жилищных условий для населения и т.д.;

– вступление в ВТО и многое другое;

• полный запрет, по аналогии со многими государствами мира, деятельности иностранных организаций, которая направлена на сокращение рождаемости, разрушение семейных ценностей и общественной нравственности;

• ведение ряда мониторингов и осуществление по их результатам корректирующих оперативных управленческих воздействий (мониторинги демографической ситуации, состояния здоровья населения, окружающей среды и др.);

• обеспечение последовательного и стабильного увеличения расходов на государственную поддержку семей с детьми при формировании федерального и региональных бюджетов – с 0,4 % ВВП в 2006 г. до 2 % ВВП в 2015 г. и 3–4 % к 2030 г.*; привлечение дополнительных внебюджетных средств и средств социально ответственного бизнеса на эти цели; необходимо разработать и принять Федеральный закон «О государственных гарантиях поддержки семей с детьми», устанавливающий понятную, доступную и реально обеспеченную систему гарантий государственной поддержки при рождении и воспитании детей;

• развитие информационного обеспечения и подготовка кадров, повышение демографической грамотности органов управления различных уровней в сфере демографической и семейной политики, повышение информированности населения о демографической ситуации и ее последствиях;

• широкое распространение в СМИ социальной рекламы, работающей на повышение престижа семьи с детьми, родительства;

• включение основных демографических показателей, характеризующих естественный и миграционный прирост, смертность и рождаемость, как интегральных показателей социально-экономического благополучия и качества жизни на территории, в оценку деятельности властных структур (коэффициенты естественного и миграционного прироста, ожидаемая продолжительность жизни и суммарный коэффициент рождаемости).

---

* В современной Европе расходы на семейные, материнские и детские пособия составляют в среднем 2 % или чуть более от ВВП (в некоторых странах до 4 %). Во многих странах, где уровень расходов на семейные пособия в 1980–1990-е гг. и начале нового века оставался высоким (более 2 % от ВВП), наблюдался рост суммарного коэффициента рождаемости и сохранение достигнутого уровня после роста: Германия – рост рождаемости с 1,25 в 1990 г. до 1,40 в 2003 г. (расходы – 3,13 % от ВВП); Дания – рост рождаемости с 1,45 в 1985 г. до 1,76 в 2003 г. (расходы – 3,77 % от ВВП); Франция – рост рождаемости с 1,71 в 1995 г. до 1,89 в 2003 г. (расходы – 2,85 % от ВВП); Швеция – рост рождаемости с 1,50 в 1998 г. до 1,71 в 2003 г. (расходы – 3,49 % от ВВП); при этом в Испании и Италии, где расходы были наименьшими (менее 1 %), рождаемость оставалась на самом низком уровне среди европейских стран (1,2–1,3).

Предложения к миграционной политике. Новые подходы к миграционной политике и политике закрепления населения в сибирских регионах должны базироваться на сочетании морального и материального стимулирования как постоянного населения из других регионов России, так и трудовых мигрантов, а также переселенцев из стран ближнего зарубежья. «Сибирь в глазах гражданского сообщества России и мирового сообщества должна ассоциироваться с территорией комфортного проживания и успешного бизнеса» [Стратегия социально-экономического развития Сибири..., 2009].

Если Сибирь, в соответствии со Стратегией социально-экономического развития региона, в будущем рассматривать не только как регион с высоким природно-ресурсным потенциалом, но и как полигон для размещения высокотехнологичных наукоемких производств, то решение этих задач потребует привлечения большого числа специалистов самых разных областей знаний. В связи с этим при разработке принципов межгосударственного сотрудничества в миграционной сфере следует принять во внимание, что структура современной миграции усложняется. Сегодня необходимо учитывать и дифференцировать такие категории мигрантов, как временные трудовые мигранты, представленные на свободном рынке труда; контрактные рабочие; самостоятельные предприниматели; сезонные рабочие; иностранные студенты; члены семей постоянных и временных мигрантов. Традиционное разделение на квалифицированных и неквалифицированных работников в определенной степени устаревает, на первый план выходит понятие *необходимый работник*. Специалисты в области информационных технологий оказываются столь же востребованными, как мигранты, готовые работать на уборке территорий или обеспечивать уход за пожилыми людьми и детьми. Тем не менее, выделение категории квалифицированных и высококвалифицированных мигрантов имеет принципиальное значение в контексте оценки последствий «утечки умов».

Для упорядочения миграционных потоков иностранной рабочей силы должна на постоянной основе вестись большая работа по формированию двусторонних соглашений о миграции с соседними для России странами, поставляющими мигрантов. Межгосударственное сотрудничество по выработке согласованных решений должно касаться режима пересечения границ, регулирования потоков рабочей силы, обеспечения прав мигрантов, противодействия незаконной миграции и международной организованной преступности, совместного укрепления границ. Такие соглашения предполагают постоянную информированность друг друга о спросе и предложении рабочей силы, согласование квоты на прием трудовых мигрантов различных профессий. Все это должно упорядочить миграционные потоки, а самое главное – снизить материальные и моральные издержки самих мигрантов, а также дать возможность территориям вселения подготовиться к приему мигрантов определенного демографического и профессионального состава и решить ряд проблем, связанных с принятием и обустройством мигрантов. Потенциальные переселенцы и трудовые мигранты в такой ситуации смогут получить зара-

нее объективную информацию о состоянии рынков труда и о возможностях решения жилищных проблем на территории вселения и принять взвешенное решение о перемещении в тот или иной регион России.

Предметом сотрудничества становится также осуществление поэтапных шагов создания единого рынка труда, гармонизация законодательств, разработка единых социальных стандартов с учетом социальной защиты мигрантов, создание единых баз данных по трудовой миграции, совместные усилия по созданию миграционной инфраструктуры, целенаправленное вовлечение бизнеса в этот процесс, содействие расширению официальных каналов денежных переводов мигрантов и т.д. Все это позволит усилить интеграционные процессы на постсоветском пространстве.

Особое внимание должно быть уделено сокращению нелегальной миграции. Нелегальная составляющая в процессе иммиграции достаточно высока. Этому способствуют непоследовательность и отсутствие системности в российской миграционной политике. Внутренняя противоречивость российского законодательства, когда логика принимаемых законов нарушается следующими за ними подзаконными актами, положениями и инструкциями, а также недостаточной межведомственной согласованностью, во многом является результатом отсутствия концептуальной ясности и стратегического понимания роли и механизма международной трудовой миграции. В результате активно начавшийся в 2007 г. процесс вывода из тени мигрантского сегмента рынка труда натолкнулся на невозможность продления разрешений на пребывание без выезда из страны и отсутствие четких процедур продления разрешений на работу, и работодатели, нанимающие иностранных работников, вынужденно оказались вне правового поля.

Следовало бы задуматься и о создании механизмов гражданского общества в среде мигрантов, о развитии легальных и формализованных институтов представительства и самоуправления, способных противостоять теневым неформальным структурам. В частности, защиту интересов трудящихся могли бы осуществлять территориальные профсоюзы мигрантов, взаимодействующие с локальными объединениями предпринимателей и местными органами власти.

Особое значение имеет комплекс мер, направленных на обеспечение толерантного отношения постоянного населения Сибири к пришлому населению (мигрантам-соотечественникам и особенно мигрантам из других стран, заполняющим нишу на рынках труда). Требуется организовать такое сосуществование этнических групп на территории Сибири, чтобы культурный обмен не препятствовал этносоциальному воспроизводству и не порождал болезненных социальных явлений, и при этом регион использовал бы иностранную рабочую силу для наращивания своего экономического потенциала.

Необходима также программа интеграции мигрантов с местным сообществом, что также будет способствовать легализации мигрантов. В условиях, когда не без участия СМИ, чиновников и политиков конструируются религиозные и этнические фобии, разрешение их негативных последствий окажется более долгой и тяжелой задачей, чем просто

борьба с нелегальной миграцией. Существует потребность в общественных организациях по обеспечению правовой информацией мигрантов, в чем заинтересованы, прежде всего, сами мигранты. Первые шаги в этом направлении предпринимаются.

Такая программа должна предусмотреть:

а) создание региональных центров социально-психологической адаптации и медицинской поддержки мигрантов, для чего требуется подготовка национальных (российских) кадров, способных квалифицированно работать в таких центрах;

б) формирование специальных курсов для иммигрантов по обучению русскому языку, практике межкультурной коммуникации, профессионально-техническому образованию;

в) введение практики межкультурной коммуникации в систему школьного российского образования; разработка тренинговых программ межкультурной коммуникации для различных форм образования (включая дополнительное образование взрослого населения);

г) проведение мониторинга этносоциальной ситуации.

Реализация предложенных элементов миграционной политики федеральными и региональными органами власти будет способствовать привлечению и закреплению трудовых ресурсов и населения в целом на территории Сибири.

В заключение следует сказать, что решение демографических проблем на территории СФО необходимо считать не только региональной, но и государственной задачей, при этом активную социально-демографическую политику на территории СФО необходимо рассматривать как важнейшее условие экономической и политической безопасности России. Демографическая политика должна быть в центре национальной стратегии России еще весьма длительное время, а меры демографической политики усиливаться во времени. За демографической проблемой в России стоит цивилизационный кризис, поэтому ее решение возможно только на путях построения нового общества, в основе которого лежат иные ценности, отличные от ценностей общества потребления.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абазиева К.Г. Работать или не работать после пенсии: гендерные аспекты выбора // TERRA ECONOMICUS (Экономический вестник Ростовского государственного университета). – 2009. – Т. 7, № 1. – С. 67–74.

Аборт (медико-социальные и клинические аспекты) / О.Г. Фролова [и др.]. – М.: Триада-Х, 2003. – 154 с.

Аганбегян А. Кризис: беда и шанс для России. – М.: АСТ: Астрель; Владимир: ВКТ, 2009.

Административно-территориальное устройство России. История и современность. – М., 2003.

Аминов Д.И., Оганян Р.Э. Молодежный экстремизм. – М.: Триада, 2005. – 196 с.

Амлаев К.Р. Наркоситуация и распространенность ВИЧ-инфекции в Российской Федерации // Профилактическая медицина. – 2009. – № 3. – С. 26–29.

Андреев А.Л. Инновационный путь развития России в контексте глобального пространства образования // Вестн. РАН. – 2010. – № 2. – С. 99–106.

Андрюшина Е.В., Каткова И.П., Катков В.И. Репродуктивное здоровье населения – основа демографической политики // Народонаселение. – 2003. – № 4. – С. 16–34.

Ахметова Ш.К. Казахи Западной Сибири и их этнокультурные связи в городской среде. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2002. – 104 с.

Барганджия Б.А. О некоторых правовых аспектах развития федерализма в России (Материалы доклада на канадско-российском семинаре по правовым и экономическим аспектам федерализма. Новосибирск, 4–5 сентября, 2003 г.). – Новосибирск, 2013.

Барсукова С. Сетевая взаимопомощь российских домохозяйств: теория и практика экономики дара // Мир России. – 2003. – № 2.

Бауман З. Текучая современность. – СПб.: Питер, 2008. – 240 с.

Бахтурина А.Ю. Окраины российской империи: государственное управление и национальная политика в годы Первой мировой войны (1914–1917 гг.). – М., 2004.

Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну / пер. с нем. В. Седельника, Н. Федоровой; послесл. А. Филиппова. – М.: Прогресс-Традиция, 2000. – 384 с.

Беккер Г. Человеческое поведение: экономический подход. Избранные труды по экономической теории / пер. с англ.; под ред. Р.И. Капелюшникова. – М.: ГУ ВШЭ, 2003.

Белковец Л.П. Административно-правовое положение российских немцев на спецпоселении 1941–1945 гг.: историко-правовое исследование. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2003. – 324 с.

Беляева Л.А. Уровень и качество жизни. Проблемы измерения и интерпретации // Социологические исследования. – 2009. – № 1.

Бесстремянная Г.Е., Шишкин С.В. Доступность медицинской помощи // Доходы и социальные услуги: неравенство, уязвимость, бедность: кол. моногр. / рук. Л.Н. Овчарова; Независимый институт социальной политики. – М.: ГУ–ВШЭ, 2005.

Биосоциальная природа материнства и раннего детства / А.С. Батуев [и др.]; под ред. А.С. Батуева. – СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2007. – 374 с.

Бобков В.Н. Трудное выздоровление России // Уровень жизни населения регионов России. – 2008. – № 3.

Бобков В.Н., *Гулюгина А.А.* Мониторинг доходов и уровня жизни населения России: апрель – июнь 2012 года // Мониторинг доходов и уровня жизни населения России. – 2012. – № 7. – С. 3–62.

Бобков В.Н., Литвинов В.А., Гулюгина А.А., Зубрилин Ю.В. Основные показатели доходов и уровня жизни населения по федеральным округам Российской Федерации во II квартале 2006 г. // Мониторинг доходов и уровня жизни населения. – 2006. – № 2. – Апрель–июнь.

Богомолова Т.Ю., Калугина З.И. Ключевые проблемы и перспективы социального развития // Экономика Сибири: стратегия и тактика модернизации / [ред. кол. А.Э. Конторович, В.В. Кулешов, В.И. Суслов]; ИЭОПП СО РАН. – М.: Анкил, 2009. – С. 51–53.

Большой энциклопедический словарь. – М., 1991.

Борте В.П. Доктор Природа: избр. лекции по курортологии. – М.: Юпитер, 2001. – 528 с.

Бурдье П. Формы капитала // Западная экономическая социология: Хрестоматия современной классики / сост. и науч. ред. В.В. Радаев. – М.: Рос. полит. энцикл, 2004. – С. 519–536.

Бурдье П. Формы капитала // Экономическая социология. – 2002. – Т. 3, № 5. – С. 60–74.

Быков В.Л. Сперматогенез у мужчин в конце XX века (обзор литературы) // Проблемы репродукции. – 2000. – № 1. – С. 6–13.

Вальтух К.К. Технологическое обновление экономики и капиталовложения // Вестн. Рос. акад. наук. – 2007. – Т. 77, № 1.

Варламова Н.В. Динамика федеративных отношений в современной России (из материалов доклада на канадско-российском семинаре по правовым и экономическим аспектам федерализма. Новосибирск, 4–5 сентября, 2003 г.). – Новосибирск, 2013.

Ветитнев А.М., Журавлева Л.Б. Основы курортной медицины. – М.: Курортное дело, 2006.

Виноградский В. Социальный капитал: понятие, эвристический потенциал, процедуры изучения // Проблемы внутренней и внешней торговли. – Саратов, 2007. – С. 34–39.

Всемирная организация здравоохранения: достижение репродуктивного здоровья для всех // Планирование семьи. – 1998. – № 4. – С. 6–11.

Всеобщая декларация ЮНЕСКО о культурном разнообразии. 2001 // Организация Объединенных Наций. Десятилетие грамотности ООН: образование для всех. Основополагающие документы. – [Электронный ресурс]. – URL: http:// www.un.org/russian/events/literacy/decl_diversity.pdf (дата обращения: 05.01.2013).

Высшее образование в России: правила и реальность / А.С. Заборовская, Т.Л. Клячко, И.Б. Королев и др. – М.: Независимый институт социальной политики, 2004.

Галицкая Е., Петренко Е. У кого сегодня синица в руках, или Попытка типологизации российских семей // Социальная реальность. – 2007. – № 6. – С. 82–97.

Геополитика и национальная безопасность: словарь основных понятий и определений. – М., 1999.

Гербурт-Гейбович А.А. Оценка климата для типового проектирования жилищ. – Л.: Гидрометеоиздат, 1971. – 205 с.

Гидденс Э. Судьба, риск, безопасность // THESIS. – 1994. – № 5. – С. 107–134.

Глазьев С. Грядут не просто три очередных потерянных года (по поводу прогнозных и бюджетных параметров 2011–2013) // РЭЖ. – 2010. – № 4. – С. 3–10.

Глазьев С.Ю. Возможности и ограничения социально-экономического развития России в условиях структурных изменений в мировой экономике: науч. докл. – М., 2008. – [Электронный ресурс]. – URL: http://www.ane.ru/documents/doklad-oon-ran.pdf

Готово ли российское общество к модернизации?/ под ред. М.К. Горшкова, Р. Крума, Н.Е. Тихоновой. – М.: Весь мир, 2010. – 344 с.

Градосельская Г. Социальные сети: обмен частными трансфертами // Социол. журн. – 1999. – № 1–2.

Грановеттер М. Сила слабых связей // Экономическая социология. – 2009. – Т. 10, № 4. – С. 31–50. – URL: – http://www. ecsoc.msses.ru

Гребешева И.И., Камсюк Л.Г. Репродуктивное здоровье населения России // Планирование семьи. – 2000. – № 3/4. – С. 3–9.

Грызлов Б. Российский Север надо обустраивать, а не переселять оттуда людей. – 2007. – URL: http://www.morozov-ov.ru/edinros.php?id=763.

Губанов С. Новая целевая задача и условия ее решения // Экономист. – 2008. – № 3. – С. 3–21.

Губогло М.Н. Идентификация идентичности: Этносоциологические очерки. – М.: Наука, 2003. – 764 с.

Гурвич Е. Нефтегазовая рента в российской экономике // Вопр. экономики. – 2010. – № 11. – С. 4–24.

Давыдова Н. Взаимопомощь в нуждающихся российских домохозяйствах // Общественные науки и современность. – 2002. – № 3. – С. 39–48.

Демографический ежегодник России. 2009: Стат. сб. / Росстат. – М., 2009. – 557 с.

Демографический ежегодник России. 2010: Стат. сб. / Росстат. – М., 2010. – 525 с.

«Демографическая перспектива» – ученые видят катастрофу. – URL: http://www.demographia.ru/articles_N/index.html?idR=1&idArt=643 (дата публикации: 21.11.2006).

Динамика среднего размера назначенных пенсий / Сайт Федеральной службы государственной статистики. – URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/urov/doc3-1-1.htm. (дата обращения: 05.02.2011).

Диоксины и здоровье человека: научные основы выявления диоксиновой патологии / С.П. Позняков [и др.]. – СПб.: Наука, 2006. – 274 с.

Доклад о развитии человека 2010: 20-е юбилейное издание. – [Электронный ресурс]. – URL: http://www.un.org/ru/development/hdr/2010/hdr_2010_summary.pdf.

Доклад о развитии человека 2010. Реальное богатство народов. Пути к развитию человека. М.: Весь мир, 2010. – URL: http://www.demoscope.ru/weekly/2011/0451/biblio01.php

Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации. 2008. – М., 2009. – [Электронный ресурс]. – URL: http://gtmarket.ru/news/statre/2009/10/06/2192

Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации 2011. Модернизация и развитие человеческого потенциала. – М., 2011.

Доклад о человеческом развитии. 2011. Устойчивое развитие и равенство возможностей. – [Электронный ресурс]. – URL: http://hdr.undp.org/en/media/HDR_2011_RU_Complete.pdf. (дата обращения: 04.02.2013).

Долгин А. Манифест новой экономики. Вторая невидимая рука рынка. – М.: АСТ, 2010.

Донцова М.В. Методика измерения уровня мигрантофобии (на материалах Краснодарского края) // Современная социология в поисках новых методологических подходов и методов исследования: сб. науч.материалов Всерос. науч. конф., Самара, 16–17 мая 2008 г. – Самара, 2008. – С. 91–96.

Доходы, расходы и потребление домашних хозяйств в I квартале 2009 года (по итогам выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств). – М.: ФСГС, 2009.

Дробижева Л.М. Этнополитические конфликты. Причины и типология (конец 80-х – начало 90-х гг.) // Россия сегодня: трудные поиски свободы / отв. ред. Л.Ф. Шевцова. – М.: ИЭАРАН, 1993.

Дробижева Л.М. Российская идентичность и тенденции в межэтнических установках за 20 лет реформ// Россия реформирующаяся: Ежегодник – 2011. – М.: ИС РАН, 2011. – Вып. 10.

Дробижева Л.М. Ресурс межнационального согласия и баланс нетерпимости в современном российском обществе // Мир России. – 2012. – Т. 21, № 4. – С. 91–110.

Дуглас М. Риск как судебный механизм // THESIS. – 1994. – № 5. – С. 242–253.

Ершов Ю.А., Плетнева Т.В. Механизмы токсического действия неорганических соединений. – М.: Медицина, 1989. – 272 с.

Женщины и табак. – Женева: ВОЗ, 1994. – 134 с.

Заработная плата в России: эволюция и дифференциация / под ред. В. Гимпельсона, Р. Капелюшникова. – М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2007.

Заславская Т.И. Современное российское общество. Социальный механизм трансформации. – М.: Дело, 2004. – С. 168–172.

Захаров А.Н. О перспективах развития российского АПК. – URL: http://www.isras.ru/files/File/Socis/2006-07/zaxarov.pdf

Здравницы России. URL: http://www.rostourunion.ru/pages/rus/komissii_rst/sibirskiyi_fo/irkutskaya_oblast_/zdravnicy/

Здравоохранение в России. 2009: стат.сб. / Росстат. – М., 2009. – 365 с.

Зимняя И.А. Ключевые компетентности как результативно-целевая основа компетентностного подхода в образовании. – М., 2004.

Золотокрылин А.Н., Канцебовская И.В., Кренке А.Н. Районирование территории России по степени экстремальности природных условий для жизни // Изв. РАН. Сер. географ. – 1992. – № 6. – С. 16–30.

Зубков В.И. Риск как предмет социологического анализа // Социологические исследования. – 1994. – С. 3–9.

Зубок Ю.А. Чупров В.И. Самоорганизация в проявлениях молодежного экстремизма // СОЦИС. – 2008.– № 5. – С. 45.

Иванова М. Забота о здоровье. Отчет. 2008 / Сайт Фонда «Общественное мнение». База данных ФОМ. – URL: http://bd.fom.ru/report/cat/home_fam/healthca/d080823.

Ившин В.П., *Полушин Р.В.* Диоксины и диоксиноподобные соединения: пути образования, свойства, способы деструкции. – Йошкар-Ола: Мар. гос. ун-т, 2004. – 316 с.

Ильюшонок С.Е. Аграрные отношения в России. – Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2006. – 480 с.

Иностранные мигранты на сибирском рынке труда / под ред. С.В. Соболевой, И.В. Октябрьской. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2006. – 316 с.

Информационная карта образовательного учреждения // МБОУ СОШ № 66. – URL: http://s_77.edu54.ru/p19aa1.html (дата обращения: 27.01.13).

Исупов В.А. Динамика численности городского населения Сибири в период строительства социализма // Урбанизация советской Сибири. – Новосибирск: Наука. Сиб.отд-ние, 1987.

Казначеев В.П. Очерки теории и практики экологии человека. – М.: Наука, 1983. – 259 с.

Калугина З.И. Вектор посткризисного развития российской деревни // Регион: экономика и социология. – 2010. – № 3.

Калугина З.И., Арсентьева Н.М., Харченко И.И., Волчкова А.А. Кадровая политика в условиях инновационного развития // ЭКО. – 2011. – № 8. – С. 136–151.

Калугина З.И., Соболева С.В., Тапилина В.С., Черкашина Т.Ю. Методология и методика оценки социальных параметров при разработке стратегии развития субъекта Федерации // Экономика Сибири в начале XXI века: методология и методика стратегических разработок / отв. ред. В.В. Кулешов. – Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2007. – С. 166–187.

Калугина З.И., Соболева С.В., Тапилина В.С., Черкашина Т.Ю. Человеческий потенциал Сибири: условия воспроизводства и капитализации // Сибирь в первые десятилетия XXI века / отв. ред. В.В. Кулешов. – Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2008.

Калугина З.И., Тапилина В.С., Черкашина Т.Ю. Условия капитализации человеческого потенциала в Сибири // Сибирь в первые десятилетия XXI века / отв. ред. В.В. Кулешов. – Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2008. – С. 137–168.

Калугина З.И., Фадеева О.П. Российская деревня в лабиринте реформ: социологические зарисовки. – Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2009.

Капелюшников Р.И. Образовательный потенциал и его связь с характеристиками рынка труда: российский опыт / Препринт WP3/2006/03. – М.: ГУ ВШЭ, 2006.

Капелюшников Р.И. Записка об отечественном человеческом капитале / Препринт WP3/2008/01. – М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2008.

Кастелс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. – М.: ГУ ВШЭ, 2000.

Каткова И.П., Андрюшина Е.В., Катков В.И. Проблемы рождаемости и совершенствование системы охраны материнства и детства // Народонаселение. – 2004. – № 4. – С. 15–31.

Каткова И.П. Репродуктивное здоровье россиянок // Народонаселение. – 2002. – № 4. – С. 27–42.

Кендрик Дж. Совокупный капитал США и его формирование / пер. с англ.; общ. ред. и предисл. А.И. Анчишкина. – М.: Прогресс, 1978.

Кирющенко А.П. Влияние вредных факторов на плод. – М.: Медицина, 1978. – 215 с.

Кисельников А.А., Бессонова Г.А., Харченко Л.П. Население Новосибирской области: Информационное издание / под ред. д-ра экон. наук А.А. Кисельникова; Новосибирскстат; администрация Новосибирской области. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2005. – Т. 1. – 544 с.

Клячко Т.Л., Мау В.А. Тенденции развития высшего профессионального образования в Российской Федерации // Вопр. образования. – 2007. – № 3. – С. 46–64.

Колесников С.И. Здоровье как социально-экономический показатель благополучия территории // Аналитический вестник Совета Федерации ФС РФ. № 27 (183), 2002 г. – [Электронный ресурс]. – URL: http://www.budgetrf.ru/Publications/Magazines/VestnikSF/2002/VSF_NEW200802161415/VSF_NEW200802161415_p_004.htm

Конституционное (государственное) право зарубежных стран / ред. Б.А. Страшун. – М., 2000.

Конституционное право зарубежных стран / ред. М.В. Баглай. – М., 1999.

Концепция государственной миграционной политики на период до 2025 г. – [Электронный ресурс]. – URL: http://www.fms.gov.ru/law/868/details/53252

Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года / Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 17 ноября 2008 г. № 1662-р. (краткое название: Стратегия 2020).

Концепция национальной безопасности РФ. 1997 г. (в ред. Указа... от 10.01.2000 г.). – [Электронный ресурс]. – URL: http://www.scrf.gov.ru/documents/1.html

Коровушкин Д.Г. Чуваши Западной Сибири (этнодисперсная группа на современном этапе). – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1997. – 96 с.

Коулман Дж. Капитал социальный и человеческий // Общественные науки и современность. – 2001. – № 3. – С. 129.

Красильникова М.Д., Бондаренко Н.В. Рынок труда и профессиональное образование – каков механизм сотрудничества? // Информационный бюлллетень. – М.: ГУ-ВШЭ, 2007. – № 8. – [Электронный ресурс]. – URL: http://education-monitoring.hse.ru/docs/infbul31.pdf.

Крюков В., Шафраник Ю. Нефтяная промышленность России и финансовый кризис. Ошибки благополучных лет, вызовы текущего момента и ориентиры будущего развития // Политический класс. – 2009. – № 2 (50).

Крюков В.А., Селиверстов В.Е., Токарев А.Н. Проблемы социально-экономического развития сырьевых территорий и недропользования в федеративной системе и региональной политике России (Материалы доклада на канадско-российском семинаре по правовым и экономическим аспектам федерализма. Новосибирск, 4–5 сентября 2003 г.). – Новосибирск, 2013.

Крюков В.А., Токарев.А.Н. Нефтегазовые ресурсы в трансформируемой экономике: о соотношении реализованной и потенциальной общественной ценности недр (теория, практика, анализ и оценки) / отв. ред В.В.Кулешов. – Новосибирск: Наука-Центр, 2007.

Ксенофобия в молодежной среде: Доклад по результатам мониторинга / А. Козлов и др.]. – М.: Московская Хельсинкская группа, 2009. – 83 с.

Кулаков В.И., Фролова О.Г. Репродуктивное здоровье в РФ // Народонаселение. – 2004. – № 3. – С. 60–66.

Лаврусевич П. Социальный капитал как фактор конкурентоспособности на российском рынке труда // Россия и россияне в новом столетии: вызовы времени и горизонты развития: Исследования Новосибирской экономико-социологической школы. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2008. – С. 511–534.

Лахотюк Л.А. Межкультурная коммуникация в условиях интернационализации высшего образования // Межэтнический диалог и межконфессиональный диалог в российском обществе: проблемы толерантности: материалы межрегион. науч.-практ. конф. / под ред. Л.И. Шерстовой. – Томск, 2003.

Лившиц В.Н., Тищенко Т.И., Фролова М.П. Кризис в России – взгляд позавчера, вчера, сегодня и завтра // Экономика и математические методы. – 2011. – Т. 47, № 1. – С. 66–81.

Лисицын Ю.П., Сидоров П.И. Алкоголизм. Медико-социальные аспекты. – М.: Медицина, 1990. – 528 с.

Лоткин И.В. Современные этнические процессы у латышей и эстонцев Западной Сибири. – М., 1996.

Лоуви Т. Риск и право в истории американского государства // THESIS. – 1994. – № 5. – С. 253–267.

Луман Н. Риск, неопределенность, случайность // THESIS. – 1994. – № 5. – С. 135–160.

Львов Д.С. Россия: границы реального и контуры будущего: Доклад на заседании секции экономики РАН. – [Электронный ресурс]. – URL: http://www.zavtra.ru/cgi/veil/data/zavtra/06/679/31.html

Маковеев К. Мигрантофобия // НГС.НОВОСТИ. 08.06.2012. – [Электронный ресурс]. – URL: http://www.news.ngs.ru/more/538457/122/DvfvOpR, свободный доступ (дата обращения 10.04.2012).

Малева Т.М., Синявская О.В. Российские пенсионеры: трудовые биографии, экономическая активность, пенсионные истории // Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе. – М.: Независимый институт социальной политики, 2007. – С. 545–597.

Мальцева И.О. Трудовая мобильность и стабильность: насколько высока отдача от специфического человеческого капитала в России // Экономический журнал ВШЭ. – 2009. – № 2. – С. 243–278.

Маслова М.Е. Философский и социологический анализ понятия «социальный риск» // Вестн. Северо-Кавказ. гос. техн. ун-та. – 2001. – № 6. – С. 36–39.

Межнациональные отношения в школьной среде: материалы науч.-практ. семинара. – Новосибирск, 27 ноября 2009 г. / под ред. Л.А. Черкашиной, М.Н. Терентьевой, Д.В. Ушакова, В.Г. Костюка. – Новосибирск: ИИЦ «Вестник НРСОО», 2010.

Меньшиков С.М. Анатомия российского капитализма. – М.: Междунар. отношения, 2004.

Миграция населения Новосибирской области в 2003–2004 годах: стат. сб. / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Новосибирской области. – Новосибирск, 2005. – 93 с.

Миграция населения Новосибирской области в 2011 году: стат. сб. / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Новосибирской области. – Новосибирск, 2012. – 96 с.

Мкртчян Н.В. Влияние миграции на изменение этнического состава населения России и ее регионов: предварительная оценка итогов Переписи-2002. – [Электронный ресурс]. – URL: http://www.valerytishkov.ru/cntnt/horoshie_t2.html

Мукомель В.И. Грани интолерантности (мигрантофобии, этнофобии) // Социологические исследования. – 2005. – № 2. – С. 56–66.

Мукомель В. Интеграция мигрантов: Российская Федерация, CARIM-East RR 2013/01, Robert Schuman Centre for Advanced Studies, San Domenico di Fiesole (FI): European University Institute, 2013. 26 с.

Мусульманам в Новосибирске пост дается легче, чем в Арабских Эмиратах // Информационный портал Сибкрай.ru. – [Электронный ресурс]. – URL: http://sibkray.ru/news/2011-8-27/17584/ (дата обращения: 27.01.13).

Назарова И.Б. Здоровье в представлении жителей России // Общественные науки и современность. – 2009. – № 2. – С. 91–101.

Население России на рубеже XX–XXI веков: проблемы и перспективы / под ред. В.А. Ионцева, А.А. Саградова. – М.: МАКС Пресс, 2002. – 352 с.

Национальный вопрос: общество в поисках ответа. // Российская Федерация сегодня. – 2012. – № 2.

Нелегалов иммиграционный контроль ловит только на фруктах // Сайт ЗАО «Аргументы и факты». – [Электронный ресурс]. – URL: http://www.nsk.aif.ru/politic/news/51470 (дата обращения: 27.01.13).

Никитин А.И. Вредные факторы среды и репродуктивная система человека (ответственность перед будущими поколениями). – 2 изд., доп. – СПб.: ЭЛБИ-СПб., 2008. – 240 с.

Никитин А.И. Гормоноподобные загрязнители биосферы и их влияние на репродуктивную функцию человека // Биосфера. – 2009. – № 2. – С. 218–229.

Новосибирск. История генеральных планов в документах / авт.-сост. В.Н. Шумилов. – Новосибирск, 2007. – 440 с.

Новосибирские мусульмане завершили священный пост // Информационный портал НГС. – [Электронный ресурс]. – URL: http://news.ngs.ru/more/98267/ (дата обращения: 27.01.13)

Новосибирск-многонациональный. Народы и религии. – Новосибирск: Изд. АртИнфоДата, 2002. – 196 с.

Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / пер. с англ. А.Н. Нестеренко; предисл. и науч. ред. Б.З. Мильнера. – М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997.

О Концепции государственной политики развития курортного дела в РФ. Минздрава РФ от 24 июня 2003 г. № 11.

О состоянии и об охране окружающей среды Российской Федерации в 2009 г. Государственный доклад. – URL: http://tayga.info

О состоянии и перспективе развития санаторно-курортного обеспечения в Российской Федерации: аналитический доклад // Бюл. Счетной палаты РФ. – 2003. – № 4.

Охрана окружающей среды в России: стат.сб./ Росстат. – М., 2008. – 253 с.

Очерки истории белорусов в Сибири в XIX–XX вв. – Новосибирск: Наука-Центр, 2002. – 241 с.

Паин Э. Этнополитический экстремизм в России: социально-культурные истоки и причины неэффективности принимаемых мер противодействия // Этническая ситуация и конфликты в государствах СНГ и Балтии: Ежегод. докл. Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов, 2004 / под ред. В. Тишкова и Е. Филипповой. – М.: УОП ИЭА РАН, 2005. – С. 19–30: [Электронный ресурс] . – URL: http://www.demoscope.ru/weekly/2006/0231/analit01.php, свободный .(дата обращения: 10.05.2012).

Парсонс Т. Система современных обществ. – М.: Аспект Пресс, 1998.

Пенсионный переход на российском рынке труда. Материалы семинара Лаборатории исследований рынка труда НИУ – ВШЭ. 30.03.2010 / Сайт Лабора-

тории исследований рынка труда. – URL: http://lirt.hse.ru/news/17512933.html (дата обращения: 04.02.2011).

Переведенцев В.И. Современная миграция населения Западной Сибири. – Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1965.

Перечень районов Крайнего Севера и местностей, приравненных к районам Крайнего Севера / Утв. Постановлением Совета Министров СССР от 10 ноября 1967 г. № 1029.

*Петроченко К.*В. Формирование латышской диаспоры в Сибири и проблемы реэмиграции на этническую родину // Миграция и опыт взаимодействия регионов по усилению этнополитической стабильности в Евразии. – Новосибирск: Изд-во ИЭООП СО РАН, 2004. – Вып. 2. – 224 с.

Полихлорированные дибензо-*пара*-диоксины и дибензофураны. Гигиенические критерии состояния окружающей среды.– Женева: ВОЗ, 1993. – Т. 88. – 381 с.

Полищук Л. Правовые основы федеративного государства: гибкие или жесткие. (Выступление Леонида Полищука на семинаре на тему «Право и федерализм в Российской Федерации и Канаде», 2010 г. ИРИС Центр, Университет штата Мэриленд).

Половинкина Н. Неравномерность распределения и экономическое развитие // Экономист. – 2010. – № 5. – С. 47–63.

Полторанов В.В., Мазур М.М. Санаторно-курортное лечение и его эффективность. – М., 2004.

Полумесяц над «Родниками» // Информационный портал НГС. – [Электронный ресурс]. – URL: http://news.ngs.ru/more/677477/ (дата обращения: 27.01.13).

Потребление продуктов питания в домашних хозяйствах в 2008 году (по итогам выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств). – М.: ФСГС, 2009. – С. 26.

Программа опытно-экспериментальной деятельности // МКОУ СОШ № 66. – [Электронный ресурс]. – URL: http://www.s_66.edu54.ru/p59aa1.html (дата обращения: 27.01.13).

Проект «Меньшинства под угрозой» на сайте Высшей школы экономики. – [Электронный ресурс]. – URL: http://www.hse.ru/jesda/mathbase/databases/db_34

ПРООН. Доклад о развитии человека за 1999 год. – Нью-Йорк: Оксфорд Юниверсити пресс, 1999. – 265 с.

Прохоров Б.Б. Медико-географическая информация при освоении новых районов Сибири (для проектных и плановых разработок). – Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1979. – 200 с.

Путин В.В. Россия: национальный вопрос. – URL: http://er.ru/news/2012/1/23/rossia-nazionalny-vopros/ или URL: http://putin2012.ru/#index.

Путин В.В. Строительство справедливости. Социальная политика для России // Комсомольская правда. – 2012 г. – 13 февр.

Радаев В.В. Понятие капитала, формы капиталов и их конвертация // Общественные науки и современность. – 2003. – № 2. – С. 5–16.

Радзинский В.Е., *Алиев И.А.* Бесплодие и экстракорпоральное оплодотворение в свете контраверсий (по данным VII Всемирного конгресса «Противоречия в акушерстве, гинекологии и фертильности») // Акушерство и гинекология. – 2006. – № 1. – С. 60–62.

Развитие курортного дела в Российской Федерации. – URL:http://otherreferats.allbest.ru/medicine/00056431_0.html

Ревич Б.А. Последствия воздействия стойких органических загрязнений на здоровье населения. – М. : Джеймс, 2000. – 48 с.

Ревич Б.А. Загрязнение окружающей среды и здоровье населения. Введение в экологическую эпидемиологию. – М. : Изд-во МНЭПУ, 2001. – 263 с.

Ревич Б.А., Шелепчиков А.А. Здоровье населения и загрязнение окружающей среды стойкими органическими загрязнителями // Гигиена и санитария. – 2008. – № 4. – С. 26–32.

Регионы России. Социально-экономические показатели. 2009: стат. сб. / Росстат. – М., 2009.

Реутов Е.В. Причины распространения экстремизма и ксенофобии в молодежной среде // Причины распространения этнического экстремизма и ксенофобии среди молодежи (Центральный федеральный округ): сб. материалов социол. исслед. / под ред. Л.Я. Дятченко. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2008.

Риэрдон Б.Э. Толерантность – дорога к миру. – М., 2000.

Рогов С.М. Функции современного государства: вызовы для России: науч. докл. – М.: Ин-т США и Канады РАН, 2005.

Российский статистический ежегодник. 2009. – М.: Росстат. 2009.

Российский статистический ежегодник. 2010. – М.: Росстат. 2010.

Российский статистический ежегодник. 2011. – М.: Росстат. 2011.

Российское здравоохранение: мотивация врачей и общественная доступность / отв. ред. С.В. Шишкин. – М.: Независимый ин-т социальной политики, 2008.

Россия в цифрах. 2010: крат. стат. сб. / Росстат.– М., 2010.

Россия в цифрах. 2011: крат. стат. сб. / Росстат.– М., 2011.

Россия в цифрах. 2012: крат. стат. сб. / Росстат. – М., 2012.

Россия и россияне в новом столетии: вызовы времени и горизонты развития. Исследования Новосибирской экономико-социологической школы / отв. ред. Т.И. Заславская, З.И. Калугина, О.Э. Бессонова; ИЭОПП СО РАН. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2008. – 750 с.

Роуз Р. Достижение целей в квазисовременном обществе: социальные сети в России // Общественные науки и современность. – 2002. – № 3. – С. 23–38.

Руководство по охране репродуктивного здоровья. – М.: Триада-Х, 2001. – 568 с.

Рыбаковский Л.Л. Демографическая безопасность: геополитические аспекты. 2004. – URL: http://www.religare.ru/article10942.htm

Рыженков А.В. Теоретические модели больших циклов капиталистического накопления в Италии // Проблемы инновационного развития России: сб. науч. тр. ИЭОПП СО РАН / отв. ред. В.Н. Павлов, Л.К. Казанцева. – Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2009. – С. 246–276.

Рынок туристических услуг Сибири. – URL: http://www.s-marketing.ru/node/68

Рященко С.В., Богданов В.Н., Романова О.И. Региональный анализ рекреационной деятельности. –Иркутск: Изд-во Ин-та географии СО РАН, 2008. – 143 с

Рященко С.В. Региональная антропоэкология Сибири. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2000. – 191 с.

Рященко С.В. Рекреационная география России: курс лекций. – Иркутск: ИГУ, 2005. – 240 с.

Санаторно-курортный комплекс России. – URL: http://www.tass-ural.ru/analytics/157.html

Сен-Марк Ф. Социализация природы / пер. с франц. – М.: Прогресс, 1977.

Сивочалова О.В., Фесенко М.А. Действие ксенобиотиков на процессы репродукции // Общая токсикология. – М.: Медицина, 2002. – С. 445–473.

Сивочалова О.В., Родионова Г.К. Медико-экологические аспекты проблемы охраны репродуктивного здоровья работающих россиян // Медицина труда и промышленная экология. – 1999. – № 3. – С. 1–5.

Силуанов А., Назаров В. Взаимодействие федерального центра и регионов при проведении антикризисной политики: международный опыт // Вопр. экономики. – 2010. – № 9. – С. 110–118.

Синявская О.В., Гладникова Е.В. Потребление услуг по уходу за детьми российскими домохозяйствами // Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе / под ред. Т.М. Малевой, О.В. Синявской. – М.: Независимый ин-т социальной политики, 2007. – С. 345–376.

Соболева И. Парадоксы измерения человеческого капитала // Вопр. экономики. – 2009. – № 9. – С. 51–70.

Соболева И. Социальный капитал или социальный ресурс? // Экономическая наука современной России. – 2006. – № 3. – С.16–29.

Соболева С.В., Чудаева О.В. Демографическая безопасность России и ее регионов: факторы, проблемы, индикаторы // Регион: экономика и социология. – 2008. – № 3. – С. 147–167.

Социальная энциклопедия / редкол.: А.П. Горкин, Г.Н. Карелова, Е.Д. Катульский и др. – М.: Большая Российская энциклопедия, 2000.

Социально-демографическая безопасность России / под ред. В.А. Черешнева, А.И. Татаркина. – Екатеринбург: Ин-т экономики УрО РАН, 2008. – 864 с.

Социальное положение и уровень жизни населения России. 2008: стат. сб. / Росстат. – М., 2008. – 514 с.

Социальное положение и уровень жизни населения России. 2009: стат. сб. / Росстат. – М., 2009.

Социальное положение и уровень жизни населения Сибирского федерального округа: стат. сб. / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Новосибирской области. – Новосибирск, 2011. – 264 с.

Средняя начисленная заработная плата работников по категориям персонала и профессиональным группам (по результатам выборочного обследования организаций за октябрь 2009 г.) / Сайт Федеральной службы государственной статистики. – URL: http://www.gks.ru/free_doc/2009/wages/oct2009/trud2009.htm (дата обращения: 04.02.2011).

Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г. Указ Президента РФ от 12 мая 2009 года. № 537.

Стратегические риски России: оценка и прогноз / Мин-во Рос. Федерации по делам гражд. обороны, чрезв. ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий; общ.ред. Ю.Л. Воробьева. – М.: Деловой экспресс, 2005. – 392 с.

Стратегия государственной национальной политики РФ на период до 2025 года. Указ Президента РФ от 19 декабря 2012 г. № 1666.

Стратегия социально-экономического развития Сибири до 2020 года. Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 5 июля 2010 г. № 1120-р. – [Электронный ресурс]. – URL: http://archive.government.ru/gov/results/11696/

Суханова Л.П., Скляр М.Г., Уткина Г.Ю. Современные тенденции репродуктивного процесса и организации службы родовспоможения в России // Здравоохр. Рос. Федер. – 2008. – № 5. – С. 37–42.

Тартаковская И.Н. Социальные сети и поведение на рынке труда // Социол. журн. – 2004. – № 1/2.

Тишков В.А. Этнические конфликты в контексте обществоведческих теорий // Социальные конфликты: экспертиза, прогнозирование, технологии разрешения. – М.: ИС и ИЭА РАН, 1992. – Вып. 2. – С. 1.

Тишков В.А. Политическая антропология: курс лекций. Нью-Йорк, 2000. – URL: http://www.valerytishkov.ru/cntnt/publikacii3/knigi/politicheskaya-a.html (дата обращения: 02.10.13)

Тишков В.А. Национализм и выборные кампании // Вестн. российской нации. – 2012а. – № 2/3. – С. 73–90.

Тишков В.А. О чем забыл сказать кандидат в президенты, когда говорил о миграции // Миграция XXI век. – 2012б. – № 1 (10). – С. 4–44.

Тишков В.А. Этнополитический конфликт: системный и антропологический подходы (вместо заключения) // Этничность и религия в современных конфликтах. – М.: Наука, 2012в. – С. 627– 651.

Тишков В.А., Степанов В.В. Измерение конфликта. Методика и результаты этноконфессионального мониторинга Сети EAWARN в 2003 году. – М., 2004. – 322 с.

Тураев В.А. Этнополитология. – М., 2001.

Уаттс Р.Л. Право и разграничение полномочий: канадский опыт в контексте сравнительного анализа. (Из материалов доклада на канадско-российском семинаре по правовым и экономическим аспектам федерализма. Новосибирск, 4–5 сентября, 2003 г.). –Новосибирск, 2013.

Уорхол Э. Философия Энди Уорхола (от А к Б и наоборот). – СПб.: Изд-во «Левша», 2000. – 267 с.

Устойчивое развитие и равенство возможностей: Лучшее будущее для всех. – [Электронный ресурс]. – URL: http://hdr.undp.org/en/reports/global/hdr2011/download/ru/]

Ушаков Д.В. Возможности и перспективы гармонизации межэтнических отношений учащейся молодежи (по результатам социологического исследования в Новосибирске) // Россия – глазами народов Сибири. – Новосибирск. 2012. – С. 64–74

Фадеева О. Межсемейная сеть: механизмы взаимоподдержки в российском селе // Неформальная экономика. Россия и мир / под ред. Т. Шанина. – М.: Логос, 1999. – С. 183–218.

Фанталова Е.Б. Методика «Уровень соотношения «ценности» и доступности в различных сферах // Журн. практ. психолога. – 1996. – № 2.

Федоров Л.А. Диоксины как экологическая опасность: ретроспектива и перспективы. – М. : Наука, 1993. – 266 с.

Фукс Л.П. Расселение в Западной Сибири: Самоорганизация и управление. Итоги и проблемы. – Новосибирск: Изд-во ПРО: Агентство «Сибпринт», 2003. – 216 с.

Фурсенко А.А. Об основных направлениях молодежной политики в Российской Федерации и государственных мерах по ее реализации. – [Электронный ресурс] – URL: http://mon.gov.ru/ruk/ministr/dok/2140, свободный (дата обращения: 10.02.2012).

Харченко И.И. Современная молодежь Сибири: образовательные и профессиональные стратегии / под ред. З.И. Калугиной. – Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2008.

Хухлаев О.Е. Выбор между мультикультурализмом и национализмом как проблема современной молодежи: к постановке вопроса // Социально-психо-

логические проблемы образования: вопросы теории и практики. – М.: МГППУ, 2008. – С. 29–34.

Хухлаев О.Е., Бучек А.А., Зинурова Р.И., Радина Н.К., Тудупова Т.Ц., Хакимов Э.Р. Этнонациональные установки и ценности современной молодежи (на материале исследования студенчества нескольких регионов России) // Культурно-историческая психология. – 2011.– № 4.– С. 98.

Цырлов И.Б. Хлорированные диоксины: биологические и медицинские аспекты: аналит. обзор. – Новосибирск: Изд-во ГПНТБ СО АН СССР, 1990. – 210 с.

Чен П.Т.К., Гоулдстайн М., Роузенвэкс З. Секреты репродуктивной медицины / пер. с англ. – М.: МЕДпресс-информ, 2006. – 448 с.

Черкашина Т.Ю. Личностный потенциал: что ценят в себе современные россияне / Россия и россияне в новом столетии: вызовы времени и горизонты развития: Исследования Новосибирской экономико-социологической школы / отв. ред. Т.И. Заславская, З.И. Калугина, О.Э. Бессонова. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2008. – С. 375–389.

Численность и миграция населения Российской Федерации в 2008 году: стат. бюл. / Федеральная служба государственной статистики. – М., 2009.

Численность и миграция населения Российской Федерации в 2011 году: стат. бюл. / Федеральная служба государственной статистики. – М., 2012.

Чистяков В.М. Сегодняшний кризис в мире и в России: Материалы IX Глобального стратегического форума «Глобальный ландшафт: стратегии после кризиса», 7–9 декабря 2009 г., г. Москва // Актуальная статистика Сибири. – 2009. – № 4. – С. 52–56.

Чичелев М.Е. К вопросу об альтернативе плоской и прогрессивной шкал налогообложения доходов физических лиц // Финансовый вестник. – 2007. – № 17.

Чупров В.И., Зубок Ю.А. Феномен молодежного экстремизма: сущность. формы, социальные детерминанты // Причины распространения этнического экстремизма и ксенофобии среди молодежи (Центральный федеральный округ): Сборник материалов социологического исследования / под ред. Л.Я. Дятченко. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2008.

Шабанов П.Д. Основы наркологии. – СПб.: Лань, 2002. – 560 с.

Шабанова М.А. Экономический и социологический анализ институциональных изменений (возможности интеграции) // Общественные науки и современность. – 2006. – № 6. – С. 65–80.

Шахотько Л.П., Привалова Н.Н. Демографическая безопасность: сущность, задачи, система показателей и механизм реализации// Вопросы статистики. – 2001.– № 7. – С. 16–21.

Шевяков А.Ю. Неравенство доходов как фактор экономического и демографического роста // Инновации. – 2011. – № 1. – С. 7–19.

Шишкин С.В., Бурдяк А.Я., Селезнева Е.В. Различия в доступности медицинской помощи для населения России // SPERO. – 2008. – № 8. – Весна–лето.

Шкаратан О.И. Ожидания и реальность. Социальная мобильность в контексте равенства шансов // Общественные науки и современность. – 2011. – № 1. – С. 5–24.

Штейнберг И. Парадигма четырех «К» в исследованиях социальных сетей поддержки // Социологические исследования. – 2010. – № 5. – С. 40–50

Штомпка П. Социология социальных изменений. – М.: Аспект-Пресс,1996.

Экономика знаний / отв. ред. В.П. Колесов. – М.:ИНФРА-М, 2008.

Экономика Сибири: стратегия и тактика модернизации. – М.: Анкил, 2009.

Экономический кризис 2008 года и его последствия / Доминанты 39 от 7 октября 2010. Источник: http://bd.fom.ru/pdf/d39ekiep10.pdf.
Эксперт Сибирь. 2012. – № 10. 12–18 марта. – С. – 10–16.
Эксперт Сибирь. 2012. – № 27–31. 9 июля – 12 авг. – С. 8–25.
Эксперт Сибирь. 2012. – № 6. 13–19 февр. – С. 10–16.
Эксперт Сибирь. 2012. – № 9. 5–11 марта. – С. 12–16.
Эксперт. 2012. – № 4. 30 янв. – 5 февр. – С. 13.
Эспинг-Андерсен Г. Снова на пути к хорошему обществу? // SPERO. – 2006. – № 5. Осень – Зима. – С. 7– 32.
Этнические группы сибирского мегаполиса: взаимодействие культур, особенности поликультурного и национального образования. – Новосибирск: Изд. АртИнфоДата, 2003. – 176 с.
Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах в 2010 г.: ежегодный доклад Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов / под ред. В.А. Тишкова, В.В. Степанова. – М. ИЭА РАН, 2011. – 513 с.
Якубович В. Институты, социальные сети и рыночный обмен: подбор работников и рабочих мест в России // Экономическая социология: новые подходы к институциональному и сетевому анализу. – М.: РОССПЭН, 2002. – С. 210–248.
Яницкий О.Н. Век риска и неопределенности // Куда пришла Россия? Итоги социетальной трансформации / под общ. ред. Т.И. Заславской. – М.: МВШСЭН, 2003б. – С. 348–353.
Яницкий О.Н. Социология риска: ключевые идеи // Мир России. – 2003а. – № 1. – С. 3–35.
Blau D., Goodstein R. What Explains Trends in Labor Force Participation of Older Men in the United States? / IZA Discussion Paper. 2007. N 2991. August.
Peracchi F., Welch F. Trends in Labor Force Transitions of Older Men and Women // J. of Labor Economics. – 1994. – Vol. 12, N 2. – P. 210–242.
Borraz O. Les politiques du risquй. – P.: Presses de Sciences Po, 2008.
Carlsen E., Giwercman A., Keiding N., Skakkeback N.E. Evidence for decreasing quality of semen during past 50 years // Br. Med. J. – 1992. – Vol. 305. – P. 609–613.
Castells M. The Power of Identity. – Oxford, 1997.
Dialogue au service de la communication interculturelleet inter-religieuse. 2002. – [Electronic version]. – URL:http://www.coe.int/t/dg4/cultureheritage/culture/completed/dialogue/DGIV_CULT_PREV_ICIR(2002)9_Conclusions_F.PDF).
Esping-Andersen G. Social Indicators and Welfare Monitoring // UNRISD Programme Papers on Social Policy and Development. 2000. May. – Paper № 2.
Europeans and the Crisis. Eurobarometer 74.1. November 2010. Brussels. – URL: http://ec.europa.eu/public_opinion/topics/eb741parl_en.pdf (the access date: 22.02.11).
How the Great Recession Has Changed Life in America: a Balance Sheet at 30 Months. Social & Demographic Trends Report, Pew Research Center, June 30, 2010. – [Electronic version]. – URL: http://pewsocialtrends.org/files/2010/11/759-recession.pdf
Livre Blanc sur le dialogue interculturel. Vivre dansl'egaledignite du Conseil de l'Europe, 2008. – [Electronic version]. – URL: http://www.coe.int/t/dg4/intercultural/source/white%20paper_final_revised_fr.pdf
Minorities at Risk Project. (2009) «Minorities at Risk Dataset». College Park, MD: Center for International Development and Conflict Management. – [Electronic version]. – URL: http://www.cidcm.umd.edu/mar.

One Recession, Two Americas. Those Who Lost Ground Slightly Outnumber Those Who Held Their Own. Social & Demographic Trends Report, Pew Research Center, September 24, 2010. – [Electronic version]. – URL: http://pewsocialtrends.org/files/2011/01/The-Two-Recessions-Final.pdf

Ranci C. Social Vulnerability in Europe // Social Vulnerability in Europe: The New Configuration of Social Risks / ed. C. Ranci. – L.: Palgrave Macmillan, 2010. – P. 2–24.

Swan S.H., Elkin E., Fenster L. Response: a reanalysis of sperm density data // Env. Health Persp. – 1998. – Vol. 106. – P. 368–369.

Swan S.H., *Elkin E., Fenster L.* The question of declining sperm density revisited of 101 studies published 1934–1996.r // Env. Health Persp. – 2000. – Vol. 108. – P. 961–966.

Tsui L. Reproducing Social Inequalities through Higher Education: Critical Thinking as Valued Capital // The Journal of Negro Education. – 2003. – Vol. 72, N 3 (Summer). – P. 318–332.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АПК	– агропромышленный комплекс
АСП	– «алкогольный синдром плода»
ВВП	– валовой внутренний продукт
ВИЧ	– вирус иммунодефицита человека
ВМС	– внутриматочные контрацептивные средства
ВНД	– валовой национальный доход
ВОЗ	– Всемирная организация здравоохранения
ГКО	– Государственные краткосрочные облигации
ДБХП	– 1,2-дибром-3-хлорпропан
ДБХП	– дибромхлорпропан
ДДТ	– дихлордифенилтрихлорметилметан
EAWARN	– (The Network Ethnological Monitoring and Early Warning) сеть этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов
ЕС	– Европейский союз
ЖКХ	– жилищно-коммунальное хозяйство
ИАЭТ СО РАН	– Институт археологии и этнографии СО РАН
ИГ СО РАН	– Институт географии им. В.Б. Сочавы СО РАН
ИППП	– инфекции, передаваемые половым путем
ИРЧП	– индекс развития человеческого потенциала
ИСПИ РАН	– Институт социально-политических исследований Российской академии наук
ИЧР	– индекс человеческого развития
ИФиПр СО РАН	– Институт философии и права СО РАН
ИЭА РАН	– Институт этнологии и антропологии Российской академии наук
ИЭОПП СО РАН	– Институт экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения Российской академии наук
КНДР	– Корейская Народно-Демократическая Республика
КНР	– Китайская Народная Республика
МБОУ СОШ	– муниципальное бюджетное образовательное учреждение средняя общеобразовательная школа
МВД	– Министерство внутренних дел
МГППУ	– Московский городской психолого-педагогический университет

МКОУ СОШ – муниципальное казенное общеобразовательное учреждение средняя общеобразовательная школа
ММБР – Международный банк реконструкции и развития
МОТ – Международная организация труда
НГАУ – Новосибирский государственный аграрный университет
НГНОБ – Новосибирская государственная научная областная библиотека
НГПУ – Новосибирский государственный педагогический университет
НГС – Новосибирский городской сайт (www.ngs.ru)
НГТУ – Новосибирский государственный технический университет
НГУ – Новосибирский государственный университет
НСО – Новосибирская область
ООН – Организация Объединенных Наций
ОПЖ – ожидаемая продолжительность жизни
ОЭСР – Организация экономического сотрудничества и развития
ПАУ – полиароматические углеводороды
ПГК – пероральная гормональная контрацепция
ПДК – предельно допустимая концентрация
ПМ – прожиточный минимум
ППС – паритет покупательной способности
ПРООН – Программы развития Организации Объединенных Наций
ПТУ – профессионально-техническое училище
ПХБ – полихлорированные бифенилы
ПХДД – полихлорированных дибензо-*п*-диоксины
ПХДФ – полихлорированные дибензофураны
РМЭЗ – Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения
СВЧ – сверхвысокочастотное излучение
СМИ – средства массовой информации
СОЗ – стойкие органические загрязнители
СПИД – синдром приобретенного иммунного дефицита
СПТУ – среднее или специальное профессионально-техническое училище
БРИКС (англ. BRICS) – группа из пяти быстроразвивающихся стран: Бразилия, Россия, Индия, Китай, Южно-Африканская Республика (Brazil, Russia, India, China, South Africa)
СФО – Сибирский федеральный округ
ФЗУ – фабрично-заводское ученичество
ФМС – Федеральная миграционная служба

ФОМ	– Фонд «Общественное мнение» (частная организация, занимающаяся изучением общественного мнения)
ФСБ	– Федеральная служба безопасности
ЦФО	– Центральный федеральный округ
ЭКО	– экстракорпоральное оплодотворение
ЭНМТ	– экстремально низкая масса тела
2,3,7,8-ТХДД	– 2,3,7,8-тетрахлордибензо-*п*-диоксин

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

ФИО	Степень	Место работы	Город
Антропов Е.В.		Музей города Новосибирска	Новосибирск
Богомолова Т.Ю.	канд. социол. наук	ИЭОПП СО РАН	Новосибирск
Гапак Д.Ю.		НГУ	Новосибирск
Григорьев Ю.А.	д-р мед. наук	НИИ комплексных проблем гигиены и профессиональных заболеваний СО РАМН	Новокузнецк
Захаренков В.В.	д-р мед. наук	НИИ комплексных проблем гигиены и профессиональных заболеваний СО РАМН	Новокузнецк
Калугина З.И.	д-р социол. наук	ИЭОПП СО РАН	Новосибирск
Октябрьская И.В.	д-р ист. наук	ИАЭТ СО РАН	Новосибирск
Пономаренко М.В.		ИАЭТ СО РАН	Новосибирск
Попова Н.Г.		НГПУ	Новосибирск
Рященко С.В.	д-р геогр. наук	ИГ СО РАН	Иркутск
Соболева С.В.	д-р экон. наук	ИЭОПП СО РАН	Новосибирск
Смирнова Н.Е.		ИЭОПП СО РАН	Новосибирск
Фадеева О.П.	канд. социол. наук	ИЭОПП СО РАН	Новосибирск
Черкашина Т.Ю.	канд. социол. наук	ИЭОПП СО РАН	Новосибирск
Чудаева О.В.		ИЭОПП СО РАН	Новосибирск
Шадт А.А.	канд. ист. наук	НГМА	Новосибирск

Perspectives and risks for the development of human potential in Siberia / editor-in-chief V.V. Kuleshov; Russian Academy of Sciences, Siberian Branch, Institute of Economics and Industrial Engineering et al. – Novosibirsk: SB RAS Publishing House, 2014 (SB RAS Integration projects; Issue 47).

The monograph discusses an actual problem of the development of human potential in Siberia. The book is a result of joint research of the Institute of Economics and Industrial Engineering SB RAS, the Institute of Archaeology and Ethnography of SB RAS, V.B. Sochava Institute of Geography SB RAS, Scientific Research Institute of complex problems of hygiene and occupational diseases of the Russian Academy of Medical Sciences. The evaluation of risks for human development in Siberia on micro-, meso- and macro-level is based on the identification of practices of resource mobilization and the use of social infrastructure by the population, as well as on the analysis of demographic processes and the state of the ethno-political and ethno-cultural institutions. Based on the materials of state statistics, sociological research, medical and demographic surveys, the book shows how the explicit risks transform into dangers which is conditioned by the decline of population in the region and destructiveattitudes towards health saving behavior; in the existing institutional conditions, majority of the population of Siberia does not have sufficient opportunities for the development of human potential based on people's own resources, and will not have these opportunities in the future if the institutional conditions remain unchanged. The development of scientifically-grounded solutions is needed to ensure the full realization of possibilities laid in the regional human potential.

The book is intended for sociologists, demographers, ethnographers, specialists in the field of state government, and also a wide circle of readers interested in issues of social and demographic development of Siberia.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ (*Кулешов В.В.*) 5

Раздел 1

МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДИКА ОЦЕНКИ СОЦИАЛЬНЫХ, ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ И ЭТНИЧЕСКИХ РИСКОВ РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА

Глава 1. **СОЦИАЛЬНЫЕ РИСКИ РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА: ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ И ИНДИКАТОРЫ ОЦЕНОК** (*Калугина З.И., Черкашина Т.Ю.*) 13

Глава 2. **РИСКИ В ФОРМИРОВАНИИ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ СРЕДЫ** (*Соболева С.В., Чудаева О.В.*) 26

Глава 3. **ЭТНИЧЕСКИЕ РИСКИ РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА: ТЕОРИЯ И МЕТОДИКИ ОЦЕНКИ** (*Октябрьская И.В., Пономаренко М.В., Шадт А.А.*) 42

Раздел 2

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ РИСКИ ФОРМИРОВАНИЯ И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА В СИБИРИ

Глава 4. **СОЦИАЛЬНЫЕ РИСКИ ВОСПРОИЗВОДСТВА ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА В СИБИРИ** (*Калугина З.И.*) 57

Глава 5. **ГЛОБАЛЬНЫЙ ФИНАНСОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КРИЗИС 2008–2009 гг. КАК РИСК РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА НАСЕЛЕНИЯ** (*Богомолова Т.Ю.*) 76

Глава 6. **СЕМЕЙНЫЕ ПРАКТИКИ ИНВЕСТИРОВАНИЯ В ОБРАЗОВАНИЕ ДЕТЕЙ** (*Черкашина Т.Ю.*) 92

Глава 7. **ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ И КАРЬЕРНЫЙ РОСТ: СУБЪЕКТИВНЫЕ ОЦЕНКИ И РЕАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ** (*Калугина З.И.*) 104

Глава 8. **СОЦИАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ КАК ФАКТОР СМЯГЧЕНИЯ РИСКОВ НА РЫНКЕ ТРУДА** (*Фадеева О.П.*) 116

Глава 9. **РАБОТА НА ПЕНСИИ: ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА ЗА ГРАНИЦАМИ ПЕНСИОННОГО ВОЗРАСТА** (*Черкашина Т.Ю.*) 131

Глава 10. **ПРИРОДНО-РЕКРЕАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ СИБИРИ И ЕГО ДОСТУПНОСТЬ ДЛЯ НАСЕЛЕНИЯ РЕГИОНА** (*Рященко С.В.*) 143

Раздел 3

РИСКИ ФОРМИРОВАНИЯ ЗДОРОВЬЯ И ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА РЕГИОНА

Глава 11. **ФОРМИРОВАНИЕ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА СИБИРИ** (*Соболева С.В., Чудаева О.В., Смирнова Н.Е.*) 161

Глава 12. **РЕПРОДУКТИВНОЕ ЗДОРОВЬЕ КАК ВАЖНЕЙШАЯ КАЧЕСТВЕННАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ВОСПРОИЗВОДСТВА НАСЕЛЕНИЯ** (*Григорьев В.В., Захаренков В.В.*) 192

Глава 13. **ЗДОРОВЬЕ НАСЕЛЕНИЯ СИБИРИ** (*Соболева С.В., Чудаева О.В., Смирнова Н.Е.*) 227

Глава 14. **СЕМЕЙНЫЕ ПРАКТИКИ ПОДДЕРЖАНИЯ ЗДОРОВЬЯ** (*Черкашина Т.Ю.*) 255

Раздел 4

ЭТНИЧЕСКИЕ РИСКИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Глава 15. **ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЕ РИСКИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ СИБИРИ** (*Октябрьская И.В., Шадт А.А.*) 267

Глава 16. **ДИНАМИКА ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В СИБИРИ: ОЦЕНКА РИСКОВ** (*Октябрьская И.В., Антропов Е.В., Смирнова Н.Е.*) 287

Глава 17. **ВЫЗОВЫ И РИСКИ В СВЯЗИ С ПРОБЛЕМОЙ МИГРАЦИИ ДЛЯ ЭТНОСОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЫ РЕГИОНА** (*Октябрьская И.В., Антропов Е.В.*) 303

Глава 18. **ТОЛЕРАНТНОСТЬ И МИГРАНТОФОБИЯ В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ (НА МАТЕРИАЛАХ ИССЛЕДОВАНИЙ В НОВОСИБИРСКЕ И НОВОСИБИРСКОЙ ОБЛАСТИ)** (*Гапак Д.Ю., Попова Н.Г.*) 316

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. О ВЕКТОРАХ СОЦИАЛЬНОЙ И ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ (*Богомолова Т.Ю., Калугина З.И. (1); Соболева С.В., Чудаева О.В.* (*2*)) 330

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ 345

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ 360

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ 363

CONTENTS

INTRODUCTION (*Kuleshov V.V.*) **5**

Part 1

METHODOLOGY AND METHODS FOR THE ASSESSMENT OF SOCIAL, DEMOGRAPHIC AND ETHNIC RISKS FOR THE DEVELOPMENT OF HUMAN POTENTIAL

Chapter 1. **SOCIAL RISKS FOR THE DEVELOPMENT OF HUMAN POTENTIAL: KEY CONCEPTS AND INDICATORS** (*Kalugina Z.I., Cherkashina T.Yu.*) 13

Chapter 2. **RISKS RELATED TO THE FORMATION OF DEMOGRAPHIC ENVIRONMENT** (*Soboleva S.V., Chudaeva O.V.*) 26

Chapter 3. **ETHNIC RISKS FOR THE DEVELOPMENT OF HUMAN POTENTIAL: THEORY AND METHODS OF ASSESSMENT** (*Oktyabrskaya I.V., Ponomarenko M.V., Shadt A.A.*) 42

Part 2

SOCIAL AND ECONOMIC RISKS FOR THE FORMATION AND USE OF HUMAN POTENTIAL IN SIBERIA

Chapter 4. **SOCIAL RISKS FOR THE REPRODUCTION OF HUMAN POTENTIAL IN SIBERIA** (*Kalugina Z.I.*) 57

Chapter 5. **GLOBAL FINANCIAL AND ECONOMIC CRISIS OF 2008–2009 AS RISK FOR THE DEVELOPMENT OF HUMAN POTENTIAL** (*Bogomolova T.Yu.*) 76

Chapter 6. **FAMILY PRACTICES OF INVESTMENT INTO THE EDUCATION OF CHILDREN** (*Cherkashina T.Yu.*) 92

Chapter 7. **CAREER AND PROFESSIONAL GROWTH: SUBJECTIVE EVALUATIONS AND REAL PRACTICES** (*Kalugina Z.I.*) 104

Chapter 8. **SOCIAL CAPITAL AS FACTOR OF REDUCING RISKS AT THE LABOR MARKET** (*Fadeeva O.P.*) 116

Chapter 9. **EMPLOYMENT OF PENSIONERS: THE USE OF HUMAN POTENTIAL BEYOND THE BOUNDARIES OF THE RETIREMENT AGE** (*Cherkashina T.Yu.*) 131

Глава 10. **NATURAL AND RECREATIONAL POTENTIAL OF SIBERIA, AND ITS AVAILABILITY FOR THE POPULATION IN THE REGION** (*Ryaschenko S.V.*) 143

Part 3

RISKS RELATED TO THE FORMATION OF HEALTH AND DEMOGRAPHIC POTENTIAL IN THE REGION

Chapter 11. **THE FORMATION OF DEMOGRAPHIC POTENTIAL IN SIBERIA** (*Soboleva S.V., Chudaeva O.V., Smirnova N.E.*) 161
Chapter 12. **REPRODUCTIVE HEALTH AS KEY QUALITATIVE COMPONENT OF POPULATION REPRODUCTION** (*Grigoriev Y.A., Zakharenkov V.V.*) . . 192
Chapter 13. **HEALTH OF THE POPULATION OF SIBERIA** (*Soboleva S.V., Chudaeva O.V., Smirnova N.E.*) 227
Chapter 14. **FAMILY PRACTICES OF HEALTH MAINTENANCE** (*Cherkashina T.Yu.*) 255

Part 4

ETHNIC RISKS FOR HUMAN DEVELOPMENT

Chapter 15. **ETHNO-POLITICAL RISKS FOR SOCIAL AND ECONOMIC DEVELOPMENT OF SIBERIA** (*Oktyabrskaya I.V., Shadt A.A.*) 267
Chapter 16. **DYNAMICS OF ETHNO-DEMOGRAPHIC PROCESSES IN SIBERIA: RISK EVALUATION** (*Oktyabrskaya I.V., Antropov E.V., Smirnova N.E.*) 287
Chapter 17. **CHALLENGES AND RISKS FOR THE ETHNO-SOCIAL SPHERE OF THE REGION, RELATED TO THE PROBLEM OF MIGRATION** (*Oktyabrskaya I.V., Antropov E.V.*) 303
Chapter 18. **TOLERANCE AND MIGRANTOPHOBIA AMONG YOUTH (BASED ON THE MATERIALS OF RESEARCH IN NOVOSIBIRSK AND NOVOSIBIRSK REGION)** (*Gapak D.Yu., Popova N.G.*) 316

CONCLUSION. TO THE VECTORS OF SOCIAL AND DEMOGRAPHIC POLICY (*Bogomolova T.Yu., Kalugina Z.I. (1); Sovoleva S.V., Chudaeva O.V.(2)*) 330

BIBLIOGRAPHY 345

LIST OF ABBREVIATIONS 360

INFPRMATION ABOUT AUTHORS 363

Научное издание

Перспективы и риски развития человеческого потенциала в Сибири

Интеграционные проекты СО РАН
Вып. 47

Редактор *В.И. Смирнова*
Художественный редактор *М.Г. Рудакова*
Оператор электронной верстки *Е.Н. Зимина*

На обложке монографии фотография *И.В. Веремеенко* «Дорога» (Северный район, Новосибирская область, октябрь 2012 г.) с фотоблога RODINKINAKARTE.RU. Размещена с разрешения автора

Подписано в печать 12.01.2014.
Уч.-изд. л. 30,0. Усл. печ. л. 30,5. Формат 70×100 1/16.
Печать офсетная. Тираж 430 экз. Заказ № 270.

Издательство СО РАН
630090, Новосибирск, Морской просп., 2
E-mail: psb@sibran.ru
Тел.: (383) 330-80-50
Отпечатано в Издательстве СО РАН
Интернет-магазин Издательства СО РАН
http://www.sibran.ru